

*Наилучшей моей половине,
Лике Кочневой, без которой
никогда бы не появилась эта книга,
с бесконечной нежностью, любовью
и признательностью.
Наслаждаясь счастьем быть
с тобой рядом, понимаешь,
почему говорят «прекрасный пол»
и «красота спасет мир»...*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б.Д. КОЧНЕВ

**НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
КАРАХАНИДСКОГО
КАГАНАТА
(991 – 1209 гг.)**

ЧАСТЬ I

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Москва — 2005

ББК .....

Ответственный редактор В.Н.Настич

Рецензенты:

член-корреспондент АН ТаджССР, профессор Б.А. Литвинский;
доктор исторических наук, профессор Е.А. Давидович

Кочнев Борис Дмитриевич. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Часть I. Источниковедческое исследование / Ответ. редактор В.Н. Настич. Рецензенты — Б.А. Литвинский, Е.А. Давидович. [Научное издание]. — М.: «Евразия», 2005. — xxx+314 с.

Первое в отечественной и мировой науке монографическое исследование политической и социально-иерархической истории государства Караханидов (Средняя Азия и Южный Казахстан), осуществленное на основе сохранившихся нумизматических памятников с привлечением других письменных источников и археологических данных. В книге скрупулезно анализируется богатейший репертуар имен и титулов караханидских правителей, упоминавшихся на монетах; выявляются и аргументированно исправляются многочисленные ошибки, допущенные в публикациях различных авторов вследствие беспримечной сложности исследуемого материала. На базе комплекса нумизматических и других источников Б.Д. Кочнев реконструирует ход исторических событий в регионе, структуру власти в Караханидском каганате, взаимоотношения правителей между собой и с соседними государствами Центральной Азии в конце X — начале XIII вв.

ISBN

©

ОГЛАВЛЕНИЕ

Борис Дмитриевич КОЧНЕВ	vii
От рецензента	xiv
От издателя	xvii
Библиография научных трудов Б.Д.Кочнева по истории и нумизматике Караханидов	xix
ВВЕДЕНИЕ	2
Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ .	13
Репертуар и формуляр монетных надписей	13
Формуляр монетных легенд	15
Язык монетных надписей	55
Художественное оформление монет	57
Вопросы классификации караханидских монет	62
Глава 2. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ	67
Методы идентификации монетной титулатуры	68
Методы определения статуса	78
Методы хронологического определения монет	102
Методы определения места выпуска	111
Критика монетного текста	116
Глава 3. АТРИБУЦИЯ МОНЕТНЫХ ИМЕН И ТИТУЛАТУРЫ	131
Единый Караханидский каганат	131
Западный каганат	136
Восточный каганат	144
Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА	148
Окончательное завоевание Мавара'аннахра	153
Первые годы после завоевания Мавара'аннахра	159
Война между Ахмадом б.'Али и Насром б.'Али	162
События после смерти Насра б.'Али	165
Каганат при Арслан-хане Мансуре	170
Усиление «Хасанидов»	174
«Хасаниды» во главе каганата	177
Последние годы единого каганата	184
Разделение Караханидского государства на Западный и	
Восточный каганаты	191
Восточный каганат после 431/1040 г.	193

Западный каганат при Ибрахиме б.Насре	207
Первые преемники Ибрахима б.Насра	210
Караханиды и Сельджукиды	213
Караханиды и карахытай	223
Караханиды и Гуриды	230
Караханиды и Ануштегиниды	231
Караханиды и бухарские садры	237
Восточный каганат в XII — начале XIII в.	243
Глава 5. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	
КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ	
ДАННЫЕ	244
Политический строй. Структура власти	244
Правители некараханидского происхождения	
в составе каганата	252
Институт феодальных пожалований	260
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Таблица 1. Генеалогия первых Караханидов	271
Таблица 2. Генеалогия «Алидов»	272
Таблица 3. Генеалогия «Хасанидов»	273
Использованная литература	274
Список сокращений	284
Указатели	286
Именной указатель (личные имена, лакабы,	
сословные титулы, названия династий)	286
Топонимический указатель	307
Монетные клады, упоминаемые в работе	312

Борис Дмитриевич КОЧНЕВ

Коварный недуг прервал на самом высоком взлете жизненный и творческий путь Бориса Дмитриевича Кочнева — выдающегося специалиста по археологии и нумизматике средневековой Средней Азии. Он скончался 3 марта 2002 года в госпитале имени Рамбама в Хайфе (Израиль) после года отчаянной борьбы с мучительной и беспощадной болезнью. До самого последнего дня, преодолевая боль и слабость, Борис продолжал работать над монографией «Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209)», и только поставив последнюю точку в главном труде своей жизни, он позволил себе уйти навсегда.

Б.Д. Кочнев родился 30 октября 1940 г. в г.Костино Московской области. Школьные годы Бориса прошли в столице Киргизии Фрунзе (ныне Бишкек), куда был аккредитован его отец, известный в то время журналист Д.Д. Кочнев. Богатая древностями киргизстанская земля буквально очаровала пытливого юношу, на всю жизнь предопределив его профессиональный путь. После окончания школы в 1958 г. Борис поступает на исторический факультет КирГУ, но уровень и объем получаемых здесь знаний его не удовлетворяют, и вскоре он переводится на кафедру археологии Средней Азии Ташкентского Государственного университета, которую возглавлял уже знаменитый в то время профессор М.Е. Массон. Окончив факультет и аспирантуру, Борис возвращает-

---

ся в г. Фрунзе, где несколько лет работает ученым секретарем республиканского общества охраны памятников истории и культуры и заместителем директора Государственного исторического музея Киргизской ССР.

Успешно защитив в 1971 г. кандидатскую диссертацию по теме «Мусалла Средней Азии и их место в исторической топографии феодального города», Б.Д.Кочнев переезжает в Самарканд; с тех пор и почти до последних дней его жизнь и научная деятельность связаны с Институтом археологии АН Узбекистана. Он активно участвует в археологических экспедициях, обследованиях и раскопках памятников Бухарской, Самаркандской и Кашкадарьинской областей, проводит большую работу в составе авторского коллектива по подготовке свода археологических памятников Каршинского оазиса. Ему принадлежит заслуга профессионального отождествления с сохранившимися городищами нескольких средневековых исторических объектов, известных по письменным источникам, — в частности, селений Афарун и Баштан.

Обширные знания, высокая внутренняя дисциплина и навыки полевой работы обещали Борису Дмитриевичу блестящую археологическую карьеру. Однако довольно скоро он осознал, что, несмотря на большой интерес и несомненные успехи, «чистая» археология — не его призвание. Однажды, в который раз держа в руках позеленевшие кружки древних монет с загадочными куфическими надписями, он вдруг почувствовал, что с этого момента его судьба прочно и навсегда пересекается с одним из самых сложных и запутанных ответвлений восточной нумизматики — караханидскими монетами и династийно-политической историей государства Караханидов.

Судьбе было угодно, чтобы внезапно вспыхнувшее увлечение новым неизведанным материалом с годами переросло в «высший пилотаж» профессионала мирового класса, а наши, в общем-то, довольно скудные знания об этой династии, от которой почти не осталось традиционных письменных памятников, во многом благодаря многолетней кропотливой аналитической работе Бориса Дмитриевича выстроились в системный ряд, не уступающий давно и хорошо разработанным исследованиям по средне-

---

вековой истории многих других азиатских государств. Именно его работы — вслед за трудами Е.А. Давидович — послужили неопровержимым доказательством того, что применительно к домонгольской Средней Азии нумизматический фонд должен считаться не просто «вспомогательной исторической дисциплиной», как это настойчиво предлагалось в советское время, а полноценным фундаментальным историческим источником, по информативности не только сопоставимым с традиционными письменными памятниками, но в данном случае далеко их превосходящим. И тем более удивительно и достойно восхищения, что таких высот в науке, требующей глубоких специальных познаний и в классическом арабском, и в тюркских языках, и в средневековой восточной письменности, Борис сумел достичь, не имея базового востоковедного образования и освоив все эти сложнейшие материи лишь благодаря своему таланту исследователя, беспримерной настойчивости и трудолюбию. Поэтому и защита докторской диссертации «Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование» в Институте востоковедения РАН в 1993 г. явилась для Бориса «торжественной формальностью», лишь подчеркнувшей его высокий статус ученого с мировым именем, которым он к тому времени уже бесспорно обладал.

Из-под его плодовитого пера вышли и увидели свет более 190 научных статей, публикаций и тезисов докладов, а также около 200 научно-популярных заметок в периодической печати. Еще несколько своих работ, выход которых уже осуществлен или вскоре предстоит в издательствах разных стран, в том числе и завершённую монографию, ему уже не доведется увидеть напечатанными.

Удивительная научная продуктивность и многочисленные открытия, сделанные Борисом Кочневым в избранной им области знания, естественно, не могли остаться незамеченными международной научной общественностью, и в 1994 г. Французская Академия наук удостоивает его престижной премии имени Друэна.

Возможно, эти слова доброй памяти о друге и коллеге покажутся несколько преувеличенными, создавая некий образ уникально-

го специалиста, равных которому в его отрасли нет. Конечно, это не совсем так. Борис Дмитриевич всегда подчеркивал, что своей высокой квалификацией археолога и нумизмата он в значительной степени обязан академику Михаилу Евгеньевичу Массону, которого он называл не иначе как «мой дорогой Учитель». Трудно переоценить роль, которую сыграла в его становлении профессор Елена Абрамовна Давидович — путеводная звезда для целой плеяды отечественных нумизматов, бессменный наставник и строгий, но справедливый критик всех наших просчетов и «завихрений». Наконец, научный путь Б.Д.Кочнева едва ли стал бы настолько успешным без М.Н.Федорова — тоже ученика М.Е. Массона, чья обильная, но во многом спорная и методологически несостоятельная научная продукция в области караханидской нумизматики всегда служила Борису Дмитриевичу напоминанием о том, как, по его словам, работать нельзя, а необходимость регулярного исправления многочисленных ошибок в публикациях киргизстанского, а впоследствии германского коллеги — «допингом» для непрерывного научного роста и самосовершенствования.

В глазах друзей и коллег, знавших его близко, Борис был и навсегда останется Гроссмейстером, чья научная биография состоялась полностью. Но он был и живым человеком — умным, открытым, благородным, неизменно доброжелательным и отзывчивым, настоящим другом для своих друзей. Он не был чужд и простых житейских радостей: любящий муж и заботливый отец, неутомимый путешественник, особенно любивший побродить по горам, веселый рассказчик и благодарный слушатель, ценитель тонкого юмора, умело сочетавший искрометное застолье с удивительно глубокими философскими дискурсами — таким останется Борис в памяти тех, кому посчастливилось встретиться с ним на жизненном пути и быть его друзьями, и кому теперь его так не хватает...

* * *

Борис Дмитриевич ушел от нас, полный новых идей и творческих замыслов. Эта книга, представляемая на суд внимательного и благосклонного читателя — последнее, что он успел завершить.

Зная, в каком состоянии писал он свои последние в жизни строки, можно только удивляться, до какой степени продуман, логически связан и четко сформулирован текст монографии, насколько мало в нем потребовалось редакторской правки. В основном она свелась к технической корректуре после компьютерного набора, сверке и уточнению дат по хиджре, изменению нескольких терминов¹, добавлению в ряде случаев диакритических знаков для уточнения транскрипции восточных имен и реалий (апострофы ' и ' для передачи арабских фонем *хамза* и *'айн*, знак " *Umlaut* для переднерядных гласных в тюркских именах и т.п.) и расшифровке многочисленных сокращений, к которым Борис был вынужден прибегнуть в условиях жестокого цейтнота, чтобы успеть закончить исследовательскую часть своего труда. В целом сохранен и авторский стиль текста, — возможно, в некоторых местах чуть более легкий и просторечный, чем это принято в строго научных изданиях, но несравненно лучше передающий живой и общительный характер автора, чем сухие и во многом обезличенные «академические» строки. Разумеется, остались нетронутыми и слова посвящения родным и близким, и фразы, в которых Борис предстает перед нами живым и полным творческих сил, готовым к дальнейшей кропотливой работе исследователя и публикатора.

К сожалению, нам не удалось раскрыть несколько указаний на цитируемые восточные источники и зарубежные издания, помещенных в тексте монографии в кодированном виде с отсылками к списку литературы, в котором эти издания не приведены; не оказалось их ни в дополнительной библиографии к черновику рабо-

¹ В последних статьях Бориса Дмитриевича проявилась тенденция к академически точной (фонематической) передаче ряда восточных слов — в частности, широко употребляемых названий денежных номиналов *дирхам* и *фалс*, а также ряда имен, титулов и топонимов (напр., *Хусайн*, *Сулайман*; или; *Кармина*, *Киш* и мн. др.), которые в авторской передаче выглядят менее привычными, чем в общепринятой орфографии, приближенной к реальному произношению и ставшей уже традиционной. Такая же транскрипция применена им и в тексте настоящей монографии. И хотя в научной литературе все эти имена и термины обычно применяются, возможно, в фонематически менее точной, но давно укоренившейся привычной форме (*дирхем*, *фельс*; *Хусейн*, *Сулейман*; *илек*; *Кермине*, *Кеш* и т.п.), здесь сочтено целесообразным сохранить их в авторской передаче. Тем не менее, некоторые исторические топонимы — в частности, *Фергана*, *Узгенд* и *Герат*, относящиеся и к современным объектам, восстановлены в общепринятом виде, соответствующем требованиям официально утвержденной картографической таксономии. То же касается арабского термина *кунья*, склонение которого в таком виде по нормам русской морфологии выглядит нелепым, поэтому ему возвращена форма *кунья*, в целом сохраняющая его фонематический облик, но более приемлемая орфографически.

ты, ни в других доступных нам подготовительных авторских материалах. Очевидно, Борис Дмитриевич упомянул их по памяти в расчете на то, что они будут раскрыты при окончательной доработке текста, но не успел этого сделать.

Тяжелая болезнь и скоропостижная кончина не позволили автору завершить подготовку второй части труда, органически вытекавшей из смысла всей его работы — иллюстрированного корпуса караханидских монет. Излишне упоминать, насколько важна публикация конкретных монет с изображениями и чтением надписей в любой работе по восточной нумизматике, а тем более караханидской, где даже единичные находки нередко открывали новую страницу, а подчас и целый раздел в истории этого среднеазиатского государства. Всецело осознавая важность такого дополнения, коллеги и друзья Бориса Дмитриевича приняли решение подготовить его своими силами — естественно, в пределах своих возможностей, а также с учетом того, что многие из обследованных автором в свое время нумизматических объектов теперь по разным причинам оказались недоступными. Однако эта почти непосильная задача в значительной мере облегчается благодаря тому, что среди рабочих материалов Б.Д. Кочнева сохранилась подробнейшая картотека, которую он вел в течение многих лет и в которой собраны и систематизированы фиксации подавляющего большинства монет, когда-либо им просмотренных, с указанием мест хранения и карандашными протирками конкретных экземпляров. Кроме того, им подготовлен уникальный по замыслу и беспрецедентный по информативности «Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура»². На основе этих и ряда других материалов планируется сформировать и ориентировочно в 2008 г. сдать в печать оригинал-макет сводного каталога караханидских монет, иллюстрации к которому будут подбираться нами из всех доступных источников. Сейчас трудно сказать, какой вид приобретет в итоге такая работа: будет ли это действительно достаточно полный корпус караханидской нумизматики, или же нам придется ограничиться оформлением альбома фотографий и прорисовок только тех мо-

² Опубликовано в серии ВИИСИД (М.: ИВ РАН), вып. 4, 1995, с. 201–278; вып. 5, 1997, с. 245–314; вып. 6, 2004, с. 261–291. — *Список сокращений см. в конце книги.*

нет, которые удастся отыскать и воспроизвести. Но даже если в процессе подготовки иллюстративного приложения к «Нумизматической истории Караханидского каганата» (часть 2) составители будут вынуждены придать ему вид альбома, они приложат все усилия, чтобы и в таком виде оно стало максимально информативным органическим продолжением публикуемого здесь текста монографии.

В дальнейшем, если позволят обстоятельства, будет издано отдельной книгой собрание нумизматических статей Бориса Дмитриевича, включая оставшиеся в рукописях и опубликованные преимущественно за границей на иностранных языках и поэтому в большинстве своем недоступные широкой русскоязычной читающей публике. Понимая, что в нынешних условиях осуществить такое намерение по многим причинам очень непросто, мы все же надеемся, что рано или поздно и современники, и далекие потомки получат возможность пользоваться «Собранием сочинений» Б.Д. Кочнева, а само издание его трудов в единой серии станет достойным памятником выдающемуся ученому — историку, археологу, нумизмату и Человеку.

В.Н.Настич

От рецензента

Вскоре после того, как Борис «появился на нумизматической арене», начали множиться его статьи по караханидской нумизматике. Это было время, когда в республиках Средней Азии, особенно в Узбекистане, обнаруживали все больше кладов и отдельных монет среднеазиатских династий всех времен. Как-то я спросила Бориса, почему он фактически все свое время и все свои усилия отдает именно караханидским монетам. Он ответил, что это ему интересно, и даже глаза при этом загорелись... Я поняла его, ибо, действительно, нет среди мусульманских монет Средней Азии более трудных и потому действительно более интересных для атрибуции монет, каждая — загадка.

Надписи караханидских монет открывают большой простор для фантазии и — уввы! — фантастики. Сколько персон упомянуто в надписях, кому принадлежат многочисленные и разнообразные титулы, какие отношения между упомянутыми лицами, кто действительный владетель города (области), кто сюзерен, а кто остальные? Кто глава династии и упомянут ли он на монете, кто удельный владетель, как разграничить реальную и номинальную силу и власть? Между тем уже было известно, что члены династии не всегда носили один и тот же титул, по мере продвижения по иерархической лестнице титулатура менялась, повышалась. Следовательно, один и тот же титул на разных и даже хронологически близких монетах мог принадлежать разным лицам. И нельзя было исключить, что разные члены династии в своих уделах одновременно могли носить одинаковый титул.

Караханидские монеты — сплошные «ловушки», их изучение требует неторопливости, осторожности, умения отказаться от соблазнительных выводов, понять их преждевременность.

Да, изучение караханидских монет — это, прежде всего, умение избегать «ловушек», не спешить с выводами, умение ждать новых материалов. И Борис прошел длинный путь учебы, накопления опыта от увлеченной «доверчивости» до великой осторожности и точности. Прежде всего, нельзя не отметить, что он проявлял недюжинную настойчивость в обнаружении и изучении все нового и нового материала.

Он проработал не только коллекции караханидских монет в крупных музеях Москвы и Ленинграда (Петербурга), Ташкента и Самарканда, но не упустил ничего и в маленьких коллекциях областных музеев Средней Азии. Это, естественно, мог и должен был бы сделать каждый не ленивый нумизмат-ученый. Но заслуживает удивления и восхищения, сколько усилий Борис прилагал, чтобы не упустить никакой новой находки — клада или отдельной монеты, которые расходились по рукам находчиков и свидетелей находки и никогда не попали бы в музеи без его усилий. Обаятельный человек, он смог в те времена, когда нумизматы-коллекционеры скрывали свои монетные накопления, найти с ними общий язык, обрабатывать монеты и в частных коллекциях. Мы часто переписывались, пространные письма Бориса сообщали мне удивительные новости обо всех монетных находках, которые без его неустанным внимания не стали бы достоянием науки.

Таким образом, исследовательская работа Бориса опиралась на большой и все растущий материал. В процессе изучения и публикации караханидских монет он постепенно, шаг за шагом научился тому, что является необходимым и оговоренным выше условием достоверности выводов: осторожности, умению избегать «ловушек», умению различать «напрашивающиеся» скороспелые суждения от возможности достоверных выводов, умению не стремиться к окончательным решениям, не обеспеченным материалом, т.е. трудному умению, если нужно, ждать...

Борис опубликовал много статей по разным вопросам караханидской нумизматики и династийно-политической истории (см. библиографию). На раннем этапе своего творчества он иногда спешил с выводами. Я редактировала и рецензировала некоторые его статьи, подробно в письмах рассматривала упущения в аргументации и не-

---

которые ошибки в выводах. Наверное, это огорчало его, но он внимательно рассматривал и учитывал все замечания. А потом пришло время, когда его статьи уже не требовали критики, лишь иногда давали повод для полемики.

В свое время Борис защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, в качестве оппонента у меня нашлись лишь мелкие несогласия. Не знаю, почему Борис сразу же не доработал диссертацию, чтобы опубликовать ее в виде книги, диссертация и особенно книга сразу стала бы важной вехой в изучении нумизматики и истории Караханидов. Видимо, он ждал, что появятся новые материалы и дадут ему возможность заполнить некоторые лакуны, кое-что уточнить.

Борис начал писать книгу, когда тяжело заболел, когда времени оставалось совсем мало. Тем не менее он выстроил прекрасный и логичный план книги, исследовал в ней методы работы с караханидскими монетами, караханидские монеты как объект (источниковедческий уровень) и как исторический источник. Но мало, мало было времени, и это заметно. Если в первых главах выводы и полемика обеспечены аргументами и ссылками на литературу, то затем часто остаются только ссылки, а то и их нет. И даже опущен некоторый материал. Например, в нескольких местах (особенно в главах 3–4) фигурирует владетель Узденда Ахмад б. Ибрахим, но на всех его многочисленных монетах этого мусульманского имени нет, только титулатура. Не упомянуто, что в 607 г.х. он выпускал в Узденде монеты с именем Мухаммада б. Текеша как своего сюзерена, и т.д. Но все это и многое другое, не вошедшее в книгу, есть в статьях Бориса. Статьи — это база, фундамент. Нумизматы и историки, которые будут обращаться к книге, должны это помнить: если их интересует какой-либо вопрос в деталях, они должны обращаться к статьям. Поэтому было бы очень удобно для всех пользователей, если бы сразу издать двухтомник: том 1 — книга, том 2 — статьи. Это было бы фундаментальное издание, незаменимый и полный исторический источник.

Но закончить рецензию я хочу словами признательности и изумления, что у Бориса достало мужества и стойкости сделать то, что он сделал. Ведь он писал свою книгу наперегонки со смертью. И он обогнал.

Профессор Елена А. Давидович

От издателя

Так случилось, что книгу, которую вы держите в руках, по разным причинам удалось издать только сейчас, несмотря на то, что написана она была в конце февраля 2002 года. Но я рад, что это наконец произошло и книга у Вас в руках. Я не буду говорить об огромном значении содержания этой книги с научной точки зрения, поскольку мне трудно об этом судить. Я хочу сказать несколько слов об авторе — с обычной, человеческой точки зрения.

Борис Дмитриевич Кочнев был для меня просто папой. Не ученым с мировым именем, не Профессионалом с большой буквы, а именно любимым папой. Он действительно был Человеком — именно так, с большой буквы. Всегда готовый помочь и абсолютно безотказный. Всегда с удовольствием хохочущий, весело кидаящийся в авантюры и приключения. Необыкновенно гостеприимный и хлебосольный. Любителю шумных, людных и бесшабашных застолий. С детства он очень любил бродить по горам, приучил к этому и научил их любить — и меня, и огромное количество знакомых, друзей, приятелей. До сих пор, когда где-нибудь в крымских, кавказских или среднеазиатских горах собирается компания из людей, которые ходили с ним вместе, то обязательно звучит тост «за Бориса Дмитриевича». Именно тост, а не поминание, ведь он сам так не любил закоснелые традиции, а его любимым фильмом был «Не горюй!» Дanelии, особенно сцена, где один из героев репетирует собственные похороны и просит, чтобы гости на его похоронах не плакали, а пели, пили и веселились.

Количество его друзей по всей территории нашей планеты не поддается исчислению. Он очень легко находил общий язык с самыми разными людьми, невзирая на возраст и социальное положение. Когда я уехал из Самарканда на учебу, почти все мои друзья с удовольствием продолжали собираться у нас дома, но уже приходя в гости к папе и маме. И папа все так же продолжал собирать всю мою туристическую компанию и водил ее в горы.

Я до сих пор не привык к тому, что его нет, до сих пор мысленно веду с ним споры и беседы на самые разные темы. Очень часто, оценивая какое-нибудь событие, пытаюсь рассматривать его так, как увидел бы его папа. Встречаясь с людьми, с которыми он дружил или много общался, обращаю внимание, что и в них проскальзывают знакомые жесты и высказывания. Это прекрасно, что он оставил живой след не только в своих детях, но и в друзьях, в хороших знакомых. Когда такие люди уходят из нашей реальности, в нас еще долго светится их отражение — как след кометы на ясном ночном небе.

Папа был наделен необыкновенной внутренней силой. Особенно это проявилось в последние годы, когда он уже был болен. 9 лет он боролся с болезнью, и 9 лет никто из окружающих не догадывался, что он болен, потому что внешне это никак не проявлялось. Эти 9 лет оказались и самыми яркими, самыми плодотворными для него. И только в последние полгода болезнь подступила всерьез и, к сожалению, победила. Папа много лет вынашивал замысел этой книги, подступал к ней и опять откладывал. И лишь когда стало понятно, что финал не за горами, он взялся за нее. Написана она была чуть больше, чем за месяц. И он успел... Поставил точку, отдал рукопись мне, и через 4 дня его не стало.

Один из наших израильских друзей, рассказывая своему руководителю о папе, сказал: «Борис пишет книгу наперегонки со смертью». После похорон, когда его спросили: «Ну что, кто кого?», прозвучал ответ: «Он — её». Успел. И теперь его книга — перед вами.

Глеб Кочнев

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Б.Д.КОЧНЕВА ПО ИСТОРИИ И НУМИЗМАТИКЕ КАРАХАНИДОВ³

I. Изданные работы

1970 г.

1. Где же стоял Баласагун? // ЛК. № 6. С. 98–100.

1974 г.

2. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии // НЭ. Т. XI. М. С. 179–195 (совместно с М.Н.Федоровым).

1975 г.

3. Монеты с именем султана Санджара из Бухары // Известия АН ТуркмССР. Серия обществ. наук. № 2. С. 68–70.

³ Библиография составлена В.Н.Настичем при содействии Е.А. Давидович, А.Х.Атаходжаева, Л.С. Баратовой и А.И. Наймарка. В список не включены многочисленные мелкие научно-популярные заметки, опубликованные в периодических изданиях Узбекистана и Киргизии.

Борис Дмитриевич всегда отличался высокой творческой продуктивностью, феноменально возросшей в последние годы. Сейчас невозможно выяснить, сколько статей и заметок, которые он разослал в различные издания (по прогнозу А.И.Наймарка, их не менее 20), а также оставшихся в его «портфеле», ждут своего часа и будут опубликованы в обозримом будущем. Поэтому надо ожидать, что окончательный список научных трудов Б.Д.Кочнева со временем будет существенно дополнен.

4. К истории денежного обращения в Средней Азии в XI–XII вв. // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент. С. 170–175.
5. Кирпичный намогильник XI века с городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 4. Ташкент. С. 123–127.
6. Находки монет конца X — начала XIII вв. на Афрасиабе // Там же. С. 69–76 (совместно с Т.С. Ерназаровой).

1978 г.

7. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 1 (Саманиды, Караханиды, Джаниды) // ИМКУ. Вып. 14. Ташкент. С. 120–131.
8. Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1969–1972 гг. // ОНУ. № 3. С. 65–68 (совместно с Т.С. Ерназаровой, Э.В. Ртвеладзе, М.Н. Фёдоровым).
9. Монетные находки с Кендыктепе // Древности Туябугуза (совместно с Т.С. Ерназаровой). Ташкент. С. 121–156.
10. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов // История и археология Средней Азии. Ашхабад. С. 20–225.

1979 г.

11. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 2 (Караханиды) // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент. С. 120–138.
12. Древнейшие караханидские монеты // Там же. С. 142–152 (совместно с С. Ишанхановым).
13. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным) // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент. С. 110–166.

1980 г.

14. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литература и история. ТД. Ташкент. С. 147–149.

1981 г.

15. О степени достоверности надписей раннекараханидских монет как исторического источника // БЧ–1981. ТД. М. С. 45–48.

16. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 3 (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатаиды, Тимуриды, Джаниды) // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент. С. 71–87.

1982 г.

17. Нумизматические материалы для характеристики взаимоотношений Караханидов и бухарских садров // БЧ–1982. ТД. М. С. 28–29.
18. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 4 (Караханиды) // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент. С. 152–169.

1983 г.

19. Чеканка монет на территории Киргизии в конце X — начале XIII в. // ТД Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». 3–6 июня 1983 г. Вып. 2. Л. С. 18–20.
20. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 5 (Саманиды, Караханиды, Тимуриды) // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент. С. 210–223.
21. Караханидский чекан Параба (Отрара) // Средневековая городская культура Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата. С. 109–120.
22. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе. С. 75–103.

1984 г.

23. Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // БЧ–1984. ТД. М. С. 45–47.
24. К методике исследования раннекараханидских монет как исторического источника // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М. С. 109–123.
25. Новые данные о караханидском монетном дворе Ферганы // Сообщения ГЭ. Вып. XLIX. Л. С. 62–63.
26. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 6 (раннее средневековье, Саманиды, Караханиды) // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент. С. 185–205.

27. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Все-союзной тюркологической конференции. Ташкент. С. 367–377.
28. [Рец. на кн.:] О. Караев. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983 // ОНУ. № 12. С. 42–45.

1985 г.

29. Нумизматические материалы для характеристики взаимоотношений Караханидов и бухарских садров // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке. М. С. 104–112.
30. Караханидский чекан Науката // ОНУ. № 2. С. 55–59.
31. Термез и Караханиды // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. ТД. Ташкент. С. 60–62.
32. Қора дирхамлар [Чёрные дирхамы] // ФТ. № 3. С. 20–21.
33. Бегтузун — караханидский наместник Ходженда // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. № 4 (122). С. 17–19.

1986 г.

34. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 7 (Караханиды) // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент. С. 125–136.
35. Будухкет — новый караханидский монетный двор (XI в.) // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. № 1. С. 49–54.

1987 г.

36. Клады караханидских медно-свинцовых дирхемов середины XI в. // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. ТД. М. С. 43–45.
37. Критерии различения среднеазиатских фельсов и дирхемов второй половины XII — начала XIII в. // БЧ–1987. ТД. М. С. 51–52.
38. Клад медных монет X — начала XI вв. из Ташкентского оазиса // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. ТД. Л. С. 57–59.
39. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 8 (Караханиды) // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент. С. 156–171.
40. К истории Ташкентского оазиса конца X в. // ОНУ. № 6. С. 62–64.

41. Караханидский чекан Кубы // Прошлое Средней Азии. Душанбе. С. 199–204.

1988 г.

42. Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в.) // ЭВ. XXIV. Л. С. 57–67.
43. К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (эпиграфические и нумизматические данные) // Там же. С. 68–77 (совместно с В.Н. Нас-тичем).
44. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 9 (Саманиды, Караханиды, Ануштегиниды) // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент. С. 191–205.
45. Монеты Харашкета (Харачкета) // ОНУ. № 6. С. 48–51.
46. Монеты Испиджаба, Илака и Саганиана как источник для характеристики взаимоотношений Караханидов и местных владельцев // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. ТД. Ташкент. С. 47–50.

1989 г.

47. Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // ВИИСИД. Вып. 1. М. С. 255–267.
48. Биография на монетах // Вехи времён. Ташкент. С. 156–160.
49. Домонгольский город северо-восточного Мавераннахра в свете нумизматики // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процессы урбанизации в Средней Азии»). ТД. Ташкент. С. 53–55.
50. Клад позднекараханидских дирхемов из Термеза // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент. С. 77–85.
51. Монетный чекан Куз Орду–Баласагуна (XI в.) // Красная Речка и Бурана. Фрунзе. С. 144–158.

1990 г.

52. Ошибки на караханидских монетах как источниковедческая проблема // БЧ–1990. ТД. М. С. 38–40.
53. Смешанные клады саманидских и караханидских фельсов конца X — первой трети XI в. // Там же. С. 84–85.

-
54. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 10 (Караханиды) // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент. С. 207–214.
  55. Клад монет бухархудатского типа из Мианкаля // Нумизматика Узбекистана. Ташкент. С. 49–78.
  56. Клад фельсов X–XI вв. из Самаркандской области // Археология Средней Азии. ТД. Ташкент. С. 56–57.
  57. О так называемом мавзолее Караханида Ибрахима б.Хусайна // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. ТД. Ташкент. С. 50–51.
  58. Средневековый Ахсикет на торговых путях // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. ТД. Ташкент. С. 102–103.
  59. Торговые связи Восточного Туркестана и Средней Азии XI–XII вв. по нумизматическим данным // Там же. С. 157–159.

1991 г.

60. Структура власти в Караханидском каганате: борьба кочевнических и оседлых традиций // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути. ТД. Алма-Ата. С. 78–79.

1992 г.

61. Нумизматика Средней Азии // Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 1. М. С. 74.
62. Древнейшие монеты с упоминанием Сельджукидов // Краткие тезисы докладов Нумизматической конференции. СПб. С. 31–32.
63. 95. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 11 (Караханиды, Великие Сельджуки) // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент. С. 134–147.
64. Караханиды — вассалы киданей: первые нумизматические свидетельства // Средняя Азия и мировая цивилизация. ТД. Ташкент. С. 69–70.

1993 г.

65. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. АДД. М. 42 с.

-
66. Определение статуса, функций и происхождения лиц, упомянутых на караханидских монетах конца X–XI вв. // БЧ–1993. ТД. М. С. 60–62.
  67. Два клада куфических монет из Узбекистана // Там же. С. 62–65 (совм. с А.Х. Атаходжаевым).
  68. Монеты с упоминанием Муттидов — владельцев Испиджаба (X–XI вв.) // ВНК. Вологда, 18–21 мая 1993 г. ТД. Вологда. С. 17–20.
  69. Из нумизматической истории Бухары конца X–XII вв. // Бухара и мировая цивилизация. Вып. 1. ТД. Бухара. С. 93–98.
  70. К истории домонгольского Саганиана // Бактрия–Тохаристан қадимлар ва ўрта асрларда [Бактрия–Тохаристан в древности и средневековье]. ТД. Самарканд. С. 44–47.

1994 г.

71. Борьба Караханидов Насра б.Али и Ахмада б.Али в освещении рукописных и нумизматических источников // ВИИСИД. Вып. 2. М. С. 228–236.
72. Монетный чекан Уструшаны // Древний Заамин. Ташкент. С. 64–73.
73. Состав монетной массы в средневековом Харашке // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. ТД. Самарканд. С. 35–37.
74. Средневековый Ош в свете нумизматики // Фергана в древности и средневековье. Самарканд. С. 53–58.
75. The Trade Relations of Eastern Turkestan and Central Asia in the Eleventh and Twelfth Centuries according to Numismatic Data // Silk Road Art and Archaeology, 3. Kamakura. P. 277–289.

1995 г.

76. О некоторых методах выделения среднеазиатских фельсов домонгольского времени // ВИИСИД. Вып. 3. М. С. 280–286.
77. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 1) // ВИИСИД. Вып. 4. М. С. 201–276.
78. К атрибуции Южного Узгендского мавзолея (эпиграфические и нумизматические данные) // Там же. С. 177–198 (совместно с В.Н. Настичем).

79. О дворце Караханида Ибрахима б. Хусайна // Искусство Узбекистана: древность, средневековье, современность. ТД. Ташкент. С. 22–23.
80. Караханид Али-тегин в Бухаре // Бухара и мировая культура. Вып. 3. Ч. 1. ТД. Бухара. С. 93–95.
81. К истории домонгольского Касана // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. ТД. Самарканд. С. 70–71.
82. Мусульманский чекан Северного Тохаристана // Городская культура Бактрии — Тохаристана. ТД. Самарканд. С. 61–63.
83. О содержании серебра в караханидских дирхемах конца X — нач. XII вв. // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств. ТД. Самарканд. С. 56–58.
84. Ўзбекистон пуллари [Монеты Узбекистана] // ФТ. № 5–6. С. 4–25.
85. К истории Дженда XI–XII вв. // Известия НАН Республики Казахстан. Серия обществ. наук. № 4 (203). Алматы. С. 67–73.

1996 г.

86. Клады серебряных монет X в. из Узбекистана // Четвертая ВНК в г. Дмитрове. 22–26 апреля 1996 г. ТД. М. С. 36–38.
87. О датировке акшыйракского сосуда [Рец. на: Федоров М.Н., Мокеев А.М. Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана] // РА. № 3. С. 211–215.
88. The Origins of the Karakhanids: a Reconsideration // Der Islam. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients. Bd. 73. Berlin — New York. S. 352–357.

1997 г.

89. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 2) // ВИИСИД. Вып. 5. М. С. 245–314.
90. Борьба Саманидов и Караханидов за Бухару на рубеже X–XI вв. // ОНУ. № 9–11. С. 31–34.
91. Бухара от Халифата до Шейбанидов // Бухара — жемчужина Востока. Ташкент. С. 92–95.
92. Du Califat aux Cheibanides // Boukhara la perle de l'Orient. Tachkent. P. 110–117.

93. The Samarqand Coins of the Rebel Husain b. 'Abdarrahman (12th century) // XII International Numismatic Congress. Abstracts of Papers. Berlin. P. 199.

1998 г.

94. Ибрахим б. Наср — создатель Западного Караханидского каганата // Древние цивилизации Евразии: история и культура. ТД. М. С. 50–51.
95. О статусе среднеазиатских наследственных владений X в. (с точки зрения нумизмата) // Шестая ВНК. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. ТД. СПб. С. 57–58.
96. Клад медных монет (фельсов) X–XI вв. из Узбекистана // Там же. С. 80–82 (совместно с А.Х.Атаходжаевым).
97. Начальный этап сельджукидской чеканки // Монета: Международный нумизматический альманах. Вып. 5. Вологда. С. 5–15.
98. Средневековый Ош в свете нумизматики // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек. С. 42–43.
99. Монетный чекан Ферганы при Караханидах (конец X — начало XII вв.) // Древний Ош в среднеазиатском контексте. ТД. Ош. С. 62–65.
100. Histoire de Ali Tegin, souverain qarakhanide de Boukhara (XI-e siècle), vue à travers les monnaies // Cahiers d'Asie Centrale, nos. 5–6. Tachkent — Aix-en-Provence. P. 19–36.

1999 г.

101. «Рубленные» караханидские фельсы XI–XII вв. из долины Зарафшана // Седьмая ВНК. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. ТД. М. С. 56–58.
102. Мусульманская нумизматика Средней Азии. Ташкент. 32 с.
103. Монетный чекан Кубы // ИМКУ. Вып. 30. Ташкент. С. 246–255.
104. Караханидские фельсы Кеша // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. ТД. Самарканд. С. 80–81.
105. Peculiarities in the Circulation of Late Qarakhanid Coins (second half of the 12th – early 13th centuries A.D.) // Matériaux pour l'histoire économique du monde iranien (Studia Iranica. Cahier 21). Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes. P. 169–178.

2000 г.

106. Об одном раннекараханидском фельсе // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М.: Музей искусства Востока. С. 219–220.
107. Партия монет из клада, содержащего дирхемы Саганиана XI века // Древности Поволжья и других регионов. Вып. II (Нумизматический сборник. Т. 1). Нижний Новгород. С. 229–244.
108. Мавераннахр накануне создания Западного Караханидского каганата (в свете нумизматики) // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд. С. 178–203.
109. О локализации домонгольских монетных дворов Ферганы // Ош и Фергана в исторической перспективе. Бишкек. С. 77–78.
110. Münzen des Rebellen Husain b. 'Abd ar-Rahman in Samarkand (12. Jahrhundert) // XII. Internationaler Numismatischer Kongress (Berlin, 1997). Akten — Proceedings — Actes. Bd. II. Berlin. S. 1275–1278.

2001 г.

111. Монеты Мусы Йабгу, сына Сельджука (О ранних этапах сельджукидского чекана) // ЭВ. XXVI. М. С. 34–51.
112. Нумизматические памятники, связанные с карахытайским завоеванием Средней Азии // Девятая ВНК. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. ТД. СПб. С. 50–52.
113. Караханидский каганат // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент. С. 65–84.
114. Термез в VIII — начале XIII в.: основные события истории // Термез. Древний и новый город на перекрестке дорог. Ташкент. С. 25–32.
115. Об атрибуции Рабат-и Малика // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент. С. 195–198.
116. Конечный этап нумизматической истории Караханида Мухаммада б. Насра // НЦА. Вып. V. Ташкент. С. 63–75.
117. Термез накануне монгольского завоевания // Термиз шаҳрининг жаҳон цивилизациясида тутган ўрни. Termez City and its Place in the World Civilization. Тошкент – Термиз. С. 93–95.

118. Находки мусульманских монет // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар — 2000 йил / Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год / Archaeological Researches in Uzbekistan. Season 2000. Самарканд. С. 89–95.
119. Les frontières du royaume des Karakhanides // Études Karakhanides (Cahiers d'Asie Centrale 9). Tachkent — Aix-en-Provence. P. 41–48.
120. La chronologie et la généalogie des Karakhanides du point de vue de la numismatique // Ibid. P. 49–75.

2002 г.

121. Караханидские монеты и мировая история (о единстве исторического процесса и конечной его цели) // Десятая ВНК. Псков, 15–20 апреля 2002 г. ТД. М. С. 320–322.
122. Младший номинал в системе караханидского серебряного обращения (XI–XII вв.) // Там же. С. 69–72 (совместно с В.Н. Настичем).
123. Кто был победителем Бука-Будрача: из истории Караханидов // ЗВОРАО, НС. Т. I (XXVI). СПб. С. 171–180.
124. О датировке монет Караханида Кадыр-Тафгач-хакана Сулаймана // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент. С. 135–140.
125. Новые находки мусульманских монет // Археологические исследования в Узбекистане — 2001 год. Ташкент. С. 86–91.
126. Ванкат — новый ферганский монетный двор // Там же. С. 92–95.

2004 г.

127. Клад золотых монет XII — начала XIII в. // Монеты и медали (Сборник статей по материалам коллекции Отдела нумизматики). Вып. II. М. [ГМИИ]. С. 134–168.
128. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 3). Addenda et corrigenda // ВИИСИД. Вып. 6. М. С. 261–291.
129. Нумизматические находки на городище Афрасиаб — новейшие материалы к истории денежного обращения в Центральном Мавераннахре (древность, раннее средневековье, средневековый период) // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд. С. 137–150 (совместно с А.Х. Атаходжаевым).

2005 г.

130. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Часть 1. Источниковедческое исследование. М.: «Евразия». — xxx+314 с.

II. В печати и на редподготовке

131. К истории борьбы между Саманидами и Караханидами в конце X в. — 1,0 авт.л.

132. Новое о монетном чекане Куз Орду и Барсхана. — 1,6 авт.л.

133. Клад монет XII века из Кермине. — 0,4 авт.л.

ЧАСТЬ I

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

ВВЕДЕНИЕ

Давным-давно набили оскомину дежурные фразы с сетованиями и причитаниями о том, что сведения рукописных источников о Караханидах скупы, отрывочны и противоречивы, а иногда и просто неверны. Но что ж делать, если это действительно так? Летят десятилетия за десятилетиями, а ситуация сколько-нибудь существенно — уввы! — не меняется. Иными словами, фонд традиционных рукописных источников фактически исчерпан. Правда, остались практически незатронутыми современные Караханидам персоязычные произведения, посвященные поздним представителям этой династии (2-я половина XII — начало XIII в.) плюс, в гораздо большей степени, Газнавидам, Сельджукидам, Гуридам. Очень тщательную, как представляется, выборку из соответствующих касид опубликовал в составе обширнейшего «комментария» к последнему, третьему тому своего издания «Истории Мас'уда» Абу-л-Фазла Байхаки высококвалифицированный иранский специалист Са'ид Нафиси. Лишь едва затронул этот обширный круг источников С.Г. Агаджанов, чуть больше — автор этих строк. Хотелось бы надеяться, что кого-нибудь из читателей эти самые строки вдохновят на то, чтобы самым тщательным образом изучить (быть может, с просмотром соответствующих диванов) все доступные персоязычные поэтические произведения и максимально быстро опубликовать полученные при этом сведения по истории Караха-

нидов — неважно, будут ли они новыми и совершенно неожиданными или уже известными, абсолютно достоверными или весьма сомнительными. Соответствующие отрывки, подчас занимающие много страниц, пожалуй, следует отправить в приложение. Всё это стоило бы сопроводить солидным комментарием (с привлечением соавтора? — ну, допустим, меня). Могла бы получиться отличная книга! Кто откликнется? И, безусловно, неврдно было бы тщательно просмотреть «всемирные» истории некоторых относительно поздних западных (из Сирии и т.д.) авторов типа аз-Захаби (XIV в.). К сожалению, всё это — вне пределов моей компетенции. Да и времени нет. Кстати, как знать, не мог ли бы дать что-то новое тщательный просмотр такого, казалось бы, вдоль и поперек изученного автора, как Ибн ал-Асир? Словом, «наши цели ясны, задачи определены; за работу, товарищи!»

Когда «князь восточной нумизматики» Х.М. Френ без малого два века тому назад заложил основы мусульманской нумизматики, он поразительным образом совершенно правильно выделил караханидские монеты, только не дал соответствующему «классу» подходящее название. Утвердилось «на века» наименование этой династии, предложенное другим выдающимся российским востоковедом, ныне полузабытым (к величайшему сожалению), В.В. Григорьевым — Караханиды. Он же оказался едва ли не первым, кто привлек и частично описал некоторые караханидские монеты ради лучшего понимания караханидской истории. Но то были лишь первые робкие шаги. Чуть дальше продвинулся в том же направлении его современник Б.Дорн. Событием в караханидской нумизматике явилось издание в 1896 г. А.К. Марковым фундаментального каталога мусульманских монет Эрмитажа, куда вошло около 700 караханидских монет, преимущественно разных типов. Чуть раньше увидел свет караханидский раздел (том II, 1876) с приложением (том IX, 1889) составленного Ст. Лэн-Пулем «Каталога восточных монет Британского музея»; караханидских монет там примерно на порядок меньше, чем у А.К. Маркова. Число их за истекшие годы всё же увеличилось, но, как я имел возможность убедиться (благодаря любезности Джо Крибба, Венишии Портер и благородной поддержке Люка Тредвелла), весьма незначительно.

Первая серьезная аналитическая работа, посвященная караханийской нумизматике, принадлежит перу Р. Фасмера [1930б]⁴. Самое ценное в ней — атрибуция некоторых элементов монетной титулатуры — в одних случаях выдержала проверку временем, в других нет. Однако главное не в этом... С редкой тщательностью и немецкой скрупулезностью Р. Фасмер проанализировал небольшой, в сущности, материал и в итоге продемонстрировал принципиальную возможность разобраться в этом сложнейшем вопросе. И стало очевидно: караханийские монеты являются первоклассным историческим источником, а за бессистемным на первый взгляд сочетанием антропонимов и титулатуры кроется определенная система⁵. Более того. То, что монеты в состоянии «дополнять», «уточнять» и даже «исправлять» некие микроскопические моменты истории, было известно давным-давно, задолго до Р. Фасмера. Его первейшая заслуга состояла в ином: на немногих примерах он элементарно показал неисчерпаемые (и определенно не исчерпываемые в перспективе) возможности караханийской нумизматики в плане воссоздания множества событий караханийской истории, не оставивших никаких следов в немногих дошедших до нас рукописных источниках.

Существенно продвинулся в том же направлении О. Прицак [1950], по примеру Р. Фасмера, вновь обратившийся к раннекараханийской монетной титулатуре. Еще более важна следующая работа О. Прицака [1953] — монография «Die Karachaniden», являющаяся собой четкий, сжатый и очень информативный очерк истории династии, при написании которого основу составили, естественно, рукописные источники (кстати, к тому времени еще лучше проанализированные В.В. Бартольдом), хотя очень результативно использованы и монетные данные. По моему глубочайшему убеждению, этот очерк не превзойден по сей день. И совершенно непонятно, почему до сих пор не вышло из моды при каждом удобном, а чаще неудобном случае избирать этого исследователя мальчиком для битья. «Тайна сия велика есть...»

⁴ См. раздел «Использованная литература» в конце книги.

⁵ Стивен Албум [1998, р. 74–78] насчитал более 300 разных титулов — как одиночных, так и составных, образующих около 1000 «формул и комбинаций»; на самом деле тех, других и третьих намного больше.

Наконец, пришла пора, пусть в нарушение хронологического порядка, назвать того исполина, чье имя невольно произносишь с трепетным изумлением и всё возрастающим восторженным восхищением — Василий Владимирович Бартольд. В очень молодом для ученого возрасте (28 лет!) он завершил, а два года спустя издал свой монументальный труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1963а]. Уйдя в вечность на 62-м году жизни, он оставил после себя несколько монографий объемом от 562 до 286 страниц, а также множество статей и заметок разного характера и объема, от почти монографических до совсем крошечных. Совершенно особняком высятся 10 томов его «Сочинений» (тт. I–IX, включая том II в 2 частях), изданные посмертно в 1963–1977 гг. В нумизматическом разделе IV тома собственно нумизматических работ — не более десяти. При всем том В.В. Бартольд прекрасно (не хуже Б.Дорна) осознавал значение нумизматики для истории, и лишь редкой его скромностью, да еще тем, что нумизматика, по его искреннему убеждению, находилась вне сферы его компетенции, можно объяснить, почему он столь редко обращался к монетному источнику. Самый наглядный пример — классический «Туркестан», где в обширном и очень ценном разделе о Караханидах этот источник привлечен на таком уровне: на изданном А.К. Марковым самаркандском дирхаме 438/1046–47 г. «мы уже находим полный титул Ибрахима: «Опора державы, венец общины, меч наместника Божьего Тамгач-хан Ибрахим»; впоследствии Ибрахим принял титул «царя Востока и Китая», указывающий на подражание китайским императорам» [Бартольд, 1963а, с.367]. К слову: теперь установлено, что и «полный» титул далеко не полон, а принят позднее, под «Сином» же подразумевается не собственно Китай, а принадлежавший тогда другим Караханидам Восточный Туркестан (точнее, западная его половина). Свое отношение к караханийской нумизматике ученый сформулировал очень точно: «Даже монеты Караханидов, дошедшие до нас в довольно большом числе, не помогают нам разрешить <...> вопрос [хронологии], так как, при отсутствии точных исторических данных, мы часто не знаем, принадлежат ли различные титулы, упомянутые на одной и той же монете, одному или нескольким лицам» [Бартольд, 1963а, с.330]. Вот он и не пытался это узнать, возложив надежды на специалистов-нумизма-

тов. Но при жизни не дождался. Не мог оправдать их даже О. Прицак, который тоже не принадлежал к числу таких специалистов.

Совсем другое дело — Е.А. Давидович. Начать с того, что она, быть может, лучше, чем кто бы то ни было, в полной мере поняла и оценила значение и величие научного творчества В.В. Бартольда. Косвенно это проявилось хотя бы в том, что востоковедческие конференции, ею задуманные, организованные, прекрасно проведенные и, к сожалению, завершившиеся далеко не полными публикациями материалов в виде тезисов докладов и лишь нескольких сборников статей, были названы «Бартольдскими чтениями». Крайне прискорбно, что юбилейные десятилетия стали и последними — разумеется, не по вине Е.А. Давидович. Кстати, название конференции было выбрано очень точно. В этой связи стоит лишний раз напомнить одну из многих характеристик, данных ею В.В. Бартольду: «ученый величайшей точности». Та же точность отличает и научную продукцию самой Е.А. Давидович. Эта черта свойственна всем ее работам, в том числе и тем, которые так или иначе затрагивают караханидскую тематику, а их на ее счету — десятки.

В качестве классического примера можно привести монументальную статью Е.А. Давидович [1970] о Ширабадском кладе, в которой осуществлено полное источниковедческое и историческое исследование монетного комплекса 2-й четверти XI в. Пример скрупулезной, поистине ювелирной источниковедческой работы над нумизматическим материалом являет собой обширная статья о раннекараханидских монетах с упоминанием дихканов Илака [Давидович, 1978]. В целом и эта, и другие караханидоведческие штудии Е.А. Давидович представляются образцовыми. Хронологический диапазон их очень широк — от рубежа X–XI до начала XIII в., однако исследовательница отнюдь не ставила своей целью охватить весь караханидский нумизматический материал.

Такую цель поставил перед собой М.Н. Федоров, выпустивший к настоящему времени более 50 работ по караханидской нумизматике. Он выявил и привел в известность большое количество новых монет, изучил и издал ряд кладов, попытался идентифицировать всех тех, кто упомянут на караханидских

монетах, установить размеры их владений и проследить изменения границ последних. В цикле статей [Федоров, 1972б; 1974; 1980; 1984] он постарался воссоздать по этапам ход истории Караханидского каганата с конца X до начала XIII в. Однако при сопоставлении самих монет с тем, как они определены и изданы М.Н. Федоровым, обнаруживается множество ошибок в чтении монетных надписей, причем наиболее ответственных их компонентов (имен, титулатуры, выпускных сведений). В составе Нижнечирчикского клада М.Н. Федоров [1980, с.42–43, 52] упоминает монеты Ибрахима б.Насра, битые в Дабусийе, Касане, Согде, Усрушане, и монеты Восточных Караханидов, чеканенные в Ахсикете, Баласагуне, Бинкете, Илаке, на самом же деле все эти дирхамы выпущены на других денежных дворах. Как показывают подобные примеры, число которых легко умножить, даже первичная работа над нумизматическим материалом проделана М.Н. Федоровым весьма недобросовестно. Ничуть не лучше обстоит дело с определением принадлежности монетной титулатуры. В целом ряде случаев эта важнейшая и сложная задача решается М.Н. Федоровым очень просто: достаточно соседства каких-либо элементов титулатуры на одной монете или совпадения ее компонентов (например, *Тонга-хан* и *Тонга-тегин*), чтобы приписать их одному лицу. Вполне понятно, что при таком подходе М.Н. Федоров отождествил многие титулы и лакабы «с точностью до наоборот». Вот лишь один пример: в итоговой статье о раннекараханидском чекане [Федоров, 1972б, с.145–146] он приписал Мухаммаду б.‘Али лакабы *Сана’ ад-давла*, *Нур ад-давла*, *Шамс ад-давла*, *Шамс ал-милла*, *Сирадж ад-давла*, *Низам ад-давла*, *Му’изз ад-давла*, но на самом деле из этих почетных прозваний Мухаммаду принадлежало только первое. Ясно, сколь далекой от истинной будет реконструкция событий, основанная на подобных отождествлениях. Что же касается присущих М.Н. Федорову методов исторической интерпретации нумизматического материала, то, по авторитетному заключению Е.А. Давидович [1978, с.99], они являются «непростительным нарушением элементарных норм научного исследования». Разумеется, многие монеты М.Н. Федоров описал верно, надежно установил некоторые важные факты, осуществил

некоторые полезные наблюдения. Но все эти частные удачи теряются среди огромного количества неточностей, ошибок, натяжек, произвольных построений и просто выдумок. Чтобы разобраться во всей этой путанице, всё равно приходится обращаться к самим монетам. Действительно, М.Н. Федоров попытался охватить **весь** доступный ему караханидский нумизматический фонд. И что же в итоге?

Выходит, что за караханидскую нумизматику надо, в сущности, брать заново, как бы забыв обо всем, что сделано. Сорокалетними усилиями М.Н.Федорова нагромождены чудовищные горы ошибок — попросту вздора! Уверен, читатель и сам понял: да, действительно заново.

Но тут придется вернуться во времени немного назад и (прошу меня извинить) предаться личным воспоминаниям.

С четырнадцати лет я начал бредить археологией и стал ездить в экспедиции. Подростком пришел учиться на кафедру археологии Среднеазиатского университета, которую возглавлял мой дорогой (увы, покойный) Учитель — Михаил Евгеньевич Массон. Как я теперь понимаю, его лекции по нумизматике Средней Азии были для тогдашнего уровня знаний превосходны. К слову сказать, его исследовательские статьи по среднеазиатской нумизматике, особенно караханидской, к сожалению, находятся ниже этого уровня (в основном по объективным причинам), почему они и не рассмотрены выше. Жаль, но прослушал я эти лекции, причем дважды — студентом и аспирантом — с единственным результатом: в одно ухо влетело — в другое вылетело. А ведь я их подробно записывал.

После аспирантуры судьба забросила меня во Фрунзе, где я довольно скоро стал заместителем директора по научной части в Историческом музее. О чем еще мечтать новоиспеченному молодому специалисту? Но едва ли не на следующий день я с ужасом понял: это только называлось «по научной части», а фактически было исключительно «по хозяйственной». Не то, что история — никакая археология мне не светит. Так оно и вышло. Сколько же мук я претерпел! Приходилось заниматься сперва нелюбимым, а потом люто ненавидимым делом. Могло ли в результате получиться что-либо путное для музея? И уж совсем худо, когда сто-

ишь на принципе: взялся за дело — делай его хорошо. Иначе не берись. Всё равно не получится.

И что же делать? Намыливать веревочку? Нет, я «пошел другим путем». Буквально от тоски и черной безысходности я обратился к тому, к чему душа ну никогда не лежала. Да и не умел я работать с мусульманскими монетами. Долго ли, коротко ли, в бесчисленных мучениях я всё же таки научился читать караханидские монеты. В душе — законная гордость: несмотря ни на что, преодолел «сопротивление материала». Пожалуй, это самое важное в любой сфере. И когда что-то долго не выходит, необходимо взлелеять в себе здоровую злость: ах, не поддаешься? Так накося, выкуси! И всё обязательно получится!

А самообучился я на огромном кладе караханидских монет XI в. Партиями я собирал его едва ли не по всей Чуйской долине. Мотался по пыльным дорогам, убеждал, выпрашивал... И, естественно, добивался своего, не потратив ни копейки. Потом чистил монеты самыми примитивными способами, не ведая о лучших. Преодолев все предварительные трудности, я с изумлением обнаружил: уже при первых попытках осмыслить материал открылись совершенно неизвестные факты. Это стало ясно, когда я внимательно проштудировал некоторые работы М.Н.Федорова. Я и по сей день благодарен ему за это, — как и за то, кстати, что, разобравшись позднее в его штудиях, я понял: **так** работать нельзя.

Вот тут мне стало интересно. И с каждой секундой — всё интереснее. Потом я обнаружил в себе любовь к нумизматике. Впрочем, не вообще, а конкретно к караханидской. И чем дальше, тем сильнее пылала эта любовь. За тридцать лет работы в Институте археологии Узбекистана я по понятным причинам мог утолять пламенную страсть гораздо меньше и реже, чем хотелось. И оторвать от письменного стола не могли даже карабкавшиеся по мне дорогие, ненаглядные, милые крохи — детки. Теперь, оглядываясь в те времена, могу с законной гордостью и естественным изумлением сказать: Господи, когда же я успел? Ведь это десятки статей, подчас очень больших и трудоемких.

Гордость-то законная, но даже после защиты докторской диссертации по караханидским монетам я прекрасно знал, что главную свою задачу еще не выполнил. Где книга? Ведь без моно-

графии, обобщающей многолетние поиски и открытия, ни один специалист не может считать себя вполне состоявшимся. Но чтобы сделать ее, мне собирать материал еще и еще, ездить вновь и вновь, без конца осмыслять и переосмыслять. А уж когда пойму, что готов, сяду и быстро напишу.

Судьба распорядилась иначе и заставила сесть за книгу раньше, чем я ожидал. Верю и надеюсь, что книга получилась неплохая. Так ли это — судить не мне.

Самого главного и замечательного «соавтора» этой книги я назвал в Посвящении. Одесную от него надо утвердить Е.А. Давидович, ошуюю — М.Е. Массона. Многожды и тщательным образом проанализировав его караханидоведческие штудии, я с сыновним огорчением понял: так, как делал мой «научный отец», тоже делать нельзя. Жаль, что из сыновней почтительности и боязни причинить боль, я в свое время не сказал ему об этом. Но это простительно, ибо я слишком ценю, люблю и уважаю своего дорогого Учителя, чтобы повторять его ошибки.

Елена Абрамовна Давидович. Познакомился я с ней несмышленьким. Однако самомнения было — «выше крыши». Когда же она прочла вторую из моих нумизматических работ, я света белого неувидел. На «Бартольдских чтениях», а потом в великолепно написанной, безупречно аргументированной статье она отхлестала меня так, что и через 17 лет язвы от ее огненного бича еще горят и терзают. И поделом вору мука. Но уж это был урок на всю жизнь. С тех пор я делаю все, чтобы мои труды имели право претендовать на то, чтобы хоть в малой степени соответствовать представлению о подлинной Науке. Так что Елена Абрамовна — первый соавтор этой книги. Ведь она прочла черновой вариант моей диссертации, и ее советы и замечания оказались поистине бесценными. А каким безжалостным редактором была она для моих статей, опубликованных в редактировавшихся ею сборниках!

Эта книга никогда бы не обрела нынешний вид без неоценимой помощи Владимира Ниловича Настича, которому я чрезвычайно благодарен за бесчисленные очень ценные консультации. А то, что он прочел первый вариант диссертации, бесспорно, пошло ей на пользу.

Я также весьма признателен О.Ф. Акимушкину, О.Г. Большакову, С.Г. Кляшторному, С.Б. Певзнеру, Э.В. Ртвеладзе, Н.М. Смирновой (Асавиной), А.В. Фомину, А.Б. Никитину, А.С. Белякову (увы, ныне покойному), И.Г. Добровольскому, М.Б. Северовой, Г.Б. Шагуриной⁶, В.М. Потину, А.Гафурову, С. Ишанханову, И. Тухтияеву, М.Х. Урмановой, О.Погореловой, Я.К.Крикису, безвременно ушедшему Е.В. Зеймалю, О.Н. Иневаткиной, А.И. Наймарку. Не могла книга увидеть свет без тех, кто бескорыстно и самоотверженно печатал и перепечатывал текст, делал фотографии и т.д. — «Маргаритки» (Риты Кондриковой), Риты Мей, Виталия Граченко и многих других. Чрезвычайно признателен хранителям нумизматических собраний Тюбингена (Л. Илиш), Лондона (В. Портер и Дж. Крибб), Оксфорда (Л. Тредвелл). Всегда был благодарен владельцам частных коллекций, которые с таким доверием и готовностью открывали мне двери своих собраний. Это Д. Артамонов, Ш. Абдрашитов, А. Баязитов, Д. Бирюков, А. Гаев, В. Жребец, Н. Иванов, А. Камышев, А. Койфман, В. Кошевар, В. Калинин, В. Кучеров, А. Кузнецов, В. Цапин, М. Лимбада (Лондон).

Всех ли я вспомнил? Наверняка нет. Определенно не раз ошибся, отведа не тот «ранг» в порядке упоминаний тех, кто мне помог. Прощу меня простить!

В заключение — опять В.В. Бартольд: «Каковы бы ни были недостатки моего труда, все они объясняются отчасти новизной дела, отчасти моими личными промахами и недостаточностью моего дарования, не неверностью избранного мною пути, который при дальнейшей разработке науки, несомненно, приведет к результатам, имеющим не только чисто научный, академический интерес». Солидарен во всем. Но добавлю: хотелось бы только, чтобы и по моей книге учились, как надо работать над материалом. Не только нумизматическим, и не только караханидским. Как в горячке увлечения при осмыслении материалов и фактов пореже попадать в хитрые и смертельно опасные ловушки. Быть может, вдумчивый читатель об-

⁶ Галина Борисовна Шагурина скончалась в октябре 2002 г. после тяжелой и продолжительной болезни, а в мае 2005 г. не стало Марианны Борисовны Северовой и Игоря Георгиевича Добровольского. Таким образом, Восточный кабинет Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа оказался полностью «обезглавлен» и на неопределенное (видимо, очень долгое) время закрыт для всех. — *Прим. ред.*

наружит не только это, но и многое другое. Буду только благодарен за указания на замеченные огрехи, ошибки и промахи.

Лемовский профессор Тарантога заявлял: «При создании моего гениального труда мне не помогал никто, мешали же все, кто только мог». Боюсь, перечисляя тех, кто помогал мне, я забыл стольких, что при сопоставлении открылось бы: число упомянутых и число забытых находятся в той же пропорции, что и число помогавших и мешавших Тарантоге. Иначе говоря, я забыл всех (почти), а не вспомнил никого (почти). Посыпаю главу пеплом...

Но я, конечно, не забыл моих дорогих родителей.

Я ничего не забыл. Но умолкаю, не в силах найти сколько-нибудь достойные их слова.

* * *

В дальнейшем изложении ради экономии места используются сокращения, общепринятые в нумизматической литературе: лицевая сторона — л.ст., оборотная сторона — об.ст. Указание дат по мусульманской лунной хиджре сопровождается традиционным сокращением — г.х.

За недостатком места далее не всегда оговариваются те случаи, когда какие-то факты установлены другими специалистами, а по поводу интерпретации существуют иные точки зрения; излагается лишь сегодняшняя моя позиция.

Поскольку книга называется «Нумизматическая история Караханидского каганата», первые три главы посвящены характеристике нумизматического материала, методам работы с караханидскими монетами и атрибуции монетных имен и титулов. Лишь в главах 4–5 на основе полностью готового к использованию нумизматического материала воссоздается политическая и социальная история Караханидского каганата.

ГЛАВА 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ

Репертуар и формуляр монетных надписей

Прежде чем переходить к характеристике репертуара и формуляра легенд караханидских монет, необходимо оговорить, какую сторону монет следует считать лицевой, а какую — оборотной. Нумизматы, имеющие дело с куфическими монетами, за лицевую принимают обычно ту сторону, на которой размещается первая часть калимы. Диаметрально противоположной была позиция М.Е. Массона: в лекциях по нумизматике Средней Азии, читанных на кафедре археологии ТашГУ, он доказывал, что в плане прокламативном, политическом более значимой была сторона со второй частью символа веры, упоминанием халифа и правителя (правителей), почему ее и следует считать лицевой; в своей публикационной практике М.Е. Массон [1968, с.238–241] такой позиции и придерживался. Надписи некоторых караханидских монет 1-й половины XI в., казалось бы, подтверждают правоту М.Е. Массона: упоминание правителя на них размещено двумя частями на обеих сторонах кружка таким образом, что первая часть приходится на сторону, которую обычно при-

нято считать оборотной (дирхам Испиджаба 416/1025–26 г.: *Насир / ад-давла*; дирхам Узгенда 416/1025–26 и Ахсиката 417/1026–27 г.: *Суллайман / б. Шихаб ад-давла*; фалс Бухары 425–26/1033–35 гг.: *Шамс / ад-давла*). Всё же самостоятельным, а тем более решающим аргументом в пользу точки зрения М.Е.Массона данный факт, вне всякого сомнения, не является, так как порядок чтения легенд на некоторых караханидских монетах бывает совершенно неожиданным.

Все же правильнее ориентироваться не на логику исследователя, а на логику современника. Рассмотрим с этой точки зрения модель монетных текстов раннекараханидских дирхамов.

Одна сторона:

1. Первая часть символа веры (калимы):

لا اله الا الله وحده لا شريك له «Нет Бога, кроме Аллаха, един Он, нет у Него сотоварища».

2. Выпускные сведения с вводной формулой

... بسم الله ضرب هذا الدرهم ب... «Во имя Аллаха бит этот дирхам в ...».
Слова «бит этот» чаще всего слиты в одно: ضرب هذا.

Другая сторона:

3. [Власть принадлежит] Аллаху.

4. Вторая часть калимы: محمد رسول الله «Мухаммад — посланник Аллаха».

5. Теофорное имя халифа.

6–8. Упоминания правителей.

9. Кораническая цитата.

Нетрудно заметить, что все монетные тексты сакральны: текст №2 — благодаря вводной формуле, тексты №6–8 — благодаря включенности в божественную иерархию, текст №9 — по содержанию. Для нас сейчас еще более важно, что начинать чтение монетных надписей надо с текста №1, первой части калимы. Поэтому та сторона монеты, которая обозначена как «одна сторона», и есть лицевая.

Лицевой следует считать также сторону, на которой соединены обе части калимы, если же символа веры вовсе нет — сторону с выпускными сведениями. В случаях, когда выпускные сведения помещены на обеих сторонах, приходится опираться на порядок чтения остальных надписей.

Формуляр монетных легенд

Как показывают наблюдения, единого формуляра для всего периода караханидской чеканки просто не существовало. В раннекараханидское время (конец X — 1-я половина XI в.) был один формуляр, в позднекараханидское (2-я половина XII — начало XIII в.) — другой, а во 2-й половине XI — 1-й половине XII в. происходила выработка последнего.

Говорить о формуляре раннекараханидских динаров не приходится: до сих пор известно всего 2 золотых эмиссии (Бухара 382/992 г. и Нишапур 396/1005–06 г.). Первые караханидские дирхамы (и то не все) следовали, естественно, саманидским образцам. Быстро накапливавшиеся отступления от этих образцов привели к сложению раннекараханидского формуляра, охарактеризованного выше.

Для фалсов характерно наличие на л.ст. первой части символа веры и выпускных сведений, на об.ст. — речения **الله** *ли-ллах*, второй части калимы и упоминания правителя (правителей) в поле; в круговой легенде обычно помещалось еще одно упоминание владельца, реже кораническая цитата или калима; во 2-й четверти XI в. число «круговых» упоминаний заметно сокращается. Такова, разумеется, основная схема, характерная для конца X — 1-й половины XI в., от которой было множество отступлений и в серебряном, но особенно в медном чекане.

Для следующего этапа (2-я половина XI — 1-я половина XII в.) известно только 2 караханидских динара, оба целиком следуют сельджукидским образцам. Влияние сельджукидского чекана сказалось и в том, что на дирхамах упоминание халифа сначала редко, а потом всё чаще перемещалось с об.ст. на л.ст.; иногда халиф не назван вовсе. В отличие от предыдущего этапа, на дирхамах упомянут обычно один правитель, причем всегда в поле. Если в раннекараханидское время случаи, когда упоминание государя целиком занимает поле л.ст. дирхама, являют собой редчайшее исключение (Куз Орду 408/1017–18 г.), то теперь их становится всё больше, особенно к концу этапа. Фалсы этого этапа известны в относительно небольшом числе, поэтому говорить о преобладании какой-либо единой модели невозможно. На одних монетах символ веры по-прежнему помещен на

обеих сторонах, на других — только на л.ст., на третьих в поле вовсе нет символа веры, замененного упоминанием правителя (подобные явления отмечены и на первом этапе, например, на фалсах Кушани 413–414/1022–24 гг.).

Изменения, накапливавшиеся на втором этапе, привели к выработке позднекараханидского формуляра, окончательно сложившегося около середины XII в. Для динаров и дирхамов характерна единая схема: на л.ст. — символ веры, имя халифа и выпускные сведения, на об.ст. поле целиком занято упоминанием правителя, причем одного (исключения крайне редки); круговая легенда — либо кораническая, либо с выпускными сведениями. На дирхамах, битых за пределами центрального Мавара'аннахра, имя халифа нередко отсутствует. Большинство фалсов на обеих сторонах содержит упоминание правителя (в поле) и выпускные сведения (в круговой легенде).

Помимо перечисленных основных элементов формуляра, на караханидских монетах встречаются и некоторые другие надписи — обозначения номиналов монет, благочестивые некоранические изречения, благопожелания.

За два с лишним века караханидский чекан прошел большой путь развития, начав с монет типа саманидских и закончив монетами, отстоящими весьма далеко от саманидских образцов. На этом пути изменения происходили как самостоятельно, так и под влиянием других чеканов, прежде всего сельджукидского. В свою очередь, караханидский чекан оказывал влияние на монеты других династий, например, на ануштегинидские монеты среднеазиатских эмирий.

Упоминания различных лиц

Упоминание фигурирующего на монете лица (в дипломатике это называется интитуляцией) может оказаться в любой позиции: в поле л.ст., в поле об.ст., в круговой легенде л.ст., как внутренней, так и внешней, во внешней или внутренней (либо единственной) круговой легенде об.ст. и даже во внешнем обрамлении.

На монетах конца X–XI в. упоминание правителя (правителей) в соответствии с тогдашней традицией помещалось обыч-

но в поле об.ст. после имени халифа или (если последний не назван) после второй части символа веры. Иногда имя или какой-то элемент титулатуры выносились в верхнюю часть поля, на место изречения *ли-ллах*. Изредка на фалсах, а еще реже на дирхамах XI в. упоминание правителя могло целиком занимать поле об.ст., на позднекараханидских же монетах 2-й половины XII — начала XIII в. это стало нормой.

На л.ст. имя и/или титулатура помещены выше и/или ниже символа веры, иногда между строками калимы, в редких случаях занимают всё поле. На фалсах, а в виде исключения — на дирхамах всё поле обеих сторон может быть отведено упоминанию правителя.

Когда упоминание владетеля обрамляет поле об.ст., оно обычно составляет единственную круговую легенду, но изредка включено во внутреннюю (например, вместе с символом веры) или внешнюю. На л.ст., наоборот, обрамляющая поле надпись с именем и/или титулатурой почти никогда не бывает единственной круговой легендой — она или внутренняя, или, реже, внешняя, а случается, что и обе содержат упоминание правителя, продолжая одна другую.

Единственный случай, когда на монетах XI в. не назван ни правитель, ни даже халиф — фалс Харачката 420/1029 г. Несколько больше подобных примеров в позднекараханидском чекане.

Вводная формула

Упоминанию фигурирующего на монетах лица может предшествовать вводная формула. Чаще других встречается формула ... *مما امر به* «Из того, что приказал [выбить] ...». Унаследованная от саманидского времени, она характерна для конца X — 1-й половины XI в.; для XII вв. известны только три случая — фалсы Самарканда 576–77/1180–82 гг. и фалс 2-й четверти XII в. с утраченными выпускными сведениями. Лишь на этих последних формула помещена в поле, во всех остальных случаях она открывает круговую легенду. В виде редчайшего исключения упоминание правителя, начатое в круговой легенде формулой «Из того, что приказал...», завершается в нижней части поля. Фалс

Дабусийи 425/1033–34 г., круговая легенда: «Из того, что приказал [выбить] ал-хан ал-аджалл Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла Табгач Бугра кара-ха»; поле: «кан ‘Али б. ал-Хасан». Известно еще три сходных случая — фалс Дабусийи 425/1033–34 г. иного типа, фалс Самарканда 426/1034–35 г., Кутлуг Орду 427/1035–36 г. Очевидно, это была кратковременная локальная (центрально-мавара’аннахрская) «мода». Близка по смыслу встреченная только на кашгарских фалсах 400/1009–10 г. краткая вводная формула *بامر* «по приказанию», «по распоряжению». На дирхамах Узгенда 409–10/1018–20 гг. и Ахсиката 410/1019–20 и 415/1024–25 г. указание о «распоряжении» включено в надпись с выпускными сведениями: «Во имя Аллаха приказал выбить (*امر بضرب*) этот дирхам ...» (далее имя правителя, город и год).

Очень редко и только на фалсах конца X — 1-й половины XI в. встречается формула *على یدی* «при посредстве...», «под руководством...». Обычно она включена в легенду с выпускными сведениями после наименования монетного двора, и только на фалсах Илака 387/997 г. проставлена в нижней части поля об.ст.

Небольшая группа монет (дирхам Хутлуг Орду 423–24/1031–33 гг., фалс Самарканда 425/1033–34 г.) содержит формулу *في ولاية* «в правление...». Схема такая: «Во имя Аллаха бит этот дирхам (или фалс) там-то», затем формула, титулатура государя и дата, либо дата перед формулой и титулатурой.

Только на дирхамах, чеканенных в 607/1210–11 г. без обозначения места выпуска (судя по титулатуре, в Узджанде), зафиксирована формула *في عهد* «в эпоху» или «в пору [правления]». Схема следующая: «Бит этот дирхам в эпоху...», далее титулатура и дата.

Упоминание халифа на караханидских монетах в подавляющем большинстве случаев ограничивается его «тронным» именем; это не личное имя (*‘алам*), данное при рождении, а полученное при вступлении на престол теофорное имя (по существу — почетное прозвание). Изредка проставлялись титулы халифа: на дирхамах Бухары 382/992–93, 545/1150–51 гг., на динарах Вахша конца XII — начала XIII вв. — «амир верующих» (*амир ал-му’минин*), на дирхамах Ферганы 381/991–92 г. — «наместник Аллаха» (*ал-халифат Аллах* — с «лишним» артиклем при первом слове), на динарах Бу-

хары и Самарканда с упоминанием халифа ал-Мустади (566–75/1170–80) он иногда назван *имамом*.

Только на одном дирхаме 446/1054–55 г. с утраченным названием монетного двора, кроме правящего халифа ал-Ка’има, упомянуты четыре «праведных» халифа с их эпитетами: Абу Бакр ас-Сиддик, ‘Умар ал-Фарук, ‘Усман Абу Нурайн, ‘Али ал-Муртада. Для куфической нумизматики это уникальное явление. Не случайно прежде считалось, что их имена стали помещать на монетах с XIV в. [Бартольд, 1966, с.54]. Разница в том, что на караханидском дирхаме «праведные» халифы фигурируют в поле после второй части символа веры и перед упоминанием ал-Ка’има, на монетах XIV–XVII вв. их имена обрамляют надписи поля.

Караханиды упоминали халифов на динарах, дирхамах и фалсах. Для динаров и дирхамов это норма, на дирхамах исключений почти нет. Очень показателен пример Ибрахима б. Хусайна: на его узджандских дирхамах 559–574/1161–1179 гг. халифы не упомянуты, на его же бухарских и самаркандских дирхамах 574–597/1178–1201 гг. халифы (за единственным исключением) названы. Для фалсов исключением было упоминание халифа, что вообще типично для куфической меди. Таковы фалсы Кашгара 401 г.х., Ферганы 393 г.х., Узгенда 400 г.х., Самарканда 400, 407, 409, 410, 412, 415, 429 гг.х., Согда 400–401, 404 гг.х., Бухары 399, 404–405, 423, 426–427, 431 гг.х. Нетрудно заметить, что на дирхамах и фалсах центрального Мавара’аннахра имена халифов помещались чаще, чем на дирхамах и фалсах других областей. Очень вероятно, что здесь сказалось влияние могущественного бухарского и самаркандского духовенства, не раз дававшего почувствовать свою силу караханидским ханам.

На монетах конца X–XI вв. имена халифов помещались, как правило, в поле об.ст., очень редко в круговой легенде и в поле л.ст. В XII — начале XIII в. упоминание халифа на л.ст. становится нормой. Возможно, уже появление имени халифа на л.ст. нишапурских динаров 396/1005–06 г. и саганийанских дирхамов 431/1039–40 г. связано с влиянием газнавидского чекана, на самаркандских дирхамах 476/1083–84 г. — сельджукидского, для динаров Самарканда 482/1089–90 г. и последующего времени воздействии сельджукидской монетной традиции бесспорно.

Упоминание правителей и прочих лиц

Важнейший в плане информативности элемент монетных надписей составляют упоминания не принадлежавших к числу халифов различных лиц, не обязательно происходивших из Караханидов и не всегда являвшихся правителями. Эти упоминания включают имена (в широком смысле) и/или титулатуру. В свою очередь, имена в широком смысле включают собственно имя, т.е. имя личное ('алам), «отчество» (*насаб*), патронимическое имя, т.е. имя по сыну (*кунья*, *кунья*), прозвание по месту происхождения и/или имени предка (*нисба*, патронимик), профессиональное прозвание (*тахаллус*). Конечно, такая градация несовершенна, ибо не всегда можно провести границу между 'аламом и куньей или куньей и лакабом (почетным прозвищем). Не вполне ясно даже, стоит ли включать лакабы в «имена» или в титулатуру, но мы склоняемся ко второму решению, поскольку лакабы, как и титулы, изменчивы. В свою очередь, не всегда различим рубеж между лакабом и титулом.

Личные имена

В большинстве своем личные имена — общемусульманские, т.е. вошедшие в среднеазиатский ономастикон из арабского. Значительно реже встречаются тюркские и иранские имена.

Арабские имена (имена арабского происхождения): *Аббас*, *Абд ал-Малик*, *Абд ар-Рахман(?)*, *Абд ал-Халик*, *Айуб*, *Али*, *Ахмад*, *Бакр*, *Давуд*, *Джабра'ил*, *Ибрахим*, *Илийас*, *Исма'ил*, *Йа'ла*, *Йусуф*, *Мансур*, *Мас'уд*, *Махмуд*, *Му'изз*, *Му'ин*, *Мухаммад*, *Наср*, *Нух*, *Са'ид*, *Салих*, *Сахл*, *Сулайман*, *Умар*, *Усман*, *Харун*, *Хасан*, *Хашим*, *Хидр (Хызр)*, *Хилал*, *Хусайн*, *Шу'айс*. В составе *насабов* отмечены также имена *Абдаллах* и *Касим*.

Тюркские имена: *Али*, *Бегтогмыш*, *Бегтузун*, *Инанч Көкүз(?)*, *Копчур(?)*-бег, *Санджар*, *Субаши-өгä*, *Чагры*, *Эгдиш*, *Эрташ*, *Йабгу(?)*.

Иранские имена: *Бахрам*, *Кийа*, *Мирак*, *Салар*, *Хусрав-шах*, *Шах-Малик*.

Имена неясного происхождения: *Малик*, *Маликан*, *Матт*, *Нуш*.

Насабы

В подавляющем большинстве случаев генеалогическая «глубина» монетных *насабов* — одно поколение (*Ахмад б. Мухаммад*, *Мухаммад б. Сулайман*, *Сулайман б. Харун*, *Харун б. Али* и т.д.), лишь в одном случае (Самарканд, 523–24/1128–30 гг.) — два (*Ахмад б. Мухаммад б. Сулайман*). Почти всегда имена отца и сына соединены словом *بن* [и]бн, но изредка оно отсутствует. Так, на трех разнотипных дирхамах Тунката и Шаша 450-х гг. правитель назван *Шу'айс Ибрахим*, причем из рукописных источников точно известно, что Шу'айс был сыном Ибрахима. Возможно, здесь имена сына и отца связаны изафетом (*Шу'айс-и Ибрахим*) — под влиянием персидско-таджикской языковой нормы.

Иногда отец правителя упомянут не под именем ('алам), а под лакабом: *Сулайман б. Шихаб ад-давла*, *Йусуф б. Бурхан ад-давла*. Возможно, такой способ упоминания правителя возник под влиянием бувайхидской монетной традиции, для которой вообще типична замена 'алама лакабом, в том числе в *насабе* (*ал-Марзубан б. Адуд ад-давла*, *Фахр ад-давла б. Рукн ад-давла* и т.д.).

Имя отца может быть замещено также титулом (*Ахмад б. илиг*, *Мухаммад б. Кадыр-хакан*, *Махмуд б. султан*), причем иногда и сын фигурирует под титулом, а не именем (*Арслан-тегин б. Улугтегин*, *Кадыр-хан б. Бугра-хан*, *Кадыр-хакан б. султан*). В виде исключения *насаб* мог содержать и имя, и титул: *Ахмад б. ал-хакан Мухаммад б. Сулайман* (фалсы Самарканда 523–524 гг.). Похоже, что в «обогащении» монетных *насабов* титулами Караханиды были вполне оригинальны.

Куньи личные

В эту рубрику включены все имена, начинающиеся на *Абу/Бу*, *Аби* и *Аба/Ба*, в том числе и такие, которые не были именами по сыну. Засвидетельствованы следующие куньи: *Абу Аббад*, *Абу-л-Аббас*, *Абу/Бу/Аби/Аба Али*, *Абу Бакр*, *Абу-л-Касим (Ба-л-Касим)*, *Абу/Аби Мансур*, *Абу/Аби-л-Музаффар*, *Абу Муса*, *Абу/Аби Наср*, *Аби Са'ид*, *Аба/Ба Салих*, *Абу/Бу/Аби-л-Хасан*.

Куньи почетные (= лакабы)

Абу-л-Фаварис, Абу Шуджа’.

Нисбы по месту происхождения

На караханидских монетах зафиксированы нисбы *ал-‘Ираки, Рази, Сайфи* (? — *Насафи*?), *Симнани, ‘Умар Макки, Фариси, Харави*. За одним исключением (*ал-‘Ираки*), нисбы помещены без артикля, что характерно и для саманидского чекана (*Макки, Саджи, Фариси, Хасани*). Артикль при нисбе — норма для арабского, но исключение в персидском.

Нисбы профессиональные, в том числе родовые

На монетах конца X — XI вв. зафиксированы нисбы [*ал-*]Баззас «торговец тканями» или «торговец оружием» или [*ал-*]Баззар «торговец зерном», «торговец пряностями», *ал-Му’аззин, Сарраф* «меняла», *Са’иг* «ювелир», «золотых дел мастер», [*ал-*] *Хаджжадж*, а также, кажется, *‘Айяр* и, возможно, *Динари*.

Титулатура

Монетная титулатура включает титулы (арабские, тюркские, таджикско-персидские), эпитеты-определения и лакабы.

Арабская титулатура

Из арабских титулов самым высоким был титул *султан*, впервые представленный на монетах 479 г.х. в сочетаниях *султан аш-Шарк ва-с-Син* «султан Востока и Сина» и *улул султан ас-салатин* «великий султан султанов». Титул *малик* «царь» проставлялся на монетах конца X — начала XIII в., в том числе в сочетаниях [*ал-*]малик *ал-ислам*, [*ал-*]малик *ал-Маширик, малик ал-Маширик ва-с-Син*. Титул *амир* очень характерен для монет конца X — 3-й четверти XI в., в том числе в сочетании *амир ал-умара*’ «амир амиров». В конце X — XI вв. часто встречается титул *мавла амир ал-му’минин* «клиент амира верующих».

Из персидско-таджикских титулов на монетах засвидетельствованы: *дихкан, пахлаван* (в сочетании *пахлаван аш-Шарк*), *шах, падша*[х], *шаханшах*.

От имен знаменитых султанов из династии Великих Сельджуков образованы титулы *маликшах* (в сочетании *маликшах ал-а’зам*) и *санджар* (в сочетании *санджар ал-а’зам*).

Титулы *султан, малик, амир, хакан, илиг, тегин, дихкан, падша*[х], *маликшах, санджар* нередко сопровождаются арабскими эпитетами-определениями, подавляющее большинство которых приходится на первые четыре титула. Зафиксированы следующие эпитеты: *ал-аджалл* «преславный», [*ал-*]’*адил* «справедливый», *ал-а’зам* «возвеличенный, высочайший», *ал-‘алим* «мудрый», *ал-джалил* «славный», *ал-мансур* «победоносный», *ал-му’аззам* «высочайший, возвеличенный», *ал-му’аййад* «вспомоществуемый [Аллахом]», *ал-муваффах* «сопутствуемый удачей», *ал-музаффар* «победоносный», *ал-мумаккин* «укрепляющий», *ас-саййид* «властвующий». Эти эпитеты, за исключением предпоследнего, известны и у других династий, но только чекан Караханидов демонстрирует такой развернутый набор эпитетов и обилие их комбинаций, в которых» один титул могут сопровождать от одного до четырех определений в самых разных сочетаниях.

Лакабы

Наиболее многочисленные в караханидском чекане лакабы на *ад-давла* «власть; держава» почти все приходятся на XI в.; единственное исключение — *‘Ала’ад-давла* (1-я половина XII в.).

1. *‘Ала’ад-давла*; 2 лица, 1-я половина XII в. *‘Ала*’ (علاء) — «величие».
2. *Адуд ад-давла*; 3 лица, XI в. *Адуд* (عضد) — «рука», «длань».
3. *‘Айн ад-давла*; 1 лицо; 1-я половина XI в. *‘Айн* (عين) — «око».
4. *Бадр ад-давла*; 1 лицо; 2-я четверть XI в. *Бадр* (بدر) — «полная луна».
5. *Баха’ ад-давла*; 1 или 2 лица; 1-я половина XI в. *Баха*’ (بهاء) — «блеск».
6. *Бурхан ад-давла*; 1 лицо, конец XI в. *Бурхан* (برهان) — «аргумент».

7. *Джалал ад-давла*; 1 лицо, 2–3-я четверть XI в. *Джалал (جلال)* — «величие», «слава».
8. *Зайн ад-давла*; 1 лицо, XI в. *Зайн (زين)* — «украшение», «краса».
9. *Имад ад-давла*; 5 лиц, XI в. *Имад (عماد)* — «опора».
10. *Йамин ад-давла*; 1 лицо, 3-я четверть XI в. *Йамин (يمين)* — «десница».
11. *Кавам ад-давла*; 1 лицо, 2-я четверть XI в. *Кавам (قوام)* — «опора».
12. *Кутб ад-давла*; 3 лица, 1-я половина XI в. *Кутб (قطب)* — «полюс».
13. *Му'изз ад-давла*; 3 лица; 1-я половина XI в. *Му'изз (معزز)* — «укрепляющий».
14. *Му'ин ад-давла*; 1 лицо, 1-я половина XI в. *Му'ин (معين)* — «помощник», «пособник».
15. *Мушаййид ад-давла*; 1 лицо, 2–3-я четверти XI в. Р. Фасмер [1930, с.101] читал тот же лакаб иначе — *Маснад ад-давла*, но второй лакаб того же правителя — *Му'аййид ал-милла*, что лучше «рифмуется» с предлагаемым вариантом; к тому же лакабы с компонентом *мушаййид* (*Мушаййид ад-давла*, *Мушаййид ад-дин*) известны [ал-Хусайни, 1980, с.229, прим. 1; Икбал, с.109], в том числе у Караханидов [Бартольд, 1968, с.421], в отличие от лакабов с элементом *маснад*. *Мушаййид (مشيد)* — «зиждитель», «укрепитель».
16. *Насир ад-давла*; 3 лица; 1–2-я четверти XI в. *Насир (ناصر)* — «помощник».
17. *Низам ад-давла*; 2 лица; 1–3-я четверти XI в. *Низам (نظام)* — «устроитель».
18. *Нур ад-давла*; 2 лица, 1-я четверть XI в. *Нур (نور)* — «свет».
19. *Рукн ад-давла*; 2 лица, 1-я треть XI в. *Рукн (ركن)* — «опора», «столп».
20. *Сайф ад-давла*; 5 лиц, 1–3-я четверти XI в. *Сайф (سيف)* — «меч».
21. *Самсам ад-давла*; 1 лицо, 1-я треть XI в. *Самсам (صمصام)* — «острый меч».

22. *Сана' ад-давла (سنا الدولة)*, в одном случае, скорее всего по ошибке, *السنا الدولة*; 2 лица, 1-я половина XI в. *Сана' (سنا)* — «сияние».
23. *Сафи ад-давла*; 1 лицо, 3-я четверть XI в. *Сафи (صفي)* — «избранник», «любимец».
24. *Саха' ад-давла*; 1 лицо; 1-я четверть XI в. *Саха' (سخاء)* — «щедрость».
25. *Синан ад-давла*; 1 лицо, 1-я четверть XI в. *Синан (سنان)* — «копье».
26. *Сирадж ад-давла*; 1 лицо, начало XI в. *Сирадж (سراج)* — «светоч».
27. *Султан ад-давла*; 1 лицо, 2-я четверть XI в. *Султан (سلطان)* — «власть», «правитель».
28. *Фахр ад-давла*; 2 лица, 1–3-я четверть XI в. *Фахр (فخر)* — «гордость».
29. *Шамс ад-давла (شمس الدولة)*, в одном случае, очевидно по ошибке, *شمس دولة*, 3 лица, 1-я и 2-я треть XI в. *Шамс* — «солнце».
30. *Шараф ад-давла*; 2 лица, 2–3-я четверти XI в. *Шараф (شرف)* — «благородство», «честь».
31. *Шихаб ад-давла*; 2 лица, конец X и середина XI в. *Шихаб (شهاب)* — «звезда», «метеор», «свет».
- 31а. *Иzzат(?) (عزة؟) ад-давла*; 1 лицо, середина XI в. *Иzzат* — «величие», «почет», «честь».
- 31б. *Вали ад-давла(?) (ولي الدولة)*; 1 лицо, конец X в. [ас-Саби, 1983, с.89]. *Вали* — «наместник», «приближенный», «друг». Лакабы с компонентом *ал-милла (الملة)* «община» встречаются намного реже и только на монетах XI в. Часто они следуют за лакабами на ад-давла и соединены с ними союзом *ва*:
  1. *Му'аййид ал-милла*; 1 лицо, около XI в. *Му'аййид (مؤيد)* — «укрепитель».
  2. *Му'изз ал-милла*; 1 лицо, около середины XI в.
  3. *Наср ал-милла*; 3 лица, 1-я и 2-я трети XI в. *Наср (نصر)* — «помощь», «победа».
  4. *Тадж ал-милла*; 2 лица, две последних трети XI в. *Тадж (تاج)* — «венец», «корона».
  5. *Фахр ал-милла*; 1 лицо, около середины XI в.

6. *Шамс ал-милла*; 1 лицо, начало XI в.

Немногочисленны и лакабы с основой *ад-дин* (الدين «вера, религия»), известные для XI и 1-й трети XII в.

1. *Зайн ад-дин*; 2 лица, 2–3-я четверти XI в.

2. *‘Изз ад-дин*; 1 лицо, около середины XI в.

3. *Насир ад-дин*; 2 лица, начало XI в. и 1-я треть XII в.

4. *Шамс ад-дин*; 1 лицо, около середины XI в.

4а. *‘Адуд(?) ад-дин*; 1 лицо, 423–426/1031–35 гг.

4б. *Тадж ад-дин(?)*; 1 лицо, 2-я четверть XI в.

Один из лакабов, проставлявшихся на дирхамах 3-й четверти XI в., соединяет компоненты *ад-давла* и *ад-дин* в уникальном для караханидских монет сочетании *Нур ад-дин ва-д-давла*.

Вплоть до середины XI в. (особенно в конце X — начале XI в.) часто встречается лакаб *Насир ал-хакк* (الحق — «истина»), зафиксированный на монетах пяти государей. Этот лакаб, соединяясь с компонентом *ад-дин*, образует сочетание *Насир ал-хакк ва-д-дин*, представленное в чекане двух правителей XI в. На дирхамах государя 1-й половины XII в. помещался лакаб *Нусрат ал-хакк ва-д-дин* (نصرة — «победа», «помощь»).

В XII — начале XIII в. абсолютно преобладающими стали лакабы с окончанием *ад-дунья ва-д-дин* (الدنيا — «[земной] мир»).

1. *‘Ала’ ад-дунья ва-д-дин*; 1 лицо, 2-я четверть XII в.

2. *Гийас ад-дунья ва-д-дин*; 2 лица, 3-я четверть XII в. *Гийас* (غياث) — «помощь».

3. *Джалал ад-дунья ва-д-дин*; 6 лиц, 2-я половина XII — начало XIII в.

4. *‘Имад ад-дунья ва-д-дин*; 2 лица, конец XII — начало XIII в.

5. *Му’изз ад-дунья ва-д-дин*; 3 лица, конец XII — начало XIII в.

6. *Насир ад-дунья ва-д-дин*; 1 лицо, конец XII — начало XIII в.

7. *Нусрат ад-дунья ва-д-дин*; 2 лица, 2-я половина XII — начало XIII в.

8. *Рукн ад-дунья ва-д-дин*; 5 лиц, 2-я четверть XII — начало XIII в.

9. *Тадж ад-дунья ва-д-дин*; 1 лицо, 574/1178–79 г.

10. *Хусам ад-дунья ва-д-дин*; 1 лицо, начало XIII в. *Хусам* (حسام) — «меч».

11. *Шамс ад-дунья ва-д-дин*; 1 лицо, рубеж XII–XIII вв.

Другие лакабы

12. *‘Изз ал-умма*; 1 лицо, 3-я четверть XI в. *Умма* (الامة) — «община».

13. *Кахф ал-муслимин* (كهف المسلمين — «прибежище мусульман»); 1 лицо, 3-я четверть XI в.

14. *Шараф ал-ислам*; 1 лицо; 2-я четверть XI в.

15. *Шамс ал-ма‘али* (معالي — «благородные качества»), 1 лицо, 1-я четверть XI в.

16. *Шамс ал-мулк* (شمس الملك — «солнце царства»); 1 лицо, 2-я половина XI в. Согласно «Сийасат-нама», лакабы на *ал-мулк* присваивают «амидам и правительственным лицам», в том числе вазирам [Низам ал-мульк, с.158–159], но у Караханида Насра б. Ибрахима такое почетное прозвание даже вытеснило личное имя, и он вошел в историю как Шамс ал-мулк.

У Караханидов встречаются на монетах и некоторые неординарные лакабы.

Захир ад-да‘ва (ظهير الدعوة — «опора призыва к вере») — лакаб Бугра-хана Харуна (конец X в.).

[ал-]Му‘аййид ал-‘адл (المؤيد العدل) — «поборник справедливости»). Этот лакаб помещался на монетах восьми правителей конца X–XI в., из коих шестеро определенно принадлежали к числу потомков ‘Али б. Мусы.

[ал-]Муваффик ал-‘адл (الموفق العدل) — «устроитель справедливости»). Известен только по дирхамам Бухары 403 г.х. и Шалджи 413 г.х.

Насир амир ал-му‘минин; 1 лицо.

Сафи амир ал-му‘минин; 1 лицо.

Сайф халифат Аллах; 1 лицо.

Вали халифат Аллах; 1 лицо.

Сафи вали халифат Аллах.

Сахиб ал-джайш.

Гази.

ал-Хасса.

[ал-]Музаффар.

Тюркская титулатура

Хан (хакан)

Высший у Караханидов тюркский титул — хан (خان), или хакан (خاقان). Абу 'Абдаллах Мухаммад ал-Хорезми (конец X в.) проводит различие между этими титулами, уверяя, будто «хакан — это хан ханов» [Хорезми, 1939, с.218], но караханидский нумизматический материал показывает, что это просто разные формы одного титула: один и тот же правитель именуется Арслан-хан и Арслан-хакан, Бугра-хан и Бугра-хакан, Табгач-хан и Табгач-хакан и т.д. Тот же титул изредка встречается на монетах в форме кан (قان / کان).

Слово хан (хакан) часто является составной частью более сложных титулов, причем в той же роли конечного компонента выступает нередко сочетание кара-хакан (кара-хан): у одного и того же лица — Арслан-хан и Арслан кара-хакан, Бугра-хан и Бугра кара-хакан, Тогрыл-хан и Тогрыл кара-хакан, Тонга-хан и Тонга кара-хакан.

На караханидских монетах титул хан/хакан встречается в следующих сочетаниях:

1. Арслан-хан/хакан/кара-хакан; 6 лиц, начало XI — конец XII в. Арслан (ارسلان) — «лев».
2. Бугра-хан/хакан/кара-хан/кара-хакан; 3 лица, конец X — конец XII в. Бугра (بغرا, в одном случае بوغرا) — «верблюд».
3. Йаган-хан; 2 лица, XII в. Йаган (يغان) — «слон».
4. Кадыр-хан/хакан; 4 лица, начало XI — начало XIII в. Кадыр (قدر) — «могущественный», «грозный».
5. Кылыч-хан/хакан; 2 лица, XII в. Кылыч (قلىچ) — «меч».
6. Тафгач/Табгач/Тамгач-хан/хакан; 13 лиц; начало XI — начало XIII в. (طمنغاچ / طبنغاچ / طفنغاچ). По Махмуду ал-Кашгари, Табгач-хан — «великий и древний царь» [Бартольд, 1965, с.87].
7. Тонга-хан/хакан/кара-хакан или Тоган-хан. На монетах 416–418 гг.х. первый компонент титула одного и того же правителя (Мухаммада б. ал-Хасана) представлен в четырех формах — سكا, طعنا, طعان, سكا, а у другого государя появляется еще одна форма — طسكا. Разнобой наблюдает-

ся и в аналогичных титулах с компонентом тегин: у одного и того же князя первая часть титула передается в формах طعنا, طعنا, طعنا и طعنا. Очевидно, налицо обычная метатеза (ср. йаган/йанга). Тоган/тонга означает «мужественный», «герой», «храбрый», «доблестный» [ДТС, с. 571, 575]. Поэтому титул Тонга/Тоган-хан, вероятно, следует понимать примерно как «царь-герой».

8. Тогрыл-хан/хакан/кара-хакан; 5 лиц, 2-я половина XI — начало XIII в. طغرل / طغريل тогрыл — хищная птица (ДТС, с. 571)
9. Турк-хакан (ترك خاقان) — только на дирхамах Ферганы 381/991–92 г.
10. Гур-хан (گورخان) — на дирхамах Самарканда 547–48/1152–54 г. Этот титул относится к царю карахытаев, т.е. он не караханидский, но всё же помещен на караханидских монетах.
11. Кадыр Тафгач-хакан; 1 или 2 лица, XII в.
12. Кадыр Тоган-хан/хакан; 1 лицо, 2-я половина XII в.
13. Кутлуг Билгä-хан/хакан; 2 или 3 лица, 2-я половина XII — начало XIII в. Кутлуг (قتلىق или قتلىغ) — «счастливый», билгä (بلگا) — «мудрый».
14. Кутлуг Тоган-хан; 1 лицо, начало XIII в.
15. Күч Арслан-хан/хакан; 2 лица, 2-я половина XII — начало XIII в. Күч (كوج) — «сила», «мощь».
16. Кылыч Арслан-хан; 2 лица, конец XI в. — 2-я половина XII в.
17. Кылыч Билгä-хан; 1 лицо, 2-я половина XII в.
18. Кылыч Табгач/Тафгач-хан; 2 лица, 2-я половина XII в.
19. Кылыч Тогрыл-хан; 1 лицо, 2-я половина XII в.
20. Табгач Бугра-хан/кара-хакан; 2 лица, XI в.
21. Улуг Тогрыл-хан; 1 лицо; начало XIII в. Улуг (الغ) — «великий».
22. Улуг Чагры-хан; 1 лицо, конец XII — начало XIII в. Чагры (جغرى) — «сокол».
23. Эгдиш Тафгач-хан; 1 лицо, 3-я четверть XII в. Эгдиш (اكديش) — одно из карлукских племен.
24. Савинч(?) Кутлуг Арслан-хакан; 1 лицо, начало XIII в. Савинч (سونىچ) — «радость».

⁷ Первоначальное чтение, отраженное в прежних публикациях Б.Д. Кочнева и в работах других авторов — Акдаш, очевидно, ошибочно. — Прим. ред.

25. Улуг Эгдиш Чагры-хан; 1 лицо, начало XIII в.

Илиг

Слово, встречающееся на монетах конца X — конца XI в. в форме *ایلیک* или (реже) *ایلیک*, транскрибировалось как угодно — *илек, илак, илик, илиг, елик, элик* и даже *айлук* [Дорн, 1880, с. 705; Караев, 1983, с. 88–90]. Два крупных специалиста, П. Пельо и Осман Туран, считали правильной форму *илиг* [Бартольд, 1964а, с. 520, прим. 1].

Тегин

Княжеский титул *тегин* (*تکین*) помещался на монетах конца X — конца XI в., хотя в рукописных источниках встречается вплоть до начала XIII в. В монетных легендах иногда сопровождается арабскими эпитетами: *тегин* [*ал*]-*'адил, тегин ал-джалил*. Гораздо чаще сочетается с тюркскими компонентами.

Алп-тегин; 1 лицо, 2-я четверть XI в. *Алп* (*الپ*) — «меткий стрелок», «богатырь».

Атим-тегин (*اتم تکین / اتمتکین*); 1 лицо, начало XI в. *Атим* — меткий стрелок.

Арслан-тегин; 6 лиц, конец X — 3-я четверть XI в.

Бугра-тегин; 3 лица, 2-я половина XI в.

Бөри-тегин; 2 лица, XI в. *Бөри* (*بوری*) — «волк».

Йаган/Йанга/Йанган-тегин; 5 лиц, конец X — середина XI в.

Йаган Турк-тегин; 1 лицо, середина XI в.

Йинал-тегин (*ینال تکین / ینالتکین*) или *Инал-тегин* (*ینال تکین*); 5 лиц, 1–3-я четверти XI в. *Йинал* — «наследник».

Күч-тегин (*کچ تکین / کچتکین*); 2 лица, 2-я и 3-я четверти XI в.

Себук(?) -тегин (*سبق تکین*); 1 лицо, 3-я четверть XI в.

Тонга/Тоган-тегин (*تنگان / طغان / طغا / طسکان*); 5 лиц, конец X — 3-я четверть XI в.

Тогрыл-тегин (*تغرل تکین / طغرلتکین*); в одном случае *تغرل تکین*; 2 лица, 2-я половина XI в.

Тузун-тегин (*توزن تکین*); 1 лицо, 3-я четверть XI в. *Тузун* — «благородный».

Улуг-тегин; 1 лицо, конец X в. (титул относится к отцу упомянутого на монете правителя).

Хумар-тегин (*خمار تکین*); 1 лицо, конец X в.

Чагры-тегин (*چغری تکین / چغریتکین / جغراتکین / جغرتکین*) 6 лиц, 1–3-я четверти XI в.

Алп-Билгä-[тегин?].

Ögä (*وکا / اوکا*)

Редкий титул, который встречается только на раннекараханидских монетах 404–425/1013–34 гг. и в сочетании с другими тюркскими компонентами.

1. *Ака-ögä*; 1 лицо, Тараз 404 г.х. *Ака* (*اقا*) «старший брат» [ДТС, с.48], но также «старший (по положению)», «начальник» [Дёрфер, т. I, с.133 сл.; т. II, с.85].

2. *Барс-ögä*; 1 лицо, Банакат 407 г.х., Усрушана 409–410 гг.х. *Барс* (*بارس*) — «тигр», «барс».

3. *Эл-ögä*; 1 лицо, Тараз 408–412 гг.х. *Эл* (*ایل*) — «народ», «племенной союз», «страна», «административная единица».

4. *Кылыч-ögä*; 1 лицо, Иштихан 419–421/1028–30 гг.

5. *Субаши-ögä*; 1 лицо, Иштихан, 425 г.х. *Субаши* (*سباشی*) — «военачальник».

6. *Тонга-ögä*; 1 лицо, Шаш 410 г.х.

7. *Хутлуг-ögä*; 1 лицо, Йарканд 404–406 гг.х. *Хутлуг* (*ختلغ*) — «счастливый».

8. *Тархан/таркан* (*ترخان / ترکان*); 1 лицо; Бухара 421 г.х., Согд 421 г.х.

Бег(?)

На очень немногих монетах XI в. встречается слово *بک*, т.е., вероятно, *бег*.

Персидско-таджикские титулы

1. *Дихкан* (*دهقان*), 3 лица; Илак 387–399 гг.х.

2. *Пахлаван* (*بهلوان*), 1 лицо; Самарканд 530 г.х. Только в составе лакаба *Пахлаван аш-Шарк*.

3. *Падшах* (*بادشاه*) или *падша* (*بادشا*), 390–428 гг.х.

4. *Шах* (*شاه*), 2 лица; конец XII — начало XIII в.

5. *Шаханшах* (*شاهنشاه*), 1 лицо; 3-я четверть XII в.

Несколько общих замечаний по поводу караханидской монетной титулатуры

Из всех особенностей караханидской монетной титулатуры одна из самых заметных — ее многообразие и обилие. Исследователи давно обратили внимание на эту особенность, иногда считая даже, будто пышность и «громоздкость» являются своего рода атрибуционными признаками именно караханидской титулатуры [Массон, 1971, с. 81–82]. Обычное объяснение — особая любовь Караханидов к пышной титулатуре. Между тем, если обратиться к титулатуре иных современных Караханидам династий и проанализировать упоминания правителей не только на монетах, но также в нарративных источниках, в документах, в эпиграфических и строительных надписях и т.д., то нетрудно убедиться: у целого ряда династий, вплоть до самых мелких, титулатура была не менее «пышной», чем у Караханидов, а усложнение, умножение титулатуры — общая тенденция для всего домонгольского Машрика, если не для мусульманского мира в целом, неотъемлемой частью которого Караханидский каганат оставался до самого падения династии. При всем том совершенно несомненно, что обилие и многообразие титулатуры на монетах Караханидов действительно беспрецедентно. В этом отношении с ними не может соперничать ни одна из предшествующих и современных им мусульманских династий, не исключая даже такой крупной, как Сельджукиды. В чем причина этого?

Ответить на данный вопрос непросто. Могут быть высказаны лишь некоторые соображения на сей счет.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что Караханиды очень существенно обогатили монетные надписи многочисленными тюркскими титулами. Как видно из перечня монетных титулов (см. выше), большинство из них составляют именно тюркские, затем следуют арабские и персидско-таджикские. Еще более показательна частота появления на монетах разных по происхождению титулов: тюркские использованы 2846 раз (64,8%), арабские — 1406 раз (31,9%), персидско-таджикские — 144 раза (3,3%), (число «раз» значительно превышает число «видов» монет, поскольку на монетах одного «вида» часто бывает по несколько

тюркских и арабских титулов). Как видно из этих цифр, тюркские титулы включались в монетные легенды вдвое чаще, нежели титулы арабские, чрезвычайно традиционные для всей куфической нумизматики. Ничего подобного не знает ни одна домонгольская династия тюркского происхождения. Даже у Сельджукидов, которые вступили на мировую политическую арену буквально «из степей», в монетной титулатуре практически нет тюркских элементов (хотя тюркские имена фигурируют и в XI, и в XII в.). Столь большой удельный вес именно тюркских элементов в караханидской титулатуре объясняется, очевидно, тем, что в государстве Караханидов очень долго сохранялись «архаичные институты древнетюркского времени» [Кляшторный, 1986, с. 218]. По авторитетному заключению С.Г.Кляшторного [там же], поэма «Кутадгу билиг», написанная по-тюркски в 462/1069–70 г. в Кашгаре, очень живо перекликается с древнейшими тюркскими текстами — камнеписными памятниками Центральной Азии. И титулатура, зафиксированная этими текстами, находит множество соответствий в караханидской титулатуре (в том числе монетной) вплоть до конца династии. Здесь достаточно вспомнить титулы *Али Кутлуг Тонга Билгä Тюрк (Турк) Тогрыл Кара-хакан* и *Али Кутлуг Тонга Билгä Арслан-хакан*, из коих первый принадлежал ферганскому владельцу Хусайну б. Хасану (умер в 551/1156 г.), второй — предпоследнему самаркандскому правителю Ибрахиму б. Хусайну, скончавшемуся в 599/1202–03 г., за несколько лет до падения династии. Как представляется, столь длительная консервация древней титулатуры, в том числе в монетных надписях, т.е. на самом высоком, «официальном» уровне, в той или иной мере связана со столь же долгим сохранением «архаичных институтов древнетюркского времени». А если так, то становится тем более понятным, почему в караханидском чекане вплоть до его прекращения абсолютно господствовала тюркская титулатура, и почему этого вовсе не наблюдается, скажем, в чекане Сельджукидов, у которых тюркские культурные и государственные традиции прослеживаются значительно слабее.

Одним из таких архаичных институтов была удельно-лестничная система, в соответствии с которой караханидские правители по мере продвижения по иерархической лестнице получа-

ли всё новые тюркские титулы (подробнее об этом ниже). И это еще один из источников многообразия караханидской монетной титулатуры.

Арабские титулы на караханидских монетах немногочисленны и традиционны. Более многообразны прилагавшиеся к ним эпитеты-определения, набор которых богаче и разнообразнее, чем у любой другой домонгольской династии Машрика. Среди них можно отметить такой редкий эпитет, как *ал-мумаккин* «укрепляющий».

Еще более многообразны арабские лакабы. Подчеркнем, что подчас непросто провести четкую грань между титулом и лакабом. Ведь в рукописных источниках и то, и другое обозначалось одним словом — لقب *лакаб*. У Хилала ас-Саби [1983, с.90] фигурируют, в частности, однокомпонентные лакабы, например, *ал-Музаффар* («победоносный»), хотя для того же времени (X–XI вв.) известно и личное имя *Музаффар*.

Раздача халифами почетных прозваний (лакабов) стала регулярно практиковаться с начала X в. Еще в 3-й четверти X в. получить лакаб было не так просто: даже всесильные Бувайхиды, отнявшие у Аббасидов фактическую власть, не всегда могли добиться у них желаемого лакаба [ас-Саби, 1983, с. 90]. Но уже к концу того же столетия ситуация принципиально изменилась. Яркое тому свидетельство содержат ядовитые стихи Абу Бакра Хорезми: «И [сыны Аббаса] дали лакаб человеку, которого их предок, будь он жив, не согласился бы [иметь] привратником при отхожем месте. Мало стало дирхамов в руках этого халифа нашего, и [он] стал расточать людям лакабы» [Занд, 1954, с. 200]. Предшественники Караханидов, Саманиды, в отличие от Бувайхидов, не стремились к лакабам, но сами жаловали своих военачальников и вельмож почетными прозваниями [Бируни, 1957, с. 150]. В рукописных источниках имеются свидетельства того, что в соответствии с обычной практикой от халифов получали лакабы и Караханиды — такие, как Ибрахим б. Наср (431–460/1039–1068), его брат Мухаммад, Ахмад б. ал-Хасан (начало XII в.) [Бунятов, 1981, с. 8–10; Прицак, 1953, с. 42]. Для этого приходилось либо самому правителю ехать в Багдад, либо (чаще) отправлять туда посольство; Ибрахим направлял послов будто бы ежегодно и полу-

чил многие лакабы. Имеются, однако, и известия иного рода. Так, по словам Бируни [1957, с. 150], уже первый завоеватель Мава-ра'аннахра, Бугра-хан Харун, в конце X в. «прозвал самого себя» Шихаб ад-давла. А поскольку число Караханидов, включая мелких удельных князей, со временем стало очень значительным, сноситься же с Багдадом многие не могли или не желали, то можно с уверенностью заключить, что в большинстве своем их лакабы не были получены от халифов. Очень вероятно, что лакаб вассала *Сафи вали халифат Аллах*, произведенный от лакаба сюзерена *Вали халифат Аллах*, этим сюзереном и был пожалован. В других же случаях лакабы могли и присваиваться. Надо думать, именно по этой причине у одного правителя одновременно было несколько однородных лакабов (скажем, на *ад-давла*), а у владетелей-современников — одинаковые лакабы. Иногда такие совпадения имели место за счет «семейных» лакабов, особо популярных в определенной ветви царствующего рода. Так, лакаб [ал-]Му'аййид ал-'адл засвидетельствован у четырех поколений потомков 'Али б. Мусы — Ахмада б. 'Али, Насра б. 'Али, Мухаммада б. Насра, Ибрахима б. Насра, Мухаммада б. Ибрахима, Ахмада б. Хызра б. Ибрахима. В этой связи становится понятным, почему в списке многочисленных лакабов, пожалованных ал-Ка'имом Ибрахиму б. Насру, отсутствует именно лакаб [ал-]Му'аййид ал-'адл: Ибрахим действительно не получил его от халифа, а «унаследовал» от отца. В XII — начале XIII в. лакаб *Джалал ад-дунья ва-ддин* был очень популярен у потомков 'Али б. 'Абд ал-Му'мина.

При легкости «самонаграждения», казалось бы, отпадала необходимость обращаться за лакабами в Багдад. Однако современники, очевидно, очень хорошо осознавали весомость санкции халифа. Так, Мухаммад б. Наср еще в 411 г.х. помещал на монетах лакаб *Айн ад-давла*, но в 436/1044 г., прибыв в Багдад, просил у ал-Ка'има именно это почетное прозвание [Бунятов, 1981, с. 8, 10], т.е. добивался, в сущности, не получения, а официального закрепления за ним лакаба *Айн ад-давла*.

Еще до 436/1044 г. этот лакаб был связан с Мухаммадом настолько прочно, что даже на международной арене он был известен как 'Айн ад-давла — так его называет газнавидский историк Байхаки; к 'Айн ад-давла обращались Сельджукиды после данданаканской по-

беда [Байхаки, 1969, с. 682, 763]. Казалось бы, это и есть самый излюбленный лакаб Мухаммада б. Насра, у которого было не менее трех почетных прозваний на *ад-давла*, в том числе лакаб *Сайф ад-давла*, известный по монетам с 415/1024–25 г. И в надписи на усыпальнице Мухаммада фигурирует именно последний лакаб, а сын Мухаммада б. Насра выступает как *Малик б. Сайф ад-давла* и в монетных легендах, и в надписи на мавзолее [Настич, Кочнев, 1988, с. 70 сл.]. Можно думать, что лакаб *Айн ад-давла* носил как бы более официальный, церемониальный, «внешний» характер, тогда как во «внутренних делах» отдавалось предпочтение лакабу *Сайф ад-давла*, намекавшему на воинские доблести, всегда занимавшие особое место в системе ценностей караханидского общества. К тому же существовала, возможно, градация лакабов по значимости — так было, по крайней мере, у Бувайхидов [ас-Саби, 1983, с. 90]. Словом, в системе почетных прозваний имелись свои тонкости, которые по большей части от нас, к сожалению, ускользают.

Итак, Караханиды не только получали лакабы от халифов, но и сами присваивали их, передавали «по наследству»; очень многие члены династии имели по несколько почетных прозваний, помещая их на монетах. Это еще один из источников многообразия монетной титулатуры Караханидов.

Наиболее же общую причину ее обилия и разнообразия следует, вероятно, искать в особенностях караханидской удельной системы, позволявшей выходить на нумизматическую арену многочисленным и очень самостоятельным правителям многих рангов. В значительно меньшей мере, чем Саманиды, связанные с купеческой монетной традицией, они в «титулотворчестве» были сдерживаемы, в сущности, только невозможностью внеочередного присвоения более высокого титула. В стремлении к тому, чтобы «выделиться», предстать на монетах не так, как другие современники и предшественники, они искали и находили всё новые и новые сочетания далеко не бесконечного числа элементов титулатуры, всё новые и новые формы и варианты титулования.

Возвращаясь к этим элементам, нельзя не обратить внимания, что среди определений-эпитетов, присоединявшихся к арабским, тюркским и таджикско-персидским титулам, чрезвычайно распространено определение [*ал-*]‘*адил* «справедливый;

правосудный». Не случайно также пристрастие к неканоническому (возможно, изобретенному самими Караханидами) лакабу [*ал-*]Му’*аййид ал-’адл* «поборник справедливости». Большинство известных по монетам Караханидов, от мелкого князя до великого кагана, на протяжении двух с лишним столетий (с конца X до начала XIII в.) настойчиво подчеркивали, что они — справедливые, правосудные правители. Между тем в саманидской монетной титулатуре слово ‘*адил* вообще отсутствует, а у Бувайхидов, Великих Сельджуков и Ануштегинидов появляется чрезвычайно редко. Нет его, кажется, и на монетах Газнавидов (с их монетной титулатурой я знаком несколько хуже, но даже если она и включала слово ‘*адил*, то только в виде исключения). Разумеется, это не означает, что Караханиды были справедливее своих царственных предшественников и современников. Несомненно, однако, что никакая иная домонгольская династия Машрика не стремилась представить себя справедливой в такой степени, как Караханиды.

Появление в 350/961–62 г. на монетах Бувайхида ‘Адуд ад-давла Фана-Хусрау титула *ал-амир ал-’адил* Г. Буссе [1981, с. 77–78] связывает с древней иранской монархической традицией («справедливость была постоянно восхваляемым достоинством персидских царей») и рассматривает его в одном ряду с действительно древнеиранским титулом *шаханшах*. Не вдаваясь в дискуссию о причинах появления на бувайхидском дирхаме титула *ал-амир ал-’адил*, напомним лишь, что идея справедливого правления была общемусульманской на протяжении всего средневековья. В XI–XII вв. слово ‘*адил* в качестве элемента титулатуры (зафиксированной рукописными источниками, погребальной и строительной эпиграфикой) было широко распространено на территории не только Машрика, но и Магриба, не затронутого иранским влиянием, причем у правителей самого разного происхождения — арабского, иранского и тюркского. Насколько идея справедливого правления утвердилась в караханидском обществе, можно судить, в частности, по поэме «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагунского (XI в.). Говоря об «основе» этой книги, сам автор называет несколько «непреходяще ценных сутей», из коих «первая — Справедливость», «главное лицо» поэмы — правитель Күнтогды, во-

площающий Справедливость; о справедливости говорится как о «первом устое» государства и т.д. [Юсуф Баласагунский, 1983, с. 6, 13, 59, 171 сл.]. И в этом контексте обилие и многообразие караханидской монетной титулатуры с компонентом *‘адил* не удивительно. Труднее объяснить, почему все прочие домонгольские династии, отнюдь не чуждые идее справедливости и стремления выглядеть справедливыми, в монетном чекане этого либо не продемонстрировали вовсе, либо проявляли в гораздо меньшей степени, чем Караханиды.

Выпускные сведения

При Караханидах в целом сохранилась традиционная схема легенды с выпускными сведениями: 1) вводная формула (*басмала*, инвокация); 2) наименование монеты; 3) название монетного двора; 4) дата (всегда словами).

Вводная формула (*басмала*)

Вводная формула обычно краткая: ... *بسم الله ضرب هذا* «Во имя Аллаха бит этот ...», но изредка *басмала* имеет полную форму: *بسم الله الرحمن الرحيم* «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». В раннекараханидское время развернутая *басмала* зафиксирована только на монетах 391–416 гг.х. Изредка она встречается также на самаркандских дирхамах 2–3-й четверти XII в. Только в одном случае (дирхам Шаша, битый около 407–409 гг.х.) после краткой формы *басмалы* вставлено выражение *توكل على الله* «уповая на Аллаха», известное и по саманидскому серебряному чекану, но засвидетельствованное совсем в другой (изолированной) позиции. Иногда вводная формула принимает форму ... *بسم الله امر بضرب هذا* «Во имя Аллаха приказано (или приказал) выбить этот ...». После этой формулы на дирхамах Узгенда 409–410 гг.х. и Ахсиката 410 и 415 гг.х. следует упоминание правителя, на дирхамах Маргинана 442/1050–51 г. никто не упомянут.

Наименования и металл монет

Наименования монет в подавляющем большинстве случаев традиционные: *دينار دينار*, *درهم дирхам*, *فلس фалс*. Даже когда перед нами дирхамы или фалсы двух разных (судя по размерам и весу) номиналов, причем выпускавшиеся одновременно, в надписях те и другие одинаково названы дирхамами или фалсами. Исключение составляют «двойные фалсы» (*الفلسين*) Самарканда 559–560/1163–65 гг., а также *нисфийа* (*نصفية*), т.е. «половинные» фалсы, выпускавшиеся в Маргинане и Самарканде в 1-й трети XII в. На многих дирхамах Узджанда 2-й половины XII в. наименование монет опущено.

Термин *динар* при Караханидах прилагался только к монетам, обслуживавшим сферу золотого обращения. От раннекараханидского времени дошли динары Бухары 382/992 г. и Нишапура 396/1005–06 г. Эти динары очень близки к саманидским по качеству чекана, общему облику и, очевидно, пробе; во всяком случае, выглядят они столь же высокопробными (анализ металла или пробирование не производились). Следующий эпизод — выпуск динаров Самарканда 482/1089–90 г. Это серебряные кружки с остатками золотого покрытия, т.е. такие же серебряные позолоченные монеты, как и многие тогдашние сельджукидские динары. Регулярный выпуск караханидских золотых динаров начался в XII в.: ранняя дата — 552/1157–58 г., поздняя — 605/1208–09 г.

Сферу серебряного обращения обслуживали дирхамы, выпускавшиеся с 381/991–92 по 609/1212 г. на десятках монетных дворов от Уча до Балха. Металл их очень варьировал в зависимости от времени и места. Ранние дирхамы высокопробные, но со 2-го десятилетия XI в. проба начинает падать. К 3-й четверти XI в. в большинстве среднеазиатских областей (Согд, Худжанд, Шаш, Испиджаб, Тараз) выпускали низкопробные дирхамы, содержавшие около 20% серебра (с колебаниями в ту и другую сторону). В Фергане, Чуйской долине, Прииссыккулье и Восточном Туркестане в середине XI в. чеканили так называемые медно-свинцовые дирхамы, вовсе не содержавшие серебра, но около 450/1058–59 их выпуск прекратился, а Фергана вернулась к производству низкопробных дирхамов. Чеканка таких монет продолжалась, по

крайней мере, до начала 3-й четверти XII в. Считается, что с этого времени Караханиды прекратили выпуск любых низкопробных дирхамов, на смену которым пришли медные (или бронзовые) посеребренные дирхамы, содержавшие намного меньше драгоценного металла [Давидович, 1960, с. 102–106; она же, 1980, с. 64]. Однако, как выясняется, в Самарканде низкопробные серебряные дирхамы выпускали в 562–565/1166–70 [Давидович, 1977, с. 177] и 577/1181–82 гг. [ГЭ, инв. № 5220]. Эти монеты принадлежат к тем самым типам, другие экземпляры которых выглядят медными и должны были бы считаться первоначально посеребренными. Как показали металлографические исследования караханидских дирхамов 2-й четверти XI — середины XII в., проведенные И. Г. Равич (Институт реставрации, г. Москва), они являют собой билоновые (низкопробные) монеты с обогащенным серебром поверхностным слоем и ядром, в котором преобладает медь. Разница между монетами разных хронологических групп — только в количестве серебра, постепенно уменьшавшемся. Возникает вопрос: не следует ли так называемые медные посеребренные дирхамы 2-й половины XII — начала XIII в. считать такими же, как и дирхамы предшествующего времени, первоначально билоновыми, но утратившими целиком или почти полностью поверхностный слой, обогащенный серебром? Разумеется, ответ на этот вопрос могут дать лишь массовые анализы позднекараханидских дирхамов. До получения такого ответа мы сочли правильным дирхамы 2-й половины XII — начала XIII в. по-прежнему именовать медными посеребренными (если они не выглядят явно билоновыми).

Как бы то ни было, остается несомненным, что при Караханидах термин *дирхам* прилагался и к высокопробным серебряным монетам, и к низкопробным, и к таким, которые почти совсем или вовсе не содержали серебра.

В сфере медного обращения использовались фалсы (ед.ч. *фалс*, мн.ч. *фулус*) — медные (или бронзовые) монеты. Они выпускались Караханидами с 382/992 до 607/1210–11 г. В конце X — 1-й четверти XI в. фалсы чеканили десятки монетных дворов, с 3-й четверти XI в. их выпуск сосредоточился в Самарканде и Бухаре, но производился в гораздо меньших масштабах.

Кроме традиционных названий, засвидетельствованы обозначения следующих монет: *عادي* 'адили, *عالي* 'али, *اسلان خاني* *a[p]слан-хани* (!), *برهانی* бурхани, *غطريفی* гитриффи, *جلالی* джалали, *قادری* кадири, *قراری* карари, *منصوری* мансури, *معظمی* му'аззами, *مبارکی* мубараки, *مظفری* музаффари, *رکنی* рукни, *سلطانی* султани, *شاهنشاهی* шаханшахи, *خاقانی* хакани, *حسامی* хусами, *شاهی* шахи, *علامی* 'аллами(?), *ظفری* зафари(?), *معزیه* му'иззийя, *عبدیه* 'абдийя.

Термин 'абдийя — производное от слова 'абд, которое то в «целом» (*عبد*), то в «разобранном» (*ع ب د* или *ب د ع*) виде помещалось на монетах 394–462/1003–70 гг. Чаще всего это дирхамы, иногда фалсы (Согд, 401/1010–11 г., Худжанд, 405/1014–15 г.). То же самое слово проставлялось на халифатских монетах VIII в. Х.М. Френ [1823, с. 34–35] читал его 'абд, предполагая, что это сокращение имени Абдаллах. В.Г. Тизенгаузен, не отвергая мнения предшественника, предложил еще два объяснения: словом 'абд «раб» правитель мог выразить преданность халифу; не исключена связь этого слова с выражением «дирхамы 'абдийя», которое прилагалось к доброкачественным и полновесным монетам [Тизенгаузен, 1873, с. 69]. Если принять второе истолкование, то и слово 'абд, подобно термину 'адил, могло служить гарантией законности, добротности монет. На некоторых караханидских дирхамах и (реже) фалсах XI в. в такой же изолированной позиции, как 'абд и 'адил, помещалось слово *الحق* [ал-]хакк «истина; истинный». Что все три слова близки друг другу по значению, показывают надписи некоторых монет; на дирхамах Шаша 412/1021–22 г. слова 'адил и хакк помещены одно под другим над символом веры, на самаркандских дирхамах 395–398/1004–08 гг. слова хакк и 'абд стоят выше и ниже калимы.

В том же ряду должны быть рассмотрены другие термины. На однотипных дирхамах Кашгара 41х г.х. в одной и той же позиции (верхняя часть поля л.ст.) начертано то 'адил, то *فادل* (فضل) «совершенный», «тот, которого предпочитают другим»). На ферганских фалсах 386–387/996–97 гг. помещено слово *فح*, которое, очевидно, следует читать *فح* «настоящий», «подлинный». На дирхамах Йарканда 415/1024–25 г. стоит слово *بر*, т.е., вероятно, *بر* «правильный», «добрый», на испиджабских дирхамах 396/1005–06 и 404/1013–14 гг. — *وصح*, т.е. скорее всего, *وضح* — «хороший», «под-

линный», «полновесный». Слово *حم*, помещенное на фалсах Самарканда 400–401/1009–11 гг. и дирхамах Узгенда 394/1003–04 г., можно читать как *جم*, одно из значений которого — «полновесный». Слово *جوهر*, проставленное на дирхамах Куз Орду 399/1008–09 г., если это не имя (очень редкое) *Джавхар*, может быть понято как термин, означающий «целый», «неделимый» или «драгоценность». Наконец, на узгендских дирхамах 458–460/1065–68 гг. помещено слово *به* «хороший». Слово это персидско-таджикское, но оно вошло в репертуар арабоязычных надписей на монетах VIII–X вв., правда, в иной форме — *بخ*; на саманидских монетах встречаются обе формы, но преимущественно последняя.

Место выпуска

Указание на место производства монет в большинстве случаев вводится предлогом *ب* *би-*, в позднекараханидское время также предлогом *فی* *фи*. Изредка предлог вообще отсутствует.

Наименованию монетного двора может предшествовать какое-либо определяющее его слово. В раннекараханидское время так бывает лишь в виде исключения: *мадинат Саганийан* на дирхамах 396/1005–06 г., *мадинат Киш* на дирхамах 400/1009–10 г., *куррат Киш* на дирхамах 397/1006–07 г. Термин *кура*^м (*كورة*) означает «округ», «область»; *мадина*^м (*مدينة*) — «город». Соответственно, сочетание *мадинат Саганийан* Э.В. Ртвеладзе [1988, с.49] перевел «город Саганийан». Возможно, однако, и иное понимание — «столица» [области] Саганийан», «столица [области] Киш»; ср. *мадинат аш-Шаш* «столица Шаша» на монетах IX в. [Добровольский, Кочнев, 1982, с. 191–195].

На монетах 2-й половины XII — начала XIII в. наименованию монетного двора часто предшествует слово *بلدة* *балда*^м или *بلد* *балад*. Термин этот может означать «город» или «страна»; «область», «округ». Термин *балад* перед наименованием денежного двора Бадахшан на саманидских дирхамах X в. М. Митчинер [1973, с.1] понимал однозначно — как «город». Как понимали слово *балад* в домонгольской Средней Азии, позволяет уяснить одно место у Сам'ани (XII в.). Рассказывая о традиционалисте Мухаммаде б. Ахмаде ал-Балади ан-Насафи (ум. 504/1110–11), Сам'ани

подчеркивает, что нисба *ал-Балади* указывала на происхождение ее носителя из города Насафа и была принята дедом Мухаммада, чтобы отличаться от насафцев, происходивших из других пунктов области Насаф [Камалиддинов, 1988, с. 908]. Итак, в караханидском Мавара'аннахре словом *балад/балда*^м обозначали именно город и в том же, очевидно, смысле использовали этот термин в монетных надписях.

После слова *балад/балда*^м названия *Бухара*, *Банакат*, *Параб* даны на монетах без артикля, имена ферганских городов *ал-Касан*, *ал-Маргинан* и *ал-Узджанд* — обязательно с артиклем. Изредка артикль появляется и при наименованиях раннекараханидских денежных дворов. То с артиклем, то без него фигурируют названия *Барсхан*, *Дабусийа*, *Кушани*, *Саганийан* и *Согд*, только *аш-Шаш* никогда не бывает без артикля.

Местом выпуска может быть назван и город, и область. Но далеко не ясно, что имеется в виду, когда область и ее столица одноименны (*Шалджи*, *Испиджаб*, *Киш*, *Саганийан*). Правда, на дирхамах 404/1013–14 и 407/1016–17 г. появляется второе название Испиджаба — *Мадинат ал-Байда* (буквально «Белый город»), т.е. здесь уже наверняка названа столица области, но нет никакой уверенности, что в остальных случаях под топонимом *Испиджаб* подразумевается область в целом.

На некоторых раннекараханидских фалсах, чеканенных в пределах Ферганской долины, место выпуска указано дважды: в круговой легенде проставлено название области — *Фаргана*, в поле помещено наименование города — *Ахсикат* (390–391, 401 гг.х.), *Ахси* (423 гг.х.), *Куба* (389–390, 402 гг.х.), *Маргинан* (397 гг.х.) и *Уш* (387 гг.х.). На фалсах 392 гг.х. сочетаются названия двух ферганских городов — *Ахсикат* и *Узгенд*.

Некоторые города выступают под двумя именами: *Дабусийа* — *Кутлуг Орду* (*Хутлуг Орду/Хутлук Орду*), Самарканд — *Мадинат ал-Махфуза*, Баласагун — *Куз Орду*.

Почти всегда обозначение места выпуска включено в круговую легенду л.ст., но в виде исключения оно может быть перенесено оттуда в поле, где образует центр композиции (Илак, 385–387/995–97 гг., Усрушана, 387/997 г.). Всё это касается фалсов, на дирхамах же в верхней части поля иногда дублируется название монетного двора,

фигурирующее в круговой легенде. Для XI в. известен лишь один такой случай (Кашгар, 415/1024–25 г.), вероятно, отражающий влияние газнавидского чекана. Во 2-й половине XII — начале XIII в. число подобных примеров заметно возрастает (Самарканд, Вахш, Балх). Можно не сомневаться, что в позднекараханидском чекане дублирование наименования монетного двора в поле возникает под влиянием сельджукидского монетного дела, тем более что почти до середины XII в. Караханиды были вассалами Великих Сельджуков, а Вахш и Балх долгое время принадлежали последним.

Монетные дворы

На караханидских монетах встречаются следующие наименования монетных дворов: *ادخکت* Адахкат, *اخسيکت* Ахсикат (*X[y]шикат*, *اخسى* Ахси), *بلاساغون* Баласагун, *بلخ* Балх, *بناکت* Банакат, *البرسخان* Барсхан, *بنکت* Бинкат, *بدخکت* Будухкат, *بخارا* Бухара, *ونکت* Ванкат, *وخش* Вахш, *غاناج* Ганнадж, *دبوسية* Дабусийа, *دخکت* Дахкат, *زامين* Замин, *ايلاق* Илак, *اسبيجباب* Испиджаб, *اشتخن* Иштихан, *يارکند* Йарканд, *کرمينه* Кармина, *الکاسان* Касан, *کاشغر* Кашгар, *کاش* Киш, *قبا* Куба, *قزاردو* Куз Орду, *قتلغ اردو* Кутлуг Орду (*ختلغ اردو* Хутлуг Орду, *ختلغ اردو* Хутлук Орду), *الکشانى* Кушани, *مدينة البيضا* Мадинат ал-Байда, *المحافظة* Мадинат ал-Махфуза, *الامرغينان* Маргинан, *نوکت* Навкат, *نيشابور* Нишапур, *اردو* Орду, *باراب* Параб, *ريشان* Риштан, *الاصغانيان* Саганиан (Чаганиан?), *سمرقند* Самарканд, *السغد* Согд, *طراز* Тараз, *ترمز* Тирмиз, *اسروشنه* Усрушана, *تونکت* Тункат, *اوزکند* Узканд (*الاوزجند* Узджанд), *سروشنة* Сурушана (*استروشنة* Уструшана, *ستروشنة* Сутрушана, *سروشنة* Сурушана), *اوج / اوش* Уч, *اوش* Уш, *فرغانه* Фергана, *هراة* Харат (Герат), *خرشکت* Харашкат (*خرجکت* Харачкат), *خقند* Хуканд, *هفتده* Хафтдих, *خجند [ة]* Худжанд [a], *خمرک* Хумрак, *خطلان* Хутталан, *چنانچک* Чинанчикат, *چنکت* Чункат, *شيارکند* Шайарканд (?), *شالجي* Шалджи, *شاش* Шаши, *کات... برکت (? رکت?)*, *کند... کاند*, *قارده... ايل اردو* Эл Орду, *...پارک(?)*.

Данный список почти вдвое больше перечней караханидских монетных дворов, составленных О.Прицаком [1953, с. 38] и Дж. Майлсом [1975, с. 376]. В некоторых деталях они различаются между собой, но оба перекрываются сводкой Э. фон Цамбаура,

который приводит 34 названия денежных дворов, функционировавших при Караханидах.

Ниже приводится перечень монетных дворов, выявленных автором этих строк (в том числе до сих пор не опубликованных):

Адахкат — город к северу от Тараза.

Будухкат — город в области Испиджаб.

Ванкат — ферганский город.

Вахш — область в северном Тохаристане.

Ганнадж — город в Шаше.

Дахкат — город в Илаке.

Замин — город в Усрушане.

Параб — название области на средней Сырдарье и ее столицы (последняя более известна под именем Отрар).

Тирмиз — город на Амударье.

Уч — город в Восточном Туркестане, соответствует современному Уч-Турфану. Не путать с ферганским *Ушем*: в домонгольских рукописных источниках город в Фергане всегда писался *اوش*, в Восточном Туркестане — *اوج* или *اوش*.

Харачкат/Харашкат — город в Шаше.

Хумрак — город в Илаке.

Хуканд — город в Фергане, соответствует современному Коканду.

Чункат — ферганский город.

Даты

Даты передаются только словами, причем многие числительные представлены в разных грамматических формах (от двух до семи вариантов): «один» — *احدى / احد*, «два» — *اثني / اثنا / اثنين*, «три» — *ثلاث / ثلاثة / ثلاث*, «четыре» — *اربع / سبعة*, «пять» — *خمسة / خمس*, «шесть» — *ست / ستة*, «семь» — *سبعة / تسعة*, «восемь» — *ثمان / ثمان*, «девять» — *تسع / تسعة*, «десять» — *عشر / عشرة*, «двадцать» — *عشرون / عشرين*, «тридцать» — *ثلاثون / ثلاثين*, «триста» — *ثلاثمائة / ثلثون*, «четыреста» — *اربع مائة / اربعمائة*, «пятьсот» — *خمسمائة / خمس مائة*, «шестьсот» — *ستمائة / ست مائة*. Союз *و* *va* между элементами даты иногда опускается, но может появиться там, где не

требуется (например, *اربع وعشر*). Учитывая такой разнობой, при публикации монет, очевидно, следует фиксировать и особенно-сти передачи даты, чтобы установить, где норма, а где отклонение от нее, и выяснить, быть может, некоторые региональные и даже локальные особенности арабского языка в домонгольской Средней Азии.

В условиях такой поливариантности и неизученности этих особенностей не всегда ясно, что считать диалектными отклонениями, а где просто ошибка недостаточно грамотного или невнимательного мастера, хотя наличие явных ошибок в ряде случаев несомненно. Это, например, замена буквы *ث са* буквой *س син* (*ثمان* вместо *ثمان*), перестановка согласных (*خمس* вместо *خسم*), пропуск отдельных согласных и т.д.

Иногда на монетах, особенно на фалсах, могут выпасть сотни или сотни и десятки, либо даже дата целиком, т.е. выпускные сведения заканчиваются словом *سنة* «год», а изредка отсутствует и последнее. Иной же раз проставление даты и не предусматривалось, как, например, на самаркандских и маргинанских *нисфийа* 1-й трети XII в. или «малых» самаркандских дирхамах Мас'уда б. Хасана (ок. 556–566/1160–71 гг.) с именем халифа на месте даты.

Изредка легенды с выпускными сведениями, наоборот, растягиваются за счет включения в них упоминаний разных лиц, в том числе с развернутой титулатурой; например: «Во имя Аллаха бит этот дирхам в Хутлуг Орду в правление хана преславного Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла ва-'Уддат ад-дина в 423 [году]». Менее удачно выглядят «эксперименты» с надписями на некоторых дирхамах Бухары 433/1041–42 г., где в пределах одной круговой легенды к выпускным сведениям механически «пристегнуто» то одно, то другое кораническое изречение; в результате выпускные сведения лишены обычного вступления и начинаются прямо со слова «в Бухаре».

Как и при Саманидах, место для выпускных сведений в подавляющем большинстве случаев и теперь отводится вокруг поля л.ст. Новшеством явилось то, что у Караханидов легенда с выпускными сведениями располагается не только традиционным кольцом, но весьма часто квадратом, реже треугольником, ше-

сти- или восьмигранником. Особенно изысканно выглядит размещение выпускных сведений в виде восьмиконечной звезды, образованной пересечением двух четырехугольников (фалсы Самарканда и Согда 401/1010–11 г., Ферганы/Кубы 402/1011–12 г., Бухары 428/1036–37 г., Худжанда 425/1033–34(?) г., Самарканда 576–577/1180–82 гг.). Когда за счет упомянутых выше инородных включений надпись с выпускными сведениями увеличивалась, ее могли разместить двумя концентрическими кольцами. Лишь на *нисфийа* Самарканда и Маргинана выпускные сведения помещены в поле, а не в круговой легенде.

Своего рода информационным «излишеством» было наличие на одном кружке двух надписей с выпускными сведениями. В чекане XI в. таковы лишь фалсы Кашгара 401–402/1010–12 гг. и Ферганы 400/1009–10(?) г., на которых обе такие надписи расположены на л.ст. Во 2-й половине XII в. — начале XIII в. подобное явление становится обычным — с той лишь разницей, что легенды с выпускными сведениями размещены на разных сторонах кружка.

Более редки случаи противоположного рода — когда выпускных сведений вообще нет. Здесь можно выделить два варианта. Для первого характерно заведомое отсутствие каких-либо круговых легенд, для второго — замена надписи с выпускными сведениями какой-либо другой круговой легендой. К первому варианту относятся, например, фалсы, выпущенные Насром б. 'Али (ум. 403/1012–13 г.), скорее всего, в Фергане, его же «малые» дирхамы, дирхамы Сулаймана Кадыр Тафгач-хана (XII в.) и позднекараханидских владельцев Кашгара 2-й половины XII в. Второй вариант представлен тремя типами фалсов, очевидно, бухарского чекана 2-й трети XI в. с символом веры или кораническим изречением вместо легенды с выпускными сведениями.

На одном из дирхамов, который, судя по имени испиджабского владельца Матта, выпущен в Испиджабе не позже 404/1013–14 г., вместо выпускных сведений помещено еще одно упоминание сюзерена Матта, а на дирхамах ферганского происхождения 2-й четверти XII в. — четырежды повторенное слово *ал-мулк*.

Символ веры (калима)

Первая часть калимы обычно имеет полную форму لا اله الا الله وحده لا شريك له «Нет божества, кроме Аллаха, един Он, нет у Него сотоварища», реже — сокращенную «Нет божества, кроме Аллаха единого» или (чаще) без последнего слова. Краткий вариант появляется довольно рано: например, на фалсах Илака 399/1008–09 г., но как исключение, и только в XII в. становится довольно обычным, хотя одновременно сохраняется и полный вариант. Последний размещается в поле, как правило, тремя строками, реже — двумя. Если в XI в. размещение двумя строками отмечено только на дирхамах Эл Орду, Куз Орду, Тараза, Испиджаба и Шаша 396–408/1005–18 гг. (что, кстати, может служить дополнительным атрибуционным признаком в случае плохой сохранности монет), то в XII в. становится весьма обычным. На фалсах легенда с полным вариантом первой части калимы иногда обрамляет центр поля или надписи поля, образуя треугольник (Фергана 385–389 гг.х., Илак 387–389 гг.х., Согд 423 г.х. и др.), квадрат (Фергана 384 г.х., Усрушана 398 г.х., Бухара 428 г.х.) или круг (Илак 382 г.х., Фергана 397–398 гг.х., Бухара 427–430 гг.х. и т.д.). В последнем случае такая легенда может быть или внутренней, или единственной круговой. Такие способы размещения первой части символа веры в целом нетрадиционны, хотя и не всегда вполне оригинальны, ибо иной раз следуют некоторым образцам саманидского медного удельного чекана.

Вторая часть калимы известна в одной форме — محمد رسول الله «Мухаммад — посланник Аллаха». Лишь в двух случаях это упоминание пророка сопровождается благочестивой формулой: на дирхамах Тараза 407 г.х. — $\text{صلى الله عليه وسلم}$ «Да благословит его Аллах и да приветствует!», на фалсах Узгенда 389 г.х. — صلى عليه «Да благословит его!». На монетах конца X — 1-й половины XII в. вторая часть символа веры располагается обычно на стороне, противоположной первой части, как правило — в поле, где она размещается в одну, две и три строки. В виде исключения легенда со второй частью калимы может обрамлять поле, образуя круг (фалс Ахсиката 402 г.х.), треугольник (фалс Узгенда 419 г.х.), квадрат (дирхам без выпускных сведений, начало XI в.).

Обе части символа веры могут быть соединены на одной стороне монетного кружка, причем со второй частью сочетаются все

три варианта первой. Такие сочетания появляются довольно рано (например, на дирхамах Узгенда 393 г.х. или Куз Орду 394 г.х.), но только во 2-й половине XII — начале XIII в. становятся господствующими, вытеснив «двухстороннюю» калиму. Обычное место сведенного воедино символа веры — поле, но довольно большую группу образуют фалсы с калимой в круговой легенде. Они чеканены в 413–431/1022–40 гг.х. в Бухаре, Дабусийе, Иштихане, Кармине, Кушани, Самарканде и Согде, т.е. в пределах Зарафшанской долины. Для экземпляров плохой сохранности это один из атрибуционных признаков. В круговой легенде появляется сводный символ веры и на дирхамах Самарканда 605–606 гг.х.

Иногда монеты лишены то первой, то второй части символа веры, а то и калимы вообще. Полное отсутствие калимы характерно для некоторых фалсов XI — начала XIII в. и даже для дирхамов двух типов, выпущенных в Барсхане около середины XI в. и где-то в пределах Ферганы во 2-й четверти XII в.

Только на дирхаме Куз Орду 406/1015–16 г. помещена калима с нетрадиционным окончанием: $\text{لا اله الا الله لا نعبد الا الله}$ «Нет бога, кроме Аллаха, не поклоняемся мы никому, кроме Аллаха». Дирхам чеканен Арслан-ханом (Мансуром б. 'Али), который был известен особым благочестием [Бартольд, 1968, с.341].

В виде исключения пророк Мухаммад может быть упомянут на фалсах не только в символе веры, но и отдельно, когда его имя повторено многократно, образуя очень растянутыми графическими элементами крестообразную фигуру (Узгенд 409(?) г.х.), пятиконечную (Илак 398 г.х.) и шестиконечную звезду (Бухара 427 г.х.). В двух последних случаях Караханиды следовали, вероятно, Саманидам, в чьем медном чекане X в. (Балх, Фергана) встречается аналогичное явление.

Коранические изречения

На караханидских монетах чаще всего помещался аят 33 суры 9 (он же — аят 9 суры 61) с измененным началом: $\text{محمد رسول الله ارسله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون}$ «Мухаммад — посланник Аллаха, пославшего его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели

это многобожники»⁸. Изредка начало этого изречения воспроизведено в иной форме (в той же, что в Коране): هو الذي ارسل رسوله الخ: «Он — тот, который послал Своего посланника <...>». Довольно рано, но сначала лишь в виде редких исключений появляется укороченный вариант того же стиха, начинающийся со слова ارسله (дирхам Куз Орду 406 г.х.). Во 2-й четверти XI в. число подобных случаев возрастает, причем на монетах одного денежного двора и года могут употребляться оба варианта — полный и укороченный (например, на дирхамах Самарканда 431 г.х.). Во 2-й половине XI в. укороченный вариант становится господствующим, а в XII — начале XIII в. — абсолютно преобладающим. На позднекараханидских монетах данный аят укорачивается и с другой стороны: он может быть оборван на любом слове, начиная с *ал-хакк*, а то и посреди слова. Это не исключительно караханидское явление: уже на халифатских монетах VIII в. та же кораническая цитата изредка встречается в усеченном виде. Нелепые сокращения той же легенды, да еще и с искажениями, встречаются и в раннесаманидском медном чекане Шаша 1-й половины IX в. Но в позднекараханидском чекане несуразные усечения особенно часты. Едва ли это объясняется отсутствием должного пиетета к словам из священной книги у мастеров или у тех, кто осуществлял контроль над их работой и продукцией. Скорее всего, важнее было обозначить само наличие коранической цитаты, нежели обеспечить ее точное воспроизведение.

Как и положено, данная выдержка из Корана помещалась, прежде всего, на динарах и дирхамах, и лишь в виде исключения — на фалсах (Шаш 392/1001–02 г., Тункат 407/1016–17 г., Самарканд 559–560/1163–65 гг.). Уже в начале XI в. она бывает замещена на дирхамах упоминанием правителя, а на позднекараханидских динарах и дирхамах часто заменяется легендой с выпуклыми сведениями.

Как и в саманидское время, данная кораническая цитата размещалась вокруг поля об.ст. — как правило, кольцом, но нередко квадратом, а иногда (в виде исключения) и восьмигранником.

Второе по частоте употребления кораническое изречение — стихи 3 (4) и 4 (5) суры 30: لله الامر من قبل ومن بعد ويومئذ يفرح المؤمنون بنصر الله «Аллаху принадлежит власть и раньше и позже,

⁸ Здесь и далее переводы фрагментов сур Корана приводятся по изданию: Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1963. — *Прим. ред.*

а в тот день возрадутся верующие помощи от Аллаха». Как правило, это выражение приводится полностью, хотя нередко первое и последнее «сливаются» в одно — *الله* или *الله*. Прочие сокращения, а также искажения редки и случайны.

В саманидское время данная легенда в соответствии с традициями куфической нумизматики помещалась (в качестве внешней круговой) на л.ст. динаров и дирхамов, гораздо реже проставлялась на фалсах. Караханиды следовали этой традиции только на самых первых порах, в конце X — 1-й четверти XI в., да и то лишь в редких случаях (динары Бухары 382/992 г., Нишапура 396/1005–06 г., дирхамы Шаша 388, 402, 405, 411 гг.х., Узгенда 408 г.х. и некоторые другие). Лишь на саганийанских дирхамах 414–418/1023–27 и 430–434/1038–43 гг. это изречение помещалось регулярно — возможно, под влиянием газнавидского чекана. Но на большинстве серебряных монет 1-й четверти XI в. этой легенды уже нет, а в дальнейшем она и вовсе исчезает из репертуара надписей дирхамов. Чаше и дольше она помещалась на фалсах 1-й половины XI в., особенно бухарских (394, 399–400, 404–405, 411–426, 428, 431–433 гг.х.). Во 2-й половине XI — XII в. данная надпись и на фалсах появлялась в виде исключения. Очень показательны, что из выявленных 103 «видов» фалсов с этой легендой 94 приходятся на центральный Мавара'аннахр, в том числе 57 на Бухару, 21 на Самарканд, 10 на Согд (т.е. фактически на тот же Самарканд). Едва ли такое соотношение случайно. Представляется, что и здесь (как в случае с упоминанием халифов) проявилось влияние могущественного духовенства Самарканда и (особенно?) Бухары.

На динарах, почти всех дирхамах и некоторых фалсах конца X — 1-й четверти XI в. данная легенда является внешней круговой, на бухарских фалсах 421/1030 г. — внутренней круговой, на большинстве фалсов — единственной (для данной стороны) круговой. На фалсах Бухары 428/1036–37 г. она размещена особенно изысканно — восьмиконечной звездой, образованной двумя перекрещивающимися квадратами.

Только на бухарском динаре 382/992 г. в поле об.ст. помещены аяты 1–4 суры 112 *الله احد الله الصمد لم يلد ولم يولد ولم يكن له كفوا احد* «<...> Аллах един, Аллах вечный, не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!». Эта легенда, представляющая собой краткое

изложение основного догмата ислама, характерна прежде всего для омейядского чекана. Причины возвращения к «омейядской» легенде по большей части не ясны. По поводу же ее появления на саманидских динарах, битых в Казвине, Мухаммадийе, Мах ал-Басре (Нихаванде), Савахе (Саве) и Хамадане в 333/944–45 г., после вытеснения из Джибала Бувайхидов Саманидами, высказано предположение, что тем самым подчеркивалась роль последних как защитников суннитской ортодоксии в борьбе с шиитами — Бувайхидами [Каталог Sotheby, 1984, № 116]. Не исключено, что и в нашем случае, поместив то же изречение на дирхамах только что захваченной у Саманидов Бухары, Бугра-хан Харун лишней раз старался продемонстрировать свое благочестие, рвение к вере — вероятно, в противовес своим противникам — Саманидам.

На дирхамах Бухары 433 г.х. (круговая легенда л.ст. или об.ст.) помещен фрагмент 13-го стиха 61-й суры: **نصر من الله وفتح قريب** «...» и **ويبشر للمؤمنين** «...» помощь от Аллаха и близкая победа. И обрадуй же верующих!». В круговую легенду фалсов Кармине 415 г.х. включено начало того же изречения — **نصر من الله**. Появление ее на бухарских дирхамах не случайно и связано с конкретными политическими событиями. Судя по монетам, в предшествующем, 432/1040–41 г., Ибрахим б. Наср на время вытеснил своего противника Йусуфа б. 'Али из Бухары. Затем Йусуф смог вернуть город, однако в 433/1041–42 г. Ибрахим окончательно владел Бухарой, что расценивалось им, очевидно, как важный успех, достойный быть зафиксированным в монетных надписях как «победа», достигнутая с «Божьей помощью». В одном из двух случаев эта легенда воспроизведена на одном кружке дважды — в круговой легенде л.ст. и об.ст.

На бухарских дирхамах того же 433 г.х., а в одном из трех случаев даже в одной круговой легенде с предыдущим изречением помещена еще одна выдержка из Корана (стихи 1-2 суры 48): **انا فتحنا لك فتحا مبينا ليغفر لك الله ما تقدم من ذنبك وما تأخر** «Мы даровали тебе явную победу, чтобы Аллах простил тебе то, что предшествовало из твоих грехов и что было позже».

Только на дирхамах, битых в Курат Киш в 397/1006–07 г., помещена часть аята 34 суры 9: **الذين يكتزون الذهب والفضة ولا ينفقونها في سبيل الله فيبشروهم بعذاب اليم** «...» а те, которые собирают золото и серебро и не расходуют его на пути Аллаха, — обрадуй их мучи-

тельным наказанием». Выбор этого изречения, известного и по саманидскому серебряному чекану, мог быть продиктован просто стремлением напомнить о греховности стяжательства, что на монетах из драгоценного металла выглядело даже «актуально». В то же время невольно привлекает внимание полное графическое совпадение второго (разумеется, не пунктированного) слова легенды **يكتزون** «[те, которые] собирают» с одной из форм передачи имени Бегтузуна (**بكتزون**), в 399–402/1008–12 гг. определенно владевшего Кишем с правом помещать свое имя на монетах. Но если допустить, что и в 397/1006–07 г. он обладал там некоторыми правами, не включавшими привилегию проставлять свое имя на дирхамах, то в данном совпадении следует, быть может, видеть не случайность, а сознательную попытку Бегтузуна хотя бы в такой завуалированной форме дать намек на это имя.

На испиджабских дирхамах 400/1009–10 г. помещена очень популярная цитата **لا قوة الا بالله** «Нет мощи, кроме как с Аллахом» [Коран, 18:37 (39)]. На других дирхамах Испиджаба того же года это изречение более развернуто, но с пропуском союза **و**: **لا حولة [و] لا قوة الا بالله**: «Нет силы [и] нет мощи, кроме как с Аллахом». Наконец, в круговой легенде фалсов Усрушаны 42х г.х. включен стих 17 (19) суры 3: **ان الدين عند الله الاسلام** «Поистине, религия перед Аллахом — ислам».

Некоранические изречения

Инвокации религиозного содержания, не имеющие прямой связи с текстом Корана, представлены одним хадисом и несколькими короткими благочестивыми выражениями.

Хадис **من عرف نفسه عرف ربه ما هلك من عرف قدره** «Кто познает свою душу, тот познает своего Господа; не погибнет тот, кто познает свою судьбу» (перевод В.Н. Настича) помещен в круговой легенде об.ст. дирхама, выпущенного в 408 г.х. в столичном Куз Орду (Баласагуне) Арслан-ханом (Мансуром б. 'Али), который «отличался крайним благочестием» [Бартольд, 1963а, с. 341].

Только на раннекараханидских монетах встречаются выражения **الله خير** «Аллах есть благо», **نشق بالله** «мы полагаемся на Аллаха», **حسبي الله** или **نكفي الله** «нам достаточно Аллаха», **نكفي بالله**

«мне достаточно Аллаха», *حسبى الله واحد* «мне достаточно одного Аллаха», *حسبى ربي* «мне достаточно моего господа».

На дирхамах Тогрыл-хана, битых в Узджанде без указания года в 1-й половине XII в., помещена единственная фарсиязычная легенда: *سياس ايزد ناصر اسمه بقدر وجاه ودولت* «Хвала Господу, доставляющему именем своим успех и величие и могущество» (перевод О.Ф. Акимовской).

Благопожелания

Чаще всего встречается выражение *ايده الله* «да поддержит его Аллах». Явно унаследованное от Саманидов, оно характерно только для раннекараханидского чекана. Часто помещалось на саманидских монетах и благопожелание *ابقاه الله* «да сохранит его Аллах», но в караханидском чекане оно встречено только раз (на фалсах Ферганы 389/998–99 г.), да и то в усеченном виде — без слова *Аллах*. На дирхамах Куз Орду 409/1018–19 г. помещено благопожелание *اطال الله بقاءه* «да продлит Аллах его жизнь», известного и по саманидскому чекану. Лишь на узгендском фалсе 399/1008–09 г. зафиксировано редкое вообще выражение *انصره الله* «да дарует ему Аллах победу». На дирхамах Куз Орду и Узгенда 405/1014–15 г. проставлено благопожелание, как будто не отмеченное в саманидском чекане — *ادام الله سلطانه* «да продлит Аллах его власть». Наконец, на дирхамах Параба, выпущенных около рубежа XII–XIII вв., зафиксировано выражение, которое прежде не было известно ни в одном домонгольском чекане — *خلد الله ملكه* «да увековечит Аллах его царствие».

Наряду с благопожеланиями конкретному лицу на саманидских монетах изредка помещались благопожелания, не адресованные определенной персоне. В той же позиции, в свободном пространстве по краю монеты, проставлены на саганийанском дирхаме 403/1012–13 г. три слова, из коих полностью уцелело одно — *الظفر* «и победа». Более развернутые наборы благопожеланий, типичные скорее для металлических изделий, появляются на фалсах XII в. На фалсах Самарканда 523–524/1128–30 гг. круговая легенда об.ст. включает благопожелания *... والدولة والاقبال والنصرة والرفعة والا... «... и власть, и счастье, и победа, и высокий сан, и ...»*. В надписи на

фалсах с утраченными выпускными сведениями, чеканенных в центральном Мавара’аннахре не позже той же даты, содержатся четыре слова: *الدولة السلامة العز اقبال* «власть, благополучие, величие, счастье». На бухарском фалсе 54х г.х. уцелело *... البركة الدولة ... «... благословение, власть...»*.

В виде отдельных благопожеланий, помещавшихся в поле на монетах XI–XII вв., изредка использовались слова *ظفر* и *نصرة*, означающие «победа». Намного чаще помещалось, особенно на монетах Ферганы 2–3-й четверти XI в., еще одно слово с тем же значением — *فتح*. Возможно, в отдельных случаях оно не является благопожеланием, а фиксирует некие военные успехи. Так, слово *فاتх* помещено на выпущенных ‘Али б. ал-Хасаном (‘Али-тегином) в 420–421/1029–30 гг. фалсах Самарканда, до 419 г.х. включительно принадлежавшего его врагу Кадыр-хану Йусуфу. Вероятно, в число благопожеланий следует включить также слово *جلال* «величие», «слава».

Язык монетных надписей

Подавляющее большинство надписей на караханидских монетах выполнены арабской графикой и, хотя включают немалое число тюркских и, в меньшей степени, персидско-таджикских титулов, грамматически являются арабскими и по языку. Только одна надпись — благочестивое изречение на узджандских дирхамах Тогрыл-хана Хусайна б. Хасана (2-я или 3-я четверть XII в.) — безусловно, фарсиязычная. Будучи единичным, этот пример, тем не менее, чрезвычайно показателен, демонстрируя вторжение персидского языка даже в такую официальную сферу, как монетные легенды, где традиционно господствовал арабский язык. Как отмечено выше, отсутствие при большинстве нисб и некоторых тахаллусах артикля, необходимого в арабском, тоже свидетельствует о влиянии персидских языковых норм. В этой связи стоит напомнить, что в надписях на двух караханидских усыпальницах в Фергане, мавзолее Шах-Фазил (3-я четверть XI в.) и мавзолее того же Тогрыл-хана Хусайна (547/1152 г.), персидскому языку отдано безусловное предпочтение перед арабским — в отличие от подавляющего большинства памятников мусульманской архи-

тектуры всех времен, в том числе и на территории Ирана и Средней Азии [Настич, Кочнев, 1988, с. 76]. Наконец, панегиристы караханидских правителей XI — начала XIII в. воспевали своих мамдухов по-персидски, да и некоторые прозаические произведения, подносившиеся ханам, составлены на том же языке. И монетные надписи лишний раз подчеркивают проникновение персидско-таджикского языка в самые разные сферы.

Некоторые легенды на караханидских монетах выполнены не арабской графикой, а уйгурским письмом. Легенды эти очень короткие — в одно, два или три слова. Чаще всего уйгурскими буквами передано мусульманское имя — *Наср*, *Йусуф*, а в одном случае (дирхам Тунката 405/1014–15 г.) — *Хусайн*. Это может быть тюркский титул — *Арслан-хан* (фалсы Согда 411–412/1020–22 гг. и Кушани 413–414/1022–24 гг.), *Тогрыл Кара-хакан* (дирхамы Тараза 467–468/1074–76 гг.), *хан* (на многих монетах), *Тонга-тегин* (фалсы Ферганы 384–385/994–95 гг.), *Бöри-тегин* — дирхам Илака 414/1023–24(?) г.), *тегин* (на ряде монет). Встречаются «гибридные» сочетания, когда первая часть тюркского титула передана арабским письмом, вторая (*хан* или *тегин*) — уйгурским: *Бугра-хан* (на ряде монет 431–433/1039–42 гг.), *Чагры-тегин* — дирхам Тунката 407–408/1016–18 гг.). Самые ранние уйгурские надписи на караханидских монетах датируются 384/994–95 г., позднейшие — 472/1079–80 г. «География» таких монет, выпускавшихся на 21 денежном дворе и представленных 108 «видами», широка — от Кашгара и Куз Орду до Бухары и Киша.

Надписи уйгурским шрифтом помещены всегда в поле — реверсом или (реже) аверсом, причем в большинстве случаев они лишь дополняют арабописьменные легенды. Только на фалсах Согда 411–412/1020–22 г. и Кушани 413–414/1022–24 гг. крупно выписанная уйгурская легенда *Арслан-хан*, призванная привлечь максимальное внимание, занимает всё поле. Очень существенно, что уйгурским шрифтом воспроизводились имена и титулы правителей, т.е. те элементы монетных легенд, которые несли важнейшую политическую, прокламативную нагрузку. Наконец, уйгурские надписи помещались не только на дирхамах, но и на фалсах — разменной монете, обслуживавшей нужды мелкой торговли, повседневные рыночные сделки. Всё это позволяет пред-

положить, что надписи эти были понятны не только узкому придворному кругу, но и более широким слоям населения Караханидского государства, тем самым отражая в определенной мере степень тюркизации жителей страны. При всем том, относительно широкая распространенность уйгурских надписей отнюдь не позволяет чересчур преувеличивать степень тюркизации населения Мавара'аннахра: видимо, не случайно уйгурская надпись *Арслан-хан* на фалсах Согда и Кушани дублируется «переводом» в арабской графике.

Как представляется, караханидские монеты, несмотря на абсолютное господство в монетных легендах арабского языка, в определенной мере всё же отразили тюрко-таджикское двуязычие, типичное для Средней Азии вплоть до сего дня. Оно проявлялось на монетах и позднее, в XIII в., когда на дирхамах помещали арабописьменные легенды на таджикском и тюркском языках [Давидович, 1972а, с. 41–46; 132–133].

Художественное оформление монет

Изображения оружия

Изображены мечи (на монетах 34 «видов»), палаши (5 «видов»), сабли (28), луки (29), секиры или боевые топоры (15), булавы (?) (2 «вида»), копья (?), стрелы и «веслообразный» предмет (по одному «виду» монет).

На одном кружке может быть изображено от одного до пяти предметов, как, например, на фалсах Кармины 415/1024–25 г.: булава (?), сабля, натянутый лук со стрелой и две стрелы отдельно. Нередко надписи поля обрамлены парными изображениями предметов вооружения; мечей, сабель, луков, секир, копий (?) и стрел; изредка такие пары помещены на обеих сторонах.

Одни изображения схематичны, другие, похоже, воспроизводят оружие весьма точно, с рядом деталей. Мечи различаются длиной клинка, формами перекрестий, наверший, а сабли — также кривизной клинка. Для палашей, занимающих промежуточное положение между мечами и саблями, характерна легкая кривизна лезвия и прямая спинка. Секиры и боевые топоры различаются формой боевой

части, способом ее крепления к древку, наличием или отсутствием рукояти с перекрестием. Веслообразный предмет, по мнению В.Н. Настича (высказанному в личной беседе), являет собой то, что казахи называли *шокпар*; на всем скаку им можно было подрезать подпруги седла и повергнуть противника на землю.

Изображения оружия встречаются не только на караханидских монетах. На собственно саманидских монетах таких изображений нет. Газнавиды (и в роли саманидских вассалов, и в пору полной независимости) помещали изображения меча, сабли, секиры и лука [Ходжаниязов, 1979, с. 171–172; Петров, 1985, с. 53–54]. На тирмизских дирхамах 617/1220–21 г. Ануштегинида Мухаммада б. Текиша воспроизведен лук [Давидович, 1955, с. 172]. При всем том несомненно, что, во-первых, помещая на монетах изображения оружия, Караханиды никому не подражали; во-вторых, эти изображения гораздо многочисленнее, а репертуар их многообразнее, чем у любой другой домонгольской династии Машрика. И это понятно, особенно если учесть, сколь большое место занимали воинские доблести в системе ценностей караханидского общества: для караханидской знати, чей образ мышления очень ярко отражен в «Кутадгу билиг», стремление к подчинению иноплеменников было «абсолютным императивом», а война — едва ли не самым достойным занятием [Кляшторный, 1986, с. 218–219]. Караханидский «милитаризм» проявился на монетах в разных формах — в некоторых элементах титулатуры (*Али, Атим, Тонга, Кылыч*), в лакабах *Сайф ад-давла, Самсам ад-давла, Хусам ад-дунья ва-д-дин* (слова *сайф, самсам, хусам* — синонимы понятия «меч»), но прежде всего — в многочисленных изображениях разнообразного оружия. А поскольку оружие домонгольской Средней Азии по натуре практически не изучено, караханидские монеты с их богатым «арсеналом» являют собой, помимо всего прочего, первоклассный и по существу единственный источник для арматологов.

Изображения живых существ

В караханидском чекане такие изображения помещались почти исключительно на фалсах; только одно помещено на дирхамах Шаша 399 г.х. — схематичное изображение птички. Чаще всего изображался кошачий хищник, вид которого из-за условности воспроиз-

ведения не может быть определен (лев? тигр? барс?). Он выявлен на фалсах Шаша 396 г.х., бухарских фалсах 430 и 494 г.х., фалсах Мухаммада б. Сулаймана (495–524/1102–30 гг., скорее всего центральный Мавара’аннахр), фалсах XII в. неуточненной принадлежности и фалсах 595(?) г. (Самарканд или Бухара). На бухарской монете 494 г.х. существенная деталь — от передней лапы хищника отходит цепь. Зафиксировано также изображение слона (Шаш, около 422 г.х.), бегущего зайца (Тункат, 407 г.х.), петуха (Шаш, 403 г.х.), голубя (Шаш, 403 г.х.), рыбы (Шаш, 407 г.х.). На фалсах Согда 405 г.х. воспроизведена сцена, которую А.К.Марков [1896, с. 849, № 215а] воспринял как изображение орла, терзающего птицу. По заключению биолога А. Батырова, сцена имеет скорее мирный характер: хищная птица типа орла склонилась над своим птенцом; оба, возможно, находятся в гнезде (которое не показано, но подразумевается). На фалсах Куз Орду 395/404-05 г.х. видим птицу над кошачьим хищником.

В наличии этих изображений, совершенно не характерных для саманидских монет, проявилось своеобразие караханидского чекана, объясняемое, в частности, тем, что Караханиды в меньшей степени были связаны с куфической монетной традицией и чаще допускали отступления от канона.

Декоративные элементы

Богатство и разнообразие оформления составляют одну из важных характеристик караханидских монет. Ободки, внутренние и внешние, имеют ограниченное число исходных элементов — линии, точки, колечки, «насечки», «жгуты», иногда несложные растительные узоры, но использование их в разной последовательности и разных комбинациях образует бесчисленное множество сочетаний. Разнообразны рамки и картуши — треугольные, квадратные, шестигранные, восьмигранные, в виде шести- и восьмиконечной звезды, многолепестковой розетки (от четырех до шестнадцати лепестков), трилистника, фестончатые и такие, что не могут быть однозначно охарактеризованы. Примером последних могут служить сложные и очень эффектные геометрические картуши, помещенные на дирхамах 578/1182–83 г., оче-

видно, касанского происхождения. Изредка орнаменты целиком занимают поле одной из сторон монеты; такое явление отмечено только на фалсах. Всё это, вместе с внешним оформлением, тоже образует множество комбинаций. Если же учитывать оформленные обе стороны кружка, то можно насчитать около 400 разных сочетаний. Разнообразием оформления отличаются как фалсы, так и дирхамы, но не динары с их традиционными линейными ободками.

Очень часто на дирхамах и фалсах (особенно раннекараханидских) помещались отдельные украшения из точек, колечек, скобочек, «капель» (нередко образующих несложные фигуры — треугольники, ромбы), в виде плетенок, звездочек, полумесяцев, лирообразных фигур, вертунов — трех- и четырехконечных (свастикообразных), трилистников, цветочных розеток и т.д. Постоянно встречаются растительные узоры — от простых завитков до достаточно сложных композиций; так, на фалсах Самарканда 400/1009-10 г. изображены виноградные лозы и грозди. Почти совершенно лишены подобных украшений динары.

Элементом оформления в ряде случаев являются и надписи — прежде всего, когда они обрамляют поле не обычным кольцом, а треугольником, квадратом, многоугольником и даже восьмиконечной звездой, образованной двумя перекрещивающимися квадратами. Изредка ту же функцию выполняет слово *Мухаммад*: многократно повторенное, оно очень растянутыми элементами букв образует звезду — пятиконечную (фалс Илака 398/1007–08 г.) или шестиконечную (фалс Бухары 427/1035–36 г.), либо крестообразную фигуру, занимающую всё поле (фалс Узгенда 409(?) г.х.). С учетом особенностей размещения легенд число видов оформления возрастает еще больше.

Нельзя сказать, что во всех проявлениях монетного «формотворчества» Караханиды были абсолютно оригинальны. Скажем, многократное повторение слова *Мухаммад* отмечено в саманидском медном чекане Балха и Ферганы; переклички с удельными ферганскими фалсами X в. обнаруживаются и в других случаях. В целом же саманидский чекан — весь золотой, серебряный и значительная часть медного, особенно общегосударственного — отличается намного большей унификацией. В общем, по богатству

и разнообразию оформления караханидские монеты заметно выделяются во всей куфической нумизматике Средней Азии (и даже сопредельных стран).

Это, конечно, не случайно. Как нам представляется, явление это связано с особенностями денежного обращения. Не останавливаясь подробно на его характеристике (это отдельная большая тема), коснемся вкратце лишь тех его черт, которые имеют отношение к затронутому вопросу о многообразии оформления караханидских монет. Как показывает их изучение, ни фалсы, ни даже дирхамы, скорее всего, не имели равного общегосударственного обращения. Кроме того, не был одинаковым курс обращающихся одновременно «старых» и «новых» монет. Особенности оформления и позволяли любому потребителю, даже абсолютно неграмотному, безошибочно различать монеты разных уделов, монеты «старые» и «новые», т.е. разнокурсные монеты. А поскольку уделы были многочисленны, особенно в ранне- и позднекараханидское время, курсовые же перегруппировки могли производиться очень часто (на отдельных этапах — не один раз в год!), видов и разновидностей оформления дирхамов и фалсов было очень много. Динары, встречающиеся вкладах преимущественно в виде обломков, были разновесными, т.е. принимались не поштучно, а на вес [Давидович, 1960, с.101]. Кроме того, золотые монеты чеканились почти исключительно в центральном Мавара'аннахре, где, вероятно, не подвергались курсовым перегруппировкам. Иными словами, в сфере золотого обращения, скорее всего, не было необходимости в различении разнокурсных монет, а следовательно, и в разном оформлении динаров.

В централизованном Саманидском государстве интенсивность и формы эксплуатации монетной регалии были иными, монетная политика была единой для территории всей державы — по крайней мере, в принципе; равного обращения не имели только фалсы [Давидович, 1966, с. 127–132]. Вполне понятно, что при таких обстоятельствах потребности в разнообразном оформлении динаров и дирхамов просто не было.

Вопросы классификации караханидских монет

Вопросы классификации монетного материала принадлежат к числу важнейших в нумизматическом исследовании. Это аксиома, распространяться по поводу которой нет необходимости. В этой связи стоит лишь напомнить слова такого испытанного специалиста, как Е.А. Давидович: «Классификация — не самоцель. Опыт показал, что неудачная классификация механически сужает дальнейшие исследовательские возможности, удачная — подсказывает и помогает разработать многие важные вопросы <...> денежного обращения» [Давидович, 1983а, с. 7]. Разработанная исследовательницей классификация медных монет XV — начала XVI в. представляется чрезвычайно продуманной, удобной и перспективной, но к нашему материалу по целому ряду причин она не приложима. В принципе, углубленная научная классификация возможна и для караханидских монет, но для наших целей, которые как раз исключают разработку вопросов денежного обращения, в такой классификации, неизбежно сложной и громоздкой, необходимости нет.

Коль скоро это так, следует, казалось бы, выработать принципы выделения для караханидских монет такой ключевой классификационной единицы, как тип. Исследователи караханидских монет (не исключая и автора этих строк) постоянно оперируют понятием «тип», как правило, не объясняя, однако, какой смысл вкладывается в это понятие. Единственное исключение составляет Е.А. Давидович. При публикации Шахристанского клада караханидских дирхамов 1-й половины XI в. она четко оговорила, что считает типом и что — вариантом. По ее мнению, признак типа — содержание основных надписей. Наряду с неизменно повторяющимися легендами, есть вариативные элементы основных надписей (титулы, собственные имена), которые и положены в основу типа. Монеты разных городов и с разными датами считаются однотипными при совпадении прочих надписей: «когда правительство унифицировало монетные надписи для монетных дворов и не меняло их в течение определенного времени, дата и название города выполняли чисто контрольные функции и иной «нагрузки» не несли. Внутри типа могут быть выделены варианты, при-

знак варианта — схема размещения одинаковых надписей» [Давидович, 1980а, с. 185].

Несколько иной принцип классификации использован исследовательницей при изучении позднекараханидских дирхамов. За основу типа ею принят «устойчивый и неизменный комплекс признаков, включающий содержание надписей, взаиморасположение их частей на монетном кружке и декоративное оформление в виде картушей, орнаментов и ободков». Типы легко отличимы друг от друга «по одному внешнему облику». Судя по описанию Канибадамского клада, именно «внешний облик» и является основным отличительным признаком: существенные различия в надписях монет типа 4 (вариант 1: круговая легенда л.ст. — упоминание правителя, круговая легенда об.ст. — выпускные сведения; вариант 2: круговая легенда л.ст. — выпускные сведения; круговая легенда об.ст. — упоминание правителя; вариант 3 — круговые легенды л.ст. и об.ст. — выпускные сведения) выступают различиями не типовыми, а вариантными [Давидович, 1979, с. 212, 216].

Разумеется, и в том, и в другом подходе к классификации имеется свой резон, но при изучении всей совокупности караханидских монет желательнее было бы ориентироваться на единый принцип классификации. Как считает Е.В. Зеймаль [1983, с. 8–9], «типобразующими являются признаки, отражающие <...> сознательные перемены, вносимые в содержание монетного штемпеля (изображения правителя или божества <...>, изменение титулатуры, имени правителя и т.п.), а также сознательное изменение размеров штемпеля с целью изготовления монет другого номинала (при сохранении прежнего содержания изображений и легенд)». Хотя цитата взята из книги о древних среднеазиатских монетах, такое понимание термина «тип» представляется вполне приемлемым и по отношению к средневековым монетам. Но когда дело касается караханидских монет, возникает ряд вопросов. Изменения внутри типа 4 Канибадамского клада касаются важнейшего элемента монетных надписей (титулатуры правителя) и выглядят вполне «сознательными переменами», а значит, то, что Е.А. Давидович считает вариантами, следовало бы назвать типами, а ее «типы» именовать «сериями» или «группами» и т.д., т.е. относить

к более высокому уровню классификационной иерархии. Однако, по мнению исследовательницы, типовые изменения были самым тесным образом связаны с переменной курса и статуса позднекараханидских дирхамов [Давидович, 1961, с. 198]. Иначе говоря, такие перемены внешне выражались, прежде всего, в изменении облика монет, их оформления, а не содержания отдельных надписей. А раз так, следует признать правоту Е.А. Давидович, включившей все узджандские дирхамы 596/1199–1200 г. в тип 4, несмотря на различия в круговой легенде.

Насколько позволяют судить наши наблюдения, изменения в оформлении фалсов XI–XII вв. бывали достаточно часто связаны с курсовыми перегруппировками. Разница в облике в таких случаях настолько очевидна, что позволяет близкие хронологически («соседние») монеты одного денежного двора уверенно относить к разным типам. В иных случаях оформление, при сохранении в целом единого набора надписей, варьирует незначительно — и такие монеты можно относить к одному типу, несмотря на разницу в выпускных сведениях. Но бывают случаи, когда трудно сказать, имеет ли место принципиальное или частное изменение облика. И тогда возникает вопрос: могут ли быть выработаны объективные критерии для оценки того, насколько существенны изменения в оформлении?

Другой момент. Вот перед нами фалсы одного монетного двора и года (Согд, 400 г.х.), с совершенно одинаковым оформлением и почти идентичными надписями, различающимися одной деталью: в верхней части поля, в полумесяце мелко выбито то *хан*, то *ли-ллах*. При беглом взгляде такие монеты выглядят однотипными, каковыми они были, очевидно, и для средневекового потребителя. Между тем разница принципиальная — на одних фалсах великий каган, глава всего государства назван, на других — нет; на одних нашли отражение три ступени иерархической лестницы, на других — только вторая и третья. Словом, две практически одинаковые по внешнему виду монеты с точки зрения прокламативно-политической оказываются совершенно разными. Но разнотипными ли?

На ферганских фалсах 386 г.х., при почти идентичных легендах и облике в центре поля л.ст., то начертано мелко *хан* или

тегин, то стоит просто точка, т.е. отражена то одна ступень иерархической пирамиды, то другая, то никакой. Однотипны или разнотипны такие монеты? И число подобных примеров можно умножить.

Некоторые фалсы Ферганы 388 г.х. различаются только тем, что в круговой легенде об.ст. правитель назван то *Тонга-тегин*, то *тегин*, на дирхамах Тараза 400 г.х. — то *Арслан-тегин*, то *тегин*. На первый взгляд, перед нами явления одного порядка: в одном случае князь назван конкретно, в другом — только засвидетельствовано в общей форме его княжеское достоинство. Иными словами, такие изменения следовало бы признать «сознательными», т.е. типобразующими. Между тем в ферганском медном чекане конца X в. часты ошибки и пропуски, значительно более редкие на дирхамах Тараза начала XI в. Но достаточно ли этих наблюдений, чтобы считать отмеченные изменения на ферганских фалсах случайными, а на таразских дирхамах — целенаправленными?

К сказанному можно было бы добавить многое, но и этого достаточно, чтобы понять, насколько непросты вопросы классификации караханидских монет даже на уровне выделения типов. Можно надеяться, что тщательная разработка проблем денежного обращения при Караханидах позволит решить вопросы классификации, и уж во всяком случае — определить единые принципы выделения типов и вариантов. Но поскольку в нашу задачу изучение этих проблем сейчас не входит, мы сочли возможным использовать в дальнейшем в рабочем порядке термин «вид», отнюдь не приравнивая его к точному научному понятию «тип». При прочих равных условиях к разным «видам» отнесены и монеты, битые на разных монетных дворах, и монеты одного денежного двора с разными датами. Но если при этом, скажем, одна и та же дата передана неодинаково, то это — варианты различия. «Видообразующими» признаются любые изменения в «текстах», содержащих упоминания различных лиц, в том числе в титулатуре, эпитетике и т.д. Исключения составляют случаи, когда несомненно наличие ошибки, пропуска; это — варианты различия. Если в поле л.ст. помещена то только первая часть символа веры, то обе его части, такие монеты относятся к разным

«видам». Частные различия в виде наличия или отсутствия отдельных слов и кратких выражений, а также отдельных букв, считаются вариантными. Таковыми же признаются случаи переноса из одной строки в другую отдельных элементов легенд. Исключение составляет размещение первой части калимы двумя или тремя строками: это очень заметный, наглядный признак, позволявший различать такие монеты даже неграмотному потребителю. По той же причине видообразующими сочтены разные способы размещения легенды с выпускными сведениями — кольцом, треугольником, квадратом и т.д.: по существу, это разные виды оформления, т.е. очень наглядный критерий различения. Наконец, к разным «видам» отнесены монеты с разным оформлением, даже если они различаются только одним ободком; в противном случае невозможно выработать единые объективные критерии для выделения «видов» на основании «облика». Наличие или отсутствие мелких деталей оформления, особенно помещенных в поле кружка (точки, колечки, «капли» и т.д.), считаются вариантными различиями.

ГЛАВА 2

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ

Караханидские монеты, как часть куфической нумизматики, подлежат изучению с использованием тех приемов, которые выработаны исследователями куфических монет, прежде всего халифатских и саманидских. Но этого мало, ибо, как всеми признано, монеты Караханидов — самые сложные во всей мусульманской нумизматике Средней Азии, если не в мусульманской нумизматике вообще. Сложность заключается, прежде всего, в правильной атрибуции караханидских монет, о которых еще В.В. Бартольд [1969, с. 330] писал, что «при отсутствии точных исторических данных, мы часто не знаем, принадлежат ли различные титулы, упомянутые на одной и той же монете, одному или нескольким лицам». Достаточно сказать, что на раннекараханидских монетах конца X — середины XI в., наиболее многочисленных и многообразных, две трети упоминаний правителей не содержат их личных мусульманских имен, вместо них помещены титулы, лакабы, куньи. И без надежной идентификации монетной титулатуры полноценное использование караханидских монет в качестве источника по политической и социальной истории государства Караханидов вообще невозможно. Но и это еще не все. Поскольку

на караханидских монетах, особенно ранних, часто фигурируют два, три, четыре лица, причем нередко не подряд, один за другим, а в разных позициях, важно выяснить их субординацию, установить, какую ступень иерархической лестницы занимал каждый.

Эти две задачи — идентификация монетной титулатуры и выяснение статуса упомянутых на монетах лиц — наиболее сложны и касаются очень многих монет, независимо от степени их сохранности. В тех же случаях, когда выпускные сведения не уцелели или не проставлены, возникают задачи меньшего масштаба — хронологическая и географическая атрибуция.

Что же касается изучения метрологии и пробы караханидских монет, то методы здесь, разумеется, общенумизматические.

Методы идентификации монетной титулатуры

Благодаря усилиям целого ряда исследователей — Р. Фасмера, О. Прицака, Е.А. Давидович, Б.А. Литвинского, автора этих строк, отчасти М.Н. Федорова и других — значительная часть караханидской монетной титулатуры уже идентифицирована. Но никто даже и не пытался разработать надежную методику такой идентификации. Ввиду чрезвычайной сложности караханидской нумизматики, где на каждое правило тут же обнаруживаются исключения, это, пожалуй, и невозможно. Тем не менее, на раннекараханидском материале нам удалось сделать существенные наблюдения и проследить некоторые закономерности, важные именно для идентификации монетной титулатуры. На эту тему на Бартольдских чтениях 1984 г. нами был сделан доклад, позднее переработанный в статью [Кочнев, 1989а], основные положения которой излагаются ниже с некоторыми дополнениями, касающимися, прежде всего, более поздних материалов.

Анализ взаиморасположения имен и элементов титулатуры

Упоминание правителя на раннекараханидских монетах встречается в любой позиции — в поле и круговой легенде об.ст., в поле л.ст. и даже, очень редко, в круговой легенде л.ст., причем на

одном монетном кружке может быть до пяти упоминаний, в том числе в поле об.ст. — до трех (не считая халифа). Прежде чем установить конкретную принадлежность монетной титулатуры, необходимо выяснить, сколько лиц названо на изучаемом нумизматическом объекте.

Когда речь идет о поле об.ст., важно знать порядок размещения отдельных элементов титулатуры.

Вопрос о том, в каком порядке должны размещаться кунья и 'алам одного лица, казалось бы, не требует специального рассмотрения, поскольку в соответствии с общеизвестным правилом кунью следует ставить перед 'аламом. Напоминать об этом приходится лишь потому, что М.Н. Федоров [1975а, с. 115], игнорируя это правило, уверенно приписал одному правителю кунью *Ба Салих* и стоящее перед ней на фалсе Илака 391/1000–01 г. имя *Мухаммад б. Мансур*. Конечно, зная особенности караханидской нумизматики, чисто теоретически можно было бы допустить, что Караханиды могли нарушить и это правило. Однако на монетах и XI, и XII в. кунья всегда стоит перед именем: *Абу-л-Хасан Наср б. Али*, *Абу-л-Музаффар 'Абд ал-Халик* и т.д.

Согласно другому общеизвестному правилу, которому в монетном чекане следовали Бувайхиды, Зийариды, Хамданиды, 'Укайлиды и пр., кунью следовало помещать после арабского лакаба. М.Н. Федоров [1964, с. 98, 106] пренебрег и этим правилом, приписав кунью *Абу Мансур* и следующий за ним лакаб *Му'изз ад-давла* (поле об.ст. испиджабского дирхама 400/1009–10 г.) одному правителю, а не двум, как следовало. На караханидских монетах конца X — XI вв. это правило соблюдалось почти всегда (*Шихаб ад-давла Абу Муса*, *Насир ал-хакк Абу Наср* и т.д.). Есть всё же одно исключение — фалс Самарканда 401/1010–11 г. с надписью *Абу-л-Хасан ал-Му'аййид ал-'адл*; нетрадиционный порядок слов объясняется, возможно, тем, что и лакаб *ал-Му'аййид ал-'адл* нетрадиционный. Чаще нарушалось то же правило на монетах XII в.: *Абу-л-Музаффар Гийас ад-дунья ва-д-дин*, *Абу-л-Музаффар Мухаммад Рукн ад-дунья ва-д-дин*.

Арабский лакаб в подавляющем большинстве случаев (169 «видов» монет, 31 сочетание) проставлен перед 'аламом — личным именем его носителя (*'Адуд ад-давла ал-Хусайн*, *Сана' ад-*

давля Мухаммад б. Али). Гораздо реже (10 случаев, 5 сочетаний) встречается обратный порядок: Мухаммад б. 'Али Сана' ад-давля, Мансур б. 'Али Шамс ад-давля и т.д.

Почти всегда (более 400 случаев, 65 сочетаний) лакаб предшествует тюркскому титулу его носителя: Шамс ад-давля Арсланхан, ал-Му'аййид ал-'адл илиг и т.д. Исключения — такие, как хан Шамс ад-давля, Арслан-тегин Сана' ад-давля — немногочисленны (13 случаев, 8 сочетаний).

Когда следующие один за другим два арабских лакаба разделены тюркским титулом (Насир ал-хакк хан Сана' ад-давля Йиналтегин, Шамс ад-давля хан Сана' ад-давля илиг и т.д.), то они всегда принадлежат разным лицам. Если же лакабы не разделены тюркским титулом, то они почти всегда относятся к одному правителю (Кутб ад-давля Насир ал-хакк, 'Изз ад-дин Шараф ад-давля и т.д.). Исключения из этого правила немногочисленны.

Когда, подобно последнему примеру, на одном кружке (но не обязательно на одной стороне) стоят два, изредка три однородных лакаба с формантом ад-давля, то они по большей части тоже относятся к разным правителям. Исключений немного: всего 4 случая из 39.

При идентификации титулатуры важно помнить, что хан не может быть одновременно ни илигом, ни тем более тегиним. Что же касается титула илиг, то его носитель всё же мог, пусть в виде исключения, помещать на монетах прежний, менее высокий титул с компонентом тегин в течение недолгого времени после достижения илигского ранга. Так, Наср б. 'Али в поле об.ст. ферганских фалсов 388–389/998–99 г. назван илигом, в круговой легенде об.ст. — Тонга-тегиним. На дирхамах Усрушаны и Худжанда 405–407/1014–17 гг. Мухаммад б. 'Али ежегодно именуется то илигом, то Йинал-тегиним, а на усрушанском фалсе 405/1014–15 г. проставлены оба этих титула, хотя и на разных сторонах кружка. Важно при этом подчеркнуть, что относящиеся к одному лицу титулы илиг и тегин никогда не стоят вместе — они помещены на разных монетах или на разных сторонах кружка, либо в разных позициях.

Арабские титулы *малик* и *амир* на монетах сочетаются с другими элементами титулатуры, в частности, с эпитетами-определениями. Большинство сочетаний последнего ряда вполне ней-

тральны, они персонифицированы лишь в виде исключения: *ал-малик ал-музаффар* в чекане Ахмада б. 'Али, *ал-амир ал-мумакин* — у Мухаммада б. 'Али. Но такие широко распространенные сочетания, как *ал-амир ал-джалил* или *ал-амир ал-аджалл*, никогда не персонифицировались.

Зная перечисленные закономерности, в большинстве случаев несложно установить число упомянутых на монете лиц, а часто и носителей проставленной на ней титулатуры. Вот лишь несколько примеров. На очень многих дирхамах начала XI в. встречается сочетание *Насир ал-хакк хан ал-Му'аййид ал-'адл илиг Наср*. М.Н. Федоров приложил немало усилий, стараясь доказать, будто здесь упомянуто одно лицо — Наср б. 'Али. Но если бы он проследил отмеченные закономерности или хотя бы некоторые из них, то убедился бы в невозможности такой идентификации как минимум по двум причинам: лакабы *Насир ал-хакк* и *ал-Му'аййид ал-'адл* разделены тюркским титулом *хан*, почему не могут относиться к одному лицу; Наср б. 'Али, будучи илигом, не мог одновременно быть ханом.

Как видно из этого и ряда других примеров, даже после того, как установлено число упомянутых на монетах правителей, не всегда ясно (во всяком случае, из надписей той же монеты), кто именно упомянут. Не требуют обсуждения случаи, когда неизвестные элементы титулатуры зажаты между известными в надписях поля об.ст. Столь же несложно определение неизвестного через известное, когда правитель упомянут в круговой легенде об.ст., которая начинается формулой «Из того, что приказал...». Казалось бы, не может возникнуть и вопрос о числе названных после нее лиц, однако М.Н. Федоров [1975а, с. 106], вопреки всякой логике, «обнаружил» на самаркандском фалсе 407/1016–17 г. упоминание после этой формулы двух правителей.

Когда интитуляция помещена двумя частями в поле л.ст. выше и ниже символа веры, обе ее части, по мнению Е.А. Давидович [1968, с. 93–94], следует относить к одному лицу. На массовом материале такая закономерность действительно прослеживается (на монетах 293 «видов»), но есть и исключения (28 случаев), когда на л.ст. названы два лица. Например, на л.ст. фалсов Узгенда 411/1020–21 г. выше калимы помещен титул *илиг*, ниже —

лакаб *‘Айн ад-давла*. И титул, и лакаб Е.А. Давидович [1968, с. 72–73] приписала Мухаммаду б. Насру, но, как теперь стало ясно, в среднеазиатских владениях Караханидов был тогда только один илиг — Мухаммад б. ‘Али, который здесь и выступает в качестве непосредственного сюзерена *‘Айн ад-давла* (Мухаммада б. Насра), ставшего илигом много позднее.

Если принадлежность титулатуры, проставленной в поле л.ст., сама по себе не определяется, может оказаться небесполезным следующее наблюдение: титулатура и/или имя, помещенные на л.ст., более чем в половине случаев (301 из 557) относятся к правителю, упомянутому в нижней части поля об.ст., в большинстве остальных случаев (245) принадлежат его вассалу. На монетах 11 «видов» в надписях л.ст. фигурирует лицо, названное в поле об.ст. не последним, а предпоследним. Например, в реверсном поле будухкатского дирхама, битого около 411/1020–21 г., обозначены три правителя — *Арслан-хан*, *Абу-л-Хасан Атим-тегин* (Ахмад б. Мухаммад) и *‘Али*, в поле л.ст. проставлен лакаб *Насир ад-давла*, принадлежавший Атим-тегину.

Какой-то элемент титулатуры (лакаб, кунья, титул, эпитет) или «имя» (алам, насаб) могут быть вынесены в верхнюю часть поля об.ст. В большинстве случаев (84) они относятся к правителю, упомянутому в нижней части поля последним, в 10 случаях — названному предпоследним, на монетах 26 «видов» — к лицу, в нижней части поля не фигурирующему. Так, на дирхамах Кубы 445/1053–54 г. в нижней части реверсного поля помещена титулатура Арслан-хана, в верхней — его кунья *Абу Шуджа’*. Пример иного рода — шашский дирхам 395/1004–05 г.: после халифа — упоминание Ахмада б. ‘Али, внизу — имя *Наср*, сверху — титул *ал-хан*, относящийся не к Насру, а к Ахмаду. На испиджабских дирхамах 398/1007–09 г. после халифа фигурирует только *Ахмад б. ‘Али*, в верхней части поля обозначен совсем другой правитель — *Матт*.

Иногда титулы *хан*, *илиг* или *тегин* стоят в поле л.ст. или об.ст. без всяких уточнений. Столкнувшись с такой полной анонимностью при анализе надписей дирхамов Шалджи 413/1022–23 г., где государь назван просто ханом, М.Н. Федоров [1974, с. 162–163] истолковал ситуацию следующим образом: находясь на территории государства Арслан-хана, но неподалеку от владений Кадыр-хана,

владелец Шалджи «из осторожности» не уточнил, кого из них считает сюзереном. Если так, то и другие подобные анонимные титулы могли не иметь конкретного носителя, а значит, принадлежность их принципиально не установима. В действительности всё обстояло совершенно иначе. В Караханидском каганате конца X — XI вв. ханов было одновременно два и более, но в каждый данный отрезок времени и на данной территории был один хан, хан по преимуществу, Хан с большой буквы, чье имя и титулатура были прекрасно известны современникам, которым уточнения не были так уж необходимы. Шалджи, удел Йусуфа б. Мансура, являлся частью обширных владений его отца, Арслан-хана Мансура б. ‘Али, и совершенно очевидно (не только современникам, но и нам), что ханом Йусуф мог называть и называл именно Арслан-хана Мансура, а вовсе не Кадыр-хана Йусуфа. Что анонимный хан — всегда конкретное лицо, убеждают многие материалы, в частности, хронологически близкие дирхамам соседнего с Шалджи Тараза. На некоторых таразских монетах 404/1013–14, 408/1017–18 и 409/1018–19 гг. государь назван просто ханом, но кто скрывается за этим титулом, разъясняют надписи дирхамов Тараза ближайших лет: в 403/1012–13 и 405/1014–15 гг. это *Насир ал-хакк хан* (Ахмад б. ‘Али), в 407/1016–17 и 410/1019–20 гг. — *Арслан-хан* (Мансур б. ‘Али).

Наряду с указанной анонимностью, имеется масса случаев противоположного рода — когда перед ханским титулом стоит развернутая, иной раз на несколько строк, титулатура, которую всю целиком можно с полной уверенностью приписать эту хану: любой из них перед своей интитуляцией не помещал никаких упоминаний (кроме, конечно, халифа).

Если ханов одновременно было несколько, то Арслан-илиг, как правило, был один, чем облегчается определение принадлежности даже ничем не уточненного на монетах титула *илиг*.

Тегинов было, конечно, много больше, и потому принадлежность этого титула, даже проставленного изолированно, почти всегда уточняется другими надписями той же монеты. Так, на многих дирхамах Тараза 398–400/1007–10 гг. в поле л.ст. фигурирует некий тегин; кто это, становится ясно из легенд об.ст., где в поле и/или в круговой легенде упомянут Мухаммад б. ‘Али, титуловавшийся тогда Арслан-тегином. Пример другого рода —

фалсы Ферганы 384–385/994–95 гг., на которых обязательно фигурирует (в круговой легенде об.ст.) Наср б. ‘Али, в ряде случаев названный в поле об.ст. Тонга-тегином, иногда просто тегином.

Для тюркской титулатуры Караханидов чрезвычайно характерна изменчивость: по мере продвижения по иерархической лестнице правитель мог не раз сменить титул. Факт этот давно известен, не раз отмечался выше, но в данной связи напоминать о нем приходится потому, что забвение его неизбежно ведет к ошибочным отождествлениям. Так, М.Н. Федоров [1972б, с. 142, 146] дирхамы Хафтдиха 394–95/1003–05 г. с упоминанием Сирадж ад-давла Йинал-тегина уверенно приписал Мухаммаду б. ‘Али, в чекане которого засвидетельствован титул *Йинал-тегин*. Мухаммад одно время действительно был Йинал-тегином, но, судя по монетам, только с 403/1012–13 г., единственным же его монетным тюркским титулом до этой даты был титул *Арслан-тегин*. Стало быть, в 394–395/1003–05 гг. Йинал-тегином был не Мухаммад б. ‘Али, а, безусловно, другой правитель, скорее всего — Мансур б. ‘Али.

Не менее важно помнить, что одновременно в Караханидском каганате могло быть два и даже три носителя одного княжеского титула, особенно если этот титул неранговый. В 404–417/1013–27 гг. в Восточном Туркестане выпускались дирхамы с упоминанием ‘Имад ад-давла Чагры-тегина (Сулаймана б. Йусуфа), в 406–407/1015–17 гг. в Бухаре чеканились монеты Сайф ад-давла Чагры-тегина ал-Хусайна б. Мансура, на тункатских монетах 404–418/1013–28 гг. фигурирует ‘Адуд ад-давла ал-Хусайн б. ал-Хасан Чагры-тегин. У всех трех правителей одинаковые тюркские титулы, но разные арабские лакабы. Последнего обстоятельства не учел М.Н. Федоров [1974, с. 158], когда второго и третьего владельца принял за одного.

Сказанное о тюркских титулах справедливо и в отношении арабских лакабов: один правитель мог иметь несколько разных почетных прозваний, в том числе однородных (с формантом *ад-давла*), иногда же один и тот же лакаб мог принадлежать одновременно разным владельцам — двум и даже трем.

Насколько важно учитывать возможность наличия одного лакаба у разных правителей-современников, видно на примере некоторых ошибок О. Прицака. Он счел Мухаммада б. Насра еди-

ноличным обладателем лакаба *Му’аййид ал-‘адл*, а поскольку на монетах Ибрахима б. Насра есть это почетное прозвание, он заключил, что Мухаммад был сюзереном Ибрахима и, следовательно, первым главой Западнокараханидского каганата [Прицак, 1950, с. 226–227]. Эта точка зрения была опровергнута Е.А. Давидович [1968, с. 69–74], которая убедительно показала, что создателем Западного каганата явился не Мухаммад, а именно Ибрахим б. Наср. Другой пример. Из монетных надписей О. Прицаку известно о наличии у Йусуфа б. Харуна лакабов *Насир ал-хакк* и *Насир ад-давла*. Соответственно проставление первого лакаба на дирхамах Усрушаны 407/1016–17 г. истолковано им как свидетельство того, что в борьбе за престол между Мансуром б. ‘Али и Ахмадом б. ‘Али Йусуф сохранил верность последнему. Появление же на монетах Испиджаба 411–412/1020–22 гг. лакаба *Насир ад-давла*, помещенного после упоминания Арслан-хана (Мансура б. ‘Али), воспринято О. Прицаком [1953, с. 30–31] как показатель последующего примирения между Йусуфом и Мансуром. Между тем лакаб *Насир ал-хакк* принадлежал также Ахмаду б. ‘Али, а в чекане Йусуфа б. Харуна появился много позже смерти Ахмада (ум. в 408/1017–18 г.). Почетное прозвание *Насир ад-давла* было не только у Йусуфа, но и у Ахмада б. Мухаммада, владельца Испиджаба. Таким образом, на монетах 1-й четверти XI в., известных О. Прицаку, на самом деле нет никаких следов вмешательства владельца Восточного Туркестана Кадыр-хана Йусуфа в среднеазиатские дела.

Смена лакабов прослеживается в чекане не только Йусуфа, но и его современника ‘Али б. ал-Хасана (‘Али-тегина): на монетах 411–415/1020–25 гг. он назван *Баха’ ад-давла*, на монетах 423–426/1031–35 гг. — *Кутб ад-давла*. Первый лакаб М.Н. Федоров [1974, с. 164 сл.] не только не связал с ‘Али-тегином (поскольку в его позднем чекане такого почетного прозвания нет), но приписал совсем другому лицу, в результате чего исказил и всю картину событий в центральном Мавара’аннахре в 411–416/1020–26 гг.

При атрибуции монетной титулатуры нельзя также забывать, что подобно тюркскому титулу и арабскому лакабу, одинаковые куньи могли быть у разных правителей, а у одного владельца бывает более одной куньи. Так, Ахмад б. ‘Али на монетах назван Абу Насром и Абу-л-Музаффаром, причем вторая кунья была также у

его современников — Мухаммад б. ал-Хасана и Мансура б. 'Али. О. Прицак [1950, с. 215–216], зная о принадлежности последнему куньи Абу-л-Музаффар (и, очевидно, исключая возможность наличия такой же куньи у кого-то еще), приписал Мансуру титулатуру *Низам ад-давла Абу-л-Музаффар Тонга-тегин*, помещавшуюся на монетах Шаша 399–401/1008–11 г. и Самарканда 403/1012–13 г., а следовательно, и «отдал» ему эти владения — как теперь очевидно, совершенно напрасно, ибо титулатура эта принадлежала Мухаммаду б. ал-Хасану.

Во многих случаях элемент титулатуры, который требуется идентифицировать, так или иначе соотносится с другими элементами титулатуры и/или именем, хотя бы они и располагались на разных сторонах кружка. В такой ситуации неизвестное определяется через известное, — разумеется, с учетом тех закономерностей, сложностей и отклонений, которые охарактеризованы выше. Однако есть немало монет с такими элементами титулатуры, принадлежность которых самими монетными надписями либо вовсе не уточнена, либо не определена однозначно. Разумнее всего было бы отложить их идентификацию до тех пор, пока не будут обнаружены нумизматические объекты, более информативные в этом отношении.

Все же нередки случаи, когда весьма желательно хотя бы «вычислить» носителя того или иного элемента титулатуры. Когда речь идет о тюркской титулатуре, это подчас отнюдь не невозможно. Дело в том, что караханидская официальная иерархия являла собой некую систему, каждый член которой на определенном отрезке времени носил один из ранговых титулов, присваивавшихся по старшинству: на более высокий титул имел право старший из братьев или представитель старшего поколения; смерть вышестоящего члена иерархии автоматически приводила к передвижкам на нижележащих ступенях династийной иерархии, что внешне выражалось в перераспределении ранговых титулов: Арслан-тегин становился Йинал-тегином, Йинал-тегин — Арслан-илигом, Арслан-илиг — ханом. Скажем, в начале XI в. в среднеазиатских владениях Караханидов высшие титулы принадлежали сыновьям 'Али б. Мусы: как явствует из монетных надписей, ханом был старший из братьев, Ахмад б. 'Али, Арс-

лан-илигом — Наср б. 'Али, Арслан-тегином — Мухаммад б. 'Али. Принадлежность титула *Йинал-тегин*, помещенного на дирхамах Хафтдиха 394–395/1003–05 гг., уточнена лишь лакабом *Сирадж ад-давла*, больше нигде не встречающимся, но ясно, что и Йинал-тегин был «Алидом». А коль скоро после кончины в 403/1012–13 г. Насра б. 'Али илигом стал Мансур б. 'Али, наиболее вероятно, что до того именно он должен был носить титул *Йинал-тегин*.

После 415/1024–25 г., когда не осталось в живых ни одного из сыновей 'Али б. Мусы, носителями самых высоких титулов — *Кадыр-хан*, *Тоган-хан*, *Арслан-илиг*, *Йинал-тегин* — были представители другой ветви правящего рода, сыновья Бугра-хана Харуна/Хасана. Монетные надписи не оставляют никаких сомнений относительно принадлежности этих титулов. Что же касается следующего (по нисходящей) титула *Арслан-тегин*, помещенного на самаркандских фалсах 419 г.х. и на дирхамах Хуканда 423 г.х. без всяких уточнений, то, учитывая общую династийно-политическую ситуацию, более чем вероятно, что и он связан с кем-то из «Хасанидов». По монетам 1-й трети XI в. известно семь сыновей Харуна/Хасана — Йусуф, Мухаммад, 'Али, Хусайн, Сулайман, Бакр и Ахмад. После 414/1023–24 г. двое последних в монетных легендах не фигурируют, Йусуф и Мухаммад носили ханский титул, 'Али стал Арслан-илигом, Хусайн — Йинал-тегином. Значит, наиболее вероятным претендентом на титул *Арслан-тегин* следует считать Сулаймана б. Харуна. Это тем более правдоподобно, что после 415/1024–25 г. у него были крупные владения в Фергане, где выпущен и дирхам с титулом *Арслан-тегин*.

Как установлено нами по монетам, в 440-х гг.х. Арслан-илигом был Ахмад б. Мухаммад. Поскольку в большинстве тех случаев, когда назван его сюзерен, это Бугра-хан Мухаммад б. Йусуф; последнего мы и сочли отцом Ахмада [Кочнев, 1989а, с. 156]. При этом не было должным образом учтено и оценено сообщение Ибн ал-Асира о том, что Бугра-хан в конце жизни (т.е. на исходе 440-х гг.х.) объявил своим наследником старшего сына, Чагры-тегина Хусайна. Но если старший сын Бугра-хана был всего лишь тегином, другой его сын не мог носить более высокий титул *Арслан-илиг*. Стало быть, Ахмада б. Мухаммада следует считать сыном не Бугра-хана, а другого носителя имени *Мухаммад*. И един-

ственным «Хасанидом», кто мог бы быть отцом Ахмада, остается Тоган-хан Мухаммад б. Хасан: сын последнего, несомненно, имел больше оснований титуловаться Арслан-илигом, нежели сын (к тому же не старший) Бугра-хана, представитель следующего поколения (подробнее об этом в разделе о титулатуре Ахмада б. Мухаммада).

Методы определения статуса

После того, как идентифицирована монетная титулатура, важно установить статус упомянутых на монетах лиц. Как правило, монетные легенды фиксируют официальный статус, т.е. место в иерархии, но иногда отражают фактическое положение, степень самостоятельности (или наоборот, зависимости).

Ранжирование титулатуры

Важнейший инструмент определения официального статуса — выяснение «цены» титулатуры. В отношении тюркской титулатуры, в этом плане наиболее информативной, многое сделано О.Прицаком. Он постарался показать, что тот или иной титул соответствовал определенному месту в официальной династийной иерархии. Высшим был ханский титул. Далее следовали титулы *Арслан-илиг*, *Бугра-илиг* (*Йинал-тегин*), *Арслан-тегин* и *Бугра-тегин* (*Йанга-тегин*) [Прицак, 1950, с. 210–219; 1953, с. 23–24]. Последовательную смену княжеских титулов О.Прицак проследил на примере Мухаммада б. ‘Али. Теперь монеты последнего известны в значительно большем числе, но и они показывают, что Мухаммад действительно вначале был Арслан-тегином (между 398–403/1007–13 гг.), затем Йинал-тегином (403–07/1012–17 гг.), наконец илигом (т.е. Арслан-илигом; 404–15/1012–25 гг.). Многие другие примеры тоже убеждают, что титулы *Арслан-илиг*, *Йинал-тегин*, *Арслан-тегин*, *Йаган/Йанга-тегин* отражают иерархическую значимость именно в той последовательности, как указал О. Прицак.

Рангом ниже ханского, по заключению О.Прицака [1953, с.19], был титул *илиг*. М.Н. Федоров [1972б, с. 135] не видит принципиальной разницы между этими титулами и не согласен с О.Прица-

ком, но свою позицию никак не аргументирует. По крайней мере, отчасти такая позиция связана, очевидно, с тем, что в рукописных источниках встречается сочетание *илиг-хан*. По мнению О.Прицака [1953, с.19–20], оно произошло от контаминации илига Насра б. ‘Али с ханом Ахмадом б. ‘Али. Несколько странно, правда, что такое сочетание фигурирует уже у современника событий, ‘Утби, а у Мирхонда связано с Караханидом, жившим после Насра и Ахмада [Мирхонд, с. 454–455]. На одном из бухарских фалсов 389/999 г. взаиморасположение титулов *илиг* и *хан* (первый выше, а второй ниже символа веры на аверсе) позволяет, казалось бы, воспринимать их как сочетание *илиг-хан*, однако здесь имеет место обратный (снизу вверх) порядок чтения, редко, но всё же встречающийся на караханидских монетах. Как бы там ни было, в тех многочисленных случаях, когда на монете фигурируют оба титула и принадлежность их несомненна, они, во-первых, относятся к разным лицам, во-вторых, илиг всегда упомянут после хана. Следовательно, О.Прицак абсолютно прав: титул *илиг* ниже титула *хан*.

По О. Прицаку [1953, с. 23], титул *Арслан-илиг* выше титула *Бугра-илиг*; к сожалению, наличный нумизматический материал не дает возможности проверить эту точку зрения.

В ряде случаев статус и/или функции фигурирующего на монете лица определяются благодаря наличию формулы, вводящей его упоминание.

Чаще других использовалась формула *مما امر به* «Из того, что приказал...», характерная для конца X — 1-й половины XI в.; для XII в. известны только три случая. Формула эта появилась на халифатских монетах VIII в., сопровождая имена разных правителей-наместников и даже халифов. В саманидском чекане она типична для фалсов. На монетах общегосударственного чекана эта формула вводила упоминание государя, саманидского амира, на удельных фалсах Ферганы, по авторитетному заключению Е.А. Давидович [1977, с. 117], изучившей большой материал, после нее «проставлялось имя лица, которому принадлежали реальные права на город или область, в том числе монетная регалия».

С приходом Караханидов в сфере применения и в характере использования формулы «Из того, что приказал...» произошло не-

мало изменений. Если на саманидских дирхамах эта формула появлялась в виде редчайшего исключения, то в караханидское время число таких монет заметно увеличилось. Известно 75 «видов» караханидских дирхамов с данной формулой, причем все они приходятся на сравнительно небольшой отрезок времени — 393–412/1002–22 гг. В 42 случаях после этой формулы помещено упоминание сюзерена, в остальных 33 случаях — вассала. Выходит, при Саманидах вопрос о том, кому принадлежит монетная регалия в сфере серебра, практически не стоял, ибо она заведомо принадлежала государю, главе династии. В раннекараханидское время монетная регалия в сфере серебра могла быть передана вассалу и даже арьервассалу, непосредственному владельцу города или области, занимавшему третью ступень династийной иерархической лестницы и даже не всегда происходившему из Караханидов (например, Бегтузун). Быть может, сама возможность передачи вассалу «серебряной» монетной регалии, сама возможность постановки вопроса о том, кто владеет этой регалией, вызвала к жизни и случаи упоминания хана на дирхамах после формулы «Из того, что приказал...». Если это так, то исчезновение данной формулы могло означать снятие вопроса о принадлежности «серебряной» монетной регалии: это прежде всего привилегия сюзерена. Как бы там ни было, отнюдь не случайно, что надписи раннекараханидских дирхамов владельцем монетной регалии чаще называют сюзерена, чем вассала.

Диаметрально противоположная картина наблюдается в сфере меди, где формула «Из того, что приказал...» использовалась намного чаще (344 случая) и несколько дольше — в 382–433/992–1042 гг. В 1-й трети XII в. (1 случай) и в 576–577/1180–82 гг. (2 случая). На фалсах после этой формулы значительно чаще упоминались вассалы — в 262 случаях; когда в надписях фигурируют три лица, формула может вводить упоминание как второго, так и третьего члена иерархии. Как видно из приведенных цифр, монетная регалия в сфере меди передавалась удельным правителям в несколько раз чаще, чем в сфере серебра. К сожалению, большинство дирхамов с формулой «Из того, что приказал...» выпущено в областях, не чеканивших фалсы, почему мы лишены возможности на большом и достаточно представительном материале проверить, насколько совпадала «медная» монетная регалия с «серебряной», но по-

хоже, что совпадение не было обязательным. Например, и на дирхамах, и на фалсах Самарканда 401/1010–11 г. после этой формулы назван удельный князь Мухаммад б. Хасан, тогда как на чеканенных в 405/1014–15 г. в Узгенде дирхамах после формулы фигурирует Ахмад б. Али, на фалсах — его вассал Ахмад б. Мухаммад. На шашских фалсах 394–96/1003–06 гг. после формулы «Из того, что приказал...» стоит имя Йусуфа б. Абдаллаха, никак не упомянутого на большинстве дирхамов Шаша тех же лет. Словом, «серебряная» монетная регалия выглядит «почетнее» и весомее «медной», что и естественно: не одинаков был статус у серебряного и медного чекана.

Совершенно беспрецедентно появление на очень редких караханидских монетах (14 «видов») сразу двух легенд с формулой «Из того, что приказал...» — разумеется, на разных сторонах кружка. В четырех случаях — на дирхаме, чеканенном, судя по всему, в Испиджабе не позже 404 г.х., на фалсах Илака 400 г.х., Худжанда 405 г.х. и Усрушаны 408 г.х. — в круговой легенде и аверса, и реверса фигурирует одно и то же лицо; такое «излишество» можно отнести на счет довольно обычной для караханидского чекана «избыточной информации». Труднее объяснить остальные девять случаев, когда на фалсах Худжанда 390 г.х., Ферганы 390, 391, 394, 398, 399, 400/1009–10(?) г.х., Дахката и Илака 403 г.х. аверсные и реверсные круговые легенды содержат упоминания разных правителей. Казалось бы, это нонсенс: самый смысл формулы «Из того, что приказал...» исключает наличие двух источников распоряжения. И проще всего было бы объяснить этот феномен ошибкой монетария или совмещением непарных штемпелей, если бы не повторяемость явления на разных денежных дворах, в разные годы и с разными правителями. Стало быть, это не случайность, а некая закономерность, проявляющаяся, между прочим, в том, что в девяти случаях из десяти упоминание в круговой легенде вассала помещено на реверсе. Поэтому остается предположить, что монетная регалия (по крайней мере, в сфере меди) могла находиться в совместном владении двух правителей, каждый из которых являлся монетным сеньором.

Очень редки монеты с другой вводной формулой — *علي يدي* «под руководством», «при посредстве». Это фалсы Ферганы без даты, битые около 385 г.х. (*Ба-л-Касим*), Уша 387 г.х. (*Ахмад б. Му-*

хаммад ал-Му'аззин), Илака 387 г.х. (*Ба Салих*), Ахсиката 412–413 г.х. (*Мухаммад б. Наср*), Хутлук Орду 425 г.х. (*Али б. Мухаммад ал-Мутавалли*). Только на илакских фалсах эта формула фигурирует в поле, в остальных случаях она включена в круговую легенду л.ст. вместе с выпускными сведениями.

Как и предыдущая, это тоже древняя формула, известная с VIII в. и помещавшаяся также на среднеазиатских саманидских фалсах X в. По мнению В. Г. Тизенгаузена [1873, с. XVII], на халифатских монетах формула «при посредстве...» ставилась перед именами «наместников (*عامل*) <...>, начальников монетных дворов (*متولى دار الضرب*) и других лиц, заведовавших монетным делом». Хусайна, упомянутого после этой формулы на саманидских фалсах Насрабада, тот же исследователь прямо назвал «директором Насрабадского монетного двора» [Тизенгаузен, 1855, с. 196]. Другие лица, фигурирующие после формулы «при посредстве...» на саманидских фалсах Ферганы X в., признаны Е. А. Давидович [1972б, с. 130] имеющими «прямое отношение к деятельности монетного двора». Анализируя надписи илакского фалса 387 г.х., Е. А. Давидович [1978, с. 92] специально остановилась на упоминании Аба Салиха после той же формулы. По мнению исследовательницы, «медный чекан Илака 387/997 г. еще не мог отойти от саманидских традиций и понимания места и функций лиц, имена которых проставляются на монетах», почему Аба Салиха, «по нормам и представлениям того времени, следует считать чиновником, связанным с деятельностью монетного двора». М. Н. Федоров специально нигде не затрагивает вопроса о назначении формулы «при посредстве...», но понимает ее безусловно иначе. Того же Аба Салиха он считает дихканом Илака [Федоров, 1975а, с. 115], а в 'Али б. Мухаммаде, упомянутом после той же формулы на фалсах Хутлук Орду 425 г.х., видит такого же вассала 'Али-тегина, как Караханиды Йусуф б. 'Али, 'Айн ад-давла и Му'изз ад-давла [Федоров, 1974, с. 174].

Между тем 'Али б. Мухаммад прямо назван *ал-мутавалли*, т.е. начальником монетного двора. К той же категории чиновников, ведавших деятельностью денежного двора, явно относится и ушский Ахмад б. Мухаммад ал-Му'аззин, происходивший, судя по *тахаллусу*, из духовного сословия.

Весьма любопытны надписи л.ст. ахсикатского фалса 412 г.х.: внешняя круговая легенда: «Приказал [выбить] этот фалс в Ахсикате ал-амир ас-сайид 'Айн ад-давла», внутренняя круговая легенда: «при посредстве (*или под руководством*) Мухаммада б. Насра в 412 году». Учитывая, что лакаб 'Айн ад-давла принадлежал тому же Мухаммаду б. Насру (караханидскому князю), нельзя не заметить крайнюю неловкость конструкции, составитель которой, похоже, просто запутался с «приказаниями» и «руководствами», но сама эта путаница весьма показательна. Следовательно, и при Караханидах сохранилась восходящая к халифатскому времени неоднозначность формулы «при посредстве...», «под руководством...», т.е. сама по себе она еще не определяет, является ли упомянутое после нее лицо правителем или только чиновником, ведавшим работой монетного двора. Вот, скажем, на ферганском фалсе, битом около 385/995 г., она предшествует упоминанию некоего Ба-л-Касима. Это же (?) лицо названо еще только на фалсе Согда 404/1013–14 г. — в нижней части поля то аверса, то реверса, то обеих сторон. Двукратное упоминание Ба-л-Касима на одном монетном кружке склоняет, казалось бы, к признанию его правителем, однако нельзя исключать и совмещение непарных штемпелей. Поэтому вопрос о функциях, статусе Ба-л-Касима правильнее оставить открытым.

Со статусом фигурирующих на монетах лиц нередко связано местоположение и взаиморасположение их упоминаний, которые встречаются где угодно — в поле об.ст., в круговой легенде об.ст., в поле л.ст., в круговой легенде л.ст. и даже, в виде исключения, в обрамлении.

С этой точки зрения Е. А. Давидович тщательно изучила формуляр саманидских фалсов Ферганы X в. Анализ большого нумизматического материала убедил ее в том, что «на саманидских медных монетах местоположение имени имело совершенно определенное значение. В круговой легенде об.ст. после слов «Из того, что приказал...» проставлялось имя лица, которому принадлежали реальные права на город или область <...>. В поле оборотной стороны проставлялось имя сюзерена или повторялось имя владельца города (области), если он никого сюзереном не признавал» [Давидович, 1977, с. 117]. Известен «вариант трехступенча-

той иерархии: глава династии в качестве верховного сюзерена обозначен в поле об.ст.; его непосредственный вассал, которому пожаловано владение — в круговой легенде об.ст., а следующий вассал, также обладающий какой-то частью прав на владение, — в поле л.ст.» [Давидович, 1978, с. 92]. Вассал, занимающий третье место в иерархии, может быть упомянут в поле об.ст. (после саманидского амира), либо в круговой легенде л.ст., либо в обоих местах одновременно. Наконец, имеются примеры четырехступенчатой иерархии, когда лица, занимающие две последние ступени, упомянуты один за другим в поле или круговой легенде л.ст. [Давидович, 1972б, с. 135–139].

Караханидский медный чекан конца X в., по мнению Е.А. Давидович [1968, с. 73; 1978, с. 92], еще не отошел от саманидских традиций, сохранялись они и в XI в., но не настолько, чтобы закономерности, характерные для X в., механически переносить в XI в. Результаты предпринятого нами под этим углом зрения изучения раннекараханидских монет нашли в статье [Кочнев, 1984, с. 109 сл.]. Ниже излагаются основные положения этой статьи, но с некоторыми поправками и дополнениями, обусловленными в значительной мере расширением источниковой базы (в частности, за счет привлечения более поздних материалов 2–3-й четвертей XI в.).

Чаще всего упоминания помещались в поле об.ст., где может быть названо от одного до трех лиц (не считая халифа). Последовательность упоминаний, очевидно, отражает иерархическую последовательность. Однако у М.Н. Федорова вассал иной раз оказывается фигурирующим раньше сюзерена. Так, сочетание *Низам ад-давла Абу-л-Музаффар Тонга-тегин*, помещенное на шашских дирхамах 399/1008–09 г., он рассматривал как последовательное упоминание вассала (*Низам ад-давла Абу-л-Музаффар*) и сюзерена (*Тонга-тегин*) [Федоров, 1964, с. 107]. Имя, которое М.Н. Федоров читал как *Наср* и которое на многочисленных монетах, битых после 403/1012–13 г., помещено в самом низу поля, он приписал сюзерену того, кто обозначен выше [Федоров, 1964, с. 108; 1971, с. 166, 174, прим. 11]. Наконец в сочетании *Насир ал-хакк Кадырхан*, проставленном на дирхамах Узгенда 425–26/1033–35 гг. он же усмотрел упоминания вассала (*Насир ал-хакк*) и сюзерена (*Кадырхан*) [Федоров, 1966, с. 148]. На самом деле на всех без единого ис-

ключения караханидских дирхамах конца X — XI вв. порядок был нормальный: халиф, государь, вассал (вассалы).

Сравнительно невелико число монет, на которых упоминание правителя вынесено в верхнюю часть поля об.ст. Когда в верхней и нижней части поля фигурируют разные лица, то вверх чаще выносятся упоминание вассала (21 случай), реже бывает наоборот (6 случаев). Так, на многих дирхамах Испиджаба начала XI в. после халифа назван хан Ахмад б. 'Али, в верхней части поля — местный владетель Матт; иногда же после Ахмада может быть упомянут другой его вассал, например, Хасан. Последнего, скорее всего, следует считать непосредственным сюзереном Матта, соответственно отводя Хасану вторую, а Матту — третью ступень иерархической лестницы. Но полной уверенности в этом всё же нет, поскольку порядок размещения имен и титулатуры бывает иной раз очень необычным: на испиджабских дирхамах 400/1009–10 г. внизу — *Му'из ад-давла* (лакаб Матта), еще ниже — *Мирак*, вверху — *Матт*. На дирхамах Киша 400/1009–10 г. и фалсах Согда 400–401/1009–11 гг. в верхней части поля об.ст. фигурирует хан, в нижней — илиг Наср, его вассал.

Иногда упоминание правителя помещено двумя частями над и под легендами поля об.ст. В 15 случаях из 27 оно относится к правителю, фигурирующему в основной части поля, в 12 случаях — к другому лицу: только в одном из этих 12 — к сюзерену того, кто назван в поле, в остальных 11 — к вассалу. Например, на дирхамах Испиджаба 435/1043–44 г. после халифа упомянут *Бугра кара-хакан*, выше и ниже помещен двумя частями титул его вассала — *Тоган-тегин*; на тункатском дирхаме 436/1044–45(?) г. — наоборот: в центре — *Арслан-тегин*, выше и ниже — лакаб *султан ад-давла*, принадлежавший его сюзерену Бугра-хану.

Особняком стоит фалс Ахсиката 419/1028 г. с упоминанием трех лиц: в поле — *малик ал-Маширик* (Йусуф б. Харун, сюзерен), выше и ниже — *Адуд ад-давла* (Мухаммад б. Наср, вассал), под словом *Адуд* — имя *Али* (арьер-вассал).

В конце X — 1-й половине XI в., а также в XII в. правитель мог фигурировать в круговой легенде об.ст. На монетах 1-й хронологической группы такое упоминание, как правило, вводится формулой «Из того, что приказал...», для монет 2-й хронологической

группы исключение составляет, наоборот, наличие такой формулы. На поздних монетах круговая легенда включает обычно титулатуру правителя, названного в поле. С ранними монетами всё намного сложнее.

Прежде всего, в раннекараханидское время «круговое» упоминание появляется на дирхамах. Из выявленных 74 случаев 41 приходится на упоминание хана, 33 — вассального правителя. По большей части это непосредственный вассал хана, в четырех случаях — арьер-вассал, т.е. лицо, занимающее третью ступень иерархической лестницы.

Любопытную картину являет серебряный чекан Тараза 393–402/1002–12 гг.: круговая легенда включает титулатуру то сюзерена — Ахмада б. 'Али, то вассала — Мухаммада б. 'Али. Совершенно очевидно, что при помощи одной только круговой легенды невозможно установить, какое место в иерархии занимал фигурирующий в этой позиции правитель.

Множественность вариантов демонстрирует и медный чекан. Если в круговой легенде фигурирует сюзерен, то в поле может быть назван он же (Илак, 382/992 г.: круговая легенда — *Шихаб ад-давла Захир ад-да'ва*, поле — *Шихаб ад-давла Абу Муса*), либо сюзерен плюс вассал (Илак, 388/998 г.: круговая легенда — *Ахмад б. 'Али*, поле — *Ахмад б. 'Али и Ба Салих*), или только вассал (Илак, 388/998 г.: круговая легенда — *Ахмад б. 'Али*, поле — *Аба Салих*).

Весьма сложный случай — фалс Илака 408/1017–18 г. с упоминанием в поле Арслан-хана и Бөри-тегина, в круговой легенде — Хусайна б. Шихаб ад-давла. Как установлено по монетам, Бөри-тегин владел в это время всем Илаком, Хусайн б. Шихаб ад-давла (Хусайн б. Хасан) — только илакским городом Тункатом. Соответственно, был сделан вывод, что Хусайн — вассал Бөри-тегина [Кочнев, 1984, с. 110]. Трудность, однако, заключается в том, что носителем титула *Бөри-тегин* был Ибрахим б. Наср, который принадлежал к следующему после Хусайна поколению и в силу принципа старшинства не должен был бы выступать его сюзереном. Словом, вопрос о субординации Бөри-тегина и Хусайна на имеющемся материале не может быть решен однозначно.

Несмотря на обилие вариантов взаиморасположения упоминаний на фалсах, для круговой легенды может быть указана одна

важная закономерность: в большинстве случаев (в 262 из 344) она включает имя и/или титулатуру вассального правителя. Как правило, это второй член иерархии, очень редко — третий.

Ни на дирхамах, ни на фалсах в круговой легенде никогда не фигурируют владельцы, занимавшие четвертую ступень иерархической лестницы. Таковы все четыре дихкана Илака и Матт испиджабский. Другой местный владелец, Ахмад б. Мухаммад саганийанский, постоянно назван в круговой легенде — но только на фалсах. Тем самым еще раз подтверждается тезис о менее высоком статусе илакских дихканов, по крайней мере, в сравнении с правителем Саганийана. Трудней сравнить его со статусом Матта: в Испиджабе при Караханидах фалсы не выпускались, в отличие от Илака, где медь чеканилась регулярно.

В чекане конца X — 3-й четверти XI в., как серебряном, так и медном, достаточно многочисленны монеты с упоминанием правителя также на л.ст., прежде всего в поле. Когда в поле л. и об.ст. фигурируют разные лица, то в подавляющем большинстве случаев (402 из 480) в поле об.ст. назван сюзерен, в поле л.ст. — вассал, т.е. так же, как и в саманидское время. Нарушение этой саманидской традиции, когда сюзерен с вассалом менялись местами, отмечено на монетах 78 «видов», из коих большинство (72) — фалсы, а из этих 72 основная часть (50 «видов») приходится на чекан Ферганы 386–389/996–99 гг. Следовательно, есть основания говорить именно о традиции, в соответствии с которой л.ст. считалась менее почетной и которая нечасто нарушалась на фалсах и совсем редко на дирхамах (6 «видов»).

Иногда (28 случаев) в поле л.ст. названо сразу два лица — выше и ниже символа веры. Как справедливо подчеркнул Э.В. Ртвеладзе, порядок чтения может быть тогда не только обычный (сверху вниз), но и обратный [Ртвеладзе, 1988, с. 52]. Действительно, на фалсах Узгенда 411/1020–21 г. над калимой стоит титул *илиг*, под калимой — лакаб *'Айн ад-давла*, принадлежавший Мухаммаду б. Насру, который тогда был всего лишь тегином и, разумеется, не мог выступать сюзереном илига. На дирхамах Бинката 458/1065–66 г. наоборот — вверху помещено имя *'Али*, внизу упомянут *малик ал-Маширик ва-с-Син*, т.е. Табгач-хан Ибрахим б. Наср, который ничьим вассалом быть, конечно, не мог. В такой ситуации

взаиморасположение имен *Йусуф* (над калимой) и *Наср* (под калимой) на шашском дирхаме 404/1013–14 г. само по себе не открывает их субординацию, но поскольку в предшествующем и последующем чекане Шаша Йусуф фигурирует гораздо чаще Насра, намного вероятнее и его более высокое положение. Не всегда субординация определяется с полной достоверностью, но в большинстве несомненных случаев «верхний этаж» соответствует и более высокому статусу. Это следует учитывать, не забывая и о примерах противоположного рода.

Изредка чье-либо упоминание включено в надпись, обрамляющую квадратом центр поля л.ст. и содержащую также первую часть символа веры. В саманидском медном чекане Ферганы X в. такая позиция отводилась для имен лиц, занимавших 3-ю и 4-ю ступени иерархической лестницы. В караханидское время подобная зависимость не прослеживается. Так, на ферганских фалсах 393/1002–03 г. в этой позиции фигурирует то халиф, то хан, то мутавалли Йусуф, т.е. начальник монетного двора, даже не входивший в число членов феодальной иерархии.

В тех очень редких случаях, когда правитель упомянут на л.ст. в надписи с выпускными сведениями после формулы «Во имя Аллаха приказал выбить...», он выступает непосредственным владельцем города, вассалом тех, кто фигурирует в поле л.ст. и/или в поле об.ст., занимая нижнюю ступень иерархической лестницы (третью).

Немногочисленны фалсы (10 «видов»), на которых круговые легенды, начинающиеся формулой «Из того, что приказал...», помещены на обеих сторонах и включают упоминания разных правителей. За исключением одного случая на л.ст. фигурирует сюзерен, на об.ст. — вассал.

Только на самаркандском дирхаме 394/1003–04 г. упоминание вынесено за пределы поля и круговой легенды: имя *Мирак* вписано двумя частями в многоободковое обрамление л.ст., где его весьма непросто распознать: публикатор этой монеты [Марков, 1896, с. 201, № 24] его, похоже, просто не заметил. Такой уникальный способ «маскировки» подсказывает, что имя *Мирак* (не тюркское и не арабское, а персидско-таджикское), принадлежало не правителю, а лицу, связанному с деятельностью самаркандского денежного двора и/или организацией монетного производства.

Разъятым, но уже не на две части, а на отдельные буквы, воспроизведено имя *Сахл* *س ه ل* на дирхаме Хутлуг Орду 425/1039–34 г. в поле л.ст.; в той же позиции, но в «собранном виде» *سهل* то же имя помещено на других дирхамах того же монетного двора и года и на самаркандских дирхамах 426/1034–35 г. На дирхамах Ахсиката 427/1035–36 г. между строками аверсного поля проставлены буквы *ح س ن*, образующие в совокупности имя *Хасан*. Носители обоих имен не известны среди тогдашних заведомых Караханидов, чьи имена, насколько позволяют судить имеющиеся материалы, никогда подобным образом на буквы не дробились. Поэтому очень вероятно, что и Сахл, и Хасан не входили в число членов династийной иерархии и были связаны с монетным производством.

В ту же категорию следует, очевидно, включить Тахира Рази и носителей других нисб — Динари, ал-‘Ираки, Йаздади, ‘Умара Макки, Му’мини, Сайфи(?), Симнани, Табари, Фариси, Халили, Харави, а также Баззаза (Баззара?). Они упомянуты обычно в поле л.ст. (чаще внизу), иногда в верхней части поля об.ст., т.е. в тех же позициях, в каких могут фигурировать и правители, в том числе Караханиды. Таково же местоположение и некоторых имен, происхождение носителей которых не известно, почему невозможно даже установить, входили ли они в число членов иерархии или опять-таки имели отношение к монетному делу.

Как видно из всего сказанного, местоположение упоминания фигурирующего на монетах лица в определенной мере было связано с его статусом, но намного менее прочно, нежели в саманидское время, почему определение статуса названных на караханидских монетах персон требует большой осторожности.

Коль скоро связь между статусом и монетной позицией имени (титулатуры) всё же была, важно выяснить, означала ли перемена позиции также изменение статуса. По мнению Э. В. Ртвеладзе [1980, с. 234], проставление имени саганийанского владельца Насра б. Ахмада на двух разнотипных фалсах Саганийана 365/975–76 г. в двух различных позициях (поле л.ст. и круговая легенда об.ст.) «безусловно свидетельствует о том, что в 365 г.х. политическое положение <...> Насра б. Ахмада, его отношение к центральной саманидской власти изменилось». С другой стороны, перемеще-

ние имени *Музаффар* на саганийанских дирхамах XI в. с аверса на реверс тот же исследователь оценил иначе: «вряд ли это означает перемену политического положения данного лица», т.к. на об.ст. его имя проставлено «петитом» [Ртвеладзе, 1988, с. 52]. Дело, однако, вовсе не в «петите» (мелкими буквами могло быть передано даже имя всеильного Насра б. 'Али). На дирхамах Илака 409–411/1018–21 гг. упоминание Бөри-тегина (вассала Арслан-хана) ежегодно оказывается в поле то л., то об.ст. На фалсах Самарканда 400–401/1009–11 гг. имя Насра б. 'Али стоит в поле об.ст., на самаркандских фалсах 402/1011–12 г. — в поле л.ст., т.е. в позиции, отводившейся чаще правителям невысокого ранга, каковым Наср, конечно, не мог вдруг стать в 402/1011–12 г. Иную картину рисуют дирхамы Ахсиката 415/1024–25 г. На монетах с упоминанием Арслан-хана и илига их вассал Мухаммад б. Наср фигурирует только на л.ст., на более поздних дирхамах с титулатурой единственного сюзерена Мухаммада, Тонга-хана, он назван также на об.ст. Стало быть, появление упоминания Мухаммада б. Насра в поле об.ст. связано с переменами на верхних уровнях иерархии, с переходом Мухаммада с третьей ступени иерархической лестницы на вторую. Как показывают приведенные примеры (а их число можно умножить), перемещение имени (титулатуры) с одной стороны монетного кружка на другую связано с изменением статуса правителя в тех случаях, когда он передвигается на другую ступень иерархической лестницы. В свете этого вывода должны быть рассмотрены и саганийанские дирхамы начала XI в. На монетах 395–97/1004–07 гг. Музаффар упомянут на л.ст., на монетах 398–402/1007–12 г. — на об.ст., но поскольку во всех этих случаях его сюзеренами названы Ахмад б. 'Али и Наср б. 'Али, а Музаффар продолжал занимать нижнюю (третью) ступень иерархической лестницы, фактическое его положение, очевидно, не менялось, а перемещение имени с л.ст. на об.ст. не было связано с повышением статуса.

Как свидетельствуют многочисленные примеры, из коих некоторые приведены выше (при разборе иерархического «веса» реверсных легенд), тем более не было связано с иерархическими передвижками перемещение имени (титулатуры) из круговой легенды в поле или наоборот, иначе пришлось бы признать, что хан

Ахмад б. 'Али, занимавший верхнюю ступень иерархической пирамиды, мог передвигаться и на какую-то иную ступень. Правда, М.Н. Федоров [1972б, с. 138] допускал такую возможность, полагая, будто Ахмад, обычно выступавший сюзереном Насра б. 'Али, иногда на короткий срок становился его вассалом. Такая позиция связана, прежде всего, с неверной атрибуцией лакаба *Насир ал-хакк*; теперь же совершенно очевидно, что ни Ахмад б. 'Али, ни какой-либо иной Караханид не мог признать сюзереном того, кто перед тем был его вассалом — ни династийная, ни феодальная иерархия подобной чехарды не допускает.

Сложнее вопрос с лицами некараханидского происхождения. Поставить его побуждают дирхамы Испиджаба 398–404/1007–14 гг., на которых, помимо Караханидов, фигурируют не принадлежавшие к этой династии Му'изз ад-давла Матт и 'Али Сарраф. На одной из монет 398/1007–08 г. имя *Али* упомянуто сразу после Ахмада б. 'Али, в нижней части поля об.ст., тогда как *Матт* — в верхней части поля об.ст. Если исходить из обычной последовательности упоминаний — халиф, затем правитель (правители), названные ниже, далее тот, кто фигурирует в верхней части поля — то следовало бы для 'Али отвести более высокую ступень иерархической пирамиды, чем для Матта. На дирхамах 400/1009–10 г. — всё наоборот: *Му'изз ад-давла Матт* идет сразу за Ахмадом б. 'Али, а имя *Али* помещено не просто на л.ст., менее почетной — оно начертано мелкими буквами над словом «четыреста» в легенде с выпускными сведениями. В надписях монет 401–402/1010–12 гг. непосредственным вассалом Насра б. 'Али выступает то *Али Сарраф*, то *Му'изз ад-давла Матт*, и лишь на одном экземпляре отражена, казалось бы, их субординация: *Сарраф* упомянут в поле об.ст. (сразу после Насра), *Матт* — в поле л.ст. Суммируя все отмеченные факты, следовало бы заключить, что в начале рассматриваемого отрезка времени 'Али стоял выше Матта, затем опустился ниже него, потом опять поднялся выше.

Однако такая чехарда выглядит в высшей степени странно и сама по себе, но особенно — если вдуматься, кто в ней участвует. С одной стороны — Матт, родовой аристократ тюркского происхождения, член династии, владевшей областью не менее века, правитель, сидевший в Испиджабе еще при Саманидах и сохранив-

ший власть с приходом Караханидов. Более того, в связи с походом Насра б. 'Али 401/1010–11 г. он даже расширил свои владения, получив права на соседний Шаш. С другой стороны — 'Али Сарраф, не то «банкир»-меняла, не то член рода, где подобные занятия были традиционными. И очень трудно представить, чтобы он, хотя бы временно, становился непосредственным сюзереном Матта. Скорее всего, дело обстояло противоположным образом. Ситуацию, похоже, проясняют дирхамы 404/1013–14 г. На монетах Испиджаба, кроме хана, упомянут Матт, на монетах Мадинат ал-Байда — Сарраф, т.е. права первого распространялись, видимо, на всю область, второго — прежде всего (но не исключительно) на ее столицу.

Если считать, что Матт никогда не становился вассалом 'Али Саррафа, то выходит, что порядок упоминания разных лиц не всегда отражал их субординацию. Такой порядок — в поле об.ст. от середины вниз, затем вверху, наконец, на л.ст. — изредка действительно нарушался. Например, на одном из дирхамов Испиджаба 400/1009-10 г. в нижней части реверсного поля названы один за другим *Му'изз ад-давла* и *Мирак*, в поле л.ст. — *Матт*, хотя *Мирак*, как-то связанный с организацией монетного дела или деятельностью денежного двора, не мог, разумеется, стоять выше *Матта*. На некоторых дирхамах *Шаша* 402/1011–12 г. после халифа упомянут *Наср б. 'Али*, затем *Му'изз ад-давла*, вверху стоит титул *падша*, который, по всем известным данным, был связан с *Насром*, а не с *Му'изз ад-давла Маттом*.

Все сказанное позволяет, похоже, приблизиться к пониманию ситуации, отраженной надписями монет Саганийана 400–403/1009–13 гг.

На монетах 400/1009–10 и 402/1011–12 гг. после халифа упомянуты *Ахмад б. 'Али* и *Наср б. 'Али*, в верхней части поля об.ст. — *Музаффар*, на л.ст. — *Рукн ад-давла*, на дирхамах 403/1012–13 г. *Ахмад* и *Музаффар* фигурируют в той же позиции, лакаб же *Рукн ад-давла* проставлен на месте упоминания *Насра*. Перемещение лакаба Э.В. Ртвеладзе [1988, с. 54] совершенно справедливо истолковал как изменение иерархического положения его носителя. Если подходить к надписям саганийанских дирхамов формально, то получается, что *Рукн ад-давла* с четвертой ступени иерархической лестницы, которую он занимал в 400–402/1009–12 гг., передвинул-

ся в 403/1012–13 г. на вторую ступень, тогда как *Музаффар* остался на третьей, превратившись из сюзерена носителя лакаба *Рукн ад-давла* в его вассала. Сложность, однако, в том, что, по мнению Э. В. Ртвеладзе, *Музаффар* происходил из местной саганийанской династии, *Рукн ад-давла* — из Караханидов; трудно представить караханидского князя в роли вассала местного владельца. Поэтому *Рукн ад-давла*, скорее всего, не Караханид, и лакаб этот принадлежал *Музаффару*. Если так, то в 403/1012–13 г. последний переместился с третьей ступени иерархической лестницы на вторую.

Помимо субординации, места в иерархии надписи караханидских монет отражают разную степень самостоятельности (или, наоборот, зависимости) упомянутых на них лиц. На примере саманидского медного чекана Е.А. Давидович [19726, с. 141; 1977, с. 117] убедительно показала, что в легендах фалсов отразился разный характер взаимоотношений между центральной властью и владельцами. Наибольшими правами и наибольшей самостоятельностью обладали первые удельные правители Ферганы, члены династии, которые чеканили фалсы только от своего имени. На многих караханидских фалсах конца X — 1-й половины XI в. упоминания хана отсутствуют. По мнению М.Н. Федорова [19726, с. 140, 147; 1974, с. 162], *Мухаммад*, выпуская в Самарканде в 403/1012–13 г. фалсы от своего имени, выступает «как независимый правитель»; «самостоятелен» и *Наср б. 'Али*, когда на ферганских медных монетах 380-х гг. не называет сюзерена. Значит, по М.Н. Федорову, неупоминание сюзерена в надписях фалсов есть признак независимости.

Как совершенно очевидно из рукописных источников, *Наср* сосредоточил в своих руках большую и реальную власть, на внешнеполитической арене выступал как суверенный государь, одно время воевал с ханом и т.д. При всем том почти на всех дирхамах он упоминал сюзерена, *Ахмада б. 'Али*, и даже на ряде фалсов, выпущенных в коренном владении *Насра*, в его домине — Фергане, *Ахмад* фигурирует, причем иногда в круговой легенде — в качестве обладателя монетной регалии, одного из важнейших прав. Даже если счесть все эти упоминания *Ахмада б. 'Али* простой формальностью, всё равно надписи подавляющего большинства серебряных и многих медных монет *Насра* засвиде-

тельствовавали его вассальную зависимость. А это автоматически исключает независимость как определение статуса Насра — речь может идти только о самостоятельности. Тем более нет оснований считать независимыми менее крупных удельных владетелей, которые по своему происхождению, положению и политическому весу не могли равняться с Насром, но при этом иногда осуществляли собственный медный чекан. Например, Караханид Чагры-тегин Хусайн, правитель Тунката, в 407/1016–17 и 409/1018–19 гг. чеканил фалсы без упоминания сюзерена, фигурирующего на всей остальной монетной продукции Хусайна. Известны фалсы Шаша 395–396 гг. с именем только Йусуфа б. Абдаллаха, хотя все прочие его шашские монеты, медные и серебряные, называют также сюзерена, Ахмада б. Али. Особенно существенно, что Йусуф, скорее всего, даже не принадлежал к числу Караханидов.

Таким образом, выпуск фалсов только от своего имени, во-первых, не свидетельствует о полной независимости удельного правителя, во-вторых, мог осуществляться владетелями самых разных рангов, в том числе лицами некараханидского происхождения. Всё же складывается впечатление, что чем больше сила и самостоятельность вассала, тем реже он упоминает сюзерена в легендах фалсов. В медном чекане Насра б. Али лишь треть всех «видов» фалсов (90 из 269) содержат упоминание сюзерена, да и из тех 90 более половины приходится на период до завоевания Насром Мавара'аннахра.

Как показывает медный чекан Насра б. Али, иногда всё же упоминавшего сюзерена и после завоевания Мавара'аннахра, где он был полновластным правителем, отдельные случаи упоминания сюзерена на фалсах еще не служат показателем реальной и прочной зависимости, а тем более полного подчинения. Но когда хан регулярно фигурирует и на меди, это едва ли случайно. Например, из 36 «видов» фалсов, выпускавшихся во владениях Арслан-хана Мансура б. Али, он назван в 30 случаях. Таким образом, сюзеренитет верховного государя при нем находил отражение на большей части фалсов, тогда как при его предшественнике, Ахмаде б. Али, — на меньшей. Можно думать, что в правление Мансура зависимость удельных владетелей от центральной власти несколько усилилась; даже илиг Мухаммад б. Али, который занимал та-

кое же место в феодальной иерархии, как при Ахмаде Наср, почти всегда (в 22 случаях из 24) упоминал Арслан-хана на меди.

В легендах примерно половины всех фалсов конца X — 1-й четверти XI в. сюзеренитет верховного главы государства никак не отражен, хотя и признавался, что очевидно из надписей дирхамов. Намного трудней установить, как часто опускали упоминания лиц, занимавших нижние ступени иерархической лестницы. Но такие случаи имели место. Как показывает медный чекан Илака, дихкан Мансур б. Ахмад владел областью в 382–389/992–99 гг., но на фалсах 385/995 и некоторых монетах 386–388/996–98 гг. он никак не назван. Его сын и преемник Мухаммад б. Мансур правил в 391–395/1000–1005 гг., однако вовсе не фигурирует на некоторых фалсах 393/1002–03 и на монетах 394/1003–04 г. На этих фалсах и на монетах 398/1007–08 г. стоит имя другого правителя, Бакра б. Хасана, который был сыном Караханида Бугра-хана Харуна/Хасана и, соответственно, обладал более высоким статусом (это видно и из взаиморасположения упоминаний на фалсах 398/1007–08 г.), но на монетах 395/1004–05 г. его имени нет. Очевидно, ни Мансур б. Ахмад, ни Мухаммад б. Мансур, ни Бакр б. Хасан не утрачивали власть над Илаком даже тогда, когда никак не упоминались в монетных надписях.

Итак, из надписей раннекараханидских фалсов могло быть исключено упоминание лиц, занимавших разные ступени иерархической лестницы, но чаще всего — верхнюю. Имя (титулатура) верховного сюзерена иногда опускается и на дирхамах, хотя и гораздо реже, чем на меди. При Саманидах чеканка серебра всегда была прерогативой верховного государя, редчайшие же исключения — это дирхамы, выпущенные мятежниками, которые, восстав против верховной власти, сами претендовали на престол (Ибрахим б. Ахмад, Йахйя б. Ахмад, Исхак б. Ахмад). Совершенно аналогичные примеры известны и для начала XI в. Так, Мансур б. Али, в 403/1012–13 г. принявший титул илиг и на монетах признававший себя вассалом великого кагана Ахмада б. Али, с 405/1014–15 г. выпускал дирхамы, на которых титуловался Арслан-ханом, вовсе не упоминая Ахмада. Налицо открытый мятеж, полный разрыв вассальных связей и демонстрация претензий на верховный престол. Другого истолкования монеты Мансура, чеканенные в 405–408/1014–18 гг., т.е. при жизни Ахмада, не допускают.

Сложнее объяснить иные случаи. Например, Наср б. 'Али в 401–402/1010–12 гг. выпускал дирхамы в Шаше, Илаке и Испиджабе — в областях, до того ему не принадлежавших. Очевидно, они были захвачены в ходе засвидетельствованной рукописными источниками его войны с Ахмадом. Но это не борьба за престол, ибо официальный статус Насра оставался неизменным: на всех без исключения дирхамах 401–02/1010–12 гг. он продолжал титуловаться илигом, не претендуя на ханское достоинство. Более того, на дирхамах всех прежних своих владений Наср, как и прежде, проставлял титулатуру Ахмада и в эти годы. Налицо парадокс: с одной стороны, Наср б. 'Али продолжал оставаться вассалом Ахмада, с другой — вел с ним борьбу, лишив его сюзеренных прав на завоеванные области.

Прочие случаи упоминания верховного государя на раннекараханидских дирхамах немногочисленны.

Труднее объяснить появление дирхамов Тараза 400–01/1009–11 гг., битых от имени одного Мухаммада б. 'Али. М.Н. Федоров [1972б, с. 152–153; 1990, с. 8] связывает их выпуск с тем, что в междоусобной войне 400–02/1009–12 гг. Мухаммад выступил против великого кагана Ахмада б. 'Али и перестал упоминать его на монетах, тем самым провозгласив свою независимость. Такая точка зрения на первый взгляд представляется правдоподобной: о междоусобиях сообщают рукописные источники, а чеканка в Таразе в 402/1011–12 г. дирхамов с упоминанием одного Ахмада б. 'Али могла бы быть истолкована как результат лишения Мухаммада прав на Тараз, т.е. своего рода карательная мера против мятежного князя. Трудность, однако, в том, что и по монетам, и по рукописным источникам междоусобная борьба фиксируется не с 400/1009–10, а с 401/1010–11 г. Допустить использование по ошибке аверсных штемпелей 400/1009–10 г. в 401/1010–11 г. мешает большое количество таразских дирхамов с первой датой, представленных несколькими «видами» и многими экземплярами. Возможно, Мухаммад б. 'Али в 400–01/1009–11 гг. действительно пытался разорвать или существенно ослабить вассальные связи, но считать его в эти годы полностью независимым правителем, неправомечно: он и тогда, и позднее сохранял титул Арслан-тегин, соответствующий пятой ступени на официальной иерархической лестнице, т.е. оставался в рамках традиционной удельно-лестничной системы, согласно нормам кото-

рой держателем максимально высокого, независимого статуса был только каган.

Как представляется, вывод этот может быть распространен и на остальные разобранные выше случаи упоминания сюзерена на дирхамах. Иными словами, статус удельных правителей, выпускавших такие монеты, не может быть определен как независимый, но только как самостоятельный.

В том, что такое их истолкование не является произвольным, убеждают некоторые особенности халифатского чекана, к которому, в конечном счете, восходит и караханидский чекан. Например, в правление Харуна ар-Рашида дирхамы выпускались не только от имени халифа, но также от имени его сыновей Амина и Ма'муна, его брата 'Убайдаллаха и даже от имени наместника Хорасана 'Али б. 'Исы, не принадлежавшего к 'Аббасидам. Дирхамы с упоминанием только 'Али биты в 189–90/804–06 гг., причем выпуск их не вызвал никаких санкций со стороны халифа, названного вместе с 'Али б. 'Исой на дирхамах 191 г.х. [Фасмер, 1930, с. 463–466]. Итак, совершенно самостоятельный серебряный чекан не только члена династии, но даже назначенного халифом наместника не 'аббасидского происхождения отнюдь не воспринимался в Халифате как акт мятежа, неповиновения, превышения своих прав.

Таким образом, собственный серебряный чекан удельных владетелей не является неременным показателем полного разрыва вассальных связей и отнюдь не обязательно свидетельствует об утрате сюзереном всяких прав на подвластные вассалу территории. Он, вероятно, мог быть связан с попытками (судя по имеющимся материалам, кратковременными и немногочисленными) увеличить долю прав вассала за счет уменьшения объема прав сюзерена. Число подобных случаев заметно возросло позднее, во 2-й трети XI в., что, несомненно, связано с очень серьезным ослаблением вассальных связей после воцарения Арслан-хана Сулаймана б. Йусуфа. Но и тогдашних удельных правителей нет оснований считать совершенно независимыми: по словам Ибн ал-Асира, Арслан-хан удовлетворялся «повиновением ему его братьев и родственников» [Ибн ал-Асир, 1973, с. 60].

Если в надписях раннекараханидских дирхамов иногда не находил отражения даже верхний уровень иерархии, то тем более

естественно, когда то же самое происходило с менее высокими иерархическими ступенями. На серебряных монетах Йарканда 407–412/1016–22 гг., кроме Кадыр-хана Йусуфа, как правило, фигурирует его старший сын и наследник Сулайман (*‘Имад ад-давля Чагры-тегин*), но на некоторых дирхамах 407/1016–17 г. Чагры-тегин не назван. С именем Йусуфа б. Абдаллаха в Шаше чеканились дирхамы и фалсы в 394–396/1003–06 и 403–405/1012–15 гг., причем на фалсах он обязательно упомянут, на дирхамах же фигурирует не всегда — в 394/1003–04 и 395/1004–05 гг. то назван, то нет, в 396/1005–06 г. не назван. Особенно показательны монеты 396/1005–06 г.: на дирхамах обозначен хан, но нет Йусуфа, на фалсах есть Йусуф, но нет хана. Как показано выше, в 398–404/1007–14 гг. непосредственным владельцем Испиджаба был Матт, часть прав на область была передана ‘Али Саррафу, но в ряде случаев на дирхамах не упомянут ‘Али, изредка — Матт. Число подобных примеров можно умножить.

Караханидские монеты, выполнявшие функции государственной политической прокламации, фиксировали политическую ситуацию вполне объективно, но с позиции прежде всего официальной, внешней, формальной. Возникает вопрос: имеется ли принципиальная возможность по монетным надписям различить формальный вассалитет и подлинную зависимость, т.е. выяснить истинный статус правителя.

Как ясно из всего вышесказанного, упоминание хана в легендах монет, особенно серебряных, могло быть формальным признанием его власти. Это касается в первую очередь тех случаев, когда хан упомянут единожды. Иногда каган фигурирует на монетах дважды, в разных позициях (на разных сторонах кружка или в поле и круговой легенде и т.д.). Так, Ахмад б. ‘Али дважды назван только на тех монетах, которые выпущены за пределами владений Насра б. ‘Али либо после смерти Насра. Другие аналогичные примеры — дирхамы Куз Орду (Баласагуна), не передававшегося в удел ни при Ахмаде, ни при Мансуре, и Кашгара, который не менее 20 лет принадлежал Кадыр-хану Йусуфу и лишь в отдельные годы управлялся с помощью и/или через вассала. Таким образом, двукратное упоминание сюзерена отражает, очевидно, не формальный вассалитет, а подлинную зависимость.

Значительно чаще фигурируют на монетах дважды удельные владельцы. В основном это характерно для тех, кто обладал значительной самостоятельностью и немалыми правами. Таков, например, медный чекан Насра б. ‘Али, серебряный и медный чекан Мухаммада б. ‘Али, ‘Али-тегина (‘Али б. ал-Хасана). Правда, имеются примеры и иного рода. ‘Али Сарраф дважды назван на одном из испиджабских дирхамов 401/1010–11 г., Йусуф б. Абдаллах — на фалсах Шаша 394–396/1003–06 гг.; ни тот, ни другой даже не принадлежали к числу Караханидов. Как видно из этих примеров, мелкие удельные владельцы тоже могли фигурировать на одной монете два раза, но скорее, в виде исключения.

Немногочисленны случаи троекратного упоминания правителей, особенно каганов. Так, на дирхамах Куз Орду 397/1006–07 г., фалсах Иштихана 404/1013–14 г. и Согда 405/1014–15 г. трижды назван Ахмад б. ‘Али, который обладал полнотой власти как в своей столице Куз Орду, так и в тех владениях, которые отошли к нему после смерти Насра б. ‘Али. Фалсы Согда 411–412/1020–22 гг. чеканены от имени Арслан-хана Мансура, упомянутого трижды. В трех разных местах (круговая легенда л.ст., поле и круговая легенда об.ст.) помещена титулатура Бугра-хана Харуна на фалсах Илака 382/992 г., на которых проставлено также имя Мансура б. Ахмада. По мнению М.Н. Федорова [1975а, с. 114], илакский дихкан Мансур, трижды упомянув сюзерена, делал это лишь из «осторожности», т.е. оставался фактически независимым. Даже чисто теоретически трудно допустить, чтобы первый завоеватель Мавара’аннахра оставил бы богатую серебром, развитую экономически и очень доходную область в руках представителя местной династии в качестве фактически независимого владения. Приведенные же выше примеры показывают, что троекратное упоминание хана связано с очень большим объемом его прав на владение. И нет никаких оснований считать илакские фалсы 382/992 г. исключением, тем более что весь последующий илакский медный чекан демонстрирует невысокий статус дихканов Илака.

Столь же не случайно троекратное упоминание удельного правителя. В серебряном чекане оно засвидетельствовано только у Мухаммада б. ‘Али на монетах Тараза 398/1007–08, 400–401/1009–11 гг. и Шаша 412/1021–22 гг. и, несомненно, связано с притязан-

ниями на очень большой объем прав: сюзерен назван лишь на дирхамах 398/1007–08 г. Большинство фалсов с троекратным упоминанием удельного владельца относятся к чекану Насра б. ‘Али, чья фактическая самостоятельность не подлежит сомнению.

Четырежды правитель назван только в одном случае — на фалсах Ахсиката 402/1011–12 г., — и это тот же Наср б. ‘Али.

Само собой разумеется, хотя приведенные наблюдения и отмеченные закономерности существенны, нельзя подходить к ним механически, непременно связывая большее число упоминаний с большим объемом прав, а изменение числа упоминаний — с изменением статуса. Скажем, если на дирхамах и фалсах Самарканда 401/1010–11 г. Наср б. ‘Али назван по одному разу, а его вассал — дважды, то это вовсе не значит, что второй обладал большими правами и большей самостоятельностью, нежели первый. Известно сколько угодно случаев, когда удельный правитель на монетах одного денежного двора фигурирует то в одной позиции, то в двух — и так на протяжении ряда лет, что, конечно, отнюдь не связано с беспрерывными изменениями его политического положения.

Суммируя наблюдения над раннекараханидским чеканом, можно констатировать следующее.

Если в круговой легенде и в поле об.ст. упомянуты разные лица, сюзерен и вассал, то в круговой легенде чаще назван вассал, однако значительное число противоположных случаев (когда фигурирует сюзерен) не позволяет считать круговую легенду надежным критерием определения положения упомянутого там лица на иерархической лестнице.

Когда сюзерен и вассал упомянуты на разных сторонах монеты, то об.ст. в подавляющем большинстве случаев отводится для имени (титулатуры) сюзерена, а л.ст. — вассала.

Хотя об.ст. в основном считалась «почетнее» л.ст., перемещение имени (титулатуры) правителя с одной стороны на другую далеко не всегда связано с изменением его статуса и объема прав на владение.

Исключение из надписей фалсов имени (титулатуры) сюзерена отнюдь не свидетельствует о разрыве вассальных связей и полной (фактической и формальной) независимости удельно-

го правителя, но чем реже он упоминает сюзерена, тем больше его самостоятельность. В свою очередь, упоминание на фалсах удельного владельца могло иметь место даже в тех случаях, когда он сохранял власть в своем уделе.

Исключение из надписей имени (титулатуры) сюзерена на дирхамах — явление, встречающееся гораздо реже, чем на фалсах, — не обязательно означает полный разрыв вассальных связей и узурпацию всех прав на владение: представляется, что оно могло быть связано с попытками вассала увеличить свою долю прав за счет прав сюзерена. Значительно чаще опускается на дирхамах имя (титулатура) вассала, что лишь в некоторых случаях отражает сокращение объема его прав на владение.

Однократное упоминание правителя, независимо от того, развернутое ли оно (с титулатурой, именем и т.д.) или анонимное (просто *хан* или *илиг*), не связано с объемом его прав на владение и со степенью зависимости нижестоящих членов иерархии. Более чем однократное упоминание на одной монете сюзерена отражает реальную зависимость нижестоящего владельца, а такое же упоминание вассала — обычно значительный объем его прав на область (город). Увеличение (уменьшение) числа упоминаний в большинстве случаев не связано с изменением статуса.

Надписи дирхамов обычно полнее отражают верхние уровни иерархии, легенды фалсов — нижние, а в некоторых случаях разные монеты одного металла, одного денежного двора и года фиксируют разные ступени иерархической лестницы. Поэтому для достоверного воссоздания ситуации, надежного определения статуса правителя желательнее привлекать достаточно значительные серии монет, лучше всего — в обоих металлах.

Сказанное относится, прежде всего, к монетам конца X — 1-й четверти XI в. и в значительно меньшей степени к монетам 2–3-й четверти XI в., когда уменьшается зафиксированное легендами число членов династийной иерархии (редко более двух), постепенно отмирает формула «Из того, что приказал...», а производство фалсов резко сокращается. В последней четверти XI — 1-й половине XII в., в пору подчинения Караханидов Великим Сельджукам, первые, как правило, фигурировали на об.ст., вторые — на л.ст., т.е. более «почетным», в отличие от предшествующего времени, стал аверс. Та же закономер-

ность прослеживается и на дирхамах с упоминанием одних только Караханидов: Арслан-хан Мухаммад назван на л.ст., его сын Кадырхан Ахмад — на об.ст., после халифа. Во 2-й половине XII — начале XIII в. всякий чеканивший монеты Караханид, даже будучи правителем небольшого ханства, считал себя суверенным государем, титуловался ханом и других членов династии на монетах не упоминал. М.Н. Федоров не учел отмеченную особенность позднекараханидского чекана и в надписи на одном из дирхамов 3-й четверти XII в. (*Руки ад-дунья ва-д-дин Мухаммад б. Кылыч Тафгач-хан*) усмотрел упоминание двух лиц, хотя конструкция легенды решительно исключает такое ее понимание, на что совершенно справедливо указала Е.А. Давидович [1985, с.100].

Методы хронологического определения монет

При изучении караханидских монет перед исследователем нередко встает одна из важнейших источниковедческих задач в нумизматике — задача определения времени их выпуска — в тех случаях, когда прочтение даты затрудняет палеография, или дата не проставлена, утрачена, либо не завершена; случаи, когда дата, читающаяся без затруднений, оказывается недостоверной, будут рассмотрены в другом разделе.

Палеографические сложности обычно возникают, когда в словах типа *سبع/تسع* и *سبعين/تسعين* все четыре зубца перед буквой *‘айн* одинаковы по высоте и расположены на одинаковом расстоянии друг от друга, т.е. первое слово может быть и *سبع* «семь» и *تسع* «девять», второе — *سبعين* «семьдесят» и *تسعين* «девяносто». В такой ситуации однозначный выбор иногда невозможен (почему вопрос о точной дате приходится оставить открытым), иногда затруднен, но всё же возможен, если имеются дополнительные, внепалеографические данные. Так, в силу отмеченной палеографической трудности дата на одном из дирхамов Испиджаба неясна — 397/1006–07 или 399/1008–09 г. На нем фигурируют великий каган (Ахмад б. ‘Али) и его вассал Матт, но они же упомянуты на испиджабских дирхамах 396/1005–06 и 400–404/1009–14 гг. Однако на монетах 398–400/1007–10 гг. каган назван в поле об.ст. по имени и «отчеству» (*Ахмад б. ‘Али*), на дирха-

мах 395/1005–06 г. помещен только его лакаб *Кутб ад-давла* — как на обсуждаемой монете 397/9 г. Следовательно, наиболее вероятная дата ее — 397/1006–07 г.

Аналогичная неясность — с датой на дирхамах Барсхана: 447 или 449 г.х. На них названы Бугра-хан и его вассал Арслан-илиг; монеты обоих доходят до 449 г.х. Однако если на барсханских дирхамах 444 г.х. упомянуты оба правителя, то на монетах 448–449 г.х., а также на дирхамах Уча 448 г.х. — только Арслан-илиг. Следовательно, из двух вариантов более правдоподобным представляется первый — 447/1055–56 г.

Один из узджандских дирхамов Ибрахима б. ал-Хусайна его публикатор В.Г. Тизенгаузен [1880, с.18] датировал 557 г.х. Е.А. Давидович, проработав огромное количество узджандских монет Ибрахима, дирхамов с такой датой не обнаружила и во всех своих работах в качестве самой ранней его монетной даты называет 559 г.х. [Давидович, 1957, с.118]. М.Н. Федоров [1984, с.110–111], игнорируя позицию исследовательницы, изучившей массовый материал, принял дату В.Г. Тизенгаузена, но никак свою точку зрения не аргументировал. Такая датировка имела бы право на существование только при одном условии: если М.Н. Федоров, проверив экземпляр, изданный В.Г. Тизенгаузенем, доказал бы, что для слова единиц в дате палеографически возможно одно чтение — «семь». Осуществить такую проверку сейчас невозможно, но и без этого есть все основания отклонить дату 557/1161–62 г. как недостоверную. Во всех, сейчас уже многочисленных, кладках, состоящих из узджандских дирхамов Ибрахима (в том числе в огромном Нарынском, не известном Е.А. Давидович и содержащем более 5000 его монет), представлены все даты в пределах 559–574/1163–79 гг., но нет ни одного дирхама 557 и 558 г.х.

На самаркандских динарах ‘Усмана б. Ибрахима в дате с утраченными единицами для слова десятков палеографически более предпочтительно чтение «семьдесят», но оно невозможно, т.к., по данным ‘Ауфи, ‘Усман родился не позже 582/1186–87 г. Поэтому единственно возможная дата для этого динара — 59х г.х. [Кочнев, 1983а, с.183].

Е.А. Давидович [1954, с.44–45] опубликовала дирхам Тогрылхана Мухаммада б. Насра с датой, которую она прочла как 574 г.х. Поскольку на дирхаме упомянут халиф ан-Насир, правив-

ший с 575 г.х., мы заключили, что датой его выпуска скорее следует считать 594 г.х., когда ан-Насир определенно правил [Кочнев, 1983в, с. 91]. Теперь этот вывод подкрепляется тем, что выявлены дирхамы 591 и 598 г.х., в типовом отношении практически ничем, кроме даты, не отличающиеся от обсуждаемой монеты

Другие дирхамы того же государя их публикатор А.К. Марков [1896, с. 286–287, № 585–586] датировал 578 г.х. М.Н. Федоров [1984, с. 120–121] без проверки самих монет (невнимательно ознакомившись с публикацией А.К. Маркова, он говорит не о двух, а об одной монете) уверенно перенес их в 598 г.х. на том единственном основании, что надпись «позволяет также чтение 598 г.х.». При таком «методе» работы истинная дата может быть угадана лишь случайно. В данном случае этого не произошло. На обсуждаемых дирхамах не назван халиф ан-Насир, обязательно упомянутый на всех монетах с титулом *Тогрыл-хан*, выпущенных в Фергане в 587–605/1191–1209 гг.; следовательно, подвергать сомнению дату, предложенную А.К. Марковым, нет оснований.

Еще более сложный случай — дата на дирхамах, чеканенных позднекараханидским правителем Кадыр-ханом в Узджанде. Опубликовавшая их Е.А. Давидович [1961, с. 188–189, рис. 1, № 4] датировала их 596 г.х.; по тщательно выполненной ею прорисовке видно, что в равной мере возможно и другое чтение даты — 576 г.х. Один дирхам этого типа с утраченными выпускными сведениями есть в Нарынском кладе, в котором самые поздние точно датированные экземпляры относятся к 576 и 579 г.х., но вовсе нет монет 580-х и 590-х г.х. В свою очередь, в кладе Ферганского музея содержатся дирхамы 587–606/1191–1210 гг., в том числе битые в Узджанде в 596 г.х., но обсуждаемые монеты там отсутствуют. Следовательно, датой их выпуска правильнее считать не 596, а 576/1180–81 г.

Трудности возникают и в тех случаях, когда слово «семь» или «девять» передано с ошибкой — *سع*. Выбор между двумя вариантами даты возможен, если такой экземпляр есть с чем сравнить. Например, дирхам Тараза с именем Ахмада б. 'Али в поле об.ст. и его титулатурой в круговой легенде об.ст. исторически может быть датирован и 397/1006–07, и 399/1008–09 г.х. (верховная власть Ахмада признавалась и до того, и после), но такое двойное упоминание Ахмада зафиксировано на таразских дирхамах

397 г.х. и не засвидетельствовано в 399 г.х.; значит, более предпочтительна первая версия — 397 г.х. На дирхамах Тараза 407 или 409 г.х. нет титула *Эл-өгä*, характерного для таразского чекана 408–412 г.х., что опять же делает вторую версию менее вероятной. Дирхам Кашгара 407 или 409 г.х. его публикатор А.К. Марков [1896, с. 193, № 10] датировал 407 г.х. По условиям каталожной публикации выбор не мог быть обоснован, но он не представляется убедительным. Реверсными легендами монета эта близка (но не идентична) дирхамам и 407, и 409 г.х., но круговая легенда л.ст. с выпускными сведениями обрамляет поле кольцом, т.е. так же, как на монетах 409 г.х., а не 407 г.х., где выпускные сведения расположены квадратом. Всё это делает правдоподобным второй вариант — 409/1018–19 г. В отношении же некоторых дирхамов Испиджаба выбор — 397 или 399 г.х. — невозможен: признаки, позволяющие надежно сблизить их с испиджабскими монетами бесспорно 397 или определенно 399 г.х., отсутствуют.

Как показывают приведенные примеры, для обоснования выбора между «семь» или «девять» и «семьдесят» или «девятьсто» в разных ситуациях приходится прибегать к разным приемам. Обращение к рукописным источникам помогает очень редко, чаще остается довольствоваться чисто нумизматическими средствами, анализируя и сопоставляя особенности упоминания правителей, число упомянутых лиц, наличие и отсутствие имени халифа, состав отложившихся на разных этапах, но близких хронологически кладов и т.д.

Гораздо чаще приходится сталкиваться с монетами, на которых дата уцелела частично или ее нет вообще — не проставлялась, не уместилась, стерта, обломана и пр., причем не всегда ясно, утрачена ли она или ее не было изначально. Чтобы установить время выпуска таких монет, следует использовать все возможные данные и все мыслимые приемы в любом нужном сочетании, учитывая имена халифов, правителей, особенности их титулования на разных этапах, характер размещения символа веры, полноту круговой коранической легенды, палеографию надписей, оформление монет, их металл и даже метрологические показатели — размер и вес.

Нет надобности разъяснять, сколь важно для хронологической ориентировки наличие имен халифов: годы их правления извест-

ны точно. Нужно лишь иметь в виду возможность анахронизмов. Так, упоминания халифа ат-Та'и' (363–381/974–91) на монетах доходят до 389/999 г., ал-Кадира (381–422/991–1031) — до 429/1037–38 г.

Выяснено время правления многих владельцев самых разных рангов, выявлена их монетная титулатура, очень изменчивая во времени, причем датирующим признаком может служить не только тюркская титулатура, но даже арабские лакабы, которые у одного лица могли быть разными на разных этапах. Иногда во времени ориентируют некоторые частные особенности упоминания государя, на первый взгляд малозначительные, не индивидуальные. В таких случаях желательна привлечение каких-либо дополнительных данных. Проиллюстрируем это на одном особо сложном примере.

Пишущим эти строки были опубликованы два однотипных дирхама Илака из собрания МИНУз. В дате уверенно читается только начало слова десятков — *عش*, т.е. «десять» или «двадцать». Поскольку на монетах помещены титул *Арслан-хан* (поле об.ст.) и кунья *Абу Шуджа'* (поле л.ст.), которая определено была у Арслан-хана Сулаймана, правившего с 423/1031–32 г., мы предположили, что второе слово в дате — «двадцать», а сами дирхамы биты не ранее 423/1031–32 г. Наличие на них имени халифа ал-Кадира, умершего в предшествующем, 422 г.х., было сочтено анахронизмом [Кочнев, 1979, с. 155–156]. Совершенно самостоятельно такую же датировку предложил М.Н. Федоров [1983, с. 114].

Последующее накопление нумизматического материала побудило нас пересмотреть эту датировку. С ней не согласуется, в частности, помещенное на рассматриваемых дирхамах сочетание *ал-малик Арслан-хан*. На монетах 423–429/1031–38 гг. Сулайман б. Йусуф именуется Арслан-ханом, Арслан-хаканом, Арслан кара-хаканом, лишь титулатура, проставленная на дирхамах Куз Орду 424/1032–33 г., близка выбитой на разбираемых илакских монетах, но не идентична ей: *ал-малик ал-'адил Арслан-хан*. С другой стороны, Мансур б. 'Али упомянут как *ал-малик Арслан-хан* неоднократно — на дирхамах Ахсиката 405/1014–15 и 410/1009–10 гг., Узгенда 413/1022–23 г., Шаша 413–414/1022–24 гг., Тунката 415/1024–25 г., а сочетания *ал-малик Арслан-хан ал-'адил* и *ал-малик Арслан-хан Абу-л-Музаффар* встречаются и во многих других случаях. Кроме того, на монетах Шаша и Тунката 421–430/1030–39 гг. обязательно упо-

мянут Мухаммад б. Йусуф, и если бы рассматриваемые илакские дирхамы были чеканены действительно не ранее 423/1031–32 г., на них следовало бы ожидать его упоминания, чего на самом деле нет. Дирхамы Шаша и Тунката 420-х гг.х. существенно отличаются от илакских монет обликом, прежде всего почерком: в надписях первых буквы относительно широкие, тогда как легенды вторых исполнены более тонкими линиями, и в этом отношении они гораздо ближе к монетам Арслан-хана Мансура (ум. в 415/1024–25 г.). Наконец, приписав последнему эти дирхамы Илака, мы освобождаемся от необходимости видеть анахронизм в появлении на них имени халифа ал-Кадира. Всё это вместе взятое дало нам основание считать их битыми не после 422/1030–31 г., а до 416/1025–26 г. [Кочнев, 1986, с. 131–132]. Позднее оказалось, что все эти выкладки привели к выводу единственно верному: при ознакомлении с документацией МИНУз выяснилось, что оба дирхама происходят из клада, в котором отсутствуют монеты позже 417/1026–27 г. Наконец, в коллекции А. Гаева (Москва) обнаружен экземпляр с датой — и это 414 г.х.

Датирующими признаками могут быть даже такие, казалось бы, нейтральные детали, как полная форма басмалы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» в легенде с выпускными сведениями, характерная для 391–416/1000–26 гг., размещение первой части символа веры двумя, а не тремя строками (только на монетах 396–408/1005–18 гг.), укороченный вариант реверсной коранической легенды, появляющийся не ранее 406/1015–16 г., и т.д.

Надежный хронологический ориентир — состав металла дирхамов, проба которых стала ухудшаться уже во 2-м десятилетии XI в. Даже без всякого анализа тусклые низкопробные дирхамы 2–3-й четвертей XI в. при самой плохой сохранности легко отличить от высокопробных раннекараханидских монет. Медно-свинцовые дирхамы неправильной чеканки отличает не только «медный» вид, но и зачастую неправильная форма «кружка», неровные края, чрезмерная толщина и т.д. Очень часто от даты на них не сохранилось ничего или уцелело лишь слово единиц. В таких случаях принято восстанавливать десятки и сотни как 44х г.х., а когда впоследствии удавалось обнаружить экземпляры с полной датой, эта реконструкция всегда оказывалась правильной.

Очень важный метод — метрологический, в особенности наблюдения за размерами. Е.А. Давидович [1961, с. 190 сл.], всесторонне изучив узджандский чекан конца XII — начала XIII в., выявила в нем несколько весовых стандартов, показав последовательное увеличение веса и размеров медных посеребренных дирхамов, что позволило уточнить время выпуска некоторых недатированных типов. При определении весового стандарта типа, представленного единичным экземпляром, предпочтение было отдано диаметру ввиду возможности случайного отклонения веса. Постепенное укрупнение медных посеребренных дирхамов не было спецификой только Узджанда — оно хорошо прослеживается и в Самарканде. Наблюдениями Е.А. Давидович и ее методом с успехом воспользовался М.Н. Федоров [1984, с. 121, 123–124], когда позднекараханидский дирхам Маргинана с утраченной датой, исходя из его размеров, датировал временем не ранее 596/1199–1200 г.

В другом случае М.Н. Федоров [1974, с. 175] отнес к 416–418/1025–28 гг. фалсы Тоган-хана с утраченными выпускными сведениями на том основании, что по размеру (32 мм) и оформлению они «очень похожи на фалсы ‘Али-тегина». Неясно, какие особенности оформления имел в виду М.Н. Федоров, изучение же размеров фалсов Бухары 416–419/1025–28 гг., хорошо представленных в ГЭ, где хранятся и рассматриваемые монеты Тоган-хана (синхронные фалсы Самарканда почти не известны), уберегло бы его от необоснованной датировки: диаметр бухарских фалсов 416–419/1025–28 гг. не превышает 26 мм. А когда удалось обнаружить фалс Тоган-хана с уцелевшими выпускными сведениями, то он оказался выпущенным в Бухаре в 429/1037–38 г.

Когда не учитываются метрические данные, разрыв между истинной и предлагаемой специалистом датой может оказаться еще большим. Так, монеты Кадыр Тафгач-хана Сулаймана О. Прицак поместил в конец XI в., и такая датировка была принята всеми последующими исследователями, не исключая автора этих строк. Изучение их показало, однако, что размер этих дирхамов (26–35 мм) совершенно не характерен для конца XI и даже 1-й половины XII в., но типичен для 2-й половины XII в.

Необходимость хронологического определения монет возникает также в случаях, если дата не завершена — нет сотен или

даже сотен и десятков. Множество таких примеров демонстрирует чекан XII в., когда слово «пятьсот» опускалось сплошь и рядом. При определенном навыке работы с караханидскими монетами различить монеты V и VI в.х., в общем, несложно, хотя иной раз ошибиться в выборе может даже опытный специалист. Так, дату 74 г.х., помещенную на банакатском дирхаме Му‘изз ад-дунья ва-д-дина Кылыч-хакана, А.К. Марков [1896, с. 273, № 495] восстановил как 474 г.х. Такая реконструкция не может быть принята как минимум по двум причинам: лакабы на *ад-дунья ва-д-дин* появляются на караханидских монетах только в VI в.х.; на это же время указывают и крупные размеры дирхамов (д. 32 мм), совершенно не характерные для V в.х. Следовательно, истинная его дата — 574/1178–79 г.

Когда в легенде с выпускными сведениями уместилось только слово единиц, восстановить дату бывает возможно, хотя и не всегда. Так, один из фалсов Самарканда с титулом *Табгач-хан* датирован годом «пять». По почерку и общему облику это типичный фалс 1-й половины XI в., когда такой титул носили два Караханида — ‘Али б. Хасан и Ибрахим б. Наср, в медном чекане которого принадлежность этого титула всегда уточнена именем или другими элементами титулатуры, чего нет в данном случае. Совершенно не характерно для фалсов Ибрахима включение обеих частей символа веры в круговую легенду, что тоже сближает рассматриваемую монету с чеканом ‘Али б. Хасана, в частности, с самаркандским фалсом другого типа с датой [4]25 г.х. Тем же годом должен быть датирован и разбираемый фалс.

Другой пример. На всех трех выявленных фалсах Узгенда с крупно начертанным именем *Наср* в поле л.ст. от даты уместилось лишь слово «два» или даже только два начальных его знака. Но такая броская деталь, как наличие в поле л.ст. единственного слова *Наср*, характерна лишь для ферганского медного чекана начала 390-х г.х., что позволяет восстановить дату как 392/1001–02 г.

На фалсах Кубы, битых тем же правителем «в году первом», он назван *ал-амир Наср б. ‘Али мавла амир ал-му‘минин*, т.е. в обычной для многих монет 390–402 гг.х. форме, а значит, датой выпуска может быть как 391, так и 401 г.х. Однако в поле об.ст. стоит только вторая часть калимы, что не характерно для фалсов Фер-

ганы и ферганских городов 391 г.х. (на них в поле об.ст. также упомянут Наср), но типично для фалсов ферганских монетных дворов 401/1010-11 г. Эта дата наиболее вероятна и для обсуждаемых фалсов Кубы.

Иногда из надписей монет не сразу ясно, имеем ли мы дело со словом единиц или с незавершенным словом десятков. Так, датой одного из «видов» самаркандских фалсов Кылыч Табгачхана назван «шестой» год. Поскольку такой титул помещал на монетах Мас'уд б. Хасан, правивший в 556–566 г.х., дату следовало бы восстановить как 566 г.х. Однако по содержанию и размещению надписей, по оформлению эти фалсы совершенно аналогичны самаркандским фалсам 560 г.х., существенно отличаясь от фалсов Самарканда 559 и 562 г.х. Следовательно, на разбираемых фалсах слово ست «шесть» есть, очевидно, незаконченное слово ستين «шестьдесят», т.е. дату их следует реконструировать как 560/1164–65 г.

Иногда однозначный выбор вообще невозможен. Например, из трех однотипных фалсов Насра б. 'Али, чеканенных в Фергане/Кубе, на одном проставлена дата «девьяносто», на двух — «девять». Для этих двух монет равно вероятны два варианта реконструкции даты — 389 г.х. (если считать, что не уместились десятки и сотни) и 390 г.х. (если допустить, что слово сотен опущено, а слово десятков не закончено).

Иногда словом سنة «год» выпускные сведения завершаются. Дата в таких случаях, очевидно, предусматривалась, но на некоторых экземплярах не уместилась. Полная реконструкция даты здесь возможна в виде исключения, чаще приходится ограничиваться хронологическими ориентирами. Скажем, содержанием и расположением надписей (л.ст.: хан; об.ст., поле: Арслан-илиг; круговая легенда: ал-Му'аййид ал-'адл Наср б. 'Али), ферганские фалсы с «выпавшей» датой не отличаются от фалсов Ферганы 389 г.х. и, очевидно, должны датироваться тем же годом. Другой пример — фалсы Ферганы/Кубы с титулом Кўч-тегин на л.ст. и сочетанием ал-малик ал-Маширик Кадыр-хан на об.ст. Такое сочетание в той же позиции зафиксировано еще только на ферганском фалсе 416 г.х., к каковой дате максимально близкой должна быть и дата фалса Ферганы/Кубы. Уверенность в этом была бы

еще больше, если бы удалось сопоставить их реверсные круговые легенды, но на разных экземплярах сохранились разные их участки. На фалсах Самарканда с «выпавшей» датой в поле об.ст. помещен титул хан, в круговой легенде — сочетание ал-малик ал-музаффар Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла. Такая титулатура была у Ахмада б. 'Али и 'Али б. Хасана, но первый из них отпадает: во всем обильном самаркандском медном чекане поры правления Ахмада подобных монет нет. Двойной лакаб Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла и титул хан 'Али б. Хасан помещал только на монетах 423–26/1031–35 гг., в том числе самаркандских. В тех же хронологических пределах выпущен и рассматриваемый фалс.

Другой пример — фалс Шаша без обозначения даты и с упоминанием Мухаммада б. Йусуфа: в основной части поля, после символа веры и имени халифа, он фигурирует как Мухаммад б. Кадыр-хакан, выше и ниже — как малик ал-Маширик. Во всем шашском чекане Мухаммада такое взаиморасположение и содержание реверсных надписей известно только для дирхамов 422/1030–31 г., каковым годом скорее всего и следует датировать разбираемый фалс.

Методы определения места выпуска

Трудности с определением конкретного места или хотя бы региона, в котором выпущена монета, чаще всего возникают в случаях, когда наименование денежного двора утрачено или не было проставлено, иногда — из-за особенностей воспроизведения названия монетного двора, например, в слитной надписи, часто очень нелегкой в чтении. Трудности эти могут быть преодолены путем подбора аналогий (в содержании, размещении, взаиморасположении надписей, их палеографии, в характере оформления), изучением метрологии, металла монет, топографии монетных находок, изредка — привлечением рукописных источников, т.е., в общем, теми же методами, что и при хронологическом определении монет.

Наблюдения над материалами конца X–XI в. показывают, что некоторые имена фигурируют на монетах одного или немногих денежных дворов. Так, Му'изз ад-давла Матт упомянут только на дирхамах и Испиджаба и Шаша, причем на шашских монетах по-

мещен только его лакаб. Поэтому дирхам 401/1010–11 г., на котором он назван и лакабом, и именем, а от наименования монетного двора уцелел только начальный *алиф*, наиболее правдоподобным казалось относить к чекану Испиджаба, пока не появился экземпляр бесспорно шашского происхождения. Другой пример. Один из фалсов Илака 388/998 г. с упоминанием Аба Салиха М.Н. Федоров [1971, с. 85] определил как выпущенный в Орду в 398/1007–08 г. От такого определения его могли бы уберечь следующие наблюдения: в конце IV в.х. Аба Салих фигурирует только на фалсах Илака, а в Орду фалсы не чеканились.

Некоторые особенности титулования правителя, чеканившего монету во множестве пунктов, характерны для строго определенного ареала, а иногда — для конкретного денежного двора. Скажем, Наср б. 'Али может быть назван илигом где угодно, но «илигом славным» (*илиг ал-джалил*) — только в Фергане (на фалсах 388/998–99 гг.). Лишь на дирхамах Шаша 412/1021–22 г. трех разных типов сразу после халифа упомянут *ал-малик ал-мансур Мухаммад б. Али*. К тому же монетному двору и году следует, очевидно, относить и утративший выпускные сведения дирхам с тем же сочетанием надписей поля об.ст., в нижней части которого также назван *Коччур(?)*-бег. Что пренебрегать подобными наблюдениями отнюдь не следует, ясно из двух следующих примеров. Один и тот же дирхам с сочетанием *Арслан-хан, илиг ал-мансур надшах* М.Н. Федоров в разных статьях определил по-разному: Бинкат 407/1016–17 г. [Федоров, 1972б, с. 148] и Банакат(?) 407/1016–17 г. [Федоров, 1974, с. 159]. Но такое сочетание встречается только на самаркандских и бухарских дирхамах 410/1019–20 г., опубликованных еще А.К.Марковым. Если бы М.Н.Федоров учел это обстоятельство, не родилось бы столь противоречивое определение дирхама, битого на самом деле в Бухаре в 410/1019–20 г., и не была бы внесена путаница в вопрос о ранней караханидской эмиссии Бинката, которая, по имеющимся сейчас данным, появилась полувеком позднее. Сочетание *Сана' ал-давла Йинал-тегин* проставлялось на многих монетах начала XI в., но после того, как Сана' ад-давла Мухаммад б. 'Али с 404/1013–14 г. стал помещать на монетах более высокий титул *илиг*, оно использовалось гораздо реже, преимущественно в чекане Усрушаны. М.Н. Федоров не обратил внимания

на эту важную деталь, иначе едва ли появились бы неверные определения — Иштихан 406/1015–16 г. [Федоров, 1972б, с. 105] и Илак 406/1015–16 г. [Федоров, 1980, с. 38] — для двух однотипных фалсов с таким сочетанием, чеканенных в действительности в Усрушане в 404/1013–14 г.

В позднекараханидское время, когда Западный каганат распался на уделы, по крайней мере в некоторых из них отдавалось предпочтение определенным тюркским титулам. Обнаружив монеты Улуг Тогрыл-хана, чеканенные в Касане в 605/1206–09 г., мы предположили, что там же биты в конце VI в.х. дирхамы Мухаммада б. Насра: он носил титул *Тогрыл-хан* [Кочнев, 1983в, с. 90–96]. И очень скоро это предположение подтвердилось, ибо были выявлены монеты Мухаммада б. Насра с указанием места выпуска — Касан [Кочнев, 1984д, с. 375]. Есть все основания думать, что и его отец, Наср б. ал-Хусайн, тоже титуловавшийся Тогрыл-ханом, владел тем же Касанским ханством. Как показывают монеты, по крайней мере два позднекараханидских правителя Парабского удела носили титул *Кутлуг Билгä-хан* [Кочнев, 1983б, с. 110 сл.]. Учитывать возможность связи между титулом и местом правления того или иного позднекараханидского государя, конечно, следует, но абсолютизировать ни в коем случае нельзя. А именно такая тенденция прослеживается у М.Н. Федорова [1984, с. 124], который не только считает традиционным для Касана титул *Тогрыл-хан*, но и предлагает читателю «обратить внимание на то обстоятельство, что тюркский эпитет «Кутлуг» является общим для обоих известных нам представителей маргинанской династической ветви Караханидов». Между тем титул *Тогрыл-хан* носили также отец Насра б. Хусайна, владетель Узджанда, и более поздний правитель одного из приамударьинских уделов, а компонент *Кутлуг* входил в монетную титулатуру по крайней мере двух владетелей Параба, в том числе 'Абд ал-Халика, одно время владевшего Самаркандом. Насколько рискованно всякого рода легковесные географические привязки отдельных компонентов позднекараханидской монетной титулатуры, показывает пример с титулом *Акдаш (Эгдиш) Тафгач-хан*. По мнению М.Н. Федорова [1978, с. 60–61], этот титул Мас'уд б. Хасан, прежде титуловавшийся Кылыч Тафгач-ханом, принял после того, как из Самаркан-

да перебрался в другой удел, и этим уделом был Банакат: «эпитет» *Акдаш* соответствовал традициям Банаката, где в начале XIII в. чеканились дирхамы Улуг Акдаш Чагры-хана. Однако на самом деле, как неоспоримо доказала Е.А. Давидович [1985, с. 99 сл.], титул *Акдаш(?) Тафгач-хан* принадлежал не Мас'уду, а его преемнику, сидевшему в Самарканде, а значит, компонент *Акдаш(?)* никакой «географической окраски» не имеет.

Очень большую группу караханидских монет составляют медно-свинцовые дирхамы, выпускавшиеся около середины XI в. в нескольких городах Ферганы, в Семиречье (Куз Орду, Барсхан) и Восточном Туркестане (Уч). Большинство их не сохранили выпускных сведений, но уже сама принадлежность дирхама к данной группе, легко определяемая по внешнему облику, позволяет локализовать его в очерченных пределах. Возможны и дальнейшие уточнения. По наблюдениям Е.А. Давидович [1983, с. 15], «внешняя непривлекательность этих дирхамов сочетается с отличной палеографией». Последнее, безусловно, справедливо, но в отношении не всех медно-свинцовых дирхамов, а прежде всего ферганских, выпущенных в Ахсикате, Кубе, Маргинане и Узгенде. Очень высокий уровень исполнения надписей позволяет выделить ферганские эмиссии даже в тех случаях, когда от надписей сохранились лишь обрывки. Это немаловажно для внутрикладовой статистики. Превосходен почерк дирхамов столичного Куз Орду, но от ферганских их отличают кое-какие палеографические особенности: некоторая растянутость горизонталей, утолщенность линий, каплевидные завершения круглых букв типа *ميم*. Похоже, в 430–440-х гг. в Куз Орду работал один мастер со своей индивидуальной манерой, позволяющей выделить его продукцию, даже если наименование монетного двора не сохранилось. Чуть похуже, но в целом на приличном уровне выполнены надписи ряда монет Барсхана и Уча, однако сформулировать их характерные палеографические особенности, к сожалению, пока не удается. Оставляет желать лучшего почерк многих других дирхамов с утраченными выпускными сведениями. Вероятно, они произведены в окраинных северо-восточных областях каганата, не имевших ни собственной монетной традиции, ни, соответственно, квалифицированных мастеров.

Важность приведенных наблюдений для определения места производства некоторых медно-свинцовых дирхамов можно проиллюстрировать двумя примерами. На одном из типов монет 448/1056–57 г. местом выпуска назван *سربکت* или *ربکت*, в котором в разное время предлагалось видеть Тункат (в Илаке), Паранкат/Фаранкат (в Шаше), Нузкат (в Чуйской долине). Первые две версии отпадают, поскольку медно-свинцовые дирхамы в Ташкентском оазисе не чеканились, а третья невозможна палеографически. И помещенная на разбираемых монетах титулатура (*ал-малик ал-музаффар Бугра кара-хакан*), и превосходный почерк типичны для Ферганы, а одна любопытная ошибка (*ثمان* вместо *ثمان* «восемь» в дате), засвидетельствованная только в данном случае, да еще на ахсикатских дирхамах того же 448 г., указывают на район Ахсиката; более чем вероятно, что это ферганский Ванкат.

Важный источник определения места производства монет — топография их находок. Разумеется, топографический метод приложим далеко не ко всем монетам, а прежде всего к позднекараханидским медным посеребренным дирхамам, отчасти — к фалсам XI–XII вв. Серебряные же дирхамы (и высокопробные, и низкопробные), и даже медно-свинцовые могли уходить от места выпуска очень далеко. Напоминать об этом приходится потому, что М.Н. Федоров [1972а, с. 358], основываясь на находке единственного дирхама Кутлуг Орду в Самарканде, локализовал этот монетный двор в самаркандской части Согда. В данном случае он угадал правильно, но методически подобные локализации недопустимы. Топографический метод на позднекараханидских материалах обосновала Е.А. Давидович. Проведенное ею изучение кладов и отдельных находок показало, что во 2-й половине XII — начале XIII в. рынки Ферганы и прилегающих районов обслуживали медные посеребренные дирхамы прежде всего местного чекана. Караханида Насра б. ал-Хусайна, известного только по монетам, исследовательница поначалу предположительно считала самаркандским правителем, но накопление данных об ареале находок его медных посеребренных дирхамов, приходящихся на территорию Ферганы, убедило ее в том, что Насру принадлежал какой-то второстепенный удел (не узджандский) в Ферганской долине или где-то поблизости [Давидович, 1977, с. 181]. С обнаружением позднека-

раханидских монет Касана было доказано касанское происхождение и дирхамов Насра б. Хусайна [Кочнев, 1984, с. 375].

Как показало дальнейшее изучение кладов позднекараханидских медных посеребренных дирхамов, локальность их состава характерна не только для Ферганы, но и для других территорий. Это обстоятельство и было нами учтено в первую очередь при локализации монет Арслан-хана Мухаммада и Арслан-хана Йусуфа: монеты эти, лишенные выпускных сведений, составляют основу клада из Хан-Уя в Восточном Туркестане. На не среднеазиатское их происхождение указывают также метрологические данные — необычно большая толщина и высокий вес. Одна внекладовая монета Арслан-хана Йусуфа определенно чеканена в Кашгаре, а из сочинений Джувайни [1958] и Джамала ал-Карши точно известно, что во 2-й половине XII в. в Кашгаре один за другим правили Арслан-хан Мухаммад и Арслан-хан Йусуф. Так топографический метод с привлечением других данных позволил отнести к чекану Кашгара значительную группу монет без выпускных сведений [Кочнев, 1982, с. 158–162].

Критика монетного текста

Традиционно считается, что информация, заключенная в надписях монет, вполне объективна, а сами нумизматические источники признаются более достоверными, чем, например, нарративные источники. В целом такая оценка, конечно, справедлива, хотя уже очень давно специалисты по мусульманской нумизматике стали сталкиваться со случаями, когда информация, содержащаяся в монетных легендах, недостоверна. Чаще всего встречаются анахронизмы, связанные обычно с использованием разновременных штемпелей; изредка на одном кружке могут быть совмещены даже разнородные штампы. Еще один источник недостоверной информации — ошибки в надписях. Следовательно, тексты, помещенные на мусульманских монетах, как и любой иной письменный источник, подлежат критике, проверке на достоверность — прежде всего тогда, когда обнаруживаются противоречия между показаниями монет и рукописных источников или свидетельствами разных монет, а также в ряде других случаев, когда возникают какие-

либо сомнения или колебания. Как показывает практика, критика монетного текста — немаловажная, а подчас и необходимая процедура, и пренебрежение ею при работе с караханидскими монетами чревато серьезными ошибками.

Итак, один из основных источников недостоверной информации — использование непарных штемпелей, разновременных и даже разнородных.

Употребление разных штампов зафиксировано в чекане самых разных династий — от Омейядов до среднеазиатских правителей XIX в. Множество таких примеров проанализировала Е.А. Давидович, показав, что вторичное использование старых штемпелей документируется: 1) разными датами на разных сторонах кружка; 2) хронологическим несоответствием даты упомянутому на другой стороне монет лицу (лицам); 3) совмещением одного и того же штампа с разными штемпелями, несущими разные даты; 4) анахронизмами, выявляемыми методом классификации монет, системным их изучением. Первые три группы исследовательница объединила условным наименованием «открытые анахронизмы». К числу «скрытых анахронизмов» ею отнесены случаи, когда хронологического противоречия между датой и упомянутым на другой стороне кружка лицам (лицами) нет. При этом Е.А. Давидович [1989, с. 194–198] подчеркнула, что выявление «скрытых анахронизмов» особенно сложно, но и особенно важно прежде всего в ситуации, «когда монетная дата имеет решающее значение, позволяя на первый взгляд исправить или уточнить какие-либо исторические события и вопросы хронологии». Такая дата должна быть проверена «на достоверность» всеми возможными методами, в первую очередь — классификационным изучением монет.

В караханидском чекане обнаруживаются и «открытые», и «скрытые» анахронизмы. Самые наглядные примеры — когда на разных сторонах кружка помещены разные даты, как, например, на некоторых дирхамах Узджанда: л.ст. — 597 г.х., об.ст. — 596 г.х. Хронологический разрыв между аверсным и реверсным штемпелями может быть и гораздо более значительным. Так, Е.А. Давидович [1970, с. 79] установила, что штампы л.ст. дирхамов Саганийана 421/1030 г. сочетаются со штампами об.ст., ис-

пользовавшимися в 430/1038–39 и 433/1041–42 гг. На некоторых дирхамах Нижнечирчикского клада с одним штемпелем об.ст. сопряжены аверсные штампы 438/1046–47 и 462/1069–70 гг. Последняя дата находится в явном противоречии с упомянутым на об.ст. Бугра-ханом, который умер в 449/1057–58 г.

Далеко не всегда анахронизмы столь очевидны. Одни из примеров — два однотипных фалса Ферганы с датой 386/996 г. и упоминанием Насра б. ‘Али, что само по себе — не анахронизм: судя по монетам, эта область и до того, и после принадлежала Насру. Однако, во-первых, реверсный штемпель этих фалсов с титулом *илиг ал-джалил* сочетается преимущественно с аверсными штампами 388/998 г., и во-вторых, на всех многочисленных ферганских фалсах 387/997 г. Наср назван Тонга-тегином. Следовательно, л.ст. двух упомянутых фалсов с датой 386/996 г. чеканена старым штемпелем.

В иных случаях подобные небольшие, но весьма существенные анахронизмы позволяют выявить анализ не титулатуры, а политической ситуации. Рукописные источники (‘Утби, Ибн ал-Асир) сообщают о войне 401/1010–11 г. между Насром б. ‘Али и Ахмадом б. ‘Али; из монетных данных ясно, что в ходе войны Наср захватил Илак, Шаш и Испиджаб. Один из испиджабских дирхамов с упоминанием Насра датирован 400/1009–10 г. Возникает вопрос: какая из двух дат достоверна — рукописная или монетная? Тункатский чекан Насра открывается 401/1010–11 г., большая и многообразная серия шашских дирхамов 399–401/1008–11 гг. показывает, что Шашем Наср мог овладеть не раньше 401/1010–11 г.; почти все (за единственным исключением) испиджабские монеты Насра б. ‘Али датированы 401–402/1010–12 гг. Каким бы путем ни двигаться на Испиджаб, Наср во время похода не мог достичь его, минуя Шаш, занятый им не ранее 401/1010–11 г. Таким образом, дата 400/1009–10 г. на испиджабском дирхаме Насра недостоверна, для его чеканки использован старый аверсный штемпель [Кочнев, 1994, с. 228–236].

Как видно из всего сказанного, дата эта, будучи единственной и выпадая из всего нумизматического и исторического контекста, требовала самой тщательной проверки на достоверность. М.Н. Федоров [1990, с. 8] такой проверки не проделал,

безоговорочно принял эту дату на веру и в результате неправильно определил по ней время начала войны между Насром б. ‘Али и Ахмадом б. ‘Али.

Насколько важно учитывать возможность сопряжения разновременных штампов, можно продемонстрировать еще на одном примере. Из двух приведенных в рукописных источниках дат смерти Насра б. ‘Али — 402/1011–12 г. (Джамал ал-Карши) и 403/1012–13 г. (‘Утби) — М.Н. Федоров [1975а, с.103] счел достоверной первую. Обоснование: на двух разных дирхамах Узгенда 402/1011–12 г. в одном случае упомянут Наср, в другом — только Ахмад б. ‘Али; по мнению М.Н. Федорова, Узгенд, столица Насра б. ‘Али, мог перейти к Ахмаду только после кончины Насра. Между тем существуют чеканенные в Илаке дирхамы и фалс с датой 403/1012–13 г. и упоминанием Насра, причем один из этих дирхамов был известен М.Н. Федорову, а это уже не давало права на однозначный вывод о недостоверности даты ‘Утби. Конечно, и илацкие монеты Насра с датой 403 г.х., хотя они и представлены несколькими экземплярами и даже двумя номиналами (в отличие от единственного дирхама Узгенда 402 г.х. с именем Ахмада), не могут служить решающим аргументом в пользу этой даты. Но окончательно склоняют к ней некоторые косвенные данные. Смерть Насра привела к серьезным переменам в каганате, что отразилось не только на реальном положении его братьев, но и в их титулатуре: Мухаммад б. ‘Али, до 403 г.х. включительно носивший титул *Арслан-тегин*, с того же года стал *Йинал-тегином*, а Мансур б. ‘Али принял принадлежавший прежде Насру титул *илиг*, известный только по его монетам 403/1012–13 г. Поскольку передвижки в иерархии и связанные с этим изменения титулатуры фиксируют монеты 403 г.х., именно этим годом и следует датировать смерть Насра. Стало быть, дата 403/1012–13 г. на илацких монетах Насра б. ‘Али достоверна, для чеканки же упомянутого узгендского дирхама Ахмада использован старый штемпель с датой 402/1011–12 г.

Только по монетам выясняется судьба Худжанда после первого караханидского нашествия на Мавара’аннахр. Выявлены битые в 383 и 384 гг.х. худжандские фалсы, из коих одни несут на об.ст. имя Саманида Нуха б. Мансура, другие — Караханида Насра б. ‘Али. Если считать, что во всех этих случаях даты досто-

верны, то, выходит, после 382/992 г. Худжанд не раз переходил из рук в руки. Однако Фергана, которая едва ли могла быть захвачена Насром позже Худжанда, была им завоевана в 384 г.х.: ферганский его чекан открывается именно этим годом, причем ферганские фалсы Насра 384 г.х. представлены многими «видами». Кроме того, на несколько худжандских фалсов 383 г.х. с именем Нуха приходится единственный фалс Худжанда 383 г.х. с именем Насра. Поэтому наиболее вероятно, что Худжанд был занят Насром б. 'Али в 384/994–95 г., а его худжандский фалс с датой 383 г.х. бит старым штемпелем л.ст.; другими словами, эту дату следует считать недостоверной.

Нередки случаи вторичного использования и старых реверсных штампов, когда дата помещена на одной стороне кружка. Если между датой и упомянутыми на об.ст. лицами нет явных хронологических несоответствий, такие случаи могут быть выявлены поштемпельным анализом или иными методами, в первую очередь анализом титулатуры, политической ситуации и т.д. Так, сопоставлением штампов установлен факт использования одного реверсного штемпеля для чеканки таразских дирхамов с двумя разными датами — 399 и 400 г.х. Более сложен другой пример — два однотипных дирхама Маргинана с датой 447/1055–56 г. и лакабом *Мушаййид ад-давла* на л.ст. и сочетанием *Арслан-хан, Мухаммад б. Наср* на об.ст. По монетам установлено, что в это время в одних городах Ферганы признавалась власть Арслан-хана, в других — Бугра-хана, носителя лакаба *Мушаййид ад-давла*. Явного несоответствия между аверсом и реверсом, казалось бы, нет. Однако никогда, ни до, ни после, Бугра-хан не упоминал на монетах Арслан-хана, на других же маргинанских дирхамах 447 г.х. он назван и на л.ст. (как *Мушаййид ад-давла*), и на об.ст. Значит, для чеканки двух разбираемых монет употреблен старый штамп об.ст. — скорее всего, предыдущего, 446 г.х., когда подобные штемпели в Маргинане определенно использовались.

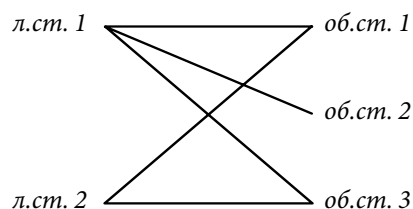
Б. Дорн опубликовал дирхам Ахсиката 407 г.х. с именем Ахмада б. 'Али. Явного анахронизма здесь нет, поскольку Ахмад умер в 408 г.х. М.Н. Федоров [1975а, с. 106] считает эту монету свидетельством того, что Мансур б. 'Али, за несколько лет до того отвовавший у Ахмада Ахсикат, вернул ему этот город по условиям мир-

ного договора, заключенного в 407/1016–17 г. Между тем форма упоминания государя на обсуждаемом дирхаме характерна только для монет 403–404 гг.х., а по содержанию и размещению надписей об.ст. он ничем не отличается от ахсикатских дирхамов 404 г.х. Поэтому весьма вероятно, что при чеканке данной монеты использован старый штемпель об.ст. Не исключено, впрочем, что публикатором неверно прочитано слово единиц в дате (*سبع* вместо *اربع*). В любом случае дата 407 г.х. не представляется достоверной.

Любопытный пример «глубоко скрытого» анахронизма демонстрируют дирхамы, которые на л.ст. обозначены как чеканенные в Самарканде в 438/1046–47 г., на об.ст. несут сочетание *'Има[d] ад-давла ва-Тадж ал-милла Сайф халифат Аллах Табгач-хан Ибрахим*. Поскольку в это время Ибрахим б. Наср определенно владел Самаркандом, А.К.Марков, первым опубликовавший такую монету [1896, с. 262, № 435], в достоверности даты не сомневался, а В.В. Бартольд, пользовавшийся каталогом А.К.Маркова, видел в этом дирхаме свидетельство наиболее раннего использования Ибрахимом своего «полного титула» [Бартольд, 1963, с. 367]. Однако классификация его монет показывает, что дирхамы данного типа выпадают из непрерывного ряда бухарских и самаркандских дирхамов 434–444/1042–53 гг., на которых помещено совсем другое сочетание — *ал-Му'аййид ал-'адл хан Ибрахим*. На некоторых дирхамах Нижнечирчикского клада аверсный штемпель Самарканда 438 г.х. сопряжен с реверсным штампом, на котором фигурирует не *Ибрахим*, а *Вали халифат Аллах Бугра-хан*, т.е. Мухаммад б. Йусуф, по всем имеющимся данным Самаркандом никогда не владевший. Реверсный штемпель монет разбираемого типа на одних экземплярах того же клада сопряжен с самаркандским штампом 438 г.х., на других — со штемпелем неустановленного пункта 45х г.х. Из этих двух сочетаний «законным» могло быть второе, первая же дата — 438/1046–47 г. — недостоверна.

Использование непарных штемпелей может быть проиллюстрировано еще одним примером. Среди дирхамов Тахтабазарского клада есть монеты с упоминанием на л.ст. султана Санджара, на об.ст. — гурхана. Исходя из надписей этих монет, следовало бы заключить, что карахытайский гурхан признавал себя вассалом Сельджукида Санджара. Однако это невозможно, поскольку

ку, во-первых, в Катванской битве (1141 г.) гурхан нанес сокрушительное поражение султану, вынужденному бежать из Мавара'аннахра, а во-вторых, он не был мусульманином, т.е. еще и по этой причине не мог признать своим сюзереном государя-иноверца. Значит, здесь можно подозревать сочетание разновременных штемпелей, которое тем более вероятно, что аверсные штемпеля (или один штемпель?) типа 1 (*Санджар*) сопряжены с реверсными штампами трех типов (*гурхан*, *Ибрахим* и *Пахлаван аш-Шарк*), а штемпели (штемпель?) л.ст. типа 2 (*гурхан*) совмещены со штампами об.ст. двух типов (*Пахлаван аш-Шарк* и *гурхан*); графически это можно выразить так:

Что среди этих сочетаний есть определенно ошибочные, убеждает сочетание 4, образованное двумя штампами л.ст. с первой частью символа веры и именем халифа. Столь же ошибочным было, скорее всего, сочетание 3. Полной уверенности в этом всё же нет, поскольку, во-первых, почти на всех монетах не уцелели даты, во-вторых, не было возможности (прежде всего из-за сохранности) сопоставить данные дирхамов по штемпелям; поэтому пришлось прибегать к таким формулировкам, как «штемпели типа 3» вместо «штемпель 3».

Выявленные случаи совмещения разнородных штемпелей очень немногочисленны. Ранний пример — два однотипных фалса, которые на л.ст. обозначены как битые в Фергане в 388/998 г., на об.ст. несут упоминания Ахмада б. 'Али (круговая легенда) и тегина Аба Салиха. Такое сочетание имен известно только для медного чекана Илака 388–389/998–99 гг. и решительно исключено для подлинных монет Ферганы: на всех ферганских фалсах 384–401/994–1011 гг., представленных множеством типов, обязательно упомянут Наср б. 'Али. Следовательно, два названных фалса биты аверсным штемпелем монет Ферганы и реверсным штам-

пом монет Илака, но истинное место их производства не может быть достоверно установлено.

На нескольких однотипных дирхамах из Нижнечирчикского клада на об.ст. фигурирует *ал-Му'аййид ал-'адл Ибрахим* [б. Наср], на л.ст. — *Шамс ал-мулк* (Наср, сын Ибрахима); л.ст. гласит, что они биты в Бинкате в 461/1068–69 г., когда Ибрахима уже не было в живых. Такое несоответствие побудило проверить эти монеты по штемпелям, и оказалось, что для их чеканки использован реверсный штемпель, в другом случае сопряженный со штампом л.ст. самаркандских дирхамов 445(?) г.х.

Наконец, на дирхамах из того же клада с одним и тем же штемпелем об.ст. с титулатурой *Вали халифат Аллах Бугра-хан* сочетаются аверсные штампы Самарканда 438/1046–47 г., неустановленного пункта 445/1053–54 г., Банаката 462/1069–70 г. Первое сочетание «отдает» Самарканд Бугра-хану Мухаммаду б. Йусуфу, восточному хану, который никогда не владел Самаркандом, столицей Западного каганата. Третье сочетание «воскрешает» того же правителя через много лет после его смерти (449/1057–58 г.). Иными словами, на монетах — фантастическая путаница: и хронологическая, и географическая, и династическая, очевидная даже без штемпельного анализа.

Выявлен, однако, случай, когда явного хронологического и географического противоречия нет. Это однотипные дирхамы всё из того же Нижнечирчикского клада, битые, если верить легендам, в Банакате в 461 или 462 г.х. Шамс ал-мулком Насром, который в 461/1068–69 г. определенно владел Ташкентским оазисом. Но, как показывают материалы того же клада, реверсный штемпель этих монет сочетается также со штампом л.ст. дирхамов Бинката 461 г.х. Данный прецедент позволяет предполагать возможность и других подобных скрытых несоответствий, выявление которых особенно трудно, а без сопоставления штемпелей, пожалуй, вообще невозможно. Явные же противоречия обнаруживаются, как показано выше, анализом политической ситуации, имен, титулатуры. Сколь бы редки и немногочисленны ни были подобные случаи, учитывать их возможность необходимо.

Сопряжение разнородных штемпелей засвидетельствовано и в саманидском чекане. Не останавливаясь на всех примерах, отметим

лишь те, которые выявлены и объяснены Е.А.Давидович. Она установила, что со штампами л.ст. ферганских фалсов 359/969–70 г. совмещены штемпели фалсов Кубы 349/960–61 г. и фалсов Насрабада, выпускавшихся не позже 343/954 г. По мнению исследовательницы, после того, как были закрыты недолго функционировавшие монетные дворы ферганских городов Кубы и Насрабада, их штампы были доставлены в столицу Ферганы, Ахсикат, и позднее вторично использованы [Давидович, 1989, с. 195–196].

Для караханидских разногородних сочетаний такое объяснение не подходит. Фергано-илакские фалсы с датой 388/998 г. происходят из Шахрухийского клада 1986 г. с поздней датой 391/1001–02 г., но монетные дворы Ферганы и Илака действовали еще много лет спустя. О ликвидации самаркандского денежного двора после 445/1053–54 г. не приходится и говорить. Судьба монетного двора Бинката после того, как там чеканил в 461/1068–69 г. монету западнокараханидский правитель Шамс ал-мулк Наср, не известна, но зато точно известно, что в следующем, 462/1069–70 г., Шашем владели Восточные Караханиды, которые едва ли были заинтересованы в том, чтобы вести на нумизматическом уровне пропаганду в пользу своего политического противника, используя его старые монетные штемпеля. Наоборот, именно в 462/1069–70 г. они чеканили собственные дирхамы и в Шаше, и в ряде отдельных городов Ташкентского оазиса.

К пониманию рассматриваемого феномена позволяет, похоже, приблизиться один из фалсов Шахрухийского клада 1986 г. Он произведен двумя абсолютно разнородными штампами: реверсный, позднесаманидский, судя по превосходному почерку, имеет явно государственное происхождение, скорее всего ферганское (на это указывают имена), другой же выполнен настолько грубо, кустарно, а надписи полны таких вопиющих ошибок, что сомнений в его нелегальном происхождении быть не может. Этот важнейший нумизматический объект документально свидетельствует, что в руки фальшивомонетчиков попадали штемпели с государственных монетных дворов. Не исключено, что перечисленные разногородние караханидские монеты (или часть их) произведены «законными» штампами, но не на государственных денежных дворах, а в мастерской фальшивомонетчика. С другой стороны,

нелегальный мастер высокой квалификации мог и сам выполнить штампы на уровне государственных, но тогда их невозможно выделить из числа подлинных. Впрочем, для рассматриваемой группы монет это, скорее, теоретическая возможность: такой мастер, очевидно, стал бы воспроизводить обычные типы монет, а не создавать фантастические комбинации, которые могли бы выдать их происхождение. Подобные комбинации понятнее, если фальшивомонетчик ограничен небольшим числом доставшихся ему «законных штемпелей». Разумеется, предлагаемое объяснение — не более чем рабочая гипотеза. Независимо от того, насколько оно убедительно, рассмотренные примеры убеждают в том, что недостоверными могут быть не только монетные даты, но и обозначенные на монетах указания на место выпуска, т.е. в отдельных случаях критики требуют выпускные сведения в целом.

Совсем небольшую группу составляют монеты с обозначением на разных сторонах кружка правителей разных династий. Конечно, имеются в виду не те хорошо известные монеты, которые отражают отношения господства и подчинения (Караханиды и дихканы Илака, Сельджукиды и Караханиды, и пр.), а чрезвычайно редкие экземпляры с упоминанием одновременно Саманидов и Караханидов, находившихся в состоянии войны. Так, на одном бухарском фалсе 389/999 г. на л.ст. фигурируют *хан* (т.е. Ахмад б. 'Али) и *илиг* (Наср б. 'Али), в поле об.ст. — *'Абд ал-Малик б. Нух*, саманидский амир, который именно в 389/999 г. был схвачен занявшим Бухару Насром и заточен [Бартольд, 1963, с. 329]. На одном из фалсов Бухары 390/999–1000 г. одновременно названы *илиг* (поле л.ст.) и *Исма'ил б. Нух* (поле об.ст.). Саманид Исма'ил, прозванный ал-Мунтасиром, бежал от Насра б. 'Али из плена и в течение нескольких лет вел с ним борьбу, в ходе которой захватил на время Бухару, где в том же 390 г. чеканил фалсы только от своего имени [Бартольд, 1963, с. 330–331]. В свете изложенных выше фактов сопряжения разновременных и разногородних штемпелей наиболее правдоподобно предположить, что сочетания саманидских и караханидских штампов образовались по ошибке, недосмотру и т.д. В то же время нельзя категорически исключать возможность того, что сочетания эти законные, санкционированы властью и отражают некие попытки достичь компромисса между Саманидами и завоевате-

лями. На возможность подобного компромисса намекает рассказ об илиге Насре, объявившем в 389/999 г., будто он идет на Бухару только как друг и защитник Саманидов [Бартольд, 1963, с. 329]. Ошибочность, несанкционированность таких сочетаний могла бы быть однозначно доказана при условии, если бы были обнаружены «чисто караханидские» фалсы, чеканенные теми же самыми аверсными штампами.

Другим источником недостоверной информации могут стать ошибки в надписях, допущенные по небрежности, невнимательности, из-за неточного расчета места в круговой легенде и т.д. Иногда такие ошибки встречаются в датах. Так, датой дирхамов Кутлуг Орду/Дабусийи и некоторых дирхамов Шаша назван 414 г.х., некоторых узгендских дирхамов — 418 г.х., но упоминание на всех этих монетах ал-Ка'има, ставшего халифом в 422 г.х., позволяет исправить ошибки: должно быть соответственно 424/1032–33 и 428/1036–37 гг. Битый в Хутлуг Орду фалс, на котором упомянут Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла Табгач-хан, несет дату 415 г.х., и под этим годом его издал Х.М. Френ [1826, с. 133, № 43], однако такая титулатура помещалась на монетах Мавара'аннахра только в 423–426 гг.х., а значит, дата недостоверна — здесь должно быть 425/1023–24 г.

Гораздо сложнее случай с фалсами Самарканда, которые на одной и той же стороне несут надпись *Йусуф б. Али илиг* и дату, воспроизведенную не полностью: «девять и десять» или просто «девять». Поскольку чекан Йусуфа б. 'Али приходится на V в.х., наиболее правдоподобным вариантом реконструкции даты представляется на первый взгляд 419 г.х. Такая реконструкция побудила нас заключить, что уже в 419 г.х. Йусуф был Арслан-илигом, а его отец, 'Али б. Хасан, соответственно должен был быть ханом. Однако, как показало дальнейшее изучение монет, битых в центральном Мавара'аннахре после 405/1024–25 г., титул *илиг/Арслан-илиг* до 422/1030–31 г. включительно принадлежал 'Али б. Хасану и только после его смерти в 426/1034–35 г. перешел к Йусуфу. Поэтому имеются все основания сделать вывод, что дата, помещенная на рассматриваемых фалсах Самарканда (تسع / تسع عشر / تسع وعشر), есть в разной степени незавершенный 429 г. (تسع وعشرين وأربعمائة).

В отдельных случаях обнаружить ошибку в дате бывает еще труднее. Нами опубликован фалс Илака с упоминанием Мухаммада б. 'Али и Эрташа (*Ирташ*) и с датой, которая читается однозначно — «четыреста». Воспринятая как объективный документ, монета эта была сочтена свидетельством того, что Мухаммад б. 'Али получил Илак раньше и при иных обстоятельствах, чем казалось прежде [Кочнев, 1979, с. 126]. Впоследствии был выявлен илакский фалс 405/1014–15 г., который не только содержанием и взаиморасположением надписей, но и оформлением подобен предыдущему, отличаясь от него лишь датой. Столь полная типовая близость возможна только при условии, если оба фалса биты в одном году или их даты — соседние. В этом убеждает наличие илакских фалсов 403–404/1012–14 гг. пяти совершенно других «видов», а также проставление на фалсах с датой 400 г.х., в одной круговой легенде с именем Мухаммада б. 'Али, титула *илиг*, который, как теперь установлено, появляется в чекане Мухаммада не ранее 403/1012–13 г. Следовательно, на фалсах с датой 400 г.х. пропущено слово единиц — «четыре», «пять» или «шесть». Наиболее вероятным представляется первый вариант: мастер, начав воспроизводить слово «четыре», закончил его как «четыреста» — психологически ошибка вполне понятная. Отсюда очевидно, что илакский фалс, годом выпуска которого в надписи назван 400 г.х., на самом деле чеканен в 404 г.х.

Аналогичное явление демонстрирует шашский дирхам с датой 400 г.х. Упомянутые на нем *Ахмад б. 'Али и Йусуф* [б. 'Абдаллах] фигурируют на шашских монетах 403–405/1012–15 гг., почему дата 400 г.х., отчасти заполняющая лауну в шашском чекане Йусуфа между 397–402/1006–12 гг., не вызвала подозрения ни у М.Н. Федорова [1972б, с. 145, 152], ни у автора этих строк. Отсутствие имени Йусуфа на других дирхамах Шаша 400/1009–10, а также 399/1008–09 и 401/1010–11 гг. (на них фигурируют *Ахмад б. 'Али и Тонга-тегин Мухаммад б. ал-Хасан*) было объяснено тем, что разные монеты одного денежного двора и года могут отражать разные уровни иерархии [Кочнев, 1984, с. 115–116]. Однако тщательное сопоставление обсуждаемого дирхама с другими серебряными монетами Шаша начала XI в. не только с точки зрения того, кто упомянут, но и по всем другим показателям, вынуждает признать дату этой монеты недостоверной. Действительно, фор-

ма и место упоминания на ней и сюзерена, и вассала (Йусуфа) совпадают с таковыми на монетах 403–405/1012–15, но не 399–401/1008–11 гг. На рассматриваемом дирхаме с датой 400 г.х., как и на дирхамах 404–405/1013–15 гг., помещено изображение меча, тогда как на однотипных дирхамах 399 и 400/1008–10 гг. воспроизведен лук. При многих принципиальных отличиях от всех других монет 400 г.х., разбираемый дирхам обнаруживает полное сходство с монетами 404 г.х. — вплоть до одинаковой разбивки по строкам легенд реверсного поля и вертикальной позиции последнего в этом поле слова. Поэтому есть все основания и здесь видеть ту же ошибку, что и на илакском фалсе, а подлинной датой обдуманного шашского дирхама считать не 400, а 404/1013–14 г.

Подобная «описка» засвидетельствована и в саманидском чекане. Нами опубликован фалс Насрабада с датой 305 г.х., но составом и взаиморасположением легенд он не отличается от насрабадских фалсов 336–342 гг.х., почему дата его должна быть восстановлена как 335 г.х. Очевидно, мастер, начав воспроизводить слово «тридцать» завершил его как «триста» [Кочнев, 1978, с. 121–122], т.е. допустил ошибку, аналогичную тем, что сделаны караханидскими мастерами начала XI в. в Илаке и Шаше. Возможность таких «описок» должна в дальнейшем учитываться, причем, конечно, при изучении не только караханидских монет. Обнаружить подобные ошибки позволяет классификация монет, сопоставление имен, титулатуры и пр.

Существенные ошибки встречаются и в надписях с упоминанием правителей. Так, круговая легенда некоторых фалсов Ферганы 385–386/995–996 гг., называя Насра б. 'Али *Бу-л-Хасан амир ал-му'минин*, т.е. «амир верующих», по существу приравнивает его к халифу, хотя сам Наср таких немислимых претензий, конечно, не имел; как показывают надписи других ферганских фалсов тех же лет, он именовал себя, как и положено, *мавла амир ал-му'минин* «клиент амира верующих», но первое слово иногда выпадало. В круговой легенде фалсов Ферганы 398/1007–08 г. встречается сочетание *Насир ал-хакк Наср кара-хакан*, фалсов Согда 404/1013–14 г. — *Кутб ад-давла Наср*. Зная лишь эти экземпляры, можно было бы приписать Насру лакабы *Насир ал-хакк* и *Кутб ад-давла*, но, к счастью, известны аналогичные мо-

неты с легендами без ошибок, показывающие, что вместо *Наср* в первом случае должно быть *Абу Наср*, во втором — *Наср ал-милла*. Возможность подобных ошибок необходимо учитывать, чтобы избежать неверной идентификации монетной титулатуры.

Подобным же образом нетрудно выявить и некоторые другие ошибки, когда вместо *Кадыр-хан малик ал-Маширик* начертано *Кадыр ал-Маширик* (фалсы Ахсиката 419/1028 г.), вместо *Арслан-илиг* — просто *Арслан* (фалсы Бухары 390/999–1000 г. и Кутлуг Орду 427/1035–36 г.), вместо *Тонга-тегин* — *Тонга* (ферганские фалсы 387–388/997–998 г.). Более трудный случай демонстрируют некоторые самаркандские фалсы 429/1037–38 г. На них круговая легенда завершается сочетанием *Йусуф б. Тафгач/Табгач*, последнее слово которого принято понимать как титул [Фасмер, 1930, с. 57–58; Федоров, 1974, с. 175]. Слово это при упоминании лиц некараханидского происхождения могло использоваться изолированно, в качестве имени: в конце XII в. фигурирует хорезмийский амир Тамгач [Буниатов, 1986, с. 52], в начале XIII в. — Тамгач-хатун, дочь последнего карахытайского гурхана [Бартольд, 1963, с. 432]. Однако приведенные выше примеры с пропуском компонентов *хан* или *тегин*, а также другие фалсы Самарканда 429 г.х. с сочетанием *Йусуф б.* <...> подсказывают, что выявленные самаркандские фалсы 429 г.х. донесли незавершенное упоминание Йусуфа, полная же форма должна быть *Йусуф б. Тафгач, Табгач-хан*. Иными словами, титул отца Йусуфа был не *Табгач*, а *Табгач-хан*, действительно помещавшийся на монетах 'Али б. Хасана. Равным образом, сочетание *Кылыч Арслан*, проставленное в поле одного из дирхамов 3-й четверти XII в. — это не тюркское имя (как, например, у Сельджукидов Рума), а незаконченный титул *Кылыч Арслан-хан*, известный по другим караханидским монетам. Отчасти из-за подобных ошибок в работах по караханидской нумизматике встречаются неточные формулировки типа «титул Тафгач», «титул Тогрул», «имя Кадыр» и т.д., хотя в чекане Караханидов эти слова всегда образуют неразрывные сочетания с титулами *хан, тегин* и пр. (*Тафгач-хан, Кадыр-хан, Тогрыл-тегин* и т.п.). Правда, Р. Фасмер [1930, с. 96] упоминает дирхам Тараза 432 г.х. с изолированным словом *Бугра*, а М.Н. Федоров [1974, с. 159] — тункатский дирхам 408 г.х. со словом *Джагры* (т.е. *Чагры*), но в обоих случаях не учтены компоненты титулов, переданные уйгурским письмом: в

первом — *хан*, во втором — *тегин*. В публикации Беловодских кладов фигурируют сочетания *Бугра-хакан б. Кадыр* и *Йинал б. Тиган-тегин* [Кочнев, Федоров, с. 189, 191], однако благодаря другим аналогичным экземплярам лучшей сохранности, выявленным позднее, стала ясной ошибочность такого прочтения. Наконец, Ибн ал-Асир [1973, с. 63] одного из Караханидов называет *Тогрыл б. Йинал*, но надо иметь в виду, что автор этот, не будучи караханидским историографом, получал информацию из вторых и третьих рук и едва ли был знаком с тонкостями караханидской официальной титулатуры, которая отражена в монетных надписях.

Ошибки на караханидских монетах, искажающие исходную информацию, разумеется, составляли, не правило а исключение. Тем не менее, чтобы самому не впасть в ошибку, исследователю не следует игнорировать возможность их наличия, а неочевидные ошибки необходимо выявлять и «устранять» всеми доступными методами, включая охарактеризованные выше. С другой стороны, к нумизматике приложима текстологическая аксиома, сформулированная И.И. Цукерманом [1969, с. 68] так: «Во всяком случае целесообразно опираться на презумпцию правильности текста, и любые представления об ошибках и непоследовательностях должны быть строго обоснованы». Напоминать об этом приходится потому, что, например, в работах М.Н. Федорова, как справедливо отметила Е.А. Давидович [1985, с. 101, прим. 24], прослеживается опасная тенденция объяснять ошибкой, «безграмотностью» мастера случаи, когда нумизматические факты противоречат предлагаемой гипотезе.

ГЛАВА 3

АТТРИБУЦИЯ МОНЕТНЫХ ИМЕН И ТИТУЛАТУРЫ

Единый Караханидский каганат

«АЛИДЫ»

Вопреки мнению Е.А. Давидович [1978, с. 82], никаких следов эпонима «Алидов», Али б. Мусы, в караханидском чекане не обнаруживается [Кочнев, 1983а, с. 210 сл.]. Первым эмитентом из его потомков явился его старший сын Ахмад.

Ахмад б. Али б. Муса

Фалс Ферганы 384 г.х., об.ст.: *ал-хакан ал-музаффар Ахмад б. Али*. Фалс Илака 386 г.х., поле об.ст.: *ал-малик ал-музаффар карахакан*. Фалс Ферганы 387 г.х., поле об.ст.: *Тонга-хан Ахмад б. Али*. Фалс Илака 388 г.х., круговая легенда об.ст.: *ал-Му'аййид ал-'адл Ахмад б. Али*. Фалс Худжанда 390 г.х., круговая легенда л.ст.: *Насир ал-хакк Абу Наср кара-хакан*. Дирхам Куз Орду 394 г.х., об.ст.: *Насир ал-хакк Ахмад б. Али кара-хакан Кутб ад-давла*. Дирхам Орду 394 г.х., поле об.ст.: *Насир ал-хакк ва-Сайф ад-давла Ахмад б. Али*. Дирхам Куз Орду 397 г.х., поле об.ст.: *Наср ал-милла Ах-*

мад б. 'Али. Фалс Шаша 403 г.х., круговая легенда об.ст.: *Ахмад б. 'Али мавла амир ал-му'минин*. Фалс Шаша 403 г.х., круговая легенда об.ст.: *Тонга кара-хакан*. Дирхам Шаша 405 г.х., поле об.ст.: *Насир ал-хакк хан Аби-л-Музаффар Ахмад б. Али*.

1. Абу/Аби Наср. 2. Аби-л-Музаффар. 3. Тонга-хан/кара-хакан. 4. Кара-хакан. 5. Мавла амир ал-му'минин. 6. Кутб ад-давла. 7. Сайф ад-давла. 8. Наср ал-милла. 9. Насир ал-хакк. 10. ал-Му'аййид ал-'адл.

Наср б. 'Али

Фалс Ферганы 384 г.х., круговая легенда об.ст.: *ал-Му'аййид ал-'адл Наср б. 'Али мавла амир ал-му'минин*. Фалс Худжанда 384 г.х., круговая легенда об.ст.: *Абу-л-Хасан Наср б. 'Али*. Фалс Ферганы 386 г.х., круговая легенда об.ст.: *ал-Му'аййид ал-'адл Вали ад-давла(?) Тонга-тегин*. Фалс Бухары 390 г.х., поле об.ст.: *Арслан-илиг Му'аййид ал-'адл*.

1. Абу-л-Хасан. 2. Тонга-тегин. 3. Арслан-илиг. 4. Мавла амир ал-му'минин. 5. Вали ад-давла(?). 6. [ал]-Му'аййид ал-'адл.

Мансур б. 'Али

Дирхам Хафтдиха 395 г.х., л.ст.: *Йинал-тегин Сирадж ад-давла*. Дирхам Худжанда 403 г.х., об.ст.: *Шамс ад-давла илиг*. Дирхам Шаша 406 г.х., об.ст.: *Шамс ад-давла Мансур б. 'Али*. Дирхам Куз Орду 410 г.х., поле об.ст.: *Нур ад-давла Шамс ал-милла*; круговая легенда: *'Умдат ад-дин Арслан кара-хакан Абу-л-Музаффар Мансур б. 'Али мавла амир ал-му'минин*.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Йинал-тегин. 3. Илиг. 4. Арслан-хан/кара-хакан. 5. Мавла амир ал-му'минин. 6. Сирадж ад-давла. 7. Шамс ад-давла. 8. Нур ад-давла. 9. Шамс ал-милла. 10. 'Умдат ад-дин.

Из приведенных комбинаций очевидна принадлежность всех элементов титулатуры, кроме сочетания *Йинал-тегин Сирадж ад-давла*. Мансуру б. 'Али его приписал О. Прицак [1950, с. 211–216] на следующем основании. По смерти Насра б. 'Али (403 г.х.) произошли очередные передвижки в иерархии, в ходе которых илигом должен был стать тот, кто носил титул одним рангом ниже, т.е. *Йинал-тегин*. Титул *илиг* перешел от Насра к Мансуру, который и был до того илигом.

Мухаммад б. 'Али

Фалс Илака 387 г.х., поле об.ст.: *Йаган-тегин*. Фалс Илака 387 г.х., круговая легенда об.ст.: *Мухаммад б. 'Али*. Дирхам Тараза 400 г.х., круговая легенда об.ст.: *Саха' ад-давла Арслан-тегин*. Дирхам Худжанда 403 г.х., об.ст.: *Сана' ад-давла Арслан-тегин или Йинал-тегин*. Фалс Илака 404 г.х., круговая легенда об.ст.: *Мухаммад б. 'Али Йинал-тегин*. Фалс Илака 404 г.х., поле об.ст.: *Сана' ад-давла илиг*. Дирхам Тараза 410 г.х., круговая легенда об.ст.: *Аби Мансур Мухаммад б. 'Али*. Дирхам Тараза 415 г.х., поле об.ст.: *Мухаммад б. 'Али илиг*.

1. Аби Мансур. 2. Йаган-тегин. 3. Арслан-тегин. 4. Йинал-тегин. 5. Илиг. 6. Саха' ад-давла. 7. Сана' ад-давла.

Итак, Мухаммад — сперва Йаган-тегин (до 388 г.х.), потом Арслан-тегин (388–403 г.х.), затем Йинал-тегин (403 г.х.) и, наконец, илиг (403–415 г.х.). После смерти старшего брата Мансура (415 г.х.) именно он должен был стать ханом, но, очевидно, погиб в борьбе с «Хасанидами». В целом нумизматические данные блестяще подтверждают идею О. Прицака [1950, с. 214–215] о соответствии четырех княжеских титулов определенному месту в династийной иерархии.

Аба/Ба Салих (б. 'Али? б. Муса?)

Фалс Илака, 388 г.х.: поле об.ст.: *тегин Аба Салих*; фалс Илака, 388 г.х.: *ал-Му'аййид ал-'адл Ба Салих*.

1. Тегин. 2. ал-Му'аййид ал-'адл.

Поскольку такой лакаб был и у Насра б. 'Али, и у Ахмада б. 'Али, и у нескольких поколений «'Алидов», вполне вероятно, что Аба/Ба Салих был пятым сыном 'Али б. Мусы, но рано умер (известен только по фалсам Илака 388–389/998–99 гг.) и остался неизвестен авторам рукописных источников.

Ахмад б. Мухаммад б. 'Али

Фалс Усрушаны 408 г.х., круговая легенда л.ст.: *Атим-тегин Ахмад б. илиг*; круговая легенда об.ст.: *Абу-л-'Аббас Атим-тегин*. Дирхам Будухката около 410 г.х., поле об.ст.: *Абу-л-Хасан Атим-тегин*. Дирхам Испиджаба 411 г.х., поле об.ст.: *Насир ад-давла Атим-те-*

гин. Дирхамы Тараза 405, 406, 412 г.г., поле л. или об.ст.: *ал-Хасса* или *Ахмад ал-Хасса*. Дирхамы Тараза 408-412 г.г.: *Эл-өгä*.

1. Абу-л-‘Аббас. 2. Абу-л-Хасан. 3. Агим-тегин. 4. Эл-өгä. 5. Насир ад-давла. 6. ал-Хасса.

Мухаммад б. Наср б. ‘Али

Из рукописных источников известно, что одним из двух сыновей Насра б. ‘Али был ‘Айн ад-давла Мухаммад б. Наср. Второе его имя, *Маликан*, и прочие элементы титулатуры открывают монеты. Дирхам Ахсиката 415 г.г., поле л.ст.: *‘Айн ад-давла Маликан*. Дирхам Узгенда 416 г.г., поле л.ст.: *Сайф ад-давла*; поле об.ст.: *Күч-тегин*. Дирхам Узгенда 416 г.г., поле л.ст.: *‘Адуд ад-давла*; поле об.ст.: *Күч-тегин*. Город?, 421(?) г.г., поле л.ст.: *‘Айн ад-давла*; поле об.ст.: *Күч-тегин*. Дирхам Узгенда 424 г.г., поле об.ст.: *ал-Му’аййид ал-‘адл Күч-тегин*.

1. Күч-тегин. 2. ‘Айн ад-давла. 3. ‘Адуд ад-давла. 4. Сайф ад-давла. 5. ал-Му’аййид ал-‘адл.

‘Аббас (Малик) б. Мухаммад б. Наср

На монетах Ахсиката и Касана 415–433 г.г. часты сочетания *Му’изз ад-давла Малик*, *Му’изз ад-давла Абу-л-Музаффар Малик*, *Малик б. Маликан*, *Малик б. Сайф ад-давла*. Дирхам Ахсиката 434 г.г., поле об.ст.: *Му’изз ад-давла*, *Абу-л-Фадл ал-‘Аббас*.

1. Абу-л-Фадл. 2. Абу-л-Музаффар. 3. Му’изз ад-давла.

«ХАСАНИДЫ»

Харун/Хасан б. Сулайман

Под 435 г.г. Ибн ал-Асир рассказывает о Тоган-хане, брате Кадыр-хана Йусуфа, сыне Бугра-хана Харуна. По Джамалу ал-Карши, отцом Харуна был Сулайман [Прицак, 1950, с. 25–26]. Монеты называют Тоган-хана Мухаммадом б. ал-Хасаном. Стало быть, отец его имел два имени — Харун и ал-Хасан. Согласно Бируни и Ибн ал-Асиру, у Бугра-хана Харуна был лакаб *Шихаб ад-давла*. Дирхам Ферганы 381 г.г. открывает прочую его титулатуру: *малик ал-Маширик Шихаб ад-давла ва-Захир ад-да‘ва Абу Муса Турк-хакан*.

1. Абу Муса. 2. Турк-хакан. 3. Шихаб ад-давла. 4. Захир ад-да‘ва. 5. Малик ал-Маширик.

Йусуф б. Харун

Большинство элементов его титулатуры обнаруживается на монетах. Дирхам Кашгара 400 г.г.: *Насир ад-давла Кадыр-хан*. Дирхам Кашгара 409 г.г.: *Насир ад-дин Кадыр-хан малик ал-Маширик Йусуф*. Дирхам Узгенда 407 г.г.: *Насир ал-хакк ва-д-дин малик ал-Маширик ва-с-Син*.

1. Кадыр-хан. 2. Насир ад-давла. 3. Насир ад-дин. 4. Насир ал-хакк ва-д-дин. 5. Малик ал-Маширик. 6. Малик ал-Маширик ва-с-Син.

Мухаммад б. Хасан

Дирхам Шаша 399 г.г.: *Низам ад-давла Абу-л-Музаффар Тонга-тегин*. Дирхам Самарканда 401 г.г.: *Низам ад-давла Абу-л-Музаффар Мухаммад б. ал-Хасан*. Фалс Самарканда 412 г.г.: *Низам ад-давла Йинал-тегин*. Фалс Согда 416 г.г.: *малик ал-Маширик Тонга хан Мухаммад б. ал-Хасан*. Дирхам Тунката 415 г.г.: *Насир ал-хакк илиг Баха’ ад-давла*. Поскольку титул *илиг* и лакаб *Баха’ ад-давла* были у ‘Али б. Хасана, ясно, что второй лакаб относится к его сюзерену, Тоган-хану Мухаммаду.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Тонга-тегин. 3. Йинал-тегин. 4. Тоган/Тонга-хан. 5. Низам ад-давла. 6. Малик ал-Маширик. 7. Насир ал-хакк.

‘Али б. Хасан

Дирхам Шаша 410 г.г., л.ст.: *‘Али*; об.ст. *Тонга-өгä*. Дирхам Бухары 415 г.г.: *Баха’ ад-давла Йанга-тегин*. Дирхам Бухары 415 г.г.: *Абу-л-Музаффар илиг*. Дирхам Шаша 415 г.г.: *илиг ‘Али б. ал-Хасан* или *илиг Баха’ ад-давла*. Фалс Иштихана 421 г.г.: *илиг Кылыч-өгä*. Фалс Согда 421 г.г.: *ал-малик ал-музаффар ‘Али б. ал-Хасан таркан*. Фалс Согда 421 г.г.: *Абу-л-Хасан ‘Али б. ал-Хасан*. Фалс Согда 423 г.г.: *ал-малик ал-музаффар Арслан-илиг*. Дирхам Хутлуг Орду 423 г.г., круговая легенда об.ст.: *Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла ва-‘Уддат ад-дин ‘Али б. ал-Хасан*; поле об.ст.: *Табгач Бугра кара-хакан ‘Али*.

1. Абу-л-Хасан. 2. Абу-л-Музаффар. 3. Тонга-өгä. 4. Йаган-тегин. 5. Арслан-илиг. 6. Таркан. 7. Кылыч-өгä. 8. Табгач Бугра кара-

хакан. 9. Баха' ад-давла. 10. Кутб ад-давла. 11. Наср ал-милла. 12. Уддат ад-дин.

Йусуф б. 'Али б. Хасан

Фалс Согда 423 г.х.: *Шамс ад-давла Арслан-тегин* или *Шамс ад-давла Йусуф б. 'Али*. Дирхам Бухары 429 г.х.: *ал-Му'аййид ал-'адл Арслан-илиг Йусуф б. 'Али*.

1. Арслан-тегин. 2. Арслан-илиг. 3. Шамс ад-давла. 4. ал-Му'аййид ал-'адл.

Сулайман б. Харун

Само существование этого правителя установлено исключительно по монетам. Дирхам Худжанда 423 г.х.: *Рукн ад-давла*. Дирхам Хуканда 423 г.х.: *Арслан-тегин*. Дирхам Узгенда 425 г.х.: *Насир ал-хакк Кадыр-хан*. Фалс Узгенда 425 г.х., поле л.ст.: *Кадыр-хакан*; об.ст., круговая легенда: *Сулайман б. Шихаб ад-давла* (=Харун).

1. Арслан-тегин. 2. Кадыр-хан/хакан. 3. Рукн ад-давла. 4. Насир ал-хакк.

Бакр б. ал-Хасан

Фалс Илака 393 г.х.: *Аби Са'ид Бакр б. ал-Хасан*.

Западный каганат

Ибрахим б. Наср б. 'Али

Дирхамы Илака 408-411 г.х.: *Бөри-тегин*. Дирхам Худжанда 428 г.х.: *Фахр ад-давла*. Дирхам неустановленного монетного двора, до 432 г.х., поле л.ст.: *Фахр ад-давла*; поле об.ст.: *Насир ад-давла Бөри-тегин*. Дирхам Киша 431 г.х.: *ал-Му'аййид ал-'адл хан*. Фалс Согда 432 г.х., круговая легенда об.ст.: *ал-хан ал-аджалл Аба Исхак Ибрахим б. Наср*. Дирхам Бухары 433 г.х., поле об.ст.: *Табгач/Табгач Бугра кара-хакан Ибрахим б. Наср*. Дирхам Самарканда 438 г.х.: *'Имад ад-давла ва-Тадж ал-милла Сайф халифат Аллах Табгач-хан Ибрахим*. Дирхам Самарканда 458 г.х., поле об.ст.: *'Изз ал-умма ва-Кахф ал-муслимин ал-Му'аййид ал-'адл малик ал-Маширик ва-с-Син Табгач-хан Ибрахим*.

1. Аба Исхак. 2. Бөри-тегин. 3. Табгач/Табгач Бугра кара-хакан. 4. Фахр ад-давла. 5. Насир ад-давла. 6. 'Имад ад-давла. 7. Тадж ал-милла. 8. 'Изз ал-умма. 9. Кахф ал-муслимин. 10. Сайф халифат Аллах. 11. ал-Му'аййид ал-'адл. 12. Малик ал-Маширик ва-с-Син.

Шу'айс б. Ибрахим б. Наср

Дирхам Тунката 454 г.х.: *Йамин ад-давла Абу-л-Музаффар Йаган-тегин Шу'айс Ибрахим* (так!). Дирхам Бухары 461 г.х.: *Тоган-хан* (по Ибн ал-Асиру, этот титул принадлежал восставшему против Насра б. Ибрахима Шу'айсу).

1. Абу-л-Музаффар. 2. Йаган-тегин. 3. Тоган-хан. 4. Йамин ад-давла.

Наср б. Ибрахим б. Наср

Дирхам Бухары 461 г.х.; поле л.ст.: *Султан аш-Шарк ва-с-Син*; поле об.ст.: *Шамс ал-мулк Насир ал-хакк ва-д-дин*. Дирхам Бухары 464 г.х.: *Насир ал-хакк ва-д-дин Абу/Аби-л-Хасан Наср*. Дирхам Бухары 464 г.х.: *Шамс ал-мулк Султан Ард аш-Шарк*.

1. Абу/Аби-л-Хасан. 2. Шамс ал-мулк. 3. Насир ал-хакк ва-д-дин. 4. Султан аш-Шарк ва-с-Син. 5. Султан Ард аш-Шарк.

Давуд б. Ибрахим б. Наср

Упомянутый в рукописных источниках Давуд б. Ибрахим известен по дирхамам Узгенда 458-460 г.х. как *Давуд Күч-тегин*.

'Али

На дирхамах Бухары фигурирует не известный ближе *Фахр(?) ад-давла ва-Наср ал-милла Тоган-хан 'Али*.

1. Тоган-хан. 2. Фахр(?) ад-давла. 3. Наср ал-милла.

Хидр (Хызр) б. Ибрахим б. Наср

Дирхам Узгенда 473 г.х.: *Тамгач-хан* (поле об.ст.), *Бурхан ад-давла* (поле л.ст.). Дирхам Бухары 473 г.: *'Изз ад-давла ва-Наср ал-милла Табгач-хан*.

1. Табгач/Тамгач-хан. 2. Бурхан ад-давла. 3. 'Изз ад-давла. 4. Наср ал-милла.

Ахмад б. Хидр б. Ибрахим

Дирхам с несохранившимися выпускными сведениями: *ал-Му'аййид ал-'адл 'Имад ад-давла Сайф халифат Аллах Ахмад*. Дирхам с несохранившимися выпускными сведениями: *ас-султан ... Ахмад*.

1. 'Имад ад-давла. 2. Сайф халифат Аллах. 3. ал-Му'аййид ал-'адл.

Мухаммад б. Ибрахим б. Наср

Динар Самарканда 482 г.х.: *ал-Му'аййид ал-'адл 'Имад ад-давла ва-Тадж ал-милла Арслан-хан*. Динар Самарканда не установленного года: *ал-Му'аййид ал-'адл Кылыч Арслан-хан Мухаммад*.

1. Арслан-хан. 2. Кылыч Арслан-хан. 3. 'Имад ад-давла. 4. Тадж ал-милла. 5. ал-Му'аййид ал-'адл.

Хасан б. 'Али

Все известные его монеты утратили выпускные сведения. На них засвидетельствован только один титул — *Кара-хан*.

Махмуд б. Мухаммад

На его монетах, атрибуция которых аргументирована нами [Кочнев, 1997, с.298], зафиксированы лакабы:

1. 'Ала' ад-давла. 2. Насир ад-дин. 3. Нусрат ал-хакк ва-д-дин. 4. Пахлаван аш-Шарк.

Ибрахим б. Мухаммад

На дирхамах с утраченными выпускными сведениями он назван *Рукн ад-дунья ва-д-дин Абу-л-Музаффар Ибрахим б. Мухаммад*, на фалсах — *Ибрахим Тафгач-хакан*.

1. Тафгач-хакан. 2. Абу-л-Музаффар. 3. Рукн ад-дунья ва-д-дин.

Махмуд б. Хусайн

Дирхам Самарканда 552 г.х.: *Кадыр Тоган-хан Махмуд б. ал-Хусайн*. Динар с несохранившимися выпускными сведениями — *Джалал ад-дунья ва-д-дин Абу-л-Музаффар Махмуд б. ал-Хусайн*.

1. Кадыр Тоган-хан. 2. Абу-л-Музаффар. 3. Джалал ад-дунья ва-д-дин.

Мас'уд б. Хасан

Фалс Самарканда 562 г.х., поле л.ст.: *Рукн ад-дунья ва-д-дин*; поле об.ст.: *Абу-л-Музаффар Кылыч Тафгач-хан*.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Кылыч Тафгач-хан. 3. Рукн ад-дунья ва-д-дин.

Мухаммад б. Мас'уд

Динар Самарканда 567 г.х.: *Гийас ад-дунья ва-д-дин Мухаммад б. Мас'уд*. Динар Самарканда 571 г.х.: *Рукн ад-дунья ва-д-дин Абу-л-Музаффар Эгдиш Тафгач-хан/хакан Мухаммад*. Дирхам Самарканда 572 г.х.: *Кылыч Тафгач-хан Абу-л-Музаффар Мухаммад Гийас ад-дунья ва-д-дин*.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Кылыч Тафгач-хан. 3. Эгдиш Тафгач-хан/хакан. 4. Рукн ад-дунья ва-д-дин. 5. Гийас ад-дунья ва-д-дин.

'Абд ал-Халик б. Хусайн

Дирхам Самарканда 574 г.х.: *Кутлуг Билгä-хан Абу-л-Музаффар 'Абд ал-Халик Гийас ад-дунья ва-д-дин*.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Кутлуг Билгä-хан. 3. Гийас ад-дунья ва-д-дин.

Ибрахим б. Хусайн

Фалс Самарканда 576 г.х., поле об.ст.: *Ибрахим Арслан-хакан*, круговая легенда: *Нусрат ад-дунья ва-д-дин*. Дирхам Самарканда 582 г.х.: *Нусрат ад-дунья ва-д-дин Ибрахим Күч Арслан-хан*. Дирхам Самарканда 585 г.х.: *Нусрат ад-дунья ва-д-дин Улуг султан ас-салатин Ибрахим б. ал-Хусайн*.

1. Арслан-хан/хакан. 2. Күч Арслан-хан. 3. Улуг султан ас-салатин. 4. Нусрат ад-дунья ва-д-дин.

'Усман б. Ибрахим

Динар Самарканда 599 г.х.: *Нусрат ад-дунья ва-д-дин 'Усман улуг султан ас-салатин*. Динар Самарканда 605 г.х.: *Нусрат ад-дунья ва-д-дин 'Усман б. Ибрахим*.

1. Улуг султан ас-салатин. 2. Нусрат ад-дунья ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ УЗДЖАНДА (УЗГЕНДА)

Хусайн б. Хасан

Дирхам без выпускных сведений, поле об.ст.: *Тогрыл-хан*; круговая легенда: *Джалал ад-дунья ва-д-дин ал-Хусайн*.

1. Тогрыл-хан. 2. Джалал ад-дунья ва-д-дин.

Ибрахим б. Хусайн

Дирхамы Узджанда между 559–574 г.х., поле об.ст.: *Ибрахим Арслан-хакан*; круговая легенда: *Нусрат ад-дунья ва-д-дин*. Дирхамы Узджанда 572 и 573 г.х., поле об.ст.: *Арслан-хан*.

1. Арслан-хан/хакан. 2. Нусрат ад-дунья ва-д-дин.

Ахмад б. Ибрахим

Дирхамы Узджанда между 574–607 гг.х., поле и/или круговая легенда об.ст.: *Джалал ад-дунья ва-д-дин улуг султан Кадыр-хан/хакан*.

1. Кадыр-хан/хакан. 2. Улуг султан. 3. Джалал ад-дунья ва-д-дин.

Махмуд б. Ахмад

На одних дирхамах Узджанда 607 или 609 и 608 гг.х. он *Джалал ад-дунья ва-д-дин Күч Арслан-хакан Махмуд б. Ахмад*, на других вместо *Джалал* — *Му'изз*.

1. Күч Арслан-хакан. 2. Джалал ад-дунья ва-д-дин. 3. Му'изз ад-дунья ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ КАСАНА

Наср б. Хусайн

Дирхам 564 г.х. без обозначения монетного двора: *Наср б. ал-Хусайн Тогрыл-хакан*.

Мухаммад б. Наср

Дирхам Касана 591 г.х.: *Джалал ад-дунья ва-д-дин Мухаммад Тогрыл-хан*.

1. Тогрыл-хан. 2. Джалал ад-дунья ва-д-дин.

Улуг Тогрыл-хан

Дирхам Касана 605 г.х.: *Му'изз ад-дунья ва-д-дин Улуг Тогрыл-хан*.

1. Улуг Тогрыл-хан. 2. Му'изз ад-дунья ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ МАРГИНАНА

Кутлуг Тоган-хакан

Дирхам 602 г.х.: *Хусам ад-дунья ва-д-дин Кутлуг Тоган-хакан*.

1. Кутлуг Тоган-хакан. 2. Хусам ад-дунья ва-д-дин.

Мухаммад б. Мухаммад

Дирхам после 602 г.х.: *Мухаммад б. Мухаммад Савинч Кутлуг Арслан-хакан*.

ВЛАДЕТЕЛИ БАНАКАТА

Кылыч-хан

Дирхам 578 г.х.: *Му'изз ад-дунья ва-д-дин шах Кылыч-хан*.

1. Шах Кылыч-хан. 2. Му'изз ад-дунья ва-д-дин.

Тафгач-хакан

Дирхамы 592–593 гг.х.: *Джалал ад-дунья ва-д-дин и Тафгач-хакан*.

1. Тафгач-хакан. 2. Джалал ад-дунья ва-д-дин.

Улуг Чагры-хан/хакан

Дирхам 598 или 599 г.х.: *Имад ад-дунья ва-д-дин Улуг Чагры-хан* или *Улуг Эгдиш Чагры-хан*.

1. Улуг Чагры-хакан. 2. Улуг Эгдиш Чагры-хан. 3. 'Имад ад-дунья ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ ПАРАБА

'Абд ал-Халик б. Хусайн

Дирхам до 574 г.х.: *Кутлуг Билгй-хакан*.

Хасан б. 'Абд ал-Халик

Дирхам 596 г.х., поле об.ст.: *Шамс ад-дунья ва-д-дин Кутлуг Билгй-хакан*; круговая легенда: *Хасан б. 'Абд ал-Халик*.

1. Кутлуг Билгä-хакан. 2. Шамс ад-дунйа ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ БАЛХА

Арслан-хан б. Мас'уд б. Хасан

Дирхам до 574 г.х.: *'Ала' ад-дунйа ва-д-дин Арслан-хан б. Кылыч Тафгач-хан.*

1. Арслан-хан. 2. 'Ала' ад-дунйа ва-д-дин.

Санджар б. Хасан

Дирхам 574 г.х.: *Му'изз ад-дунйа ва-д-дин Бу Наср Санджар б. ал-Хасан.* Дирхам 578 г.х.: *ас-Султан ал-а'зам Насир ад-дунйа ва-д-дин Санджар Тафгач-хан.* Дирхам 583 г.х.: *Санджар Кадыр Тафгач-хан.* Дирхам с несохранившимися выпускными сведениями: *Рукн ад-дунйа ва-д-дин Санджар.*

1. Тафгач-хан. 2. Кадыр Тафгач-хан. 3. Бу Наср. 4. Му'изз ад-дунйа ва-д-дин. 5. Насир ад-дунйа ва-д-дин. 6. Рукн ад-дунйа ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ ТИРМИЗА

Малик

Дирхам 574 г.х.: *Насир ад-дунйа ва-д-дин Малик Йаган-хан.*

1. Йаган-хан. 2. Насир ад-дунйа ва-д-дин.

Тогрыл-хакан

Дирхам после 574 г.х.: *Абу-л-Фатх Тогрыл-хакан.*

'Али б. Джа'фар

Динар между 588–602 гг.х.: *'Уддат ад-дунйа ва-д-дин Улуг Арслан-хакан Али б. Джа'фар.*

1. Улуг Арслан-хакан. 2. 'Уддат ад-дунйа ва-д-дин.

Махмуд б. Ибрахим б. Хусайн

Динар 604 г.: *Гийас ад-дунйа ва-д-дин Махмуд б. султан ас-салатин.*

ВЛАДЕТЕЛИ ВАХША

Абу Бакр (Каратуз) б. Йугруш(?)

Динар между 588–602 гг.х.: *малик ал-а'зам 'Имад ад-дунйа ва-д-дин Абу-л-Музаффар Абу Бакр б. Йугруш.* Динар 597 г.х.: *малик-шах ал-а'зам 'Имад ад-дунйа ва-д-дин Абу-л-Му'аййад Абу Бакр Каратуз.* Динар, год?: *'Имад ад-дунйа ва-д-дин Табгач-хан.* Динар, год?: *ас-султан ал-а'зам 'Имад ад-дунйа ва-д-дин Абу-л-Музаффар Абу Бакр.*

1. Каратуз. 2. Абу Бакр. 3. Абу-л-Музаффар. 4. Абу-л-Му'аййад. 5. Табгач-хан. 6. 'Имад ад-дунйа ва-д-дин.

Мухаммад б. Давлатшах

Динар, год?: ... *ал-хакк ва-д-дин Мухаммад б. Давлатшах.*

'Арабшах б. Аби Бакр

Динар 609 г.х.: *Джалал ад-дунйа ва-д-дин 'Арабшах б. Аби Бакр.*

ВЛАДЕТЕЛИ ЧАГАНИЙАНА

Арслан-хан

Дирхам, год?: *Арслан-хан.*

ВЛАДЕТЕЛИ ХУТТАЛАНА

Хасан(?) б. Хидр

Динар 576 г.х.: *Баха' ад-дунйа ва-д-дин Улуг Тафгач-хан.*

1. Улуг Тафгач-хан. 2. Баха' ад-дунйа ва-д-дин.

ВЛАДЕТЕЛИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ПРИАМУДАРЬИНСКИХ ХАНСТВ

Мухаммад

Дирхам между 566–575 гг.х.: *Насир ад-дунйа ва-д-дин Мухаммад б. Кутлуг Тафгач-хан.*

Хусрав-шах

Дирхам после 574 г.х.: *ал-хакан ал-а'зам Рукн ад-дунья ва-д-дин Хусрав-шах*.

ВЛАДЕТЕЛИ ПРОЧИХ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ХАНСТВ**Сулайман б. ал-Хасан**

Дирхам 2-й трети VI в.х.: *Сулайман б. ал-Хасан Йинал-хан*.

Арслан-хан

Дирхам между 566–575 гг.х.: *Имад ад-дунья ва-д-дин Арслан-хан/Кылыч Арслан-хан*.

1. Арслан-хан. 2. Кылыч Арслан-хан. *Имад ад-дунья ва-д-дин*.

Кылыч Билгä-хан

Дирхам между 555–575 гг.х.: *Гийас ад-дунья ва-д-дин Кылыч Билгä-хан*.

1. Кылыч Билгä-хан. 2. Гийас ад-дунья ва-д-дин.

Кутлуг Билгä-хан (возможно, тождествен предыдущему)

Дирхам между 566–575 гг.х.: *Гийас ад-дунья ва-д-дин Кутлуг Билгä-хан*.

1. Кутлуг Билгä-хан. 2. Гийас ад-дунья ва-д-дин.

Мухаммад

Дирхам 574 г.х.: *Мухаммад Бугра-хан Тадж ад-дунья ва-д-дин*.

1. Бугра-хан. 2. Тадж ад-дунья ва-д-дин.

Мухаммад

Дирхам до 599 г.х.: *Шамс ад-дунья ва-д-дин Кутлуг Билгä-хакан*.

1. Кутлуг Билгä-хакан. 2. Шамс ад-дунья ва-д-дин.

Кылыч Тогрыл-хан

Дирхам до 579 г.х.: *Кылыч Тогрыл-хан*.

Восточный каганат**Сулайман б. Йусуф б. Харун**

Дирхам Йарканда 406 г., л.ст.: *Хутлуг-өгä*. Дирхам Йарканда 415 г.х., л.ст.: *Чагры-тегин*; об.ст.: *Имад ад-давла*. Дирхам Йарканда 417 г.х., л.ст.: *Сулайман б. Йусуф*; об.ст.: *Чагры-тегин*. Дирхам Кашгара 423 г.х., л.ст.: *малик ал-Маширик*; об.ст.: *Арслан кара-хакан Абу Шуджа'*. Дирхам Кашгара 424 г.х., об.ст.: *Насир ад-давла Арслан кара-хакан*. Дирхам Кашгара 425 г.х., об.ст.: *Насир ад-дин Арслан кара-хакан*. Дирхам Кашгара 430 г.х., л.ст.: *малик ал-Маширик ва-с-Син*; об.ст.: *Арслан кара-хакан*. Дирхам Куз Орду 440 г.х., л.ст.: *Насир амир ал-му'минин*; об.ст.: *Изз ад-дин Шараф ад-давла амир ал-умара'*. Дирхам Худжанда 441 г.х., об.ст.: *Абу-л-Музаффар Арслан-хан*. Дирхам Куз Орду 442 г.х., об.ст.: *Шараф ад-давла Фахр ал-милла*.

1. Хутлуг-өгä. 2. Чагры-тегин. 3. Арслан-хан/кара-хакан. 4. Амир ал-умара'. 5. Абу Шуджа'. 6. Абу-л-Музаффар. 7. *Имад ад-давла*. 8. *Насир ад-давла*. 9. *Шараф ад-давла*. 10. *Фахр ал-милла*. 11. *Насир ад-дин*. 12. *Изз ад-дин*. 13. *Насир амир ал-му'минин*. 14. *Малик ал-Маширик*. 15. *Малик ал-Маширик ва-с-Син*.

Мухаммад/Джабра'ил б. Йусуф б. Харун

Как будет видно из надписей шашских монет, этот сын Йусуфа б. Хасана/Харуна, подобно деду, наряду с общемусульманским *Мухаммад* имел «библейское» имя *Джабра'ил*.

Дирхам Шаша 421 г.х., л.ст.: *Кавам ад-давла*; об.ст.: *Мухаммад б. Кадыр-хакан*. Фалс Шаша около 422 г.х., л.ст.: *ал-Музаффар Мухаммад*; об.ст.: *Мухаммад б. Кадыр-хакан*. Дирхам Шаша 425 г.х., л.ст.: *Султан ад-давла*; об.ст.: *Джабра'ил б. Кадыр-хакан*. Дирхам Шаша 427 г.х., л.ст.: *Кавам ад-давла*; об.ст.: *Бугра кара-хакан султан ад-давла*. Дирхам неустановленного монетного двора, около 447 г.х., об.ст.: *Бугра кара-хакан Сафи амир ал-му'минин*. Дирхам Узгенда 448 г.х., об.ст.: *ал-малик ал-ислам Бугра кара-хакан Зайн ад-дин*. Дирхам Барсхана 449 г.х., об.ст.: *Мушаййид ад-давла ва-Му'аййид-д ал-милла Вали халифат Аллах Бугра кара-хакан*.

1. Бугра кара-хакан. 2. Кавам ад-давла. 3. Султан ад-давла. 4. *Мушаййид ад-давла*. 5. *Му'аййид ал-милла*. 6. *Зайн ад-дин*. 7. *Вали хали-*

фат Аллах. 8. Сафи амир ал-му'минин. 9. ал-Малик ал-ислам. 10. Малик ал-Машрик. 11. ал-Музаффар.

Хусайн б. Мухаммад б. Йусуф

Дирхам Испиджаба(?) около 437 г.х., л.ст.: *Чагры-тегин*.

Ибрахим б. Мухаммад б. Йусуф

Дирхам Тараза 449 г.х., об.ст.: *Арслан-хакан Абу-л-Музаффар Ибрахим*. Дирхам Тараза 454 г.х., л.ст.: *малик ал-ислам*; об.ст.: *Арслан-хан Ибрахим*.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Арслан-хан/хакан. 3. Малик ал-ислам.

Ахмад б. Мухаммад б. Хасан

Дирхам Кубы 443 г.х., об.ст.: *Абу-л-Музаффар Арслан-тегин*. Дирхам Тунката 494 г.х., об.ст.: *Ахмад б. Мухаммад Арслан-тегин Сана' ад-давла*. Дирхам Барсхана 448 г.х., л.ст.: *Арслан-илиг мавла амир ал-му'минин*; об.ст.: *Шамс ад-давла*. Дирхам Уча 448 г.х., л.ст.: *малик ал-Машрик*; об.ст.: *Арслан-илиг*. Дирхам Барсхана 44х г.х., л.ст.: *Арслан-илиг Шамс ад-дин*.

1. Абу-л-Музаффар. 2. Арслан-тегин. 3. Арслан-илиг. 4. Мавла амир ал-му'минин. 5. Сана' ад-давла. 6. Шамс ад-давла. 7. Шамс ад-дин. 8. Малик ал-Машрик.

Айуб б. Сулайман б. Йусуф

Дирхам Куз Орду 454 г.х., об.ст.: *Бурхан ад-давла Айуб б. Сулайман*; л.ст.: *Насир амир ал-му'минин*. Дирхам Куз Орду, год?, об.ст.: *Бурхан ад-давла Арслан-тегин*.

1. Арслан-тегин. 2. Бурхан ад-давла.

Йусуф б. Сулайман б. Йусуф

Дирхам Маргинана 461 г.х., л.ст.: *Имад ад-давла*; об.ст.: *Тогрыл кара-хакан*. Дирхам Тараза 467 г.х., л.ст.: *Сафи амир ал-му'минин*; об.ст.: *Тогрыл кара-хакан*.

1. Тогрыл кара-хакан. 2. 'Имад ад-давла. 3. Сафи амир ал-му'минин.

'Умар б. Йусуф б. Сулайман

Дирхам Тунката 462(?) г.х., об.ст.: *Шараф ад-давла Тогрыл-тегин Зайн ад-дин*. Дирхам Шаша 462 г.х., л.ст.: *'Умар*; об.ст.: *Зайн ад-дин*.

1. Тогрыл-тегин. 2. Шараф ад-давла. 3. Зайн ад-дин.

Хасан б. Сулайман б. Йусуф

Дирхам Тараза 481 г.х., об.ст.: *Табгач/Тафгач-хакан Хасан*.

Ибрахим б. Ахмад б. Хасан б. Сулайман

Дирхам между 487–512 гг.х., об.ст.: *Табгач-хан Ибрахим*.

Джабра'ил б. 'Умар б. Йусуф

Фалс Бухары 494 г.х., об.ст.: *Табгач-хан Джабра'ил*

Мухаммад б. Ибрахим

Дирхам между 555–66 гг.х., об.ст.: *Арслан-хан Мухаммад*.

Йусуф б. Мухаммад

Дирхам Кашгара после 574 г.х., об.ст.: *Йусуф Арслан-хан*.

ГЛАВА 4

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА**

Как недавно удалось установить по монетам, Караханиды происходили из эгдишей/эдгишей, составлявших часть чигилей, которые входили в состав карлукской конфедерации [Кочнев, 1996, с. 352–357].

По мнению О.Прицака [1951, с. 270 сл.], поддержанному С.Г. Кляшторным [1970, с. 84], «первым Караханидом» был Күл Билгä-хан, провозглашенный государем в 840 г. О последующем столетии караханидской истории не известно фактически ничего. И это понятно. В рукописных источниках уцелели жалкие крохи разрозненных сведений, а монет Караханиды тогда определенно не чеканили. Правда, В.Н. Настич [1987, с. 52–53] назвал «протокараханидскими» весьма редкие литые бронзовые монеты с квадратным отверстием и расположенными по четырем его сторонам напоминающими китайские иероглифы словами, которые выполнены куфическим арабским письмом и из которых внятно читаются только *малик* и (с некоторым сомнением) *йнал*. Л.С. Баратова [1995, с. 12–13] включила эти монеты в «древнетюркские» в качестве «класса V», выделив 2

типа: оба она датирует ориентировочно X в., локализуя первый в Таразе, второй в Семиречье. К сожалению, так и не ясно, караханидские ли это монеты. Словом, для истории Караханидов это не источник.

Караханиды, владевшие территорией Тянь-Шаня и Притяньшанья, т.е. частью Восточного Туркестана и Семиречья, довольно рано столкнулись с Саманидами. В 280/893 г. Саманид Исма'ил б. Ахмад взял Тараз, победив карлукского царя по имени Табгаш/Табгач (типично караханидский титул), захватив его жену, 15 тыс. пленных и убив 10 тыс. воинов [Бартольд, 1963а, с. 282 и прим. 3]. В 349/960 г. Караханиды вместе со своими подданными, число которых достигало двухсот тысяч «шатров», приняли ислам [там же, с. 315–316]. Что же касается Саманидов, то, вероятно, еще в 942 г. они вернули Баласагун, взяв в плен сына хакана. Даже в конце X в. саманидский полководец выстроил рабат в Мирки, между Таразом и Баласагуном [там же, с. 317].

К этому времени держава Саманидов пришла в полное расстройство, а к югу от Амударьи хозяйничали всевластные наместники и военачальники, соперничавшие друг с другом. Этими неурядицами и воспользовался Караханид Бугра-хан Харун, заняв в 380/990 г. Испиджаб — пограничную область на северо-востоке Саманидской державы, а в 382/992 г. саманидскую столицу Бухару [Бартольд, 1963а, с. 318–320; 1964б, с. 507]. Впрочем, здесь он заболел, а через несколько месяцев вынужден был отступить и по дороге в Кашгар скончался.

Караханидское завоевание Ферганской долины ознаменовалось выпуском дирхама Ферганы 381/991–92 г. На нем упомянуты *Турк-хакан*, т.е. Харун б. Сулайман, и его наместник (*ал-халифа*) Арслан-тегин б. Улуг-тегин. Поскольку еще в 380 г.х. в ферганском городе Узгенде выпускались саманидские фалсы [Кочнев, 1988а, с. 193], область была потеряна Саманидами не ранее этого года. Вполне возможно, выпуск 381 г.х. был «победной» эмиссией, отметившей переход Ферганы под власть Караханидов. Столь же вероятно, что именно Арслан-тегин непосредственно участвовал в завоевании Ферганы.

На фалсах Илака 382/992 г. фигурирует другой вассал Бугра-хана — илакский дихкан Мансур б. Ахмад.

Наконец, в саманидской столице Бухаре в 382 г.х. были выпущены динары и дирхамы, на которых, кроме халифа, упомянут только Харун. Караханиды регулярно чеканили динары с середины XII в., для раннекараханидского же времени, помимо бухарских, известны лишь динары Нишапура 396 г.х., битые в пору кратковременного захвата этого города войсками Караханида Насра б. 'Али. В обоих случаях выпуск динаров отнюдь не был вызван экономическими причинами (и потому не получил продолжения), а преследовал прежде всего прокламативно-политические цели. Иными словами, и в том, и в другом случае это победные эмиссии. К той же категории следует отнести и бухарские дирхамы 382 г.х.: как и динары, они выбиты во время непродолжительного пребывания Харуна в Бухаре между 7 мая и 17 августа 992 г.

Итак, до нас дошли образцы трех победных эмиссий Бугра-хана, долженствовавших оповестить не только население Мавара'аннахра, но, в принципе, и весь мир ислама о том, что на востоке мусульманского мира власть от Саманидов перешла к новой династии — Караханидам. Как же выглядит эта династия в первых образцах своего чекана?

На всех своих монетах Бугра-хан Харун помещал лакаб *Шихаб ад-давла*, который, по словам Бируни [1957, с. 150], он присвоил себе сам, а не получил от халифа. Поскольку такое «самопожалование» шло вразрез с обычной тогдашней практикой, О.Прицак [1953, с. 26] заключил, что при Харуне «караханидский ислам» всё еще не был связан с «ортодоксальным исламом». Если это и верно, то лишь отчасти, — в том смысле, что тогда Караханиды, видимо, еще не имели регулярных связей с Багдадом. Вместе с тем на дирхамах Бугра-хана мы видим не просто формальное упоминание имени халифа, а подчеркнутый к нему пиетет, не характерный для саманидских дирхамов: на дирхамах Бухары 382 г.х. он назван «амиром верующих», на ферганском дирхаме 381 г.х. «наместником Аллаха», сам же Харун признает себя «клиентом амира верующих». Возможно, во все не случайно на динарах 382 г.х. помещена, помимо обычных двух коранических цитат, еще одна выдержка из Корана, что, видимо, должно было лишний раз продемонстрировать особое благочестие нового государя. Активный характер этого благо-

честия подчеркивается лакабом *Захир ад-да'ва* («Опора призыва к вере»), аттестующим Харуна как распространителя ислама. Важно отметить, что этот нетрадиционный лакаб, соединенный союзом *ва* с лакабом *Шихаб ад-давла*, очевидно, тоже не был получен от халифа, т.е. выбран сознательно. Итак, надписи монет Бугра-хана неоднократно и в разных формах демонстрируют его рвение к вере, вполне подтверждая свидетельство Ибн ал-Асира о его благочестии [Бартольд, 1963а, с. 318], которое вообще было свойственно первым Караханидам, сравнительно недавно принявшим ислам [Бартольд, 1963а, с. 368].

Еще до занятия Бухары Бугра-хан заключил тайное соглашение с саманидским наместником Хорасана Абу 'Али Мухаммадом Симджури о разделе государства Саманидов с условием, что области к югу от Амударьи останутся за Мухаммадом [Бартольд, 1963а, с. 318]. Из этого можно было заключить, что Харун первоначально рассчитывал только на завоевание Мавара'аннахра. Однако монетные данные свидетельствуют об ином. Уже на дирхамах Ферганы он помещал лакаб *малик ал-Машрик*, а поскольку «царями Востока» (т.е. Мавара'аннахра и Хорасана) считались Саманиды, Бугра-хан, очевидно, еще в 381 г.х., когда им были захвачены только Испиджаб и Фергана, претендовал на всё саманидское наследие. После занятия Бухары эти притязания проявились и на «немонетном уровне»: теперь Харун стал обращаться к Абу 'Али Симджури как к своему сипах-салару и сам назначил наместника Тирмиза и Балха [Бартольд, 1963а, с. 320], т.е. фактически считал себя хозяином всех саманидских земель.

Монетные данные вносят еще одну частную поправку в письменные известия. Согласно Бируни [1957, с. 150], Бугра-хан сам себя прозвал *Шихаб ад-давла* в 382 г.х., однако этот лакаб помещен уже на дирхамах 381 г.х.

Хотя монеты Харуна выявлены пока в небольшом числе, уже они позволяют выделить некоторые особенности караханидского чекана. Вполне естественно, когда династия, только что пришедшая к власти, в монетном деле на первых порах подражает предшественникам. На средневековом мусульманском Востоке так оно обычно и было. У тех же Саманидов в первые десятилетия

их правления монеты ни формуляром, ни репертуаром надписей фактически ничем не отличались от халифатских и тахиридских. Предпоследний Ануштегинид Мухаммад б. Текиш в Мавара'аннахре следовал караханидским образцам, в Тохаристане — гурридским и т.д. Подобных примеров не счесть. Не то у Бугра-хана. Если на саманидских динарах и дирхамах упоминания государей исчерпывались, как правило, их личными именами и «отчествами», то на монетах Бугра-хана вообще нет его имени, помещена только титулатура, на ферганском дирхаме 381 г.х. растянутая на пять с лишним строк (из них две строки выделены вассалу). Насколько я могу судить, это беспрецедентное явление в тогдашнем мусульманском чекане. Способ упоминания Харуна на динарах и дирхамах Бухары — только лакаб и кунья — не выглядит столь оригинальным, ибо характерен для монет многих династий X в., в частности, Хамданидов, Зийаридов, Бувайхидов, особенно последних, у которых он, возможно, и был заимствован, а если это и не так, то в любом случае не у Саманидов.

Таким образом, уже самые первые караханидские монеты во многом — в размещении и содержании легенд, особенностях упоминания государя, подчеркнутым благочестии и пиетете к халифу — достаточно своеобразны и не следуют саманидским образцам, — надо полагать, вполне сознательно. Налицо не продолжение саманидской традиции, а отталкивание от нее. Иными словами, едва появившись в Мавара'аннахре, Харун (а в его лице и новая династия) заявил о себе как о новой политической силе, претендующей на всё саманидское наследие, но ничем не связанной с прежней саманидской властью, как о государе не только суверенном, но и более соответствующем идеалу мусульманского правителя.

Называя Бугра-хана суверенным владыкой, мы исходим из того, что на монетах назван либо только он сам, либо также его вассал. Выпуская от своего имени динары и дирхамы, он тем самым выступал полноправным монетным сеньором.

Завершая обзор монет Бугра-хана Харуна, следует подчеркнуть, что уже первые образцы караханидского чекана демонстрируют некоторые особенности, присущие ему и на ряде последующих этапов.

Окончательное завоевание Мавара'аннахра

После ухода Бугра-хана из Бухары туда вернулся Саманид Нух б. Мансур. Согласно Ибн ал-Асиру, он обратился за помощью к Сельджуку, который прислал ему отряд во главе со своим сыном Арсланом (Исра'илом), благодаря чему «Саманид усилился, взяв верх над Харуном, и вернул обратно то, что тот было взял от него» [МИТТ, т. 1, с. 365]. Хотя эти слова можно было понять в том смысле, что Нух смог вернуть все земли, отобранные у него Бугра-ханом, В.В. Бартольд [1963а, с. 321] высказался по поводу успехов Нуха достаточно осторожно: «власть Саманидов была восстановлена, по крайней мере, в бассейне Зеравшана». Нам удалось, однако, обнаружить фалсы, битые от имени Нуха и его вассалов в Испиджабе в 385–386/995–96 гг., Шаше 386/996 г. и Худжанде 383–384/993–95 гг. [Кочнев, 1987в, с. 57–58]. Соответствующие саманидские монеты Ферганы не известны, но тот факт, что регулярный (ежегодный) и обильный караханидский чекан Ферганы открывается 384 г.х., представленным несколькими «видами» фалсов, позволяет заключить: на короткий срок Караханиды потеряли и эту область. Значит, после ухода Бугра-хана Нух с помощью Исра'ила б. Сельджука восстановил власть Саманидов не только в долине Зарафшана, но и в бассейне Сырдарьи — в Фергане, Худжанде, Шаше с Илаком и даже Испиджабе, т.е. действительно вернул все владения, захваченные Харуном.

Преемником последнего стал великий каган Тонга/Тоган-хан Ахмад б. 'Али. Но новые успехи Караханидов связаны не с ним, а с его братом Насром, который не был тогда ни ханом, ни даже илигом, а только тегин (Тонга-тегином), т.е. одним из князей. Как показывают его самые ранние монеты (фалсы), в 384/994–95 г. он отвоевал у Саманидов Фергану и Худжанд. На худжандских фалсах назван только Наср, на ферганских фалсах 384–385/994–95 гг. в качестве его сюзерена упомянут Ахмад б. 'Али, вассала — некий Хумар-тегин, не известный ближе караханидский князь, очевидно, принимавший непосредственное участие в отвоевании Ферганы. Насром б. 'Али был захвачен и соседний Илак, где с 385/995 года, являющегося наиболее вероятной датой завоевания, начинается регулярный караханидский чекан. Помимо Насра, на

илакских фалсах 385–387/995–97 г. фигурирует его вассал Йагантегин, на фалсах 386–387 гг. — Мухаммад б. ‘Али, скорее всего, носитель этого титула и активный участник захвата Илака. В качестве непосредственного владельца области был оставлен, судя по монетам, Мансур б. Ахмад, илакский дихкан, сидевший здесь еще при Харуне.

Если Илаком Караханиды владели еще в 385 г.х., то другая часть Ташкентского оазиса — Шаш — оставалась под властью Нуха и в 386 г.х. Значит, несмотря на потерю соседних областей, Саманиды продолжали оказывать упорное сопротивление, т.е. их ослабление всё же не было столь катастрофическим, как представлялось прежде.

В 386/996 г. произошло новое караханидское нашествие. На помощь Нуху пришел его могущественный вассал, родоначальник династии Газнавидов Себук-тегин, и заключил с Караханидами договор, согласно которому границей между саманидскими и караханидскими владениями стала Катванская степь к северо-востоку от Самарканда. Из этого В.В. Бартольд [1963а, с. 324–325] заключил, что весь бассейн Сырдарьи остался в руках Караханидов. Значит, именно в 386 г.х. Саманиды потеряли Шаш. На ранних караханидских дирхамах Шаша 388/998 г. упомянуты *хан ал-аджалл* (Ахмад б. ‘Али) и *Му’аййид ал-‘адл* (Наср б. ‘Али, который, вероятно, сыграл решающую роль в завоевании и этой области). Не вполне ясна роль Ахмада б. ‘Али, который, будучи великим каганом, должен был упоминаться на дирхамах Шаша независимо от того, воевал ли он здесь в 386 г.х., что само по себе не только не исключено, но и вполне вероятно, так как в последующие годы наиболее прочные позиции он имел в Баласагуне, Испиджабе, Шаше и Илаке.

Намного сложнее вопрос о судьбе Испиджаба. Учитывая свидетельства рукописных источников об установлении в 386 г.х. границы между Саманидами и Караханидами в Катванской степи, мы заключили, что и Испиджаб тогда же перешел к последним [Кочнев, 1987г, с. 58]. Однако впоследствии нам встретился испиджабский дирхам 389 г.х. с именем Саманида ‘Абд ал-Малика, а обнаружение этой монеты обязывает учесть две возможности: либо Караханиды так и не овладели Испиджабом в 386 г.х., либо овладели, но позднее вновь утратили.

В 386 г.х. Усрушана должна была оказаться по караханидскую сторону катванской границы. Всё же самые ранние караханидские монеты Усрушаны — это фалсы 387 г.х., каковая дата фиксирует, возможно, окончательное утверждение здесь Насра б. ‘Али, связанное с его походом 387 г.х. на Самарканд [Бартольд, 1963а, с. 326]. Захватить долину Зарафшана ему на сей раз, однако, не удалось.

Поход этот был направлен против нового саманидского государя, Мансура б. Нуха (387–389/997–99). В одной из своих работ М.Е. Массон [1958, с. 22] упоминает его фалс, битый в Ахсикате в 38х г.х., т.е. в пределах 387–389 гг.х. Такую монету следовало бы признать документальным свидетельством пусть кратковременного, но серьезного успеха Саманидов, вернувших Фергану. Однако ознакомление с самим фалсом (ныне хранится в МИНУз), несмотря на его неважную сохранность, позволило установить, что он чеканен в Ахсикате не в 38х, а в 284/897 г.

Наместником Хорасана Мансур назначил хаджиба Бегтузуна, происходившего, как и большинство военачальников и вельмож того времени, из выслужившихся тюркских рабов-гулямов. Преемник и сын Себук-тегина Махмуд Газнави вытеснил Бегтузуна из Нишапура, после чего Бегтузун в союзе с другим сановником, Фа’иком, низложили Мансура и в начале 389/999 г. возвели на престол его брата ‘Абд ал-Малика. Свержение вельможами государя лишней раз продемонстрировало полный упадок власти Саманидов. Этим не замедлил воспользоваться Наср б. ‘Али и в зулка’да 389/октябре 999 г. без сопротивления занял Бухару, схватил ‘Абд ал-Малика и вместе с прочими членами династии отправил в Узгенд, свою столицу, а Бегтузуна заключил в оковы. Оставив в Самарканде и Бухаре своих наместников, Наср и сам удалился в Узгенд [Байхаки, 1969, с. 776–779; Бартольд, 1963а, с. 325–329].

В 389 г.х. в Бухаре выпускались фалсы и саманидские, с именем ‘Абд ал-Малика, и караханидские, с упоминанием Ахмада б. ‘Али и Насра. В Койчилитепинском кладе оказался очень любопытный бухарский фалс 389 г.х., на л.ст. которого фигурируют *хан* (Ахмад) и *илиг* (Наср), на об.ст. — *‘Абд ал-Малик*. Если здесь нет сочетания непарных штемпелей, то данная монета, быть может, иллюстрирует и подтверждает сообщения рукописных источников о том, что

в 389 г.х. Наср объявил, будто он идет на Бухару только как друг и защитник Саманидов [Бартольд, 1963а, с. 329].

Как бы то ни было, монеты показывают, что окончательное завоевание Мавара'аннахра осуществил отнюдь не мелкий удельный князь: еще до 389 г.х. Наср владел Ферганой, Худжандом, Шашем, Илаком и Усрушаной, т.е. располагал солидной материальной базой (ср. у О. Караева [1983, с. 124]: «караханидский владетель восточной Ферганы Наср <...> положил конец господству династии Саманидов»). К этому времени он занимал довольно высокое место и в официальной караханидской иерархии, став в 388 г.х. илигом. Судя по некоторым фалсам Ферганы и Узгенда 388–389 гг.х., Наср при этом, быть может, заявил претензии даже на более высокий титул, чем ему полагалось, именуя себя ханом и кара-ханом. Впрочем, эти претензии если и имели место, то были временными, и до конца жизни Наср б. 'Али оставался Арслан-илигом или просто илигом. Иными словами, хотя формально он являлся третьим лицом в каганате после великого кагана Ахмада б. 'Али и младшего кагана Кадыр-хана Йусуфа б. Харуна кашгарского, то фактически был, конечно, наиболее могущественным из Караханидов, а его владения — самыми обширными.

Довольно скоро эти владения пришлось отстаивать в борьбе с Саманидом Исма'илом б. Нухом, который в 390/1000 г. сумел бежать из узгендского заточения и, приняв лакаб *ал-Мунтасир* «победоносный», попытался отвоевать наследие предков. На первых порах ему сопутствовал успех: в том же году он вступил в Бухару, где выпускал фалсы в 390 и 391 гг.х. [Бартольд, 1963а, с. 330; Цамбаур, 1968, с. 67]. В том же 391/1000–01 г. при приближении главных сил Насра он вынужден был очистить долину Зарафшана и бежать в Хорасан.

В те же годы в Бухаре чеканились и караханидские фалсы с упоминанием Ахмада б. 'Али и Насра, причем на 390 г.х. приходится 10 «видов» их, тогда как фалсы Исма'ила очень редки и немногочисленны. Если же учесть, что уже в раби' I (третьем месяце) 391 г.х. он сражался под Нишапуром, а до того некоторое время провел в Амуде, затем в Абиварде [МИТТ, т. 1, с. 224], то станет ясно: либо для чеканки фалсов с датой 391 г.х. и именем Исма'ила использован старый штампель об.ст. (а самого его в Бу-

харе в 391 г.х. уже не было), либо этот фалс бит в самом начале 391 г.х. В любом случае ал-Мунтасир, судя по монетам, владел Бухарой очень недолгое время — в конце 390 — начале 391 г.х. или даже только в конце 390 г.х., т.е. во 2-й половине 1000 г. (может быть, какое-то время осенью, но в основном зимой).

На одном из бухарских фалсов 390 г.х. на л.ст. фигурирует *илиг* (Наср б. 'Али), на об.ст. — *Исма'ил*. Если это не результат совмещения непарных штампов, то здесь, быть может, отразилась попытка ал-Мунтасира достичь некоего компромисса с завоевателями. На другом неизданном фалсе Бухары 390 г.х. вообще никто не упомянут. Подобные анонимные бухарские фалсы известны в саманидском чекане X в. Насколько позволяют судить письменные известия о тех отрезках времени, когда они выбиты, выпуск их был связан не с политическими, а какими-то иными, возможно, случайными причинами. Однако сложная политическая ситуация конца X в. позволяет предположить, что анонимные бухарские фалсы 390 г.х. были чеканены в условиях временного (кратковременного) политического вакуума, когда караханидская администрация уже покинула Бухару, а Исма'ил еще не вступил в город.

Чрезвычайно любопытен бухарский фалс Ма'мунида 'Али б. Ма'муна с датой 390 г.х. По письменным известиям, ал-Мунтасир собрал войско для похода на Бухару в Хорезме, причем, по предположению В.В. Бартольда [1963а, с. 330], «не без согласия» хорезмшаха 'Али б. Ма'муна. Выходит, имело место не просто «согласие», а активная помощь ал-Мунтасиру со стороны 'Али, недавнего вассала его брата Мансура. Итак, монеты засвидетельствовали факт реального вмешательства хорезмшаха в борьбу между Караханидами и Саманидами на стороне последних.

До 393/1003 г. ал-Мунтасир безуспешно боролся с Газнавидами в Хорасане, а затем несколько раз возвращался в Мавара'аннахр, где иногда добивался успехов, но в начале 395/1005 г. погиб в Хорасане [Бартольд, 1963а, с. 331–332], в Мавара'аннахре же окончательно утвердились Караханиды. Успехи Исма'ила в Мавара'аннахре были кратковременны и не оставили следов в монетной чеканке 393–394/1003–04 г. — все известные монеты этих годов принадлежат Караханидам.

Особняком стоит судьба Испиджаба на рубеже X–XI вв. Здесь в 385–386/995–96 гг. чеканились саманидские фалсы, в 389/998–99 г. выпускались дирхамы двух типов — сперва с упоминанием местного правителя из династии Маттидов, затем саманидские, наконец, в 392/1001–02 г. были выбиты маттидские дирхамы, и только с 395/1004–05 г. здесь начинается регулярный выпуск бесспорно караханидских монет. Поскольку в 389 г. Саманидское государство находилось в катастрофическом положении и утратило почти все свои владения в Мавара’аннахре, в том числе северо-восточные, совершенно невозможно представить, чтобы Саманиды могли осуществлять реальную власть в самом северо-восточном форпосте — в Испиджабе. Однако несомненно и то, что и власть Караханидов на эту область не распространялась. Выходит, на рубеже X–XI вв. Испиджаб в течение нескольких лет являл собой фактически независимое владение, которое не позже 395/1004–05 г. окончательно вошло в состав Караханидского каганата.

Возникает вопрос: неужели Караханиды, сокрушившие Саманидскую державу, в течение нескольких лет не могли справиться с этим сравнительно небольшим владением? Ответ отчасти содержится уже в самом вопросе: основные силы Караханидов, видимо, уходили на борьбу с Саманидами. Кроме того, Наср б. ‘Али, наиболее могущественный из тогдашних Караханидов, похоже, не имел личной заинтересованности в завоевании Испиджаба.

Видимо, между Ахмадом б. ‘Али и Насром еще до завоевания Мавара’аннахра существовала договоренность о разделе будущих владений — подобно соглашению между Сельджукидами до окончательного захвата основных газнавидских земель или предварительному разделу между Чингизидами территории будущей империи. И хотя, судя по монетам, Наср б. ‘Али принимал непосредственное участие в завоевании Илака и Шаша, после 389/998–99 г. Ташкентский оазис отошел к Ахмаду, видимо, в силу предварительного соглашения, предусматривавшего его права на северо-восточные области Мавара’аннахра, включая Испиджаб, на монетах которого в качестве сюзерена фигурировал Ахмад, но не упоминался Наср.

После гибели ал-Мунтасира и присоединения Испиджаба власть Караханидов окончательно утвердилась во всем Мава-

ра’аннахре. Что же касается областей к югу от Амударьи, то еще в 999 г., когда Наср занял Бухару, Газнавид Махмуд провозгласил себя независимым повелителем Хорасана. Заинтересованный в спокойствии своих северных границ, Махмуд в 1001 г. отправил посольство к Насру б. ‘Али и заключил скрепленный браком с его дочерью договор о границе между двумя государствами по Амударье. Как показывают монеты, Караханидам принадлежал Саганиан — область по эту сторону реки. Пока шла борьба с ал-Мунтасиром, Наср соблюдал условия договора, но затем проявились те же притязания на всё саманидское наследие, которые прежде демонстрировал Бугра-хан. В 396/1006 г. илиг направил в Хорасан два отряда, однако, заняв Балх и Нишапур, они были оттуда вытеснены. В следующем году Наср заключил союз с Караханидом Кадыр-ханом Йусуфом и перешел Амударью с еще большим войском, но 4 января 1008 г. в битве близ Балха потерпел сокрушительное поражение. В надежде на реванш илиг планировал новое вторжение, которое так и не осуществилось. Движение Караханидов на юг надолго приостановилось, а границей между газнавидскими и караханидскими владениями стала Амударья, хотя некоторые территории к северу от реки (Тирмиз, Кубадийан, Хуттал) принадлежали Газнавидам [Бартольд, 1963а, с. 333–335, 339; Назим, 1971, с. 52].

Первые годы после завоевания Мавара’аннахра

Если отдельные этапы и эпизоды борьбы с Саманидами и взаимоотношения с Газнавидами рукописные источники освещают довольно подробно, то о внутренней истории каганата письменных известий почти нет, поэтому показания монет приобретают особое значение.

Во главе каганата стоял Тоган-хан Ахмад б. ‘Али, чьей столицей был Баласагун (Куз Орду). Младший каган, Кадыр-хан Йусуф б. Харун, правил Восточным Туркестаном с центром в Кашгаре. Третье место в официальной иерархии принадлежало Арслан-илигу Насру б. ‘Али, который владел почти всем Мавара’аннахром со столицей в Узгенде. Его власть распространялась на Саганиан, центральный Мавара’аннахр, Усрушану и Фергану.

Обычно принято подчеркивать именно силу и мощь Насра, представляя его фактически независимым правителем. Так, по мнению М.Н. Федорова [1990, с. 7], Наср б. 'Али лишь «формально признавал своего брата Ахмада главой династии», а сюзеренитет последнего во владениях Насра «был чисто номинальным». До недавнего времени такую позицию отчасти разделял и автор этих строк. Связано это с тем, что в рукописных источниках Наср предстает суверенным государем, который захватывает Мавара'аннахр, ведет войны с соседним государством Газнавидов, заключает с ним договор, вступает в вооруженную борьбу с великим каганом и т.д. В свете этих свидетельств постоянное упоминание на дирхамах Насра его старшего брата может действительно показаться простой формальностью. Однако именно монеты, в том числе выявленные сравнительно недавно, заставляют взглянуть на вопрос несколько иначе.

Во-первых, Наср постоянно упоминал Ахмада на дирхамах и нередко на фалсах в качестве сюзерена, т.е. монеты фиксируют его вассальную зависимость; сколь бы формальной ее не считать, Наср может быть признан лишь очень самостоятельным, но отнюдь не полностью независимым правителем. Во-вторых, на протяжении его политической карьеры, отраженной монетами, степень его самостоятельности не оставалась неизменной: на фалсах, битых до получения им титула *илиг* и до завоевания Бухары, сюзерен фигурирует существенно чаще, чем на фалсах, выпущенных позднее. Очевидно, самостоятельность Насра возросла около 389/999 г. В-третьих, даже на фалсах, чеканенных после этой даты во владениях Насра, Ахмад нередко выступает сюзереном, а иногда и обладателем одного из важнейших прав — монетной регалии. И это на монетах, битых в 390 г.х. в Худжанде и в 398–400 гг.х. (т.е. в конце жизни) в Фергане — коренном владении Насра, его домене, включавшем его столицу Узгенд, где в 400 г.х. выпущены фалсы опять же с упоминанием Ахмада б. 'Али. Но уж коли даже здесь Ахмад обладал некими вполне реальными правами, считать прочие его упоминания на монетах Насра простой формальностью теперь нет никаких оснований. Наконец, на некоторых фалсах с упоминанием Насра Ахмад выступает непосредственным владельцем монетной

регалии, что предусматривало конкретные права, включая право на получение доли доходов. Итак, Наср не был вполне независим ни в политическом, ни в экономическом отношении.

Все сказанное относится к среднеазиатской части каганата. Намного меньше известно о его восточнотуркестанских территориях, принадлежавших тогда Кадыр-хану Йусуфу б. Харуну. Как предполагал В.В. Бартольд [1963а, с. 342–343], после смерти Бугра-хана Харуна и перехода власти к сыновьям Арслан-хана 'Али Йусуф не получил удела, а сам создал себе владение с помощью «беспокойных элементов народа» и вытеснил из Восточного Туркестана своих соперников, в частности, Тоган-хана. В своем предположении исследователь исходил прежде всего из того, что, по сведениям рукописных источников, в самом начале V в.х. Наср б. 'Али совершил поход на Кашгар против Тоган-хана. Однако, как показывают монетные данные, в действительности последний никогда не имел владений за пределами Средней Азии, а все восточнотуркестанские монеты, битые при жизни Тоган-хана Ахмада б. 'Али, несут упоминания не его, а Кадыр-хана. Судя по монетам, и поход Насра против Ахмада был направлен на его столицу Баласагун, а вовсе не на Кашгар (об этом ниже). Даже отвлекаясь от этой «конкретики», теперь, в свете всего того, что известно о каганате, трудно представить, чтобы один из старших представителей правящего дома мог остаться без владения: какая-то часть общекараханидского достояния в принципе была «положена» каждому Караханиду, тем более одному из старших. Итак, догадка В.В. Бартольда о путях образования удела Кадыр-хана имеющимися фактами не подтверждается. Тем более странно, что его точку зрения полностью разделяет М.Н. Федоров [1990, с. 16], которому эти факты должны быть известны.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что после смерти Бугра-хана Харуна (382/992 г.) и Арслан-хана 'Али (388/998 г.) владения Караханидов в Восточном Туркестане просто перешли к Йусуфу б. Харуну. Правда, его кашгарский чекан открывается 395/1004–05 г., но эта дата, вопреки М.Н. Федорову [1990, с. 16], отнюдь не обязательно ориентирует относительно времени «овладения» Кашгаром.

Война между Ахмадом б. 'Али и Насром б. 'Али

По данным рукописных источников ('Утби, Ибн ал-Асир), Тоганхан Ахмад не только не участвовал в походе Караханидов на Хорасан в 398/1007–08 г., но впоследствии даже заключил против Насра б. 'Али союз с Махмудом Газнави. Зимой 401/1010–11 г. Наср предпринял поход против Ахмада, по пути на Кашгар был задержан глубокими снегами и возвратился назад. После этого, в 402/1011–12 г., оба правителя отправили послов к Махмуду, который сумел примирить обе стороны [Бартольд, 1963а, с. 355; МИКК, с. 57]. О. Прицак [1953, с. 29] относил этот поход к зиме 402/1011–12 г., О.Г. Большаков — к зиме 1010 г. [ИТН, с. 229]. Иначе подошла к тому же вопросу Е.А. Давидович. Она привлекла опубликованные и неизданные кашгарские монеты Кадыр-хана 396, 397, 400–403 гг.х. и продемонстрировала тем самым, что в эти годы Тоганхан Кашгаром не владел. Кашгар мог принадлежать ему либо до 396 г.х., либо между 397–400 гг.х., а следовательно, дата похода «должна быть пересмотрена» [Давидович, 1968а, с. 70–71].

Между тем, даже если считать точную дату 'Утби и Ибн ал-Асира ошибочной, из их сообщений очевидно, что поход был совершен после поражения под Балхом, т.е. после 398/1008 г. Однако Кадыр-хан владел Кашгаром не только в 400–403, но, как теперь установлено, уже в 399 г.х. А поскольку все известные монеты Кашгара начала XI в. биты Кадыр-ханом, а не Ахмадом б. 'Али, возникают сомнения не по поводу даты, а относительно направления похода Насра. И нумизматические данные убеждают в том, что Наср б. 'Али двигался действительно не на Кашгар.

Как показывают монеты, к 398/1007–08 г. он владел Саганианом, центральным Мавара'аннахром, Усрушаной, Худжандом и Ферганой. Но в 401 г.х. Наср выпускал монеты также в Тункате, одном из илакских городов, в 403 г.х. — в Илаке, в 401–402 гг.х. — в Шаше и Испиджабе. Отвлеченно говоря, три важные области, Илак, Шаш и Испиджаб, могли быть получены Насром б. 'Али и мирным путем, будучи переданы ему Ахмадом на определенных условиях. Однако, если в легендах всех известных дирхамов, выпускавшихся во владениях Насра до 401 г.х., Ахмад б. 'Али обязательно фигурирует, то в надписях чеканившихся с именем и/или

титулатурой Насра испиджабских, шашских, илакских и тункатских дирхамов 401–403 гг.х. упоминания Ахмада, как правило, отсутствуют. Несомненно, это могло явиться следствием лишь каких-то серьезных перемен политической ситуации. Характер этих перемен раскрывают рассказы 'Утби и Ибн ал-Асира о походе Насра против Ахмада. Хронологическое совпадение налицо: рукописные источники датируют поход тем самым 401 г.х., когда начинается тункатский, шашский и испиджабский чекан Насра. Правда, имеется один дирхам Испиджаба с датой 400 г.х. на л.ст. и именем Насра б. 'Али на об.ст., но данная монета явно бита разновременными штемпелями.

Как видно из изложенного, монеты вполне подтверждают самый факт похода Насра против Ахмада в 401 г.х., но столь же определенно свидетельствуют, что направление похода в рукописных источниках указано неверно. Абсолютно нелогично идти на Кашгар кружным путем через Илак, Шаш и Испиджаб. Гораздо вероятнее, что целью похода был не Кашгар, которым Ахмад никогда не владел, а его столица Баласагун (Куз Орду), где он ежегодно чеканил монету в 394–403 гг.х. Значит, достичь этой цели Насру не удалось. Не завладел он и лежавшим на пути к Баласагуну Таразом: на таразских дирхамах 401–402 гг.х. фигурирует не Наср, а Мухаммад б. 'Али (401 г.х.) и Ахмад б. 'Али (402 г.х.). Очевидно, Наср вынужден был прекратить поход из-за снежных заносов между Испиджабом и Таразом. Здесь проходят горы Боролдайтау и хребет Каратау, которые в этих местах не отличаются значительной высотой (менее 2000 м над уровнем моря), но зимой трудно преодолимы из-за снегов и сильных ветров; не случайно одно из селений между Чимкентом и Джамбулом (ныне вновь переименованном в Тараз) носит название Бурное.

Если судить по монетам захваченных во время похода 401 г.х. областей, Наср прервал отношения вассалитета, не называя на них Ахмада своим сюзереном, что в целом естественно, коль скоро они находились в состоянии войны. Но весьма показательным, что во всех прежних владениях Насра продолжался выпуск дирхамов с упоминанием Ахмада, традиционным и по форме. И так, с одной стороны, казалось бы, разрыв вассальных связей (первая группа монет), с другой — внешне мирные, ничем не омрачен-

ные, стабильные отношения верховного сюзерена и верного вассала (вторая группа монет). Разумеется, неверно ни то, ни другое. А коль скоро Наср до конца жизни оставался вассалом Ахмада, исключение титулатуры последнего из надписей дирхамов первой группы означало, очевидно, не разрыв вассальных связей, а лишение государя неких прежних прав, но не везде, а лишь на захваченных у него территориях. Очень вероятно, что здесь его упоминания были исключены не только из монетных надписей, но и из *хутбы*: тесная связь между *хутбой* и *сиккой* общеизвестна. Возможно, одновременно он лишился и налоговых поступлений с утраченных областей. Но тогда логично предположить, что какая-то доля доходов с прочих подвластных Насру земель, где продолжалась чеканка дирхамов с упоминанием Ахмада, по-прежнему поступала последнему. Конечно, данный вопрос требует дальнейшего осмысления.

Похоже, даже в завоеванных Насром областях упоминания Ахмада были исключены из монетных легенд не сразу и, во всяком случае, не везде. Так, на одном дирхаме Шаша 401 г.х. фигурируют оба брата. Их титулатура помещена и на дирхамах Илака 403 г.х. Отразившееся здесь официальное признание прав Ахмада как верховного сюзерена явилось, очевидно, следствием того мира, который был заключен между ними в 402 г.х. Возможно, с тем же событием связан выпуск в Испиджабе в 402 г.х. дирхамов с упоминанием только Ахмада и местного владельца Матта. Можно предположить, что по условиям мирного договора из завоеванных Насром областей одни (Испиджаб) были полностью возвращены Ахмаду, в других (Илак) Наср сохранил за собой часть прав.

Как представляется, предложенная реконструкция событий 401–402/1010–12 гг. позволяет наиболее непротиворечиво объяснить имеющиеся факты, зафиксированные в монетных надписях и рукописных источниках. В письменные сообщения о походе Насра, несомненно, вкралась ошибка: либо неверно указана дата похода, либо его направление. Однако попытки искать хронологическую ошибку, оправданные прежде, теперь, после привлечения новых монетных данных, сталкиваются с непреодолимыми трудностями. Напротив, допущение географического характера ошибки позволяет воссоздать картину, в которой факты, по-

черпнутые из разных категорий источников, в главном не только не противоречат, но успешно «стыкуются», дополняя друг друга. В частности, конечно, противоречия есть. Так, по Ибн ал-Асиру, илиг в своем походе, достигнув Узгенда, вернулся из-за снегов в Самарканд, из чего следует, что Самарканд был исходным пунктом похода. Но если целью похода был не Кашгар, а Баласагун, то логичнее, казалось бы, в Фергану не заходить. Нельзя не отметить при этом, что караханидские разделы труда Ибн ал-Асира изобилуют ошибками, подчас очень серьезными. Не обошелся без неточностей и рассказ о походе Насра, дошедшего будто бы только до Узгенда, тогда как по монетам прослеживается его путь до Испиджаба.

События после смерти Насра б. 'Али

Хотя рукописные источники называют разные даты кончины Насра — 402 г.х. (Джамал ал-Карши) и 403 г.х. ('Утби) [Федоров, 1990, с. 9], достоверна, судя по монетам, вторая. По свидетельству 'Утби, Насру в Мавара'аннахре наследовал Тоган-хан [Бартольд, 1963а, с. 336]. Как считал Р.Фасмер, это известие вполне подтверждают монеты Ахмада, которые до 403 г.х. выпускались только к северу от Сырдарьи, а с 403 г.х. — также в Фергане и Мавара'аннахре [Фасмер, 1930, с. 88]. По мнению же О.Прицака [1950, с. 215–216], преемником Насра и новым носителем титула *илиг* (*Арслан-илиг*) стал Мансур б. 'Али. И хотя основанием для такого заключения послужили монеты, неправильно датированные или неверно атрибуированные, исследователь, как это ни поразительно, точно «вычислил» нового илига. В этом убеждают новые, не известные ему монеты, битые в 403 г.х., которые показывают, что Мансур стал илигом в 403/1012–13 г., т.е. сразу после смерти Насра.

Чекан Мансура до этой даты представлен только дирхамами Хафтдиха 394–395/1003–05 гг. Если даже будут обнаружены и некоторые иные его монеты, битые до 403 г.х., они не изменят соотношения между его ранним чеканом и чеканом Мухаммада б. 'Али, представленным несколькими монетными дворами и многими датами (начиная с 385 г.х.), хотя Мухаммад был младшим из сыновей 'Али и занимал менее высокое место в официальной кара-

ханидской иерархии. Отсутствие монет Мансура до 394 г.х. можно было бы объяснить его незначительным реальным политическим весом на ранних этапах карьеры или тем, что его владения находились в каких-то окраинных областях каганата, не имевших традиций монетного дела. Но по крайней мере с тех пор, как в 394–395 г.х. Мансур б. ‘Али появился на «нумизматической арене», причем появился в Фергане, следовало бы ожидать продолжения его чекана, однако дальше — значительная лакуна. Конечно, это не случайно. И едва ли покажется слишком рискованным предположение, что после 395 г.х. и до самой смерти Насра Мансур находился у него в плену. Аналогичные случаи хорошо известны: несколько позже ‘Али-тегин был заточен самим Мансуром б. ‘Али, а сыновья ‘Али-тегина держали в заключении племянника Мансура Ибрахима б. Насра. Итак, вполне возможно, что Мансура освободила из заточения кончина брата; она же позволила ему занять место Насра в официальной иерархии, став Арслан-илигом, и даже получить основную часть его владений — судя по монетам, Бухару, Самарканд, Киш и Худжанд, т.е. важнейшие области и города Мавара’аннахра. Разумеется, монеты не дают возможности однозначно определить, как эти земли перешли под власть Мансура, но всё же они позволяют высказать некоторые соображения. В достаточно обильном чекане Мавара’аннахра 403–404 г.х. монеты с упоминанием Мансура, битые в 403 г.х., очень немногочисленны (почему и не были до недавнего времени выявлены), а его монеты 404 г.х. практически вовсе не известны, если не считать одного экземпляра, да и тот явно бит непарными штемпелями. Очень показателен самаркандский чекан 403 г.х.: дошедшие до нас монеты биты уже после смерти Насра, который на них не назван, но на дирхамах двух «видов» Мансур вообще не упомянут, а из трех «видов» фалсов только один несет его лакаб. Всё это позволяет думать, что Мансур очень недолго владел Мавара’аннахром и был лишен своих владений, скорее всего, в том же 403 г.х. А раз так, то и захватил он их, возможно, самовольно, без санкции верховного государя. К этой же мысли склоняет и тот факт, что и после исчезновения упоминаний Мансура из монетных надписей нижестоящие члены иерархии сохранили свои права на пожалованные владения: Мухаммад б. ‘Али — на Худжанд, Мухаммад б. Хасан — на Самарканд.

Правда, на монетах с упоминанием Мансура в качестве сюзерена фигурирует Ахмад, но это не противоречит нашему предположению: спустя несколько лет ‘Али-тегин, бежав из плена от самого Мансура б. ‘Али, захватил Бухару, где выпускал монеты с его титулатурой. Нет серьезного противоречия и со свидетельством ‘Утби о Тоган-хане, занявшем после смерти Насра Мавара’аннахр. Как представляется, монеты только уточняют сообщение в том плане, что Тоган-хан Ахмад смог овладеть наследием Насра б. ‘Али, лишь отобрав значительную его часть у Мансура.

Так или иначе, междоусобная борьба началась вскоре после кончины Насра, в 403/1012–13 г. Неясно, принимал ли в ней участие младший из его братьев — Мухаммад б. ‘Али. Он тоже поднялся по иерархической лестнице, получив взамен титула *Арслан-тегин* более высокий — *Йинал-тегин*. В том же 403 г.х. к Мухаммаду перешел титул его старшего брата Мансура — *илиг/Арслан-илиг*. Итак, смерть Насра позволила Мухаммаду б. ‘Али подняться на очередную ступень иерархической пирамиды, а последовавшие затем события, связанные с Мансуром б. ‘Али, — еще на одну ступень.

Как показывает чекан 403–404/1012–14 г., в перешедшем после смерти Насра к Ахмаду Мавара’аннахре одни области (города) управлялись от имени самого Ахмада б. ‘Али, другие остались за прежними непосредственными владельцами, в третьих появились новые правители, но власть вассалов ограничивалась пределами одной области или города (с округом). Исключение составлял Мухаммад б. ‘Али, который и формально стал вторым лицом в среднеазиатской части каганата, подобно Насру, и фактически значительно увеличил свои владения, хотя по размерам последних заметно уступал Насру б. ‘Али. Трудно сказать, чью сторону принял Мухаммад в конфликте 403/1012–13 г. между Ахмадом и Мансуром: с одной стороны, он выступает на худжандских дирхамах 403 г.х. вассалом последнего, с другой — в 403–404 г.х. получает ряд новых владений, а на монетах постоянно признает сюзеренитет Ахмада.

Как уже отмечено, в рукописных источниках нет сведений об этом конфликте, частично отраженном лишь немногочисленными монетами. Абу-л-Фазл Байхаки сохранил рассказ Бируни о средне-

азиатских событиях начала V в.х., в котором, в частности, речь идет о несколько более поздних караханидских междоусобиях. Сообщается, что хан (или ханы) и илиг вели борьбу под Узгендом и в 407/1016–17 г. при посредничестве хорезмшаха Ма'муна заключили мир [Байхаки, 1969, с. 814–815; Бартольд, 1963а, с. 338].

Как показывают монеты, в 405 г.х. Мансур б. 'Али определенно провозгласил себя великим каганом и принял титул *Арслан-хан*, т.е. официально разорвал вассальные связи с Тоган-ханом Ахмадом, который отныне должен был считаться лишь младшим каганом. Великим каганом Мансур провозгласил себя потому, что захватил столицу каганата Баласагун и заявил претензии на верховную власть в среднеазиатской части каганата. И если в 403 г.х. Мансур утратил владения в Мавара'аннахре, то теперь он был признан сюзереном в Таразе, Тункате, Ахсикате, Худжанде и Усрушане. Итак, монеты 405 г.х. демонстрируют несомненные успехи Мансура, которые в 406 г.х. стали еще большими, хотя начинать ему пришлось едва ли не с нуля. О.Прицак связывал их с болезнью Тоган-хана, засвидетельствованной Ибн ал-Асиром. В рукописных источниках, однако, есть известия о событиях, которые, как представляется, могли явиться более вероятной или, во всяком случае, более важной причиной успехов Мансура.

По данным 'Утби, Ибн ал-Асира, Ибн ал-'Ибри (Барэбрея), в конце правления Тоган-хана в его владения вторглась «со стороны Сина» огромная орда неверных и остановилась в 8 днях пути от Баласагуна. Караханидское войско вместе с добровольцами из других стран ислама двинулось на них и преследовало врага 3 месяца, пока не нанесло ему сокрушительное поражение [Бартольд, 1963а, с. 341; Агаджанов, 1969, с. 155]. Описанные события Ибн ал-Асир (в одном месте) и Барэбрей (в арабской версии) датируют 408 г.х. Эту дату принял, например, О.Прицак [1953, с. 30], М.Н. Федоров же [1975а, с. 106–107] указал, что Ахмад не мог в то время преследовать противника из Баласагуна, уже принадлежавшего Мансуру, и счел сведения о походе Тоган-хана легендарными. При этом он не объяснил, как «легенда» могла попасть в труд 'Утби — современника событий, в целом хорошо осведомленного о караханидских делах. Уж скорее следовало заключить, что ошибочна традиционная датировка войны с не-

верными, тем более что Ибн ал-Асир в другом месте приводит иную дату — 403 г.х. [Бартольд, 1963а, с. 34, прим. 4], а в сирийской версии Барэбрея [1945, с. 282] назван 1325 год селевкидской эры, который приходится частью на 1013, но в основном на 1014 г.н.э., т.е. примерно соответствует 404 г.х. При таком разном трудно сделать уверенный выбор, однако, ввиду очевидной недостоверности поздней даты (408 г.х.), лежащими ближе к истине кажутся две другие — 403 или 404 г.х. И быть может, не случайно на одном из дирхамов 405 г.х. впервые в чекане Абу Насра Ахмада б. 'Али появляется его новая почетная кунья *Абу-л-Музаффар*, свидетельствующая, как представляется, о какой-то важной победе. Если считать датой похода против неверных 404 г.х., успехи Мансура в 405 г.х. могут быть легко объяснены: он сумел захватить ряд владений Ахмада б. 'Али, воспользовавшись продолжительным, длившимся не менее полугода отсутствием его самого и его главных военных сил.

Еще более удачным для Мансура был 406 г.х., когда к прежним владениям, где он был признан сюзереном, прибавились Шаш, Илак, Бухара и, очевидно, Саганийан.

В следующем, 407/1016–17 г. в борьбу вмешался Кадыр-хан Йусуф и вторгся из Восточного Туркестана в Фергану, где завоевал Узгенд (дирхамы 407 г.х.). Так нумизматические материалы подтверждают рукописную версию, согласно которой под Узгендом боролись ханы и илиг.

В том же году враждующие стороны заключили мир.

Разумеется, весьма желательно определить по монетам некоторые условия мирного соглашения — хотя бы в плане того, как был произведен раздел среднеазиатских владений между Мансуром и Ахмадом. Трудность, однако, в том, что на самих монетах 407 г.х., конечно, не указано, биты ли они до заключения мира или после. Поэтому приходится констатировать лишь, что в 407–408/1016–18 гг. власть Ахмада признавалась только в Бухаре и Самарканде. Таким образом, в ходе междоусобной борьбы, протекавшей в 405–407/1014–17 гг., Ахмад потерял почти все подвластные ему территории, сохранив Самарканд и Бухару. Во всех остальных среднеазиатских владениях Караханидов признавалась верховная власть Мансура б. 'Али.

Что же касается расстановки сил в этой борьбе, то твердо установленным можно считать лишь одно: основными противниками были братья Ахмад б. 'Али (Тоган-хан) и Мансур б. 'Али (Арслан-хан). Бесспорно и участие в войне третьего брата, илига Мухаммада, но на чьей стороне, так и не ясно. Почти наверняка в собственных интересах вмешался в междоусобицы Кадыр-хан Йусуф.

Участие в борьбе на стороне Мансура можно предполагать для его сына Хусайна и племянника Атим-тегина Ахмада б. Мухаммада. Упоминания Хусайна появляются на дирхамах Бухары 406 г.х. и исчезают на дирхамах 407 г.х. вместе с титулатурой Мансура, а на ряде бухарских фалсов 406–407 гг.х. фигурирует только Хусайн, в том числе в качестве владельца монетной регалии. Очевидно, столь большие права он получил за завоевание Бухары в ходе борьбы с Ахмадом б. 'Али. Ахмад б. Мухаммад, выступавший на фалсах Узгенда 405 г.х. вассалом последнего, в 405–406 гг.х. в Ахсикате, в 405–406 гг.х. в Таразе, в 407–408 гг.х. в Испиджабе чеканил дирхамы как вассал Мансура, т.е. вероятно, помогал ему в захвате этих владений или части их.

События 403–407/1012–17 гг. затронули практически весь каганат: как теперь выясняется, в них принял непосредственное участие даже владетель Восточного Туркестана Йусуф б. Харун. За это время политическая карта среднеазиатских владений Караханидов менялась очень существенно, иной раз даже на протяжении одного года.

Каганат при Арслан-хане Мансуре

По данным рукописных источников, Ахмад б. 'Али скончался в 408 г.х. [Прицак, 1953, с. 30]. М.Н. Федоров, которому монеты Ахмада позднее 407 г.х. не известны, относит его смерть к 407 г.х. [Федоров, 1990, с. 9], однако, судя по монетам, верна первая дата. Поскольку монеты Ахмада 408 г.х. очень редки, кончина его, скорее всего, имела место в 1-й половине 408 г.х., т.е. в пределах 1017 г. Тем самым закончилось «троецарствие», когда в каганате было сразу три хана — Тоган-хан Ахмад, Арслан-хан Мансур, Кадыр-хан Йусуф; продолжалось оно с 405 до 408/1017 г. После этого сюзеренные пра-

ва Арслан-хана, как показывают монеты, были признаны во всех среднеазиатских владениях Караханидов.

В пору царствования Арслан-хана только столичный Баласагун (Куз Орду), как и при Ахмаде, находился в полной власти государя, остальные владения обычно (хотя и не всегда) передавались вассалам и субвассалам. Самым могущественным из них был илиг Мухаммад б. 'Али, который в годы смут, наступивших после смерти Насра, тем или иным путем приобрел владения даже более обширные, чем у покойного илига. После смерти Ахмада б. 'Али, т.е. окончательного утверждения в Средней Азии Арслан-хана Мансура, владения Мухаммада несколько сократились. В это время монеты с именем (титулатурой) Мухаммада б. 'Али чеканились в Таразе (409–415 гг.х.), Шаше (412–415), Фергане (410, 411), Ахсикате, Худжанде (409–415), Усрушане (409, 410), Самарканде (409, 410), Бухаре (410, 411), Кише (410). Насколько позволяют судить монеты, ему уже не принадлежали Саганийан, Испиджаб, Илак, а в течение нескольких лет и Шаш.

Крупнейшим после Мухаммада удельным правителем был его сын Ахмад, упомянутый на монетах Тараза (405–412 гг.х.), Испиджаба (407–412), Ахсиката (404–407), Бухары (411) и даже восточнотуркестанского Уча (406 или 407, 412, 413), где он выступает вассалом Кадыр-хана Йусуфа. Как показывают монеты, владения Ахмада не образовывали компактного массива, а были очень разбросаны.

Из прочих внуков Арслан-хана 'Али по монетам известны сыновья Мансура б. 'Али — Ахмад (Ахсикат 410 г.х., Узгенд 409–410 гг.х.) и Йусуф (Шалджи 413, 414 гг.х.), впервые упомянутый на дирхамах Бухары 403 г.х. После того как на монетах Бухары 406–407 гг.х. появилось имя третьего сына Мансура, Хусайна, его упоминания исчезают из монетных надписей. Не исключено, что он погиб в ходе тогдашних междоусобиц.

Сын илига Насра Мухаммад фигурирует на монетах Ахсиката 412–415 гг.х. и Узгенда 411, 413, 414 гг.х. Вассалом Арслан-хана в Илаке в 408–11 и 414 г.х. выступает Бөри-тегин, т.е. Ибрахим б. Наср.

Другая ветвь правящего дома, «Хасаниды», представлена несколькими именами. Из известных прежде это Мухаммад б.

Хасан (Самарканд, 412 г.х.) и Хусайн б. Хасан. Основным владением последнего оставался илакский город Тункат (407–415/1016–25 гг.), но иногда он получал на короткое время права на Илак в целом (408 г.х.), на соседний Шаш (409 г.х.) и, возможно, Усрушану (410(?) г.х.). Появляются также упоминания двух «новых» «Хасанидов» — ‘Али б. Хасана, т.е. ‘Али-тегина (Шаш, 410 г.х., Бухара, 411–415 гг.х.) и его брата Ахмада (Кушани, 413, 414 гг.х.).

Даже из такого беглого перечисления видно, что в рассматриваемое время большинство среднеазиатских владений Караханидов и даже одно восточнотуркестанское (Уч) находились в руках потомков ‘Али б. Мусы. Среди них представители и первого, и второго поколения, тогда как все известные по монетам «Хасаниды» относятся к первому поколению — это сыновья Харуна/Хасана. Возросло не только количество удельных правителей из числа последних, но и размеры их владений, и главное — в их руках оказался центральный Мавара’аннахр. Таким образом, перевес оставался на стороне «‘Алидов», но позиции «Хасанидов» заметно усилились.

Некоторые удельные правители имели явно некараханидское происхождение. Это бывший саманидский полководец Синан ад-давла Бегтузун (Самарканд, 407–408 гг.х., Худжанд, 414–415 гг.х.). На дирхамах Киша 410 г.х. помещено слово, которое может быть прочитано *бег* и связано, хотя бы в самой осторожной форме, с тем же Бегтузуном: на позднесаманидских фалсах Бухары последний назван то *Бегтузун*, то просто *Бег*. Безусловно не принадлежали к Караханидам Илийас ал-Хадждадж (Шаш, 411 г.х.) и упомянутый на дирхамах Илака 414 г.х. Бу Шуджа’, т.е. илакский дикхан Салар б. Мухаммад.

Завершая обзор монетного чекана во владениях Арслан-хана, следует подчеркнуть, что при нем упоминания великого кагана включались в легенды фалсов чаще, чем при Ахмаде. Даже самый могущественный из вассалов Мансура, Мухаммад б. ‘Али, по своему официальному статусу, реальному политическому весу и обширности удела сопоставимый с Насром б. ‘Али, отнюдь не был, в отличие от последнего, полновластным хозяином Мавара’аннахра и мог быть лишен некоторых своих владений. Похоже, при Мансуре вассальные связи несколько укрепились. Вооб-

ще он представляется и в некоторых других отношениях более сильным государем, чем его предшественник, у которого он смог отвоевать большинство его владений, хотя провозгласил себя ханом в пору, когда у того было, условно говоря, всё, а у него самого — ничего. Кстати, ханский титул Мансур не получил по праву, а просто присвоил в нарушение основных установлений древней и прочной традиции, посягнув на принципы государственного права, т.е. совершил то, на что несколькими годами раньше так и не рискнул его брат Наср, оставшись илигом и вассалом Ахмада даже в ходе войны с ним. Иначе говоря, Мансур проявил решимость там, где ее не хватило Насру. Всё сказанное характеризует Мансура как личность, по крайней мере, неординарную.

Вместе с тем ошибкой было бы думать, что Мансур б. ‘Али вообще упразднил удельно-лествичную систему. Все имеющиеся факты говорят об ином. До конца жизни Мансура его сыновья занимали не очень высокое место в официальной иерархии и владели не слишком значительными уделами. Так, Йусуфу достоверно принадлежала только небольшая область Шалджи. Конечно, известное нарушение принципов удельно-лествичной системы можно усмотреть в наличии у Йусуфа не положенного ему титула *Йанга-тегин*, который с большим правом носил тогда же представитель предыдущего поколения ‘Али б. Хасан. Всё же нарушение это не слишком серьезное: в самом принятии данного титула нет и намёка на притязания на статус наследника престола. Другой сын Мансура — Ахмад был недолгое время (409–410/1018–20 гг.) владельцем Ахсиката и Узгенда, т.е. очевидно, всей Ферганы. Титул его не известен.

К «Хасанидам» принадлежал Кадыр-хан Йусуф б. Харун/Хасан. Он оставался владельцем Восточного Туркестана. На монетах Йарканда 405–406 гг.х. вассалом Кадыр-хана выступает Хутлуг-өгә, идентичный Чагры-тегину (дирхамы Кашгара 410, 414, 415 гг.х.) и Йарканда (406–415 гг.х.), т.е. Сулайману б. Йусуфу. Наконец, непосредственным владельцем Уча был Атим-тегин Ахмад б. Мухаммад б. ‘Али.

По аналогии со многими другими монетами, и не только караханидскими, можно было бы заключить, что Сулайман б. Йусуф иногда становился непосредственным владельцем даже Кашгара,

столицы Кадыр-хана. Однако упоминание Чагры-тегина на некоторых кашгарских дирхамах означало, скорее всего, пожалование ему лишь части прав на Кашгар. Вместе с тем Сулайман предстает вторым после отца лицом в восточных владениях Караханидов. Тем интереснее появление на дирхамах Уча упоминания «Али-да» Ахмада б. Мухаммада. Уч он мог получить от Йусуфа, очевидно, за какие-то особые заслуги. Как известно, в конце X — начале XI в. Караханиды вели в Восточном Туркестане войны с неверными. Борцом за веру был Али б. Муса, в 388/998 г. погибший к северо-востоку от Янги-Хисара, из чего В.В. Бартольд [1963б, с. 128] заключил, что в ту пору караханидские владения кончались на «небольшом расстоянии к востоку от Кашгара». Кадыр-хан продолжал «священную войну» и не позднее 1007 г. завоевал Хотан [Бартольд, 1963а, с. 342–343]. И вполне вероятно, что Ахмад б. Мухаммад помогал ему в борьбе с неверными, в частности, в завоевании Уча, чем и объясняется пожалование ему этого города.

По рассказу Ибн ал-Асира, Кадыр-хан правил также в Самарканде от имени Тоган-хана, отказался признавать Арслан-хана и вступил в союз с Махмудом Газнави, который переправился было через Амударью, но затем вернулся назад. Кадыр-хан и Арслан-хан заключили мир, в 410/1019–20 г. вторглись в Хорасан и потерпели близ Балха страшное поражение. Уже В.В. Бартольд, проанализировав этот рассказ, с полной уверенностью заключил, что ни похода Махмуда, ни битвы 410 г.х. на самом деле не было, поскольку Утби и Гардизи ничего подобного не сообщают [Бартольд, 1963а, с. 342]. Что же касается монетных данных, то они однозначно подтверждают правоту В.В. Бартольда.

Усиление «Хасанидов»

Подтверждают монеты и другое известие В.В. Бартольда — о захвате Али-тегином Бухары. По словам Ибн ал-Асира, Али-тегин, находившийся в плену у Арслан-хана, бежал в Бухару и вошел в соглашение с Арсланом б. Сельджуком, после чего они отложились и разгромили выступившего против них илига, брата Арслан-хана. Впоследствии Али-тегин стал совершать вторжения в пограничные области державы Газнавидов, а когда они участились, Махмуд с

войском перешел Джайхун (Амударью), что заставило Али-тегина бежать из Бухары [МИТТ, т. 1, с. 366]. Из перечисленных событий только для двух последних известна точная дата — 416/1025 г. [Бартольд, 1963, с. 344]. Всё остальное происходило раньше, но сколько-нибудь надежных хронологических ориентиров нет ни у Ибн ал-Асира, ни у других авторов.

Поскольку титулатура Али б. Хасана (*Баха' ад-давла Йанга-тегин*) на бухарских монетах впервые появляется в 411 г.х., этим годом и следует датировать побег Али-тегина из плена. Судя по дирхамам Шаша 410/1019–20 г., на которых он назван *Тонга-өгй Али*, он лишился свободы именно в этом году.

По мнению О. Прицака, захват Али-тегином Бухары был осуществлен в союзе с Исра'илом б. Сельджуком, а значит, соглашение между ними должно было быть заключено не позже 411 г.х. Между тем, в рассказе Ибн ал-Асира порядок событий иной: Али овладел Бухарой, вступил в соглашение с Исра'илом, после чего они «отложились и дело их укрепилось». Сама логика событий позволяет считать равно вероятными оба варианта их последовательности: Али мог захватить Бухару как самостоятельно, до заключения союза, так и с помощью Исра'ила. Но поскольку мы располагаем единственным свидетельством, достоверность которого проверить нечем, в вопросе о порядке событий правильнее следовать Ибн ал-Асиру. В таком случае союз с Сельджукидом мог быть заключен и после 411 г.х. Нумизматические материалы и здесь вносят ясность. Имеется в виду дирхам Бухары 411 г.х. с упоминанием Кадыр-хана и Йаган-тегина. Выпуском таких монет Йаган-тегин, т.е. Али б. Хасан, официально отказался признавать себя вассалом Арслан-хана и объявил своим сюзереном Кадыр-хана. Так отразился на монетах тот акт, который Ибн ал-Асир определил словом «отложились», имея в виду, что Али-тегин и Исра'ил отложились от Арслан-хана, чей сюзеренитет распространялся тогда на весь Мавара'аннахр, в том числе и на Бухарский оазис. Таким образом, имеются достаточные основания считать, что и захват Бухары, и заключение союза между Али и Исра'илом, и разрыв с Арслан-ханом приходятся на 411/1020–21 г.

Если на бухарских монетах 410 и отчасти 411 г.х., кроме Арслан-хана (Мансура), фигурирует также илиг (Мухаммад б. Али),

то с момента появления на монетах Бухары лакаба *Баха' ад-давла* упоминания илига на них исчезают. Это значит, что 'Али лишил Мухаммада прав на Бухару, чем, скорее всего, и был вызван упомянутый у Ибн ал-Асира поход илига, закончившийся его поражением. Видимо, именно этот поход вынудил 'Али б. Хасана пойти на компромисс с противной стороной, точнее, с братом Мухаммада, Мансуром. Примирение означало, в частности, признание прав Мансура как сюзерена, что выразилось в чеканке дирхамов с титулом *Арслан-хан*, выпускавшихся в Бухаре в 411–415 гг. Если наша догадка относительно причин компромисса верна, то и победа союзников над илигом имела место в 411 г.

Итак, судя по монетам, 'Али б. Хасан с 411/1020–21 г. прочно утвердился в Бухаре. По мнению М.Н.Федорова [1990, с. 11], в 413 г. он владел также Кушанией, в 414 г. — Самаркандом. Впрочем, с Кушанией — явное недоразумение: на фалсах Кушани 413 г. упоминаются только *Арслан-хан* и *Ахмад б. Хасан*. Сложнее второй случай. М.Н.Федоров имеет в виду самаркандский фалс, на котором помещены лакаб *Баха' ад-давла* и титул *Арслан-илиг* и который его публикатор, Ф. Соре [1854, с. 33, № 44], датировал 414 г. Как теперь очевидно (а должно бы быть ясно и М.Н.Федорову, знакомому с караханидскими монетами несколько больше, чем Ф. Соре), такая дата принята быть не может (см. выше, в главе 2), а значит, Самаркандом 'Али тогда не владел. Судя по фалсам 412/1021–22 г., Самарканд принадлежал его брату Мухаммаду.

Последний владел этим городом еще в 401–404 гг., но затем упоминания его исчезают с самаркандских монет вплоть до 412 г. Не назван он и на фалсах Согда 411–412 гг. Можно думать поэтому, что получить вновь Самарканд Мухаммад б. Хасан смог именно в 412 г., причем с помощью его брата 'Али. Вполне вероятно содействие 'Али-тегина и в приобретении третьим «Хасанидом», Ахмадом, прав на Кушани, один из городов Самаркандского Согда. Свидетельство Ибн ал-Асира о набегах 'Али-тегина на пограничные земли Газнавидов (т.е., очевидно, на приамударьинские области) до 416 г. позволяет заключить, что еще при Арслан-хане его власть распространялась на бассейн Кашкадарьи. Таким образом, в руках «Хасанидов» после 410 г. оказалась территория всего центрального Мавара'аннахра.

«Хасаниды» во главе каганата

По данным Мунаджжим-баши (XVII в.), Арслан-хан, отличавшийся благочестием, в конце жизни отрекся от престола и стал отшельником. О. Прицак [1953, с. 31] воспринял эти сведения как достоверные. Между тем, большего доверия заслуживают показания 'Утби, современника событий, по свидетельству которого Махмуд Газнави, узнав о начавшейся после смерти Арслан-хана борьбе за престол, около середины 415 г. явился в Балх [Назим, 1971, с. 53]. Поздние монеты с этим титулом относятся к тому же году, а значит, кончину Мансура б. 'Али следует датировать первыми месяцами 415 г., т.е. 2-й половиной 1024 г. н.э.

В соответствии с принципами наследования власти в каганате, престол должен был перейти к брату Мансура, илигу Мухаммаду, чьи монеты тоже доходят до 415 г., причем все они биты еще при жизни Арслан-хана. С того же года начинается выпуск монет, в том числе в столичном Куз Орду (Баласагуне), от имени Тонга/Тоган-хана Мухаммада б. Хасана. Следовательно, борьба за престол, о которой говорит 'Утби, происходила между Мухаммадом б. 'Али, с одной стороны, и Мухаммадом б. Хасаном и 'Али б. Хасаном, с другой. Хотя в среднеазиатской части каганата Мухаммад б. 'Али был вторым лицом после Арслан-хана и по официальному статусу, и по обширности удела, он проиграл борьбу за престол. Братья выступали единым фронтом, т.е. базой противников Мухаммада б. 'Али был весь центральный Мавара'аннахр — наиболее развитая в экономическом отношении часть каганата. Это обстоятельство, по-видимому, и объясняет успехи «Хасанидов» в борьбе за престол. Поскольку монеты с упоминанием Мухаммада б. 'Али доходят до 415 г., а монеты Ахмада б. Хасана — до 414 г., можно предположить, что оба погибли в ходе этой борьбы.

В отношении Ахмада это предположение подкрепляется следующими соображениями. До 415 г. Мухаммад б. Хасан (*Йинал-тегин*) и его брат 'Али (*Йанга-тегин*) занимали близкие, но не соседние места в официальной иерархии — между ними должен был находиться носитель титула *Арслан-тегин*. С 415 г. Мухаммад (*хан*) и 'Али (*илиг*) оказались на соседних ступенях иерархической лестницы, а значит, разделявшее их звено (*Арслан-тегин*)

около 415 г.х. выпало. Коль скоро из трех старших «тегинских» титулов два (*Йинал-тегин* и *Йанга-тегин*) принадлежали Хасанидам, к их числу должен был относиться и носитель «промежуточного» титула *Арслан-тегин*. Наиболее вероятным претендентом на этот титул представляется Ахмад б. Хасан, который, следовательно, должен был быть моложе Мухаммада, но старше 'Али. Иерархические передвижки обычно вызывались кончиной кого-либо из членов иерархии, в условиях же междоусобий, начавшихся в 415 г.х., наиболее правдоподобна именно насильственная смерть Арслан-тегина (Ахмада б. Хасана).

Как бы там ни было, власть нового кагана, Тонга-хана Мухаммада б. Хасана, была признана, судя по монетам 415–416/1024–26 гг., во всех среднеазиатских владениях Караханидов — от столичного Куз Орду до Бухары и Саганийана, где в 415–418 г.х. выпускались дирхамы с упоминанием Насир ал-хакк-хана, т.е. Мухаммада б. Хасана. Вторым лицом в среднеазиатской части каганата стал его брат 'Али. Он принял следующий после ханского титул *илиг* (*Арслан-илиг*) и немало увеличил свои владения, в состав которых вошли, по монетным данным, Бухара, Самарканд, Худжанд, Шаш и по меньшей мере часть Илака с Тункатом. Повысился официальный статус еще одного «Хасанида», Хусайна, ставшего Йинал-тегином, но фактически его положение не изменилось — он остался непосредственным владельцем Тунката.

Сохранили часть своих позиций некоторые «Алиды» второго поколения: Ахмад б. Мухаммад в Испиджабе и Таразе, Мухаммад б. Наср в Ахсикате и Узгенде. На какое-то время, очевидно, недолгое, последний даже увеличил свой удел, включив в него Илак (дирхамы 415 г.х.). Часть прав на Ахсикат получил его сын 'Аббас, первым из «Алидов» третьего поколения начавший чеканить там монету (дирхамы 415 г.х.).

Как свидетельствуют рукописные и нумизматические источники, через какое-то время после интронизации Мухаммада б. Хасана в среднеазиатские дела вмешался владелец Восточного Туркестана Йусуф б. Харун. По словам Байхаки [1969, с. 158], именно тогда последний завоевал Баласагун и «сделался ханом» с помощью Махмуда Газнави, поддержавшего его в борьбе с Тоган-ханом. На самом деле Йусуф «сделался ханом» задолго до того, так что выражение

Байхаки следует, очевидно, понимать в смысле «сделался великим ханом». Пока великим каганом был Мансур б. 'Али, представитель «старшей» ветви династии, ничьи интересы не были затронуты.

Провозглашение же Мухаммада б. Хасана явилось вопиющим нарушением майоратных прав Кадыр-хана Йусуфа: как старший из «Хасанидов» (и вообще в правящем роде), он имел безусловно больше прав на верховный престол.

Хотя в свое время Кадыр-хан участвовал в войне против Махмуда Газнави, теперь они заключили союз. Поводом для вторжения Махмуда рукописные источники называют жалобы жителей Мавара'аннахра на действия 'Али-тегина, не пропускавшего к тому же газнавидских послов, но более существенной причиной были, очевидно, его участвовавшие набеги на пограничные области Махмуда [МИТТ, т. 1, с. 366; Бартольд, 1963а, с. 344]. Когда в 416/1025 г. Махмуд с большим войском перешел Амударью, к нему присоединились амир Саганийана и хорезмшах Алтунташ, газнавидский вассал. Одновременно из Кашгара вторгся Йусуф. Во время встречи между государями, состоявшейся к югу от Самарканда, было решено отобрать у 'Али-тегина Мавара'аннахр и вручить его второму сыну Кадыр-хана, Йаган-тегину Мухаммаду, а союз Махмуда и Йусуфа укрепить браком между их детьми. Ни одно из решений выполнено не было. Махмуд разгромил союзных 'Али-тегину туркмен во главе с Исра'илом б. Сельджуком и взял его в плен, а газнавидский полководец Билгä-тегин вынудил 'Али-тегина покинуть Бухару и Самарканд. Затем Махмуд вернулся в Балх, куда явился Йаган-тегин, рассчитывавший на исполнение договора, но Махмуд отложил его реализацию, и гость возвратился ни с чем. Союз с Кадыр-ханом для Газнавидов был, конечно, важен, но и в его чрезмерном усилении они не были заинтересованы [Бартольд, 1963а, с. 344–347].

Своеобразное отражение нашли события 416 г.х. в составе Мунчактепинского клада из долины Кашкадарьи: наряду с мавара'аннахрскими «черными дирхамами», здесь есть восточнотуркестанские дирхамы Кадыр-хана и газнавидские дирхамы Махмуда, битые, в частности, в Балхе.

После ухода Махмуда за Амударью смуты в каганате продолжались. Как показывают дирхамы Куз Орду 416 г.х., из коих одни

биты Тонга-хаканом, другие — Кадыр-ханом, последний овладел Баласагуном именно в 416/1025–26 г. Соседний Тараз перешел к нему не раньше 417 г.х. В 416 или 417 г.х. в его руках оказался и Ташкентский оазис: на шашских монетах 415–416 гг.х. сюзереном назван Тоган-хан, на дирхамах илакского города Дахката 417 г.х. — Кадыр-хан. Дольше всего борьба продолжалась в Фергане, где она шла с переменным успехом. Так, на монетах Ахсиката 415 г.х. фигурирует Тонга-хан, 417 г.х. — Кадыр-хан, 417–418 гг.х. — вновь Тонга-хан, 419–420 гг.х. — опять Кадыр-хан, тогда как на монетах Узгенда 416, 418–420 гг.х. упомянут лишь последний. Упоминания Тонга-хана после 418 г.х. исчезают из монетных надписей, но не навсегда, а лишь на 10 лет. Следовательно, в ходе междоусобной войны, он, вопреки мнению М.Н.Федорова [1974, с. 174–175], не погиб, а только лишился к 419/1028 г. всех своих владений и, быть может, оказался в плену. Младшим каганом стал Арслан-хан Сулайман, сын Кадыр-хана Йусуфа.

Именно в это время на среднеазиатских монетах (Узгенд, 416 г.х., Ахсикат, 417 г.х.) впервые появляются упоминания брата и вассала Кадыр-хана — Сулаймана б. Харуна. Вполне вероятно, что он принимал активное участие в военных действиях против Тоган-хана и 'Али-тегина и был пожалован за службу Ферганой (или некоторыми ее городами и округами) и Самаркандом (фалсы 419 г.х.). Возможно, именно Сулайман боролся с Мухаммадом б. Хасаном за Фергану и захватил его в плен: монеты Тоган-хана вновь чеканятся сразу же после того, как из монетных надписей исчезают упоминания Сулаймана б. Харуна.

Политическую ориентацию других членов династии определить по монетам труднее. Например, «Алиды» Мухаммад б. Наср и его сын 'Аббас во время междоусобий признавали себя вассалами то Тонга-хана, то Кадыр-хана. Другой «Алид», Ахмад б. Мухаммад, на дирхамах Испиджаба 416 г.х. и Тараза 417 г.х. выступает вассалом Тонга-хана, более же поздние его монеты не известны (погиб?). На тункатских дирхамах «Хасанида» ал-Хусайна б. Хасана в 415 г.х. и 416(?) сюзереном назван Тонга-хан, в 418 г.х. — Кадыр-хан.

Как можно понять из рассказа Байхаки, главный союзник Тоган-хана, 'Али-тегин, после ухода Махмуда Газнави вновь утвердился в центральном Мавара'аннахре, где чувствовал себя пол-

ным хозяином. Из этого В.В.Бартольд [1963а, с. 347] заключил, что «'Али-тегин остался правителем Бухары и Самарканда». В общей форме это, конечно, верно, хотя монетные данные вносят существенные дополнения. Так, при ежегодном в 415–420/1024–29 гг. чекане 'Али б. Хасана в Бухаре, бухарские монеты Кадыр-хана вообще не известны. Следовательно, Бухару 'Али потерял на очень непродолжительный срок. Иной была судьба Самаркандского Согда. Еще в 419 г.х. в Самарканде и Иштихане выпускались фалсы с упоминанием Кадыр-хана, с того же года в обоих городах начинается чекан с титулатурой 'Али. Стало быть, именно в 419/1028 г. последний вернул самаркандскую часть бассейна Зарафшана. Более чем вероятно, что в связи с этим военным успехом на фалсах Самарканда 419–420 гг.х. появилось слово فتح «победа». Еще в 418/1027 г. был захвачен Киш, а значит, и весь бассейн Кашкадарьи.

На фалсах Усрушаны 419 г.х. фигурирует некий Му'ин ад-давла (но его сюзерен не назван), на фалсах 423 г.х. — 'Али б. Хасан и Самсам ад-давла Йаган-тегин (т.е. Йусуф б. Мансур б. 'Али).

После 418 г.х. Саганийан принадлежал не Караханидам, а Газнавидам. Согласно Байхаки [1969, с. 317], Саганийан входил в сферу влияния Газнавидов, а соседние области Хуттал, Кубадийан и Тирмиз принадлежали последним [Давидович, 1970, с. 87]. Тем не менее, из рассказа Байхаки явствует, что в 422/1031 г. владения 'Али-тегина начинались уже близ Тирмиза. Вероятно, это были приамударьинские территории к западу и северо-западу от Тирмиза.

Насколько позволяют судить монеты, после 418/1029 г. ситуация в каганате на несколько лет стабилизировалась — в том смысле, что борьба между Кадыр-ханом и 'Али б. Хасаном прекратилась и были установлены границы между их владениями. 'Али и теперь, как при Тоган-хане, оставался илигом, т.е. не претендовал на ханское достоинство и признавал старшинство Йусуфа. Вместе с тем от него не дошло монет с упоминанием Кадыр-хана (если не считать дирхамов Бухары 411 г.х.). Пока не сошел со сцены Тоган-хан Мухаммад б. Хасан, 'Али выпускал и дирхамы, и фалсы, причем в надписях дирхамов он признавал себя вассалом Мухаммада. Когда же из монетных легенд исчезли упоминания последнего, прекратился и серебряный чекан 'Али б.

Хасана, возобновившись лишь к 423 г.х., т.е. после смерти Кадыр-хана, скончавшегося именно в 423 г.х. Иными словами, 'Али на несколько лет отказался от выпуска дирхамов, но, конечно, не из-за отсутствия металла: ведь хватало же его и прежде, и после. Складывается впечатление, что он просто не желал открыто, официально признавать себя вассалом Кадыр-хана, а потому и не чеканил дирхамы, в надписях которых должен был бы упомянуть в качестве сюзерена своего врага, тогда как фалсы, обладавшие менее высоким статусом, он мог выпускать (и выпускал) совершенно самостоятельно, без всякого упоминания верховного государя.

Итак, три верхние ступени официальной иерархической лестницы занимали «Хасаниды»: Кадыр-хан Йусуф — великий каган, Арслан-хан Сулайман б. Йусуф — младший, 'Али б. Хасан — Арслан-илиг. Следующие две ступени тоже были у старших «Хасанидов» — Хусайна (Йинал-тегин) и Сулаймана б. Харуна (Арслан-тегин). Возрастает роль второго поколения той же семьи — в лице детей Кадыр-хана, Сулаймана и Мухаммада, а также сына 'Али-тегина, Йусуфа. В 415–417/1024–27 гг. часть прав на Кашгар и Йарканд по-прежнему оставалась в руках Сулаймана б. Йусуфа. Скорее всего, он сохранил свои позиции в Восточном Туркестане и в ближайшие последующие годы, но соответствующие монеты до нас не дошли. Возможно, власть Сулаймана распространялась в это время и на Барсхан (дирхамы 41х г.х.). Брат его Мухаммад получил Ташкентский оазис, где чеканил дирхамы (Тункат 421 г.х.; Шаш 421–422 гг.х.) без упоминания сюзерена, демонстрируя тем самым значительную самостоятельность. Старший сын 'Али б. Хасана, Йусуф, в 417–423/1026–32 гг. выступает непосредственным владельцем Бухары.

«Алиды» представлены тремя лицами. Потомки Насра б. 'Али оставались в Фергане: Мухаммад б. Наср упомянут на монетах Ахсиката (415, 417, 419, 423 г.х.), Кубы (ок. 416 г.х.), Маргинана (418, 423 г.х.), Риштана (423 г.х.), Узгенда (416, 418, 420–423 г.х.), Худжанда (423 г.х.); 'Аббас б. Мухаммад — на монетах Ахсиката (415, 417, 418 г.х.) и Касана (421, 423 г.х.). Как видно из этого перечня, по крайней мере к концу правления Кадыр-хана в состав удела Мухаммада б. Насра входила практически вся Ферга-

на плюс соседний Худжанд, 'Аббасу же принадлежала только северная часть области. При этом надо иметь в виду, что на более высокой иерархической ступени находился брат Кадыр-хана Сулайман б. Харун, который имел свою долю прав на Фергану и Худжанд. Согласно М.Н. Федорову [1990, с. 17], в 422 г.х. Уч (т.е., по его мнению, Ош) принадлежал другому «Алиду» — Атим-тегину Ахмаду б. Мухаммаду, но здесь двойная ошибка: место чекана соответствующего дирхама — не ферганский Уш, а восточнотуркестанский Уч, и время его выпуска — не 422, а 412 г.х. Таким образом, продлевать Ахмаду жизнь, по крайней мере политическую, нет никаких оснований: позже 417 г.х. его монеты неизвестны. Наконец, Йусуф б. Мансур б. 'Али владел соседней Усрушаной.

Не принадлежали к правящей династии владельцы Кармины. На фалсах 415 и 419 гг.х. фигурирует *Му'изз ад-давла Йабгу*, т.е. Муса б. Сельджук, на фалсах 417 г.х. — *Инанч Көкүз(?)*, т.е., возможно, он же, на фалсах 419 г.х. упомянут также *Сайф ад-давла*, т.е., видимо, его племянник Ибрахим Йинал. Названный на фалсах 420 г.х. Джабра'ил б. Мухаммад, быть может, происходил из той же семьи: если допустить, что Мухаммад — мусульманское имя Сельджука, все известные сыновья которого носили библейские имена, то Джабра'ил мог быть еще одним его сыном, не упомянутым в рукописных источниках. Если даже это не так, династийная принадлежность фалсов 415 и 419 гг.х., несущих сельджукскую тамгу, несомненна. Вместе с тем монеты Кармины 415–420 гг.х. должны рассматриваться и в рамках караханидского чекана, т.к. они биты на территории государства Караханидов. Никто из последних на этих фалсах не обозначен, но это, разумеется, отнюдь не свидетельствует о полной независимости владельцев Кармины, а лишь о значительной самостоятельности и, вероятно, большом объеме прав и привилегий. Надписи монет не открывают, кого они признавали своим сюзереном — 'Али б. Хасана, Кадыр-хана или кого-то еще. Однако из рукописных источников точно известно, что и до 415 г.х., и позднее 'Али-тегин опирался на Сельджукидов, всячески привлекая их на свою сторону. Поэтому более чем вероятно, что именно 'Али пожаловал Сельджукидам район Кармины. пожалование было временным: уже в 420 г.х. в Кармине были выпущены фалсы от имени одного только илига, т.е. 'Али б. Хасана [Кочнев, 1998, с. 5–15].

Как видно из обзора монет 415–423/1024–32 гг., ведущая роль в каганате перешла тогда к «Хасанидам», сыновьям и внукам Бугра-хана Харуна/Хасана. Они стояли во главе каганата, были держателями всех высших титулов, распространяли свою власть на всю территорию государства. «Алиды», представленные меньшим числом лиц, выступают непосредственными владельцами лишь немногих городов и областей, невысок и их официальный статус. Заметно сократилось число удельных правителей некараханидского происхождения, из коих по монетам известны лишь сельджукидские владельцы Кармины.

При Тоган-хане Мухаммаде б. Хасане столицей каганата был, как и прежде, Баласагун (Куз Орду). Стольным городом Кадыр-хана оставался Кашгар. Судя по дирхамам 425 г.х., Мухаммад владел также Барсханом, а значит, и Баласагуном. Иначе говоря, ему принадлежала вся северо-восточная часть среднеазиатских владений Караханидов. Однако вскоре начались очередные междоусобицы, о которых однозначно свидетельствует дирхам Куз Орду (Баласагуна) 427 г.х. с упоминанием совершенно неведомого Тоган-хана 'Али, который захватом Баласагуна по существу объявил себя великим каганом.

Последние годы единого каганата

Кадыр-хан скончался, согласно данным Джамала ал-Карши, 1 мухаррама 424 г.х., по сведениям же Ибн ал-Асира и «Маджма' ат-таварих» — в 423/1031–32 г., причем последнюю дату, как доказал Р.Фасмер [1930, с. 94–95], подтверждают монеты. По свидетельствам рукописных источников, старший сын Кадыр-хана, Сулайман, принял титул Арслан-хан и занял отцовский престол; он довольствовался верховной властью и владел Кашгаром, Хотаном и Баласагуном [Байхаки, 1969, с. 644; МИКК, с. 59–60]. Как показывает кашгарский фалс 422 г.х., на самом деле он стал Арслан-ханом еще при жизни отца, очевидно, в 418 г.х. Судя по дошедшим до нас дирхамам, битым при Арслан-хане в Куз Орду и Кашгаре, он никому не передавал свои непосредственные владения. Его кашгарских монет известно больше; это связано с тем, что и теперь местопребыванием великого кагана оставался Кашгар, куда газнавидские

посольства отправлялись как при Сулаймане, так и при его отце [Байхаки, 1969, с. 302, 644].

По словам Байхаки, Арслан-хан, когда «сделался ханом Туркестана», присвоил своему брату титул *Бугра-хан* [Байхаки, 1969, с. 644]. Из этого можно было бы заключить, что Мухаммад стал Бугра-ханом сразу же после смерти отца; именно так понял это место В.В.Бартольд [1963в, с. 44; 1964б, с. 507], которому следовали и все позднейшие специалисты. Между тем на монетах 424–425 г.х. Мухаммад упомянут точно так же, как до того, титул же *Бугра-хан* он стал помещать на монетах с 426 г.х., т.е. после кончины 'Али б. Хасана, который на монетах 423–426/1031–35 гг. назван *Табгач Бугра кара-хаканом*. Совершенно очевидно, что в эти годы младшим каганом был 'Али б. Хасан, тогда как Мухаммад б. Йусуф носил титул *Бугра-илиг*. Третьим каганом стал Кадыр-хан II, т.е. Сулайман б. Харун, брат Кадыр-хана I, владелец Ферганы, известный только по монетам

Итак, верховная власть перешла не к брату покойного великого кагана, а к его сыну, в государстве же оказалось сразу три хана. Налицо серьезное нарушение традиционной системы власти. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, представители старшего поколения правящего дома примирились с этим нарушением, с тем, что великим каганом был провозглашен не 'Али, как следовало, а его племянник. Вероятно, такое распределение власти в какой-то мере устраивало старших «Хасанидов». Ведь в их руках сохранились прежние владения, статус заметно повысился, а степень самостоятельности, очевидно, существенно возросла. Это выразилось, в частности, в том, что на дирхамах с упоминанием Сулаймана б. Харуна и 'Али верховный государь никак не назван.

Пока не вполне ясно, когда закончилось правление Кадыр-хана Сулаймана в Фергане. Его поздняя бесспорная монетная дата — 429 г.х., на одном из узгендских дирхамов 430 г.х. фигурирует, кажется, он же. С 429 г.х. вновь начинается ферганский чекан Тонга-хана, т.е. его брата Мухаммада б. Хасана. Если на дирхамах Узгенда 430 г.х. действительно назван Кадыр-хан, то это может означать, что он был жив еще в этом году, а в 429–430 гг.х. между братьями шла борьба за Фергану: в 429 г.х. Тонга-хан владел Ахсикатом, в 430 г.х. к нему перешла (после смерти или гибели Ка-

дыр-хана?) ферганская столица — Узгенд. Гораздо правдоподобнее видеть здесь совмещение разновременных штемпелей. Итак, царствование Кадыр-хана Сулаймана продолжалось до 429/1037–38 г., когда его сменил Тонга/Тоган-хан Мухаммад б. Хасан.

Самостоятельный чекан Мухаммада в Узгенде свидетельствует, очевидно, не о полной его независимости и даже не о претензиях на нее, а о весьма значительной самостоятельности и попытках присвоить большой объем прав.

Тем самым были, вероятно, затронуты интересы Кадыр-хана Сулаймана б. Харуна, еще при жизни Йусуфа б. Харуна получившего права на Фергану. И, надо думать, не случайно после 425 г.х. титулатура Мухаммада б. Насра на несколько лет исчезла из надписей монет ферганских городов, сменившись упоминанием Кадыр-хана II. М.Н. Федоров [1990, с. 14] утверждает, будто Мухаммад чеканил монету в Узгенде до 428 г.х., но это недоразумение: никто, кроме Кадыр-хана, на узгендских монетах 426–429 г.х. не назван. Из «Истории Мас'уда» точно известно, что в 429 г.х. в Узгенде сидел 'Айн ад-давла [Байхаки, 1969, с. 669, 682], т.е. Мухаммад б. Наср, хотя на узгендских монетах 426–433 г.х. он вообще не фигурирует. Вероятно, это надо понимать в том смысле, что в 425 г.х., когда в Узгенде начался выпуск монет Кадыр-хана II, Мухаммад за чрезмерную самостоятельность был лишен весьма значительной доли прав, включая право помещать на монетах свое имя или титулатуру, но определенные позиции в Фергане (и даже в столице области) сохранил. Судя по фалсам Усрушаны 423 г.х., этой областью владел 'Али б. Хасан. Как показывает худжандский фалс с плохо сохранившейся датой и упоминанием 'Али, между 423–426/1031–34 гг. Мухаммад потерял Худжанд.

Сын Мухаммада б. Насра, 'Аббас, оставался владельцем северной Ферганы, где чеканил монету в Ахсикате (426–428, 430–433 г.х.) и Касане (427, 429–434 г.х.), Судя по Варухской надписи 433 г.х., какое-то время его власть распространялась также на Исфару, т.е. часть южной Ферганы [Литвинский, с. 114–119; Кочнев, 1979а, с. 120–122]. На монетах 426–428 г.х. он упоминал Кадыр-хана, на более поздних его монетах сюзерен не назван. Вероятно, при Тонга-хане Мухаммаде б. Хасане степень самостоятельности 'Аббаса возросла.

В центральном Мавара'аннахре продолжалось царствование 'Али б. Хасана, чьи владения существенно увеличились за счет Усрушаны и Худжанда. Вероятно, он продвинул границы своего удела до Ферганы, воспользовавшись смертью Кадыр-хана Йусуфа. В.В. Бартольд [1964а, с. 491] называет столицами 'Али-тегина Самарканд и Бухару. Рукописные источники, прежде всего «История Мас'уда», действительно дают основания для такого вывода. Между тем на большинстве бухарских монет 417–426/1026–35 г.х., помимо самого 'Али, фигурирует также его старший сын Йусуф, непосредственный владелец Бухары, тогда как на монетах Самарканда упомянут только 'Али б. Хасан. Следовательно, его официальной столицей считался именно Самарканд.

Отношения 'Али б. Хасана с Газнавидами оставались сложными и после того, как в 421/1030 г. Махмуда сменил его сын Мас'уд. В 423/1032 г. последний поручил войну с 'Али-тегином своему вассалу, хорезмшаху Алтунташу, отправив ему вспомогательный отряд. Сражение, в котором на стороне 'Али-тегина участвовали Сельджукиды, состоялось близ Дабусийи, было очень кровопролитным, но не принесло решающего успеха ни одной из сторон. Хорезмшах был смертельно ранен, однако его опыт и самообладание, плюс тактическое искусство его вазира позволили организовать отступление и избежать разгрома [Бартольд, 1963а, с. 357–358; Байхаки, 1969, с. 432–444]. Из подробного рассказа Байхаки совершенно очевидно, что рать Алтунташа была очень сильно потрепана, а в одном месте он прямо говорит о «жестоком поражении» «наших йаксуваров» [Байхаки, 1969, с. 440]. В другом же месте он утверждает, будто «'Али-тегин потерпел поражение» [Байхаки, 1969, с. 418]. В последнем случае отразилась, очевидно, официальная газнавидская версия событий.

О караханидской точке зрения на те же события дают представление монетные надписи. Как нам удалось установить, Дабусийа на монетах 423–428 г.х. названа *Кутлуг Орду* (букв. «счастливая ставка»). Думается, присвоение Дабусийе такого «звания» могло иметь место в том случае, если караханидская сторона рассматривала дабусийскую битву 423 г.х. как свой несомненный и большой успех. И для этого у 'Али б. Хасана, особенно когда стало известно об истинных причинах отступления противника, т.е.

гибели предводителя вражеской армии, было больше оснований, чем у Газнавидов: враги отступили, не добившись своей основной цели — изгнания 'Али-тегина из Мавара'аннахра, тогда как 'Али, заставив их отступить, сохранил все свои владения [Кочнев, 1990, с. 207–209].

На дирхаме, битом в *Кутлуг Орду ад-Дабусийе* в 424 г.х., на об.ст. упомянут *Исма'ил б. Махмуд*, на л.ст. — *'Али б. Хасан*. Судя по этой монете, 'Али пожаловал часть долины Зарафшана в районе Дабусийи некоему Исма'илу, получившему при этом значительные права и привилегии, в том числе престижное право помещать свое имя на монетах, причем на почетном месте — сразу после халифа. Из прочих вассалов 'Али б. Хасана на монетах фигурируют только его сын Йусуф и Сельджукиды. Но среди тогдашних Караханидов и Сельджукидов не известны носители имен *Исма'ил* и *Махмуд*, так что Исма'ил б. Махмуд не мог происходить ни из той, ни из другой династии. Его отцом не мог быть и Махмуд Газнави, чьи сыновья носили совсем другие имена. Исма'илом звали сына хорезмшаха Алтунташа, чьим мусульманским именем, которое рукописные источники не сообщают, могло быть имя *Махмуд*. Казалось бы, трудно и представить, чтобы сын хорезмшаха, потерявшего жизнь в войне с 'Али-тегином, мог принять от последнего пожалование уже на следующий год после гибели отца. Однако это обстоятельство не помешало Харуну, старшему сыну и преемнику Алтунташа, в 425/1034 г. заключить союз с 'Али [Бартольд, 1963а, с. 359]. Итак, не исключено, что Исма'ил б. Махмуд — это Исма'ил Хандан, сын Алтунташа, в том же году сменивший брата на хорезмском престоле. Если это так, то, судя по обсуждаемому дирхаму, компромисс между 'Али-тегином и потомством Алтунташа был достигнут еще в 424 г.х., и мирные отношения между сторонами были закреплены пожалованием Исма'илу Хандану района Дабусийи. Разумеется, это не означало, что Исма'ил должен был непременно сидеть в Дабусийе; оставаясь в Хорезме, он мог получить право на часть доходов с объекта пожалования.

По Байхаки [1969, с. 548, 570], в середине раби' I 426 г.х. (конец января 1035 г.) до Нишапура дошел слух о смерти 'Али-тегина, вскоре вполне подтвердившийся. Тот же автор уверяет, будто лишь

после его кончины Сельджукиды покинули Мавара'аннахр и переселились в Хорезм, где в зу-л-хиджжа 425 / октябре 1034 г. подверглись нападению владетеля Джанда [Байхаки, 1969, с. 825]. Из этого В.В. Бартольд [1963а, с. 361] заключил, что 'Али умер летом или осенью 425/1034 г. Между тем от 'Али дошли монеты, битые в 426 г.х. в Бухаре (два типа), Самарканде (два типа) и Хутлуг Орду. Поскольку невозможно предположить совмещение разновременных штемпелей во всех этих случаях, приходится признать некоторые хронологические указания Байхаки ошибочными, а смерть 'Али б. Хасана отнести к началу 426 / рубежу 1034–35 гг.

Власть в Мавара'аннахре перешла к его старшему сыну, которого Байхаки [1969, с. 622] называет илигом. Как показывают монеты 426–433 г.х., Йусуф б. 'Али, прежде титуловавшийся Арслан-тегином, теперь действительно стал Арслан-илигом. В рассказах Байхаки преемник 'Али-тегина предстает суверенным государем, с которым Газнавиды поддерживают дипломатические отношения так же, как с ханами. Суверенитет Йусуфа проявлялся также в совершенно самостоятельной (без упоминания сюзерена) монетной чеканке, как медной, так и серебряной. В то же время Йусуф б. 'Али, будучи илигом, занимал лишь четвертое место в официальной караханидской иерархии — после Арслан-хана, Бугра-хана и Кадыр-хана II, а затем Тонга-хана.

Соправителем Йусуфа был его брат, которого Байхаки неоднократно упоминает, но не называет ни по имени, ни по титулу. М.Н. Федоров [1974, с. 176] предположил, что фигурирующий на дирхамах 443 г.х. Харун б. 'Али — сын 'Али-тегина. Это вполне вероятно. Добавим лишь, что помещенная на некоторых монетах кунья 'Али б. Хасана *Абу-л-Хасан*, как представляется, указывает на второе возможное имя его сына *Хасан* — такое же, как у деда.

Монеты Йусуфа образуют две группы. На одних назван только он (Бухара 426–428, 430–433 г.х., Самарканд, 427–429 г.х.), на других — только Тоган/Тонга-хан Мухаммад б. ал-Хасан (Бухара и Самарканд 429–430 г.х.). Казалось бы, это прямое свидетельство того, что в 429–430/1037–39 гг. последний отобрал у своих племянников центральный Мавара'аннахр или, по крайней мере, долину Зарафшана. Правда, рассказывая о событиях, происходивших в Мавара'аннахре в 429–430 г.х., Байхаки упомина-

ет только сыновей 'Али-тегина и ничего не говорит о Тоган-хане, хотя такой государь ему был известен. Сам по себе факт умолчания как будто не опровергает такого истолкования монет 429–430 г.х.: всё же газнавидский историк писал летопись государства Газнавидов, а не Караханидов, и вовсе не обязан был освещать всё происходящее у соседей. Всё это так. В то же время из «Истории Мас'уда» совершенно очевидно, что газнавидское правительство самым пристальным образом следило за всеми событиями в Мавара'аннахре и даже держало там осведомителей. Это и понятно: от тамошней ситуации во многом зависела обстановка на северных рубежах державы Газнавидов и спокойствие пограничных ее областей. И представляется очень мало вероятным, чтобы утрата власти (даже временная) сыновьями 'Али-тегина, «неопытными юнцами», так раздражавшими Газнавидов, осталась бы не замеченной газнавидским правительством и не зафиксированной газнавидским летописцем. Уж скорее следует предположить, что Йусуф б. 'Али по каким-то причинам был вынужден или счел выгодным признать своим непосредственным сюзереном Мухаммада б. Хасана, родного брата и союзника (в 415–418 г.х.) его отца, причем в этой двухступенчатой иерархии одни монеты отразили верхнюю ступень, другие — нижнюю.

Итак, ситуация, сложившаяся в каганате в 430/1038–39 г., выглядит следующим образом. Арслан-хану Сулайману принадлежали Восточный Туркестан и Семиречье, его брату Бугра-хану Мухаммаду — Тараз, Испиджаб и Шаш (с Илаком), их дяде Тоган-хану Мухаммаду б. Хасану — Фергана, а его сюзеренитет признавался в центральном Мавара'аннахре, чьим владельцем фактически был его племянник Йусуф б. 'Али Арслан-илиг, занимавший четвертое место в официальной иерархии. Таким образом, весь каганат был разделен между четырьмя «Хасанидами». Другая ветвь правящей династии, «'Алиды», представлена Мухаммадом б. Насром и его сыном 'Аббасом. Официальный статус этих удельных князей был невысок, но они сохраняли свои позиции в Фергане. Наконец, именно теперь на политической (и нумизматической) арене вновь, после долгого перерыва, появился брат Мухаммада б. Насра Ибрахим. Событие это повлекло весьма серьезные последствия, явившиеся важным рубежом в истории каганата.

Разделение Караханидского государства на Западный и Восточный каганаты

В «Истории Мас'уда» Бөри-тегин Ибрахим впервые упомянут под 429/1038 г., когда он бежал из плена от сыновей 'Али-тегина и сперва направился в Фергану, но затем вынужден был удалиться в приамударьинские владения Газнавидов. Между тем у Гардизи рассказ о появлении Бөри-тегина на политической арене помещен сразу же после повествования о событиях 428/1036–37 г. И эта дата вполне подтверждается надписями дирхама Худжанда 428 г.х., на котором стоит лакаб Ибрахима б. Насра. Очевидно, Ибрахим, по Байхаки, вырвавшийся из плена с отрядом вооруженных всадников, смог с помощью этого отряда захватить одно из окраинных владений сыновей 'Али-тегина, а именно Худжанд. Впрочем, удержался он там недолго: уже в 429 г.х. он был в Узгенде, в начале 430 / осенью 1038 г. вторгся в Хутталан, а затем захватил Саганийан.

В том же году начался саганийанский чекан Ибрахима, продолжавшийся до 434/1042–43 г. и исчерпывающе изученный Е.А. Давидович [1970, с. 73 сл.]. На дирхамах 430 г.х. фигурирует также 'Али, наместник Ибрахима или вассальный владелец, но не ясно, принадлежал ли он к местной саганийанской династии. По М.Н. Федорову [1980, с. 41], на монетах 431 г.х. вассалом Ибрахима выступает, возможно, его сын Наср, но такое заключение могло родиться только в результате невнимательного чтения работы Е.А. Давидович [1970, с. 83–84, 86–87, 96], в которой она с полным основанием объяснила появление монет этого типа совмещением разновременных штампов, в Насре же видела местного владельца, известного по дирхамам 420 г.х.

Овладев Саганийаном, Ибрахим в том же 430 г.х. повел решительную и успешную борьбу с сыновьями 'Али-тегина; уже к началу 431 / осени 1039 г. было «близко [к тому], что он отнимет у них область Мавераннахр». Всё же они оставались значительной силой в рамадане 431 / мае 1040 г., когда Сельджукиды оповестили о своей победе над Мас'удом и их, и Бөри-тегина [Байхаки, 1969, с. 724, 763]. Это — последнее письменное известие о сыновьях 'Али-тегина.

Ход этой борьбы хорошо прослеживается и по монетам. В 431 г.х. Ибрахим чеканил дирхамы уже в Кише и Самарканде, в 432 г.х. — в Бухаре, причем последняя дата не вызывает сомнений, т.к. в одном случае находится вместе с именем Ибрахима на одной стороне монет. Бухарский чекан 433 г.х. представлен фалсами Йусуфа б. 'Али (имя и дата на одной стороне кружка) и образующими много типов дирхамов и фалсов Ибрахима б. Насра. Очевидно, последний в 432 г.х. овладел Бухарой, затем потерял ее, а в 433 г.х. захватил окончательно. Насколько важен был для Ибрахима этот успех в затянувшейся борьбе за Бухару, видно хотя бы из того, что в надписи бухарских дирхамов 433 г.х. включены две коранические цитаты с упоминанием «победы», одна из них на среднеазиатских монетах больше не встречается, другая («помощь от Аллаха и близкая победа...») более традиционна. Надо полагать, Ибрахим, прославившийся своим благочестием [Бартольд, 1963а, с. 374], воспринимал (или пытался представить) окончательную победу над Йусуфом б. 'Али как достигнутую «с божьей помощью». Неизвестно, сохранил ли Йусуф после этого жизнь, но владения в Мавара'аннахре он определенно утратил: монеты, битые после 433 г.х., его не упоминают.

Еще в 431 г.х., захватив столицу Мавара'аннахра, Самарканд, Ибрахим б. Наср провозгласил себя ханом и сделал Самарканд своим стольным городом на три десятка лет. Уже В.В. Бартольд отчетливо осознавал, что с воцарением здесь Ибрахима держава Караханидов разделилась на две части — Мавара'аннахр и Восточный Туркестан с Семиречьем [Бартольд, 1963а, с. 367; 1963д, с. 630]. Более подробно остановился на этом вопросе О. Прицак. Он четко сформулировал, что в 433 г.х. оформились два отдельных караханидских государственных образования — Восточный каганат со столицей в Баласагуне (позднее в Кашгаре) и Западный каганат с центром в Узгенде (позднее в Самарканде). Однако создателем Западного каганата О. Прицак [1950, с. 227–228; 1953, с. 37, 44–45] считал не Ибрахима, а его брата Мухаммада, который, будучи старшим из них, принял наивысший титул *Арслан-хан*, тогда как Ибрахим, ставший *Табгач Бугра-ханом*, был его «сокаганом». Концепция О. Прицака базируется прежде всего на монетных данных. Е.А. Давидович подробно рассмотрела его ар-

гументацию, привлекла дополнительные нумизматические материалы и убедительно показала, что его выводы основаны на неверной атрибуции монетной титулатуры, в частности, титула *Арслан-хан*, который никогда не принадлежал Мухаммаду б. Насру, всю жизнь остававшемуся лишь одним из удельных князей. На самом деле, заключила Е.А. Давидович [1968б, с. 69 сл.], первым главою Западнокараханидского каганата был Ибрахим, столицей же с самого начала являлся Самарканд, а не Узгенд. Точка зрения исследовательницы, аргументированная исчерпывающе и убедительно, дополнительных доказательств, в сущности, не требует. Новые монеты лишь усиливают ее позицию, уточняя к тому же дату принятия Ибрахимом ханского титула — 431 г.х.

Поскольку большая часть (8 с лишним месяцев) 431 г.х., соответствующего 1039–40 гг. н.э., приходится на 1040 г., а Ибрахим успел выпустить в 431 г.х. в Кише и Самарканде по 2 «вида» дирхамов с княжеским титулом, более чем вероятно, что принятие им ханского титула падает именно на 1040 г. Стало быть, уточненной датой создания Западного каганата следует считать 431/1040 г.

Восточный каганат после 431/1040 г.

Не известно, как воспринял действия Ибрахима б. Насра и особенно самовольное провозглашение его ханом Арслан-хан Сулайман. На первый взгляд, кое-какую информацию на сей счет можно извлечь из рассказа Ибн ал-Асира о том, как в 435/1043–44 г. Арслан-хан разделил «страну» между родственниками, отдав одному брату, Бугра-хану, Тараз и Испиджаб, другому брату, Арслан-тегину, «многое из Страны тюрков», дяде, Тоган-хану, Фергану, а Ибн 'Али-тегину — Бухару с Самаркандом и другие города, сам же удовлетворился Баласагуном и Кашгаром и повиновением своих родственников [МИКК, с. 60]. Если понимать этот текст буквально, то выходит, что Арслан-хан в 435 г.х. мог распоряжаться судьбой всех караханидских владений, Ибрахима не признавал вовсе, законным же правителем Мавара'аннахра считал не его, а сына 'Али-тегина. Между тем еще В.В. Бартольд [1964д, с. 291–292, прим. 192] указал, что «это свидетельство Ибн ал-Асира по меньшей мере не совсем точно», Арслан-хан «мог лишь санкционировать фактиче-

ски происшедший раздел империи». По мнению О. Прицака [1950, с. 221–222], раздел 435 г.х. — своего рода анахронизм: еще в 429 г.х. Ферганой владел Мухаммад б. Наср, к 433 г.х. Мавара'аннахр принадлежал его брату Ибрахиму, а не сыну 'Али б. Хасана; следовательно, «Хасаниды», чувствуя угрозу со стороны «'Алидов» и поэтому желая уладить свои внутренние раздоры, делят «сферы влияния». Соображения эти, конечно, заслуживают внимания. Попробуем, однако, продолжить мысль О. Прицака. Если «Хасаниды» вполне осознали «алидскую» опасность и даже съехались на «конгресс» для ее обсуждения, следовало бы ожидать не просто раздела сфер влияния, но прежде всего реальных мер для борьбы с этой угрозой. Однако ни рукописные источники, ни монеты, битые около 435 г.х., не сохранили никаких следов такой борьбы. Поэтому можно предложить следующее истолкование данного отрывка. Арслан-хан действительно узаконил существующее положение вещей, но не в 435 г.х., а несколько раньше, возможно, около 430 г.х., когда Тоган-хан уже владел Ферганой, а Йусуф б. 'Али еще правил в Мавара'аннахре.

Такое понимание текста предполагает наличие в нем хронологической ошибки. Неверные даты встречаются в хронике Ибн ал-Асира, особенно в караханидских разделах с их многочисленными неточностями. Определенно есть ошибка и в разбираемом пассаже: как показывают монеты, Арслан-тегин был сыном не Кадыр-хана Йусуфа, а фигурирующего в том же отрывке Тоган-хана (Мухаммада б. Хасана), т.е. приходился Арслан-хану не родным, а двоюродным братом (см. гл. 3). При таких обстоятельствах данный текст, не лишенный ошибок и допускающий разные истолкования, не может служить надежным источником для характеристики реакции «Хасанидов», родственников сыновей 'Али б. Хасана, на захват Мавара'аннахра Ибрахимом. Да и не похоже, чтобы последний при этом затронул непосредственные интересы сыновей Кадыр-хана, ибо завоевал только то, что им не принадлежало. Возможно, они даже воспользовались борьбой между Ибрахимом и потомством 'Али-тегина и увеличили свои владения. Судя по монетам, 'Али в конце жизни включил в состав своего удела Худжанд и Усрушану. В одном из аукционных каталогов фигурирует худжандский дирхам 431 г.х. с упоминанием Бугра-хана. Если здесь

нет ошибки, то можно предположить, что именно во время борьбы Ибрахима за центральный Мавара'аннахр, когда сыновья 'Али б. Хасана не могли уделить должного внимания защите своих северо-восточных границ, Бугра-хан Мухаммад, владевший Шашем и Илаком, смог присоединить к своему уделу соседний Худжанд. Позднее Худжанд определенно входил в состав Восточного, а не Западного каганата: на худжандских дирхамах 434, 441 и 444 г.х. фигурирует Арслан-хан и его вассал Мухаммад б. Наср.

Сложнее вопрос с Усрушаной. По данным Ибн ал-Фувати, в 436/1044 г. Мухаммад б. Наср управлял Усрушаной, Худжандом и частью Ферганы «от имени своего брата Тафгач-хана Ибрахима». Переводчик и первый исследователь этого текста З.М. Буниатов [1981, с. 8–10] обратил внимание на противоречие между данным сообщением и показаниями монет, называющих сюзереном Мухаммада Арслан-хана Сулаймана, и подчеркнул, что хотя предпочтение следует отдать монетам, они не зачеркивают «и свидетельство письменного источника, который мог отразить реальные связи братьев». Каковы бы ни были эти связи, в 434, 441 и 444 г.х. в Худжанде, в 445–447 г.х. в Кубе и Маргинане (т.е. в южной Фергане) Мухаммад б. Наср официально признавал себя вассалом Арслан-хана; более чем вероятно, что то же самое было и в соседней Усрушане. Считать ошибочным указание на сюзеренитет Ибрахима тем больше оснований, что оба караханидских фрагмента из сочинений Ибн ал-Фувати, автора XIII–XIV вв., полны ошибок и неточностей: утверждается, будто Ибрахим б. Наср «занял место» своего отца после его смерти, Мухаммад б. Наср назван то *Мухаммад б. 'Али*, то *Мухаммад ан-Наср*, а Ибрахим — *Тафгач б. Бугра-хан* (вместо *Тафгач Бугра-хан*), и т.д. Таким образом, можно думать, что Усрушана разделила судьбу Худжанда, т.е. обе области были включены в состав Восточного каганата в начале 430-х г.х. в связи с войной между Ибрахимом и сыновьями 'Али-тегина. Разумеется, это не более чем предположение, справедливость которого могут подтвердить только новые монетные находки.

Вероятно, с этой войной связано и изменение официального статуса Мухаммада б. Насра: еще на монетах 425 г.х. он назван *Куч-тегином*, в Варухской надписи, датированной началом джу-

мада I 433 г.х., он именуется *илигом* [Кочнев, 1979а, с. 120–121]. Возможно, последний титул перешел к Мухаммаду от Йусуфа б. 'Али, чьи монеты доходят до 433 г.х., когда Йусуф либо погиб, либо сошел с исторической (и нумизматической) арены. Если это так, то Мухаммад б. Наср стал илигом в пределах первых четырех месяцев 433 г.х.; тогда же биты и последние бухарские фалсы Йусуфа. В любом случае Мухаммад не позже 433 г.х. занял четвертое место в официальной иерархии Восточного каганата — после Арслан-хана, Бугра-хана и Тонга/Тоган-хана.

Тоган-хан Мухаммад б. Хасан был последним представителем старшего поколения «Хасанидов». Несмотря на свое старшинство, он был лишь третьим лицом в Восточном каганате, а его владения, согласно Ибн ал-Асиру, ограничивались Ферганой; судя по монетам, на Худжанд его власть уже не распространялась.

В 430 г.х. от его имени дирхамы чеканились в Ахсикате, в 429–433, 436 г.х. в Узгенде, в 439–40 г.х. в Маргинане. Надо полагать, в той части Ферганской долины, которая (по данным Ибн ал-Фувати) принадлежала Мухаммаду б. Насру, последний признавал сюзеренитет Тоган-хана, но в монетном чекане это не нашло отражения. На дирхамах Ахсиката и Касана 431–434 г.х. фигурирует только 'Аббас б. Мухаммад б. Наср, однако его невысокий официальный статус (в Варухской надписи он назван *Арслан-тегином*) не позволяет считать его полностью независимым правителем; очевидно, и он был вассалом Тоган-хана. Похоже, 'Аббас присвоил этот титул самовольно: уже в 433 или 436 г.х. Арслан-тегином титуловался также Ахмад б. Мухаммад, сын Тоган-хана Мухаммада б. Хасана, имея на то больше прав, ибо был одним поколением старше 'Аббаса. Впрочем, не исключено, что в это время титул *Арслан-тегин* был уже не столь «ранговым», как прежде.

Как ясно из рассказа Ибн ал-Асира о «разделе» государства Арслан-хана, Арслан-тегин (Ахмад б. Мухаммад), получивший «многое из Страны тюрков», принадлежал к числу крупнейших правителей Восточного каганата. И хотя он носил титул такой же, как у 'Аббаса, и менее высокий, чем у Мухаммада б. Насра, фактическое его могущество было существенно больше. В 433 или 436, а также в 444 г.х. он выпускал монеты в Тункате, в 443 г.х. — в Кубе и Маргинане, в 444 г.х. — Барсхане, а позднее — также в Куз Орду и Уче.

В 440-х г.х. (пока неясно, в каком именно году) повысился и официальный статус Ахмада, ставшего Арслан-илигом.

Есть основания связывать с Ахмадом б. Мухаммадом рассказ Махмуда ал-Кашгари об Арслан-тегине, который с 40-тысячным войском перешел реки Или и Ямар (Эмиль? Обь?) и одержал победу над огромной армией неверных (численностью будто бы в 700 тысяч человек) во главе с Бука-Будрачем. Ко времени написания труда Махмуда ал-Кашгари (464–466/1072–74 гг.) вокруг этого события успел сложиться цикл преданий, но оно, по мнению В.В. Бартольда [1968б, с. 85–86], произошло сравнительно незадолго до составления труда Махмуда, беседовавшего с одним из участников похода. О.Прицак [1953, с. 41] счел возможным отнести этот поход ко времени правления Тогрыл-хана (451–467 гг.х.), но никак не обосновал такую точку зрения, которая не кажется убедительной: в этом случае к поре создания «Словаря тюркских наречий» цикл легенд о подвигах Арслан-тегина сложиться не мог. Совершенно иначе — 2-й половиной X в. — датирует то же самое событие О. Караев [1983, с. 110–112], однако и он по существу не аргументирует свою позицию. Она получила бы право на существование, если б удалось доказать тождество Арслан-тегина Мухаммада б. 'Али и Арслан-тегина, победившего Бука-Будрача. Казалось бы, непреодолимых хронологических препятствий для такого отождествления нет: судя по монетам, Мухаммад б. 'Али был Арслан-тегином между 388–403/998–1013 гг., а участник событий конца X — начала XI в. не мог дожить до времени Махмуда ал-Кашгари. Всё же в те годы Мухаммад б. 'Али был лишь одним из сравнительно мелких удельных князей и едва ли был в состоянии организовать столь крупномасштабное предприятие: кроме того, тогда он не имел владений восточнее Тараза. Еще меньше оснований сопоставлять с победителем Бука-Будрача того Арслан-тегина б. Улуг-тегина, который фигурирует только на дирхамах Ферганы 381 г.х. в качестве «наместника» завоеванной области: в ту пору основные усилия Караханидов были направлены на борьбу с Саманидами в Мавара'аннахре, а не с северными «за тридевять земель».

Совсем иное дело — Арслан-тегин Ахмад б. Мухаммад. Один из главных правителей Восточного каганата, он получил «многое

из Страны тюрков». При всей кажущейся неопределенности этого указания ясно, что, поскольку Таразом, Баласагуном и Кашгаром владел не он, ему должны были принадлежать самые северо-восточные области каганата, включая Барсхан (на последнее монеты указывают однозначно). Иногда он получал владения в Мавара'аннахре — Тункат, Кубу, Маргинан. Итак, Ахмад располагал, во-первых, наиболее удобным плацдармом для похода на восток, во-вторых, очевидно, немалыми материальными и людскими ресурсами, чтобы обеспечить успех такого похода. Что же касается хронологии, то он носил титул *Арслан-тегин* в 430-х и частично в 440-х гг. (до 444 или 447 г.), и участник событий тех лет вполне мог дожить до времени Махмуда, а сами эти события — обрасти преданиями.

Таким образом, из трех носителей титула *Арслан-тегин*, имевших отношение к восточным землям каганата, наиболее вероятным «героем» рассказа Махмуда ал-Кашгари представляется Ахмад б. Мухаммад б. Хасан, а временем похода на Бука-Будрача — середина XI в.

На монетах Ахмад выступает то вассалом Бугра-хана, то самостоятельным эмитентом, то сюзереном других удельных князей — Насра (443 г.), Айуба, Бугра-тегина и носителя лакаба *Нур ад-давла*; на большинстве этих дирхамов выпускные сведения не сохранились.

Вообще число удельных правителей, фигурирующих на монетах 430–440-х гг., весьма значительно. На дирхамах Испиджаба 435(?) г. в качестве вассала Бугра-хана упомянут *Сайф ад-давла Тоган-тегин*, т.е., возможно, Исрафил б. Мухаммад б. Хасан (см. гл. 3). На дирхамах Барсхана 425 и Испиджаба 437(?) и 444(?) г. назван другой вассал Бугра-хана — *Чагры-тегин*. Это, очевидно, тот самый Чагры-тегин Хусайн, который, по данным рукописных источников, был старшим сыном и наследником Бугра-хана Мухаммада и получил от отца большую часть области Тараз и Испиджаб [Караев, 1983, с. 161–162]. Правда, сообщается, будто Чагры-тегин получил эти владения незадолго до кончины отца (т.е. в конце 440-х гг.), однако монеты показывают, что по крайней мере правителем Испиджаба он стал намного раньше. В качестве вассалов Бугра-хана на монетах фигуриру-

ют также *Йаган Турк-тегин* и *Зайн ад-давла Тоган(?) -тегин*; принадлежность этой титулатуры не установлена, а при отсутствии на соответствующих дирхамах выпускных сведений невозможно определить и владения ее носителей. Очень выразительна картина, которую рисует ферганский чекан середины XI в. Маргинанские монеты Тонга-хана доходят до 440 г., с того же года начинается выпуск дирхамов с упоминанием Арслан-хана в Узгенде, Бугра-хана и Джалал ад-давла Тонга-тегина в Ахсикате. Поскольку М.Н. Федоров [1990, с. 17] счел (вслед за О. Прицаком), будто Тонга-тегин — это прежний Тонга-хан, он заключил, что последний подвергся нападению Арслан-хана и потерял большую часть Ферганы, а чтобы обезопасить себя от Арслан-хана, признал себя вассалом Бугра-хана. На самом деле караханидская история не знает подобных «саморазжалований», и Тонга-тегин — это некий не известный ближе князь, не тождественный Тонга-хану Мухаммаду б. Хасану. К 440 г. этот последний «Хасанид» старшего поколения, чеканивший монеты еще в 399 г., должен был достигнуть весьма солидного возраста, и очень вероятно, что исчезновение его титулатуры из монетных надписей объясняется его естественной смертью в 440/1048–49 г. После этого его владение, Фергана, было поделено между его племянниками: северная часть долины (с Ахсикатом) отошла к Бугра-хану Мухаммаду, остальное (Узгенд, Куба, Маргинан) — к Арслан-хану Сулайману. В качестве непосредственного владетеля в Ахсикате до самого конца жизни Бугра-хана утвердился Тонга-тегин. У Сулаймана же в Фергане было несколько вассалов. Чаще всего упоминается *Фахр ад-давла* (*Адуд ад-давла*) *Бахрам* — на дирхамах Узгенда 440–442, 444–445 гг., Кубы и Маргинана 442, 444–445 гг.; возможно, он тождествен Бөри-тегину, названному на монетах Кубы и Маргинана 442 г. На дирхамах Кубы 445 и 446(?) г. его непосредственным сюзереном выступает *Имад ад-давла*, т.е. Йусуф б. Сулайман, сын Арслан-хана. Трехступенчатую иерархию отразили монеты Кубы 445–447 и Маргинана 446–447 гг.: *Арслан-хан*, *Мухаммад б. Наср*, *Шихаб ад-давла*. Монетные легенды не позволяют определить принадлежность этого последнего лакаба, но его носителем вполне мог быть сын Мухаммада б. Насра 'Аббас, который соорудил (или завершил) для своего отца мавзо-

лей Шах-Фазил в северной Фергане и, следовательно, по крайней мере до 447 г.х. сохранял какие-то позиции в Ферганской долине [Настич, Кочнев, с. 73–76]. На дирхамах Кубы и Маргинана 443 г.х. названы только *Арслан-тегин* (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) и его вассал *Харун б. ‘Али* (сын ‘Али б. Хасана?), тогда как на других хронологически близких монетах явно ферганского происхождения, но с утраченными выпускными сведениями первый выступает вассалом Мухаммада б. Насра и Арслан-хана, второй — Арслан-хана. Налицо пестрая и сложная картина с частой сменой удельных владетелей и многоступенчатой иерархией.

Велико не только число удельных князей в пределах тогдашнего Восточного каганата, весьма значительна и самостоятельность некоторых из них, выражавшаяся в чеканке дирхамов без упоминания сюзерена. Такую чеканку мог себе позволить не только могущественный правитель типа Арслан-тегина Ахмада, но даже такой мелкий владетель, как ‘Аббас. В целом монеты восточно-караханидских правителей 430–440-х гг.х. демонстрируют явное ослабление вассальных связей, свидетельствуют об очень далеко зашедшей феодальной раздробленности. Особенно это заметно в сравнении со временем правления отца Арслан-хана, Кадыр-хана, и с той ситуацией, которая сложилась тогда в Западном каганате при Ибрахиме б. Насре. Даже скудные сведения рукописных источников позволили В.В. Бартольд [1963в, с. 44] заключить: «очень вероятно, что в эту эпоху, благодаря слабости Арслан-хана, авторитет главы империи пал окончательно». Приведенные нумизматические данные как нельзя лучше убеждают в справедливости этого вывода, наполняя его конкретным содержанием. Блестящую иллюстрацию к нему являет собой также единственный дирхам Куз Орду (Баласагуна) 427 г.х. с упоминанием *То-ган-хана ‘Али*, совершенно неведомого и явно эфемерного кагана. А ведь и прежде (в 424, 425 гг.х.), и после (в 429, 435, 439, 442 гг.х.) в Куз Орду чеканились монеты только от имени Арслан-хана.

Вероятно, основанием для такого заключения В.В. Бартольда послужили, в частности, сведения о настроениях в каганате при Арслан-хане. По Байхаки, отношения между ним и его братом Мухаммадом стали натянутыми едва ли не сразу после смерти отца, если не раньше, и потом еще более ухудшились. В 425/1034 г. Бугра-хан

просил Газнавида Мас‘уда отправить ему его невесту Зайнаб, дочь Махмуда, однако султан не исполнил просьбу, узнав о намерении Мухаммада заявить от имени Зайнаб претензии на часть наследства Махмуда, и пожаловался на него Арслан-хану. Оскорбленный упреками последнего, Бугра-хан «сделался настоящим врагом» и для брата, и для Газнавидов, и завязал тесные связи с Сельджукидами, обещая им любую помощь в борьбе с Мас‘удом, что того крайне обеспокоило. В 428/1037 г. Мас‘уд отправил к Караханидам посольство, которое заключило мирный договор и примирило братьев [Байхаки, 1969, с. 644–647; Бартольд, 1963а, с. 362]. Впоследствии вражда между ними возобновилась и в конце концов вылилась в открытую войну. В 448 г.х. Бугра-хан разгромил брата, взял его в плен и захватил его владения, но правил только 15 месяцев. Когда он объявил наследником своего старшего сына Хусайна, одна из его жен посчитала обойденным собственным отпрыска, в 449/1057–58 г. отравила мужа, уничтожила нескольких его родственников, включая Арслан-хана и наследника престола, и посадила на трон своего малолетнего сына Ибрахима [Байхаки, 1969, с. 274; МИКК, с. 59; Бартольд, 1963в, с. 44].

Изменения политической карты Восточного каганата хорошо прослеживаются по монетам 440-х гг.х., которые показывают, однако, что междоусобия отнюдь не сводились к борьбе между Арслан-ханом и Бугра-ханом и начались ранее 448 г.х. Впрочем, определенный намек на это имеется у Байхаки: в летописи 430 г.х. рассказывается об одном гератском законоводе, который из-за восстания в Герате перебрался в Туркестан к Арслан-хану, а когда «увидел, что дело того царства близится к распаду из-за нетерпимости и раздвоения между братьями и родичами», возвратился в 438 г.х. на родину [Байхаки, 1969, с. 722]. Очевидно, уже к 438/1046–47 г. раздоры между восточными Караханидами были очень серьезны, если вынудили покинуть Туркестан человека, окруженного почетом и уважением. Правда, монеты конца 430-х — начала 440-х гг.х. не сохранили явных признаков междоусобной борьбы.

Носитель лакаба *Зайн ад-давла* на других хронологически близких монетах без выпускных сведений фигурирует как *То-ган(?)*-тегин и вассал Бугра-хана. Более заметный нумизматический след оставил Наср, чье происхождение тоже не известно;

скорее всего ему принадлежали лакабы *Насир ад-давла ва-Му'изз ал-милла* и титул *Йаган-тегин*. От его имени в 445 г.х. выпускались дирхамы в восточнотуркестанском Уче; вероятно, тогда же чеканены утратившие дату барсханские дирхамы Йаган-тегина. Для характеристики этого правителя существенно, что он нередко помещал на монетах титул *Гази* (букв. «воитель за веру») Не указывает ли это на его деятельное участие в походе Арслан-тегина Ахмада против неверных? Само по себе это вовсе не исключено, тем более что иногда, например, на дирхамах 443 г.х. неизвестного происхождения, Наср предстает вассалом Арслан-тегина. В некоторых случаях он выступает вассалом Арслан-хана или Бугра-хана, но поскольку большинство монет с его упоминанием не сохранили дат или выпускных сведений вообще, проследить его взаимоотношения с вышестоящими членами официальной иерархии не удастся. Ясно лишь, что этот удельный правитель, занимавший сравнительно невысокое иерархическое положение (его титул *Йаган-тегин* — наименьший из княжеских «ранговых» титулов), около 445 г.х. завладел обширными территориями, включавшими часть Восточного Туркестана, Тянь-Шаня и Семиречья. Очевидно, Наср заполучил свои владения или часть их в ходе борьбы с Сулайманом б. Йусуфом.

В общем, монеты однозначно свидетельствуют, что к 445 г.х. Арслан-хан Сулайман утратил значительную часть своих владений — по крайней мере часть Восточного Туркестана с Учем и Прииссыккулье. В свете этих фактов понятнее становятся следующие успехи Бугра-хана Мухаммада, который вступил в борьбу с братом, во всяком случае в Фергане, в 447 г.х. Действительно, дирхамы с упоминанием Арслан-хана доходят в Узгенде до 445 г.х., в Кубе и Маргинане — до 447 г.х., Бугра-хан же бил монету в Кубе в 447(?)–448 г.х., в Маргинане — в 447–448 г.х., в Узгенде — в 448–449 г.х. С появлением на дирхамах Кубы и Маргинана титулатуры Бугра-хана с них исчезли упоминания Мухаммада б. Насра.

После того, как Учем, Барсханом и Куз Орду владел Йаган-тегин Наср, они перешли, по крайней мере к 448–449 г.х., к Арслан-илигу Ахмаду б. Мухаммаду. Складывается впечатление, что из всех участников многолетних междоусобий — Арслан-хана Сулаймана, Бугра-хана Мухаммада, Йаган-тегина Насра и Арс-

лан-илига Ахмада — в наибольшем выигрыше оказались Мухаммад и Ахмад: первый стал владельцем всей западной части Восточного каганата (включая целиком Фергану), второй — восточной его части. Впрочем, ненадолго: Бугра-хан был отравлен в 449/1057–58 г., до того же года доходят монеты Арслан-илига (тоже погиб?). В целом монеты показывают, что междоусобия начались раньше, продолжались дольше и втянули в свою орбиту большее число лиц, чем казалось прежде и чем можно было предсказать по данным рукописных источников.

О преемниках Бугра-хана Мухаммада рассказывает только Ибн ал-Асир. По его словам, в 449 г.х. после убийства Бугра-хана и его родственников его жена сделала царем малолетнего Ибрахима, который вскоре погиб в борьбе с владельцем Барсхана Йинал-тегином. Далее сообщается, что после Бугра-хана в Баласагуне 16 лет царствовал Тогрыл-хан, сын Кадыр-хана Йусуфа, а затем сын Тогрыл-хана Тогрыл-тегин. Через 2 месяца Бугра-хан Харун низложил последнего и правил в Кашгаре и Баласагуне 29 лет, до 496/1102–03 г. [МИКК, с. 59–60]. В.В.Бартольд исправил некоторые явные ошибки Ибн ал-Асира (так, по Байхаки Бугра-хан, сын Кадыр-хана, умер не в 439, а в 449 г.х.) и предложил следующую хронологию: Ибрахим — с 449 по 451 г.х., Тогрыл-хан Йусуф — с 451 по 467 г.х. (16 лет), Тогрыл-тегин — 467 г.х. (2 месяца), Бугра-хан Харун (Хасан) — с 467 по 496 г.х. (29 лет) [Бартольд, 1963в, с. 44].

Эти выводы прочно вошли в науку и приняты большинством исследователей. Нумизматические данные и здесь вносят коррективы. Выясняется, что Ибрахим б. Мухаммад принял титул *Арслан-хан* и правил до 454/1062 г. Как и отец, он резидировал в Таразе. Ранние монеты Тогрыл-хана датируются 461/1068–69 г., поздние — 472/1079–80 г., но, по данным одного китайского источника, уже в 1063 г. правителем Караханидов был «Токэлуэр» (сообщение Н. Рахимбабаевой), т.е. Тогрыл(-хан). По данным Гарсан-Ни'мы, еще в 473 г.х. был жив Тогрыл-тегин [Буниятов, 1981, с. 7], а стало быть, и Тогрыл-хан. Следовательно, Тогрыл-хан царствовал с 454 по крайней мере до 473 г.х., а значит, указанная Ибн ал-Асиром продолжительность его царствования — 16 лет — недостоверна. Тем более не может быть достоверной вторая цифра — 29 лет правления Бугра-хана Харуна, во всяком случае, если

признать точной дату его смерти — 496 г.х. Его чекан представлен таразскими дирхамами 481/1088–89 г., на которых он назван *Табгач/Тафгач-хакан Хасан*.

Таким образом, объективные монетные данные, разрушив общепринятую хронологию нескольких восточнокараханидских государств, пока не дают возможности определить точное время их правления, хотя некоторые надежные опорные точки указывают уже сейчас.

Противоречивыми выглядят также сведения Ибн ал-Асира об их генеалогии. Тогрыл-хан Йусуф назван у него на одной и той же странице сыном Кадыр-хана Йусуфа, с одной стороны, и сыном Тафгач Бугра-хана (и братом Бугра-хана Харуна), с другой [МИКК, с. 60]. Между тем, Бугра-хан Харун, как показал В.В. Бартольд [1968а, с. 420–422], приходился Кадыр-хану Йусуфу не сыном, а внуком, поскольку его отцом был Арслан-хан Сулайман; официальный документ 474 (или 494) г.х. именуется его Хасаном. А раз так, то у Ибн ал-Асира содержатся, по существу, две версии происхождения Тогрыл-хана: 1. он сын Кадыр-хана Йусуфа; 2. он сын Арслан-хана Сулаймана. О. Прицак [1953, с. 41] и М.Н. Федоров [1983, с. 124] приняли первую версию, но она не представляется достоверной. Дело в том, что Байхаки, современник событий, прекрасно осведомленный о караханидских делах, знает и неоднократно упоминает только двух сыновей Кадыр-хана и Бугра-хана. Ибн ал-Асир в рассказе о «разделе 435 г.х.» говорит и о третьем сыне, Арслан-тегине, но, как показано выше, последний не был сыном Кадыр-хана, т.е. и этот автор по существу называет лишь двух сыновей Йусуфа б. Харуна. Итак, правильное отцом Тогрыл-хана считать не Кадыр-хана, а его сына Арслан-хана Сулаймана. О. Прицак приписал Тогрыл-хану имя *Махмуд*, но это, очевидно, недоразумение, связанное с неверной атрибуцией монетной титулатуры (см. гл. 3). А коль скоро Ибн ал-Асир называет Тогрыл-хана Йусуфом, в данном случае за неимением других свидетельств остается следовать этому автору. Таким образом, мы полагаем более правильным именовать Тогрыл-хана не Махмудом б. Йусуфом (как О. Прицак), а Йусуфом б. Сулайманом⁹.

⁹ Подробнее о хронологии и генеалогии Восточных Караханидов после Бугра-хана Мухаммада см.: [Кочнев, 1988, с. 57 сл.].

Как показывают монеты, Ибрахим б. Мухаммад принял титул *Арслан-хан*, столицей его был стольный город отца Тараз. Первое время после воцарения ему не принадлежали ни Барсхан, ни даже соседний Куз Орду, где в 450–451/1058–60 гг. чеканил дирхамы Зайн ад-давла Тонга-хан, идентичный Зайн ад-давла Йанган-тегину.

Ситуация изменилась в 453/1061 г., когда в Куз Орду были выпущены дирхамы с упоминанием Ибрахима и Мухаммада б. Насра б. 'Али. Каким образом Мухаммад стал владельцем Баласагуна, а стало быть, и всей Чуйской долины, монеты, естественно, не открывают. Но допустимо высказать некоторые соображения.

К этому времени он имел длительный опыт правления, приобрел имя и авторитет, в том числе на международном уровне: после разгрома Газнавидов в битве при Данданакане 431/1040 г. Сельджукиды отправили победные грамоты немногим Караханидам, в том числе Мухаммаду б. Насру. Юный хан, после того как были уничтожены родичи и сановники его отца, должен был очень нуждаться в помощи и советах такого умудренного годами и опытом государственного мужа, как Мухаммад б. Наср.

С другой стороны, на первых порах Ибрахим не располагал большим фондом пожалований. А коль скоро Мухаммаду был пожалован столь значительный удел, логично предположить, что получил тот его не за одни советы, а прежде всего за некие более важные и вполне конкретные заслуги. Очевидно, это было непосредственное участие в отвоевании Баласагуна у Тонга-хана. Более того, малолетний хан не мог сам возглавить это предприятие и, вероятно, возложил эту миссию на Мухаммада б. Насра.

По Ибн ал-Асиру, Арслан-хан отправился в поход против владельца Барсхана, потерпел поражение и погиб. Это случилось в 454/1062 г.: в этом году биты последние таразские дирхамы Ибрахима и дирхамы Куз Орду с упоминанием Арслан-тегина Айуба б. Сулаймана б. Йусуфа. Скорее всего, Айуб и был победителем Ибрахима, вместе с которым, надо полагать, погиб и Мухаммад б. Наср. Не случайно эпитафия в мавзолее Шах-Фазил в северной Фергане именуется его *шахидом*, т.е. погибшим насильственной смертью.

Монеты дают также возможность понять, каким образом Мухаммад попал в Чуйскую долину, где прежде никогда не имел вла-

дений. В 414/1023–24 г. Илак принадлежал его брату Ибрахиму, в 415/1024–25 г. перешел к Мухаммаду, но не ясно, насильственным ли путем. В 429/1037–38 г. Ибрахим встретил у брата в Фергане столь «небратский» прием, что вынужден был удалиться на юг. И вполне понятно, что, когда Ибрахим в 452/1060 г. завоевал Фергану, Мухаммад бежал оттуда в Чуйскую долину, ибо едва ли мог ожидать от брата горячих объятий [Кочнев, 2000, с. 63–75].

Развивая наступление, Ибрахим в 454/1062 г. захватил Куз Орду и, судя по монетам, посадил на баласагунский престол Арслан кара-хакана Абд ал-Халика, не известного ближе Восточного Караханида. На дирхамах Куз Орду 460/1067–68 г. вассалом Ибрахима б. Насра выступает Йусуф б. Бурхан ад-давла, т.е. сын Айуба б. Сулаймана. Когда в 460 г.х. на самаркандский престол взошел Шамс ал-мулк Наср, сын и наследник Ибрахима, «Хасаниды» перешли в наступление и вернули всё, кроме Худжанда. Действительно, уже в 461 г.х. Тогрыл-хан Йусуф чеканил дирхамы в Маргинане, в 462 г.х. в Шаше, в 46х г.х. в Таразе. На его шашских и таразских монетах фигурирует также его сын Тогрыл-тегин Умар, который выпускал дирхамы без упоминания отца в 461 или 462 г.х. в Тункате, в 462 г.х. в Банакате, Ганнадже, Чинанчикате и еще одном шашском городе, чье название прочесть не удалось. В свою очередь, вассалами Тогрыл-тегина выступают: на монетах трех последних пунктов — *Низам ад-давла Махмуд*, на дирхамах Тунката — *Мухаммад Тузун-тегин*, на монетах Банаката — *Сафи ад-давла*. Складывается впечатление, что отвоевание Ферганы осуществил Тогрыл-хан, тогда как Шаш, Илак, Тараз захватил Тогрыл-тегин, возможно, совместно с отцом. В любом случае самое активное участие Умара в занятии этих областей несомненно, иначе трудно объяснить, почему он пользовался здесь столь большими правами и привилегиями, позволившими ему в городах Шаша и Илака чеканить монету без упоминания сюзерена. В Ганнадже, Чинанчикате и третьем шашском городе ни до того, ни после монеты не выпускались, а значит, появление в них денежных дворов следует объяснить тем, что эти пункты (как и Банакат с Тункатом) явились объектами временного пожалования с определенными правами и привилегиями, включая монетную регалию. Это было, очевидно, пожалование за службу, выразившуюся, вероятно, в участии всех трех жалованных

владельцев — Низам ад-давла Махмуда, Мухаммада Тузун-тегина и Сафи ад-давла — в войне с Шамс ал-мулком в пределах Ташкентского оазиса. Если верить Ибн ал-Асиру, союзником Тогрыл-хана в этой войне был Бугра-хан Харун, но по монетам этого не видно.

Итак, монеты начала 460-х гг.х. документально засвидетельствовали самый факт экспансии «Хасанидов», позволили определить масштабы их завоеваний и состав участников войны, но не очередность событий. Эти монеты очень важны еще в одном отношении. Они показывают, что и в это время для Восточного каганата характерно типично удельное устройство с многоступенчатой феодальной иерархией: на верхней ступени — верховный государь Тогрыл-хан Йусуф, ниже — его сын и непосредственный вассал Тогрыл-тегин Умар, еще ниже — прочие князья, владевшие отдельными частями Ташкентского оазиса. Умар, сын и наследник великого кагана, обладал очень большой самостоятельностью и очень значительными правами, позволявшими ему в некоторых областях бить монету без упоминания верховного государя. Немалыми правами и привилегиями, в том числе правом монетной чеканки, располагали и мелкие удельные князья, один из которых, Низам ад-давла Махмуд, впервые открыл в Ташкентском оазисе 3 новых денежных двора — в Ганнадже, Чинанчикате и еще одном городе.

Уделы в Восточном каганате сохранились и позднее. Так, на дирхамах Тараза 467, 468, 472 гг.х. по-прежнему фигурируют *Тогрыл-хан* и *Умар*, на таразских дирхамах 481 г.х. — *Тафгач-хакан Хасан*, *Бугра-илиг* и *Кутб ад-давла Бугра-тегин*(?).

Как показывают монеты, часть владений, завоеванных около 461 г.х., «Хасаниды» вскоре утратили. Не позднее 465 г.х. Шамс ал-мулк вернул себе Фергану. Судьба Шаша и Испиджаба при этом не ясна, Тараз же определенно оставался в составе Восточного каганата.

Западный каганат при Ибрахиме б. Насре

Знаменитый Тафгач-хан Ибрахим оставил в рукописных источниках весьма заметный след — намного больший, чем другие члены династии. Тем не менее, многое в истории его продолжительного (431–460/1040–68 гг.) царствования выясняется благодаря моне-

там. Долгое время его владения не только не увеличивались, но, похоже, вскоре после утверждения на самаркандском престоле даже сократились. Саганийанский чекан Ибрахима доходит до 434 г.х.; к тому же году относятся утратившие наименование монетного двора дирхамы Газнавида Мавдуда из Ширабадского клада, содержащего только саганийанскую продукцию; по очень правдоподобному предположению М.Н. Федорова [1969, с. 198–199], они тоже биты в Саганийане. Менее убедительно его объяснение причин возвращения этой области под власть Газнавидов: Ибрахим будто бы уступил ее Мавдуду с целью установить дружественные отношения и «чтобы обезопасить себе тылы и развязать руки для продолжения войны с сыновьями ‘Али-тегина». Насколько позволяют судить монеты, к 434 г. Ибрахим уже одолел сыновей ‘Али б. Хасана и прочно утвердился в Мавара’аннахре. По данным рукописных источников, энергичный преемник Мас’уда Мавдуд сумел отстоять Балх и Тирмиз и якобы даже добился покорности «царя тюрков в Мавара’аннахре», т.е., по заключению В.В. Бартольда [1963а, с. 366], Ибрахима б. Насра. Совершенно невозможно представить, чтобы независимый государь, сравнительно недавно провозгласивший себя ханом, мог признать себя вассалом Газнавидов, которым приходилось вести тяжелую борьбу с Сельджукидами. Гораздо более вероятно, что Мавдуд сумел вытеснить Ибрахима из Саганийана, в летописи же Ибн ал-Асира этот факт преломился как выражение покорности второго первому.

Успехи ожидали Тафгач-хана в ином направлении. В 453 г.х. он уже бил монету в Ахсикате, к 454 г.х. относятся тункатские дирхамы его сына Шу’айса, в 454 г.х. Тафгач-хан чеканил монету в Куз Орду. Столь значительные территориальные приобретения связаны с тем, что в 454/1060 г. в Восточном каганате вновь начались распри, в ходе которых погиб Ибрахим б. Мухаммад. Итак, к 454/1062 г. Ибрахиму б. Насру принадлежали все среднеазиатские владения Караханидов.

Даже заняв Баласагун, Тафгач-хан оставил столицей Западно-го каганата Самарканд: почти все его самаркандские монеты, за исключением нескольких самых ранних, биты только от его имени, на дирхамах же Куз Орду упомянуты его вассалы из числа Восточных Караханидов.

Из других вассалов Тафгач-хана отметим прежде всего его сына Насра (дирхамы Киша 431 г.х., Самарканд 431–432/1039–41 гг.х., Бухары 440, 459–60 гг.х.). Определенной долей прав на Киш и Самарканд он был пожалован, очевидно, за участие в их завоевании.

Другой сын Ибрахима, Күч-тегин Давуд, фигурирует на узгендских дирхамах 458–460 гг.х. Вероятно, власть над столицей Ферганы, а значит, и над всей областью он получил как участник ее захвата. То же самое следует сказать о Ташкентском оазисе, где в 455(?) г.х. в Шаше и в 454 г.х. в Тункате чеканил монету третий сын Ибрахима, Йаган-тегин Шу’айс, — правда, только от своего имени, не упоминая отца. В 457(?) и/или 459(?) г.х. в Шаше и в 458 г.х. в Тункате дирхамы были выпущены от имени одного Ибрахима, без упоминания Шу’айса, который, быть может, был лишен своих владений в Ташкентском оазисе за притязания на слишком большую самостоятельность. Не исключено, что в связи с этим на некоторых шашских дирхамах 459(?) г.х., кроме Тафгач-хана, фигурирует совсем другой его вассал — Тогрыл-тегин, определенно не идентичный Йаган-тегину Шу’айсу. Неизвестно происхождение ‘Али, названного на дирхамах Саганийана 430 и 433 г.х. и Бинката 458 г.х., но и носители этого имени могли быть близкими родственниками Ибрахима, как и обладатели лакаба *Нур ад-дин ва-д-давла* (Худжанд), титулов *Тогрыл-тегин* (Шаш), *Тоган-тегин*, *Чагры-тегин* и *Инал-тегин* (неизвестные пункты). Возможно, за некоторыми из этих титулов скрываются те из сыновей Ибрахима, чья тогдашняя титулатура не установлена: например, Наср, Хызр, Мухаммад.

Итак, на монетах выявлено 6 имен и 4 неатрибуированных титула, по крайней мере часть которых могла принадлежать носителям этих имен. Следовательно, общее число его вассалов — от 6 до 10. Это, конечно, немного, если учесть продолжительность правления Ибрахима, значительное число действовавших при нем денежных дворов, типовое многообразие и обилие его монетной продукции. Монеты «вассального» чекана составляют в ней небольшую долю: в кладах с территории центрального Мавара’аннахра их вообще нет, но даже в Нижнечирчикском кладе из Ташкентского оазиса их только 17,4% (103 из 591 экз.). Не подлежит сомнению, что, хотя уделы не были вовсе уничтожены, число их по сравнению с предшествующим временем за-

метно сократилось, да и те существовали не очень долго, прежде всего на вновь завоеванных территориях, центральный же Мавара'аннахр на протяжении почти всего длительного царствования Тафгач-хана не знал удельной системы. Статус жалованных владельцев, судя по монетам, понизился: за одним исключением (*Шу'айс*) они упомянуты на менее «почетной» л.ст.

Централизаторская политика Ибрахима выразилась и в унификации денежной системы на территории всего государства, в том числе и в завоеванных в 450-х гг. областях, не знавших в этом отношении единства в пору вхождения в состав Восточного каганата: одни области пользовались билоновыми дирхамами, другие — медно-свинцовыми [Кочнев, 1987д, с. 45]. Политика централизации, борьба с феодальной раздробленностью, стабильная мирная обстановка в Мавара'аннахре в течение многих лет — всё это не могло не сказаться на благосостоянии страны и положении широких масс. И нельзя не видеть в этом заслугу Ибрахима, который в рассказах средневековых авторов предстает идеалом справедливого государя [Бартольд, 1963а, с. 374].

Первые преемники Ибрахима б. Насра

В конце жизни Ибрахим был разбит параличом и, по одним данным, скончался в 460 г. в возрасте 70 лет, по другим, едва ли достоверным, дожил до 470/1078 г. [Караев, 1983, с. 149–150]. Самаркандские монеты Ибрахима доходят до 460 г., с того же года начинается самаркандский чекан его сына и преемника Шамс ал-мулка Насра. Есть, однако, небольшая группа самаркандских дирхамов 460–461 гг. с развернутой на более «почетной» об.ст. интитуляцией Насра и с кратким упоминанием на л.ст. Ибрахима. Эти монеты позволяют заключить, что Ибрахим оставался единственным хозяином западнокараханидского престола до 460/1068 г. включительно, именно в этом году его разбил паралич, а престол и полнота власти перешли к Насру, но его парализованный и недееспособный отец часть 460 и по крайней мере часть 461 г. формально считался соправителем сына, сохранив ханский титул. Несомненно, что Ибрахим был жив еще в 461 г., т.е. дата его смерти 460 г., безусловно, неверна.

Насру пришлось отстаивать престол в борьбе со своим братом Шу'айсом, который восстал против Насра в 460 г., принял царский титул *Тоган-хан* и боролся с ним в Самарканде и Бухаре [Бартольд, 1963а, с. 377]. Насколько позволяет судить дирхам Бухары 461 г. с упоминанием на л.ст. Тоган-хана и на об.ст. Ибрахима, Шу'айс действительно не признавал власть Шамс ал-мулка, выступая в монетных надписях в роли соправителя своего отца. Данная монета показывает также, что борьба между братьями продолжалась еще в 461 г. Кроме того, выявлены битые самаркандскими штемпелями дирхамы 460 и 461 гг. с упоминанием Табгач-хана Ибрахима и его вассала, совершенно неведомого Тоган-хана 'Али.

Очевидно, в борьбе за престол участвовал не только Тоган-хан Шу'айс, но и Тоган-хан 'Али. Непонятно лишь, почему у обоих был одинаковый титул.

Все монеты Шамс ал-мулка, весьма многочисленные, биты только от его имени. Обращает на себя внимание также единообразие дирхамов Насра, несущих обычно одну и ту же титулатуру при одинаковом оформлении независимо от места и времени выпуска. В плане унификации серебряного чекана Шамс ал-мулк пошел дальше отца, помещавшего на дирхамах множество вариантов своей многообразной титулатуры. Всё это — несомненные свидетельства дальнейшей централизации Западного каганата при Шамс ал-мулке.

Скончавшемуся в 472/1080 г. Шамс ал-мулку наследовал его брат Хидр (Хызр), от которого дошли немногочисленные монеты. М.Н. Федоров [1978а, с. 173–176], в частности, выявил его узгендский дирхам 473 г., доказав тем самым, что Хызру принадлежала Фергана. Рукописные источники не указывают конечную дату его правления, почему О.Прицак [1953, с. 47] считал ее близкой к 473 г., тогда как М.Н. Федоров [1980, с. 53–54] уже уверенно назвал 473 г. Источники этой точной даты, а тем более подобной уверенности совершенно не ясны. Наоборот, из рассказа Самарканди [1963, с. 77–79] о Хызре очевидно, что он отнюдь не был эфемерным правителем, царствовавшим всего лишь около года. В хронике Гарс ан-Ни'мы, доведенной до 479 г., упомянуты Шамс ал-мулк и его брат Хасан (второе имя Хызра), но не фигурирует сын и преемник последнего Ахмад; если это не случайно,

то Хызр, возможно, был еще жив в 479 г.х. Позднее М.Н. Федоров [1985, с. 151] опубликовал его дирхам с датой, реконструируемой как 476, 477 или 479 г.х. Тот же автор упомянул самаркандский дирхам 479 г.х. с титулатурой *ал-хакан ал-му'аззам султан*, без аргументации приписав его Ахмаду б. Хызру [Федоров, 1980, с. 55]. Низами 'Арузи Самарканди определенно именуется его султаном, на самаркандском дирхаме 479 г.х. эмитент назван *ал-хакан ал-му'аззам султан*. Как показано выше, эту монету следует приписать Хызру. Наконец, из хроники аз-Захаби (XIV в.) явствует, что Хызр царствовал до 479 г.х. Итак, время его правления — 473–479/1080–87 гг.

Его преемнику Ахмаду с полной уверенностью могут быть приписаны 2 дирхама, в т.ч. дирхам 48х г.х., так что по монетам невозможно определить ни начальную дату его правления, ни характер внутренней и монетной политики. Существенно, что на одной из монет он назван султаном.

Завершая обзор западнокараханидского чекана 431–480 гг.х., следует подчеркнуть следующее. Мнение О. Прицака [1950, с. 227–228], считавшего, будто после образования двух отдельных каганатов в каждом из них была воспроизведена прежняя, характерная для единого каганата дуальная система власти с двумя каганами и чередой князей, подтверждается только в отношении Восточного каганата. Если на Востоке могло быть одновременно два хана, каждый из которых выступает «полным» монетным сеньором, не упоминая на монетах верховного государя, то на Западе хан только один — это владыка Самарканда. Если на Востоке еще в 460-х гг.х. удельный князь мог осуществлять совершенно самостоятельную чеканку дирхамов, а монеты демонстрируют двух- и трехступенчатую иерархию, то на Западе в это время удельный чекан вообще не известен; быть может, и здесь сохранились какие-то удельные правители, но они лишились многих прав, включая монетную регалию. Таким образом, если Восточный каганат предстает действительно прямым преемником единого каганата, продолжателем его традиций, то в Западном каганате возобладали совершенно другие тенденции, иные принципы организации власти. Иначе говоря, после разделения единого каганата на две части каждая пошла своим путем.

Караханиды и Сельджукиды

Взаимоотношения этих династий восходят к концу X в., но в монетном чекане отразились позднее. Как показано выше, в 415 и 419 гг.х. владетелем Кармины, входившей в состав удела Караханида 'Али б. Хасана, был Йабгу Муса б. Сельджук, один из будущих создателей Сельджукской державы. После смерти 'Али Сельджукиды ушли в Хорезм, но, когда их разгромил владетель Джанда, вынуждены были бежать в Хорасан, где они усилились и в конце концов в битве 431/1040 г. при Данданакане нанесли сокрушительное поражение Газнаvidу Мас'уду. В считанные десятилетия они создали огромную империю, включавшую даже Сирию и Малую Азию. Сельджукиды, между прочим, помогли Ибрахиму б. Насру в его борьбе за Мавара'аннахр, но впоследствии стали совершать набеги на его владения. При Шамс ал-мулке столкновения продолжались. В 1072 г. Алп-Арслан с большим войском вторгся в Мавара'аннахр, однако случайно погиб в самом начале похода. Воспользовавшись этим, Наср захватил Тирмиз и Балх, но ненадолго. Новый сельджукидский султан Малик-шах вернул оба города и в 1074 г. двинулся на Самарканд; дело кончилось заключением мира. Начало правления Хызра ознаменовалось новым, весьма неудачным сельджукидским вторжением, дальнейшие же отношения Хызра с южными соседями были мирными [Бартольд, 1963а, с. 364 сл.; Буниатов, 1981, с. 6–7].

Правление сына Малик-шаха, Ахмада, вызвало недовольство подданных, прежде всего богатой верхушки. Абу Тахир 'Абд ар-Рахман б. Ахмад б. 'Аллак, бывший главный судья Самарканда, от имени недовольных обратился с жалобой на притеснения хана к Малик-шаху. Султан воспользовался благоприятным случаем, в 482/1089 г. занял Бухару и осадил Самарканд, взятый после упорного сопротивления. Пленный хан был отправлен в Исфахан, а в Самарканде Малик-шах оставил наместника. Затем он через Узгенд дошел до границ Кашгара. Сюда к нему прислал посла (или явился сам) кашгарский хан, признал себя вассалом Малик-шаха и стал читать хутбу и чеканить монету с его именем. Ал-Хусайни говорит еще об одном походе султана против Сухраба, владетеля Тараза. После победоносной военной экспедиции Малик-шах поки-

нул Мавара'аннахр [Бартольд, 1963а, с. 379; Беленицкий и др., 1973, с. 349-350; ал-Хусайни, 1980, с. 76].

Таковы свидетельства рукописных источников. Из них можно было бы заключить, что, пленив Ахмада, Малик-шах в Западном каганате упразднил на время власть Караханидов, заменив законного хана своим наместником. Нумизматические данные вносят здесь весьма существенные коррективы. Как выясняется, в 482-83 гг. в Самарканде чеканились динары с упоминанием Малик-шаха и его караханидского вассала Арслан-хана Мухаммада б. Ибрахима. Из рукописных источников было известно о наличии у Тафгач-хана Ибрахима б. Насра сына по имени Мухаммад, но только монеты открыли тот несомненный факт, что Мухаммад был очередным, четвертым по счету главою Западного каганата.

Формуляр его монет не караханидский, а сельджукидский: однострочная первая часть калимы, упоминание халифа и верховного государя на л.ст., наличие на аверсе внешней (коранической) круговой легенды. Почерк настолько типичен для сельджукидских монет, что складывается полное впечатление, что штемпели для этих динаров изготовляли мастера, прибывшие в Самарканд в «обозе» Малик-шаха. Да и с точки зрения металла эти серебряные позолоченные динары совершенно не характерны для караханидского чекана, тогда как в сельджукидском подобные монеты очень обычны. Всё это, включая упоминание в качестве сюзерена Малик-шаха, убеждает в том, что Мухаммад б. Ибрахим был марионеточным правителем, по существу — подставным лицом, призванным придать видимость законности фактическому утверждению в Мавара'аннахре власти Сельджукидов. И не только марионеточным, но и эфемерным: уже на одном из самаркандских динаров 483 г.х. фигурирует только Малик-шах. В свете сказанного становится понятным, почему Мухаммад, правивший в 482-83/1090-91 гг., не оставил следов в рукописных источниках в качестве хана Западного каганата. Очевидно, ни современниками, ни потомками он не воспринимался как сколько-нибудь суверенный государь.

После ухода султана 'Айн ад-давла, начальник караханидского войска в Самарканде, вынудил сельджукидского наместника покинуть Мавара'аннахр и пригласил из Атбаша брата кашгарского

хана Йа'куб-тегина; по Сибту ибн ал-Джаузи — Буга-тегина [ал-Хусайни, 1980, с. 204, прим. 13]. Когда Йа'куб казнил 'Айн ад-давла, вызвав недовольство войска, Малик-шах вступил в Самарканд, вынудив Йа'куба бежать, и оставил своего амира, а потом опять дошел до Узгенда [Бартольд, 1963, с. 380]. Самаркандские динары 483 г.х. с упоминанием только Малик-шаха убеждают в том, что и утверждение в Мавара'аннахре Буга-тегина Йа'куба, и его изгнание приходится на 483/1090-91 г.

Востокараханидские монеты с упоминанием Малик-шаха (и вообще Сельджукидов) не известны, хотя рукописные источники сообщают, будто кашгарский хан стал выпускать монету с его именем. Впрочем, считать это сообщение безусловно достоверным едва ли возможно. Как установила Е.А. Давидович [1992, с. 127-128] при изучении шейбанидского чекана XVI в., «если в источниках подчеркнута, что отчеканили монеты от имени такого-то лица, это отнюдь не значит, что монеты действительно отчеканили»; «риторическую фразу о монетном чекане и хутбе, взятую изолированно, нельзя переоценивать и считать источником для соответствующих выводов: ее наличие не обязательно обусловлено конкретным чеканом». Думается, данный вывод может быть распространен и на домонгольский период.

В 485/1092 г. Ахмад б. Хызр был возвращен на самаркандский престол в качестве сельджукидского вассала, а в 488/1095 г. погиб от руки заговорщиков, посадивших на его место его двоюродного брата Мас'уда, сына Мухаммада б. Ибрахима [Прицак, 1953, с. 48]. Монеты Мас'уда не известны. Новый сельджукидский султан Баркийярук б. Малик-шах в 490/1097 г. совершил поход в Мавара'аннахр и назначил ханом другого внука основателя Западного каганата — Сулаймана б. Давуда б. Ибрахима, скончавшегося в том же году. О.Прицак [1953, с. 48] приписал ему монеты с упоминанием Сулаймана Кадыр Тафгач-хакана. Такую атрибуцию приняли и последующие исследователи, не исключая автора этих строк, однако новые материалы и анализ всей совокупности этих монет убеждают в том, что они выпущены совсем другим Караханидом и значительно позднее.

Вторым из возведенных Баркийяруком на самаркандский престол ханов был Махмуд, деда которого Ибн ал-Асир называ-

ет «глухим». По мнению О.Прицака [1953, с. 49], имеется в виду Мансур б. 'Али: 'Утби именует брата илига Насра *Арслан-хан «глухой»*. Однако все ханы Западного каганата после Табгач-хана Ибрахима и вплоть до падения династии (609/1212 г.) были из его потомков, к числу которых принадлежал и Махмуд.

В это время в Восточном каганате усилился владетель Тараза и Баласагуна Кадыр-хан Джабра'ил, сын Тогрыл-тегина 'Умара. В 492/1098–99 г. он вторгся в Мавара'аннахр, убил Махмуда и завоевал Западный каганат. Воспользовавшись смутами среди Сельджукидов, он попытался захватить Хорасан, принадлежавший брату и наместнику Баркийарука Санджару. Джабра'ил в 495/1102 г. взял Тирмиз и перешел Амударью, но погиб недалеко от Балха [Бартольд, 1963а, с. 381; Прицак, 1953, с. 49].

На монетах Джабра'ил назван не Кадыр-ханом, а Табгач-ханом, а на касанских дирхамах, кажется, также султаном. Известны его бухарские фалсы 494 г.х., дирхамы Касана с утраченной датой и дирхамы с полностью или частично утраченными выпускными сведениями. В общем, в руках Джабра'ила сосредоточились все среднеазиатские владения Караханидов. Согласно Ибн ал-Асиру, упомянутый выше восточный каган Бугра-хан Харун/Хасан правил до 496 г.х. Если эта дата верна, то именно у него Джабра'ил отобрал Тараз и Баласагун, возможно, также Фергану: в Гурмиронском кладе, содержащем касанские дирхамы Джабра'ила, есть касанские монеты Хасана с утраченной датой, которые могли быть выпущены раньше, чем дирхамы его противника.

После гибели Джабра'ила Санджар овладел Мавара'аннахром и возвел на самаркандский престол Арслан-хана Мухаммада, чей отец, Сулайман б. Давуд, был женат на дочери Малик-шаха. В рукописных источниках указана точная дата гибели Джабра'ила — 2 ша'бана 495/22 мая 1102 г. [Прицак, 1953, с. 49], тем же годом принято датировать начало царствования Мухаммада б. Сулаймана. Однако уже на дирхаме 494 г.х. с несохранившимся названием монетного двора фигурирует *ал-хакан ал-му'аззам Мухаммад*. Одно из двух: либо дата, приведенная в источниках, неверна, и утверждение на престоле Арслан-хана следует относить к 494 г.х., либо данный дирхам чеканен разновременными штемпелями (дата помещена на л.ст., имя — на об.ст.).

Мухаммад царствовал более четверти века. По словам Раванди и ал-Хусайни, он постоянно вел борьбу с неверными и завоевал в стране кочевников земли, отстоящие от его столицы на 2 месяца пути [Бартольд, 1963а, с. 382, прим. 5; ал-Хусайни, 1980, с. 90]. По данным Ибн ал-Асира, Арслан-хан поселил 16 тыс. кибиток хытаев, вышедших «из Сина», у проходов, которые отделяют его владения от Сина, но затем хытай без согласия хана переселились в область Баласагуна, после чего Мухаммад «много раз вел с ними джихад» [МИКК, с. 65–66]. Наконец, в касиде Му'иззи говорится о его походах на Баласагун и Кашгар, а другой поэт, Сузани, приписывает ему и власть на Хотаном [Байхаки, 1954, с. 1291–1294, 1337–1338; Агаджанов, 1982, с. 152–153]. По предположению В.В. Бартольда [1963а, с. 382, прим. 5], военные экспедиции Мухаммада совершались, «вероятно, против кипчаков», но направление по крайней мере некоторых из них было несомненно иным. Похоже, ему удалось присоединить к Западному каганату если не все, то по крайней мере многие владения восточных Караханидов.

Вероятно, некоторые успехи Арслан-хана были временными, но во всяком случае Ферганой он овладел прочно. Об этом свидетельствуют монеты, к сожалению, не сохранившие в большинстве случаев выпускных сведений. В Гурмиронском кладе из северной Ферганы, который представляется хронологически и географически компактным, наряду с касанскими дирхамами Хасана и Джабра'ила имеются монеты с утраченными выпускными сведениями и упоминанием Табгач-хана Ибрахима. В Западном каганате такого правителя тогда определенно не было, среди восточных же Караханидов известен Ибрахим, сын Ахмада б. Хасана, вступившего на престол, по данным рукописных источников, в 496 г.х., но сам Ибрахим наследовал ему не раньше 522 г.х. [Прицак, 1953, с. 42]. В таком случае можно допустить (но не более!), что Ибрахим б. Ахмад был «со-каганом» своего отца (с титулом *Табгач-хан*) и в этом качестве в начале их совместного правления владел Ферганой. Быть может, у Ибрахима и отвоёвал эту область Мухаммад б. Сулайман: судя по ферганскому фалсу Мухаммада с датой 49х г.х., это должно было случиться не позже 499/1105–06 г. В большом Ошском кладе содержатся многочисленные дирхамы Арслан-хана Мухаммада; они образуют мно-

го типов и «видов», хорошо представленных в находках из Ферганской долины, но совершенно не известных по материалам из центрального Мавара'аннахра, т.е. имеют безусловно ферганское происхождение. Типовое многообразие и обилие этих монет свидетельствуют о продолжительности их чеканки, а следовательно, и о прочном и долговременном вхождении Ферганы в состав Западного каганата. В этом же убеждает наличие в Ошском кладе большого количества дирхамов преемника Арслан-хана, Карахана Хасана, унаследовавшего вместе с престолом и Фергану.

На большинстве тех монет из Ошского клада, на которых упомянут Арслан-хан Мухаммад, фигурирует также его сын Кадыр-хан Ахмад. Эти дирхамы образуют 6 «видов», а значит, Фергана составляла удел Ахмада достаточно продолжительное время. Наконец, есть еще 3 «вида» дирхамов из Ферганы с упоминанием только Ахмада б. Мухаммада. Если они (или часть их) относятся к поре царствования Арслан-хана, то, выходит, Ахмад еще тогда был в Фергане очень самостоятелен. Но если даже они биты после низложения Мухаммада, ханский титул Ахмада с несомненностью свидетельствует о его высоком статусе еще в период его вассалитета.

На некоторых монетах Мухаммада б. Сулаймана фигурирует также Санджар. М.Н. Федоров [1984, с. 102], в частности, упоминает бухарский фалс 498 г.х. Выпускные сведения на данной монете читаются очень неуверенно, но поскольку Санджар назван на ней маликом, бита она не позже 511/1118 г. На бухарском дирхаме 513 г.х. сюзереном Мухаммада выступает анонимный «султан высочайший» (*ас-султан ал-а'зам*), т.е. тот же Сельджукид.

Другой бухарский дирхам с тем же титулом М.Н. Федоров [1984, с. 102] отнес к 516 г.х., но единицы в дате читаются плохо. Тот же автор [там же] упоминает без ссылки самаркандскую монету с титулом *ас-султан ал-му'аззам*, битую после 520 г.х. Имеется в виду, возможно, изданный А.К.Марковым дирхам, на котором, однако, не сохранились выпускные сведения, а наличие имени халифа ал-Мустаршида (512–529 г.х.) не является основанием для уточненной датировки. Другие монеты Арслан-хана Мухаммада с упоминанием Санджара не известны. Гораздо больше сохранилось монет, на которых назван либо только сам Му-

хаммад, либо также его сын Ахмад. Таким образом, сельджукидский сюзеренитет отражался в чекане Арслан-хана эпизодически, скорее в виде исключения.

На монетах, как и в рукописных источниках, Мухаммад б. Сулайман назван то Тафгач-ханом, то Арслан-ханом. По мнению М.Н. Федорова [1984, с. 102], первый титул — более ранний, однако из-за редкости точно датированных монет с этими титулами вопрос правильнее оставить открытым.

О конце правления Арслан-хана Мухаммада в рукописных источниках сохранились противоречивые известия. Разбитый параличом, он взял в соправители своего сына Насра, который не то погиб от рук заговорщиков, не то был казнен отцом за участие в заговоре. Арслан-хан призвал на помощь Санджара и назначил соправителем другого сына, сумевшего самостоятельно справиться с мятежниками, так что надобность в сельджукидской помощи отпала. Тем не менее Санджар явился в Мавара'аннахр и, обвинив Мухаммада в вероломстве, осадил и после нескольких месяцев осады взял Самарканд весной 524/1130 г. Большой хан был отправлен в Балх, где вскоре скончался [Бартольд, 1963а, с. 383–384].

Преемником Арслан-хана, возведенным на престол Санджаром, В.В.Бартольд [1963а, с. 384] считал брата Мухаммада, Ибрахима, упомянутого только в дипломатическом документе, О. Прицак [1953, с. 51–52] — Хасана б. 'Али. О. Караев [1983, с. 160] и М.Н.Федоров [1984, с. 104] приняли сторону В.В.Бартольда. Тем не менее прав его оппонент: современник событий, глава государственной канцелярии Санджара в сборнике официальных документов прямо говорит, что после депортации Мухаммада султан посадил на самаркандский престол Хасана [Джувайни, 1985, с. 24]. В этом убеждают и монетные данные, а именно состав Ошского клада, в котором есть дирхамы Мухаммада б. Сулаймана, Ахмада б. Мухаммада и Хасана б. 'Али, но нет монет Ибрахима. В том же сборнике Хасан назван сыном дяди Мухаммада [там же]. В таком случае Хасан и Мухаммад должны были бы, при разных отцах, иметь общего деда, но рукописные источники дедом первого называют 'Абд ал-Му'мина, дедом второго — Давуда [Прицак, 1953, с. 48–53]. Одно из двух: либо 'Абд ал-Му'мин и Давуд — разные сыновья Ибрахима б. Насра, либо это одно лицо, носившее

два имени, мусульманское и библейское. При любом решении Хасан и Мухаммад оказываются правнуками Ибрахима.

В известных источниках отсутствует дата смерти Хасана, царствовавшего, по Ибн ал-Асиру, короткое время [МИКК, с. 65]. О.Прицак [1953, с. 52] приводит 526 г.х., но дата эта произвольная. М.Е.Массон [1960, с. 103–108] опубликовал монеты Тафгач-хана, битые, по его мнению, в 530 г.х., и приписал их Хасану б. 'Али, продлив тем самым его правление, однако более тщательное изучение тех же монет показало ошибочность такой их атрибуции и датировки [Кочнев, 1989б, с. 77–85]. Итак, пока ясно лишь, что Хасан умер не позже 531/1137 г., когда в Мавара'аннахра был другой государь [Бартольд, 1963а, с. 386].

Достоверный чекан Хасана б. 'Али впервые удалось выявить в Ошском кладе, больше чем наполовину состоящем из его монет, на которых он назван Кара-ханом (т.е. так же, как в рукописных источниках). На некоторых из них фигурирует также его сын Тогрыл-хан Хусайн, остававшийся, как установила Е.А. Давидович [1957б, с. 108–111], владельцем Ферганы еще в середине XII в. Теперь ясно, что он получил эту область плюс ханский титул (т.е. царский статус) уже при жизни отца. Как показывают материалы того же клада, Фергана составляла особый удел со своим ханом еще при Мухаммаде б. Сулаймане, но Хусайн, передавший впоследствии область своему сыну, превратил ее в наследственное владение.

На одних дирхамах Ошского клада упомянут только Хасан, на других — вместе с Хусайном, на третьих фигурирует также Санджар. Иными словами, ферганский чекан Хасана отражает то полную трехступенчатую иерархию (Санджар, Хасан, Хусайн), то двухступенчатую (Хасан, Хусайн), то фиксируют лишь среднее звено иерархической цепи (Хасан), т.е. на разных монетах с разной полнотой отразилась одна и та же ситуация.

Для реконструкции событий после низложения Арслан-хана М.Н. Федоров использовал материалы Ошского клада, причем после того, как он был изучен и обработан автором этих строк (какое обстоятельство М.Н. Федоровым не отмечено). Опираясь на глухое сообщение Ибн ал-Асира о восстании около 526/1132 г. «владельца Мавара'аннахра Ахмад-хана», он предполо-

жил, что последний восстал в Фергане, где укрепился после потери Самарканда, и стал бить монету «как независимый правитель». «В то же время» в Ахсикате чеканит монету Хасан, в другом ферганском городе — Хусайн. Они-то, возможно, и помогли Санджару в подавлении мятежа Ахмада. После этого, в 526 г.х., Санджар назначил Хасана правителем Мавара'аннахра [Федоров, 1984, с. 104; 1990, с. 19].

Из всех этих догадок допустимой может быть признана лишь первая — о предполагаемом месте восстания Ахмада. Действительно, где-то в Фергане выпускались дирхамы только от его имени, но, с другой стороны, они могли появиться в 523–524 гг.х., одновременно с его самостоятельным чеканом в Самарканде, т.е. без всякой связи с мятежом. На дирхамах Ошского клада не сохранились выпускные сведения, а потому утверждение М.Н.Федорова об одновременном выпуске Ахмадом, Хасаном и Хусайном монет в разных ферганских городах — из области домыслов и фантазий. Что же касается 526 г.х., которым М.Н.Федоров датирует начало царствования Хасана, то такая датировка, допустимая прежде, после публикации в 1985 г. перевода сельджукских документов определенно несостоятельна: Хасан вступил на престол не в 526/1132, а в 524/1130 г.

По О. Прицаку, преемником Хасана был Ибрахим б. Сулайман [Прицак, 1953, с. 52; Федоров, 1984, с. 103–104]. Его монеты неизвестны, само же существование такого правителя представляется проблематичным.

Преемником Хасана б. 'Али был Махмуд, сын Арслан-хана Мухаммада. По данным рукописных источников, он определенно был ханом в 531/1137 г. (но не известно, когда им стал) и правил до 536/1141 г. [Бартольд, 1963а, с. 386, 388]. Большинство многочисленных его монет не сохранили выпускных сведений, исключение составляют дирхамы Самарканда 532 г.х. Наиболее вероятно, что самаркандские дирхамы 530 г.х. с титулатурой *Нусрат ал-хакк ва-д-дин Пахлаван аш-Шарк* биты им же. На всех этих монетах фигурирует Санджар. Итак, наиболее вероятное время правления Махмуда б. Мухаммада — 530–536/1135–42 гг.

Все три западнокараханидских хана, правивших в Мавара'аннахра после гибели Джабра'ила б. 'Умара, были ставленни-

ками Санджара, а Мухаммад и Махмуд находились с ним в тесном родстве: Мухаммад приходился Санджару одновременно племянником (его мать была сестрой султана), зятем (он был женат на другой сестре последнего) и тестем (он выдал свою дочь за Санджара); племянником султана был и Махмуд б. Мухаммад [Прицак, 1953, с. 50]. При всем том взаимоотношения этих трех Караханидов с Санджаром в монетном чекане отразились по-разному. Так, на монетах, битых во владениях Мухаммада, султан фигурирует эпизодически, причем, судя по имеющимся материалам, только (или в основном) на монетах Бухары. На дирхамах Хасана Санджар назван как будто несколько чаще, а главное — даже на монетах Ферганы, чего при Мухаммаде не было. Наконец, в чекане Махмуда султан упоминался регулярно. Складывается впечатление, что степень зависимости западных каганов не оставалась неизменной — она постепенно возрастала, достигнув максимума при Махмуде.

Намного труднее проследить взаимоотношения Сельджукидов и Восточных Караханидов — прежде всего из-за малочисленности нумизматических материалов: из монет, битых после вторжения Малик-шаха, известны только очень редкие монеты Джабра'ила (б. 'Умара), Хасана (б. Сулаймана) и Ибрахима (б. Ахмада б. Хасана?). Большинство их, хотя и не сохранили выпускных сведений, очевидно, имеют ферганское происхождение, ибо встречены в кладах из Ферганы. Относительно времени их выпуска ориентируют имена халифов ал-Муктади (467–487/1075–1094) и ал-Мустазира (487–512/1094–1118). Упоминаний Сельджукидов на этих монетах нет. По данным рукописных источников, кашгарский хан даже чеканил монеты с именем Малик-шаха, а Санджар называл владетеля Кашгара своим ставленником [Бартольд, 1963а, с. 379, 385]. Тем не менее, соответствующие нумизматические свидетельства столь значительной зависимости отсутствуют. Кроме того, Сельджукиды, неоднократно вторгавшиеся в Мавара'аннахр, ни разу, по достоверным данным, не совершали походов в Восточный Туркестан и, следовательно, не могли его контролировать. Словом, более чем вероятно, что на самом деле сельджукидский сюзеренитет если и распространялся на Восточный каганат, то очень недолго, и был совершенно формальным.

Караханиды и карахытай

Как считается теперь надежно установленным, кидани, иначе хытай или карахытай — в основе своей народность монгольского происхождения [Викторова, с. 139 сл.]. Занимая большую территорию, кидани, подобно другим центрально-азиатским объединениям, включали и иные этнические группы, в частности, значительные массы тюркоязычного населения. В X в. кидани захватили Северный Китай и создали обширную империю Ляо, простиравшуюся от Тихого океана до Восточного Туркестана. В 1125 г. империя была разгромлена чжурчжэнями, но один из членов правящего рода, Елюй Даши, бежал на запад и положил начало новому киданьскому государству — Западному Ляо. К 1133 г. кидани захватили территорию Восточного каганата. Власть Караханидов уцелела в Кашгаре, но не в Баласагуне, который стал столицей карахытайского царя (*гурхан*) [Бартольд, 1963в, с. 48–49; История Казахской ССР, 1979, с. 33–35]. В районе городищ Красная Речка и Бурана (Баласагун) найдены клад и отдельные анонимные монеты 538/1143–44 г. Места находок однозначно указывают на место производства — это Куз Орду/Баласагун. Такие монеты явно чеканились для мусульманских подданных гурхана, который в монетных надписях, естественно, не упомянут [Кочнев, 2001, с. 50–52].

Затем хытай вторглись в Мавара'аннахр и в 1137 г. близ Худжанда нанесли поражение Махмуду б. Мухаммаду. В 536/1141 г. в Катванской битве к северо-востоку от Самарканда соединенное войско Санджара и Махмуда потерпело еще более сокрушительное поражение от киданей. Оба государя бежали за Амударью, а победители заняли всю территорию Западного каганата, сохранив здесь власть Караханидов. На самаркандский престол они возвели брата Махмуда, Ибрахима б. Мухаммада [Бартольд, 1963а, с. 386–389, 396].

Во внутренние дела среднеазиатских владетелей хытай вмешивались мало, ограничиваясь в основном сбором дани. Считается едва ли не аксиомой, что Караханиды, став данниками неверных киданей, выпускали монеты только от своего имени и никогда не упоминали в монетных надписях гурханов. На этом основании М.Н. Федоров [1984, с. 106] даже полагал, будто власть хытай

ев в Мавара'аннахре «несколько преувеличена исследователями». Чтобы убедиться в необоснованности такого вывода, достаточно вспомнить близкую хронологически аналогию — послемонгольский среднеазиатский чекан XIII в., когда монеты выпускались без упоминания монгольских владык, чью власть считать «преувеличенной исследователями» едва ли возможно. Привлечение этой аналогии тем более правомерно, что и гурханы, и монгольские государи XIII в. были немусульманскими правителями в мусульманской стране, чем и определялась схожесть их отношения к мусульманскому чекану. Исключения же, типа самаркандских «двуменных» динаров Чингиз-хана, лишь подтверждают правило.

Как выясняется, аналогия с чеканом XIII в. прослеживается и в плане исключений: нам всё же удалось выявить караханидские монеты с упоминанием гурхана. Речь идет о дирхамах из Тахтабазарского клада 1963 г., изученного Т. Ходжаниязовым. На них помещено сочетание, которое публикатор читал как *Сарвар-хан*, относя этот титул к Караханиду Махмуду [Ходжаниязов, 1979, с. 144–145]. Как показало ознакомление с самими монетами, вместо *Сарвар-хан* надо читать *гурхан*. Такие дирхамы образуют несколько типов и «видов». Некоторые из них определенно биты в Самарканде, другие не сохранили выпускных сведений, но и они имеют самаркандское происхождение, на что указывают особенности оформления и почерка, в частности, широкое использование насха. При чеканке некоторых монет со словом *гурхан* явно совмещены непарные, одновременные штампы. Так, слово *гурхан*, которое не могло появиться на монетах Мавара'аннахра раньше 536 г.х., стоит на л.ст. самаркандских дирхамов с утраченной датой и помещенной на об.ст. титулатурой *Нусрат ал-хакк вад-дин Пахлаван аш-Шарк*, но та же титулатура в той же позиции проставлена на дирхамах Самарканда с датой 530 г.х. Более чем вероятно использование старых штампов и в другом случае, когда на л.ст. фигурирует *Санджар*, на об.ст. — *гурхан*; невозможно представить, чтобы один был вассалом другого. А вот упоминание на самаркандских монетах 547–548 г.х. гурхана (л.ст.) и Ибрахима б. Арслан-хана (об.ст.) анахронизмом не выглядит, т.к. в это время Ибрахим б. Мухаммад действительно был ставленником киданей в Мавара'аннахре. Возможно, парными штампами биты и те дир-

хамы, на которых гурхан упомянут и на л.ст., и на об.ст. Разумеется, наличие таких монет вовсе не означает, что гурхан на какой-то срок полностью лишил Ибрахима власти, равно как и выпуск самаркандских дирхамов 540–543 г.х. от имени одного Ибрахима отнюдь не связан с полной его независимостью и разрывом вассальных связей. Очевидно, разные монеты по-разному отразили тогдашнюю ситуацию: одни фиксируют верхний уровень иерархии (назван только гурхан), другие — нижний (упомянут лишь Ибрахим), третьи — оба уровня (фигурируют и тот и другой).

Есть, наконец, и такие монеты, на которых сюзереном Ибрахима выступает Санджар, но в данном случае не исключено совмещение одновременных штампов. Однако на бухарском дирхаме 541 г.х. Санджар (в качестве сюзерена Ибрахима) упомянут на той же стороне, где и дата, что исключает предположение об анахронизме. Налицо парадокс: с одной стороны, Ибрахим б. Мухаммад является вассалом единоверного султана, с другой — неверного гурхана. Впрочем, такая парадоксальная ситуация имела место не только в Мавара'аннахре и не только с Караханидами. Как известно, хорезмшах Атсыз из династии Ануштегинидов до конца жизни оставался вассалом Санджара, будучи одновременно данником карахытаев [Кочнев, 1992, с. 69–70].

Карахытайский сюзерен Ибрахима на монетах не назван по имени, приведен только его титул — *гурхан*; вероятно, им был Елюй Иле, сын умершего в 1143 г. Елюй Даши [Бартольд, 1963в, с. 51].

Итак, вопреки традиционному мнению, верховное господство киданей над Караханидами всё же отражалось в монетном чекане. Сколь значительной и реальной была власть хытаев в Мавара'аннахре, показывают дирхамы с упоминанием только гурхана. Всё же остается несомненным фактом, что подавляющее большинство монет, битых во владениях Караханидов после киданьского завоевания, выпущены от имени самих Караханидов, а монеты с титулом *гурхан* составляют очень немногочисленную группу и чеканились, по имеющимся данным, лишь в центральном Мавара'аннахре, около середины XII в. Даже если в дальнейшем обнаружатся другие монеты с упоминанием карахытайских государей, они не изменят существенно такого соотношения. Очевидно, кидани, подобно монголам XIII в., придавали мало

значения политической, прокламативной стороне традиционно для Средней Азии мусульманского чекана и практически не вмешивались в организацию монетного дела. В этом убеждает также наличие на дирхамах со словом *гурхан* имени халифа ал-Муктафи, которого карахытайский государь, конечно, не мог считать своим духовным владыкой.

Большинство монет, выпущенных в царствование Ибрахима б. Мухаммада, биты только от его имени. Они чеканены в Бухаре и Самарканде. В Фергане в это время продолжал править Тогрылхан Хусайн, который получил эту область от своего отца Хасана б. 'Али и был оставлен на узгендском престоле киданями. Судя по составу Кувинского клада, этому владельцу могут быть приписаны дирхамы Узджанда без даты и с титулом *Тогрыл-хан*. Следовательно, если при Хасане власть самаркандского хана официально признавалась в Фергане, что отражалось и в монетном чекане, теперь же Ферганский удел превратился в совершенно самостоятельное ханство. Процесс обособления Ферганы, начавшийся еще при Арслан-хане Мухаммаде, завершился.

Ибрахим и Хусайн умерли в одном и том же году — 551/1156: первый погиб в борьбе с мятежными карлуками под Бухарой, последний — по неизвестной причине [Прицак, 1953, с. 53, 58].

Следующим западным каганом принято считать Чагры-хана 'Али б. Хасана, который фигурирует в рукописных источниках под 553/1158 г. [Бартольд, 1963а, с. 396–398]. Большим числом монет представлен чекан Кадыр Тоган-хана Махмуда б. Хусайна. О. Прицак [1953, с. 53] и Е.А. Давидович [1957б, с. 109] предполагали, что он был владельцем Ферганы. На основании новых монетных данных автор этих строк пришел к иному заключению: Махмуд царствовал в Самарканде после 'Али б. Хасана и до Мас'уда б. Хасана, т.е. где-то между 553 и 556 гг. [Кочнев, 1982, с. 165–169]. Однако сравнительно недавно удалось выявить самаркандский дирхам Махмуда, на котором от даты уместилось лишь слово единиц — «два»; восстановить ее можно только как 552 г. Таким образом, Махмуд царствовал в 551–52/1156–57 гг., 'Али б. Хасан — после него до 556/1160 г.

Последняя дата — год битвы у Рабат-и Малика, которая, по заключению А. Атеша и Е.А. Давидович, привела Мас'уда б. Хаса-

на на самаркандский престол. Исследовательница детальнейшим образом рассмотрела сведения рукописных источников о Мас'уде и его монеты и воссоздала убедительную картину его политической карьеры, показав одновременно полную несостоятельность фантастических построений М.Н. Федорова вокруг его биографии, что избавляет нас от полемики с ним [Давидович, 1977б, с. 177–187; 1985, с. 96–102]. Е.А. Давидович [1977б, с. 181] доводила царствование Мас'уда до 565 или 566 г.х. Как теперь ясно, верна вторая дата: в 566/1170–71 г. в Самарканде были выпущены дирхамы и самого Мас'уда, и его преемника [Кочнев, 1984д, с. 374].

Мас'уд вел борьбу с убившими Ибрахима б. Мухаммада карлуками в Кише, Нахшабе, Чаганиане (Саганиан) и Тирмизе [Бартольд, 1963а, с. 399–400]. Судя по тирмизским дирхамам 558–559 гг.х., Тирмиз был завоеван не позже 558 г.х. Рукописные источники сообщают о захвате с помощью хытаев Балха и Андхуда в 560/1165 г. На сей раз Балхская область была завоевана более прочно, чем это удавалось Караханидам прежде, и вошла в состав Западного каганата (и одновременно киданьской империи) не на один десяток лет. Судя по банакатским дирхамам 558–559 гг.х., Мас'уду принадлежал также Ташкентский оазис. На Фергану его власть не распространялась.

Против Мас'уда восстал главный военачальник Мавара'аннахра Айар-бег, но в битве в Голодной степи он был взят в плен и казнен [Бартольд, 1963а, с. 399–400]. По словам Садр ад-дина ал-Хусайни [1980, с. 131], называющего Айар-бега Хусайном, он даже захватил Самарканд, однако потом был убит в сражении с хытаями. На дирхамах Самарканда без даты и с именем халифа ал-Мустанджида (556–566 гг.х.) упомянут Хусайн б. 'Абд ар-Рахман, несомненно, тождественный Хусайну Айар-бегу. Судя по отсутствию в монетных легендах имени или титулатуры Мас'уда, Хусайн провозгласил себя суверенным государем Мавара'аннахра, столицей которого был Самарканд. И это притом, что карлук Айар-бег не принадлежал к Караханидам и вообще имел незнатное происхождение. После его гибели его сын Шамс ал-мулк, тоже известный как Айар-бег, бежал к хорезмшаху; тот выдал за него свою дочь и назначил командующим войсками, действовавшими в Ираке в 563 г.х. [Буниятов, 1986, с. 36, 38; ал-Хусайни, 1980, с. 131–132].

Значит, восстание Хусайна и выпуск им монет в Самарканде имели место до этой даты. В 558–561 гг. Мас'уд выпускал в Самарканде дирхамы одного типа, в 562–566 гг. — другого, и смена типов связана, скорее всего, с временным перерывом в его самаркандском чекане, т.е. с захватом власти Айар-бегом. И можно заключить, что Айар-бег Хусайн владел Самаркандом в 561–562/1166–67 гг. [Кочнев, 2000, с. 1275–1278].

В 561–562 гг. в Тирмизе выпускал дирхамы Тоган-тегин Ахмад [б. Абу Бакр б. Кумач] — тот самый владетель Тирмиза, который в 551/1165 г. спас Санджара из огузского плена. Более чем вероятно, что Ахмад воспользовался успехами Айар-бега и провозгласил себя независимым государем. Надо полагать, Мас'уд потерял центральный Мавара'аннахр и Тохаристан. Вернули ему утраченное хытай.

В диване поэта Рази ад-дина Нишапури Мас'уд назван «шахидом» [Байхаки, 1954, с. 1343], а, следовательно, смерть его была насильственной. Согласно реконструированному Е.А. Давидович [1977б, с. 181–182] тексту Джамала ал-Карши, она произошла в шаввале 560 г.х., но год указан явно неверно, а поскольку монеты Мас'уда доходят до 566 г.х., речь должна идти, очевидно, о шаввале 566 / июне-июле 1171 г. В том же году в Самарканде успел выпустить дирхамы его сын и преемник Мухаммад Кылыч Тафгач-хан. Если месяц кончины его отца указан верно, то они биты в пределах двух-трех последних месяцев 566 г.х. Его монеты доходят до 574 г.х., когда начинается самаркандский чекан Ибрахима б. Хусайна, а значит, время правления Мухаммада б. Мас'уда — 566–574/1171–79 гг.

От Мухаммада дошли самаркандские и бухарские монеты (динары и дирхамы). В Банакате в 573–574 гг.х. чеканились дирхамы Му'изз ад-дунья ва-д-дина Кылыч-хана, безусловно, не идентичного Мухаммаду, в Параве ранее 569 г.х. — дирхамы Кутлуг Билгя-хана (Абд ал-Халика б. Хусайна). Следовательно, уже при Мухаммаде б. Мас'уде обособились Банакатское и Паравское ханства. Власть Мухаммада распространялась на Тохаристан, о чем свидетельствуют его динары Таликана, не сохранившие даты.

Между Мухаммадом и Ибрахимом Самарканд короткое время принадлежал еще одному Караханиду. Имеется в виду Гийас ад-

дунья ва-д-дин Кутлуг Билгя-хан 'Абд ал-Халик, чей самаркандский дирхам с несохранившейся датой бит при халифе ал-Мустанди (566–575 гг.х.).

Поскольку Мухаммад б. Мас'уд правил в 566–574, а Ибрахим б. Хусайн в 574–599 гг.х., для 'Абд ал-Халика б. Хусайна остается только 574/1178–79 г. В этой связи стоит напомнить, что они были родными братьями, причем Ибрахим правил в Узджанде, а 'Абд ал-Халик — в Параве. Оба, очевидно, считали, что каждый из них имеет законное право на освободившийся самаркандский престол. Первым его занял 'Абд ал-Халик, но затем был побежден Ибрахимом. Не случайно 'Ауфи сообщает о случаях, предшествовавших воцарению Ибрахима в Самарканде [Байхаки, 1954, с. 1216]. Вероятно, в этой борьбе 'Абд ал-Халик и погиб. Самаркандский же престол оказался после смерти Мухаммада б. Мас'уда «бесхозным», скорее всего потому, что тот не оставил мужского потомства.

Если дата утверждения в Самарканде Ибрахима благодаря монетам была известна еще В.В. Бартольд [1963а, с. 418], то установить год окончания его царствования долго не удавалось. Лишь сравнительно недавно нами выявлены монеты, показывающие, что власть в Самарканде перешла от Ибрахима к его сыну 'Усмону в 599/1202–03 г. [Кочнев, 1987а, с. 167–168]. Обильный чекан Ибрахима представлен динарами, дирхамами и фалсами, битыми в Самарканде и Бухаре. До 584 г.х. включительно он назван на монетах ханом, с того же года стал именоваться султаном, «султаном султанов» и даже «великим султаном султанов», т.е. в 584/1189–90 г. его официальный статус повысился. После того как Ибрахим ради Самарканда покинул Узджанд, он оставил последний своему сыну (об этом ниже), так что после 574 г.х. его власть на Фергану не распространялась. По-прежнему были независимы от Самарканда Банакатское и Паравское ханства.

'Усман, сын и преемник Ибрахима, по письменным известиям, правил до 609/1212 г. [Бартольд, 1963а, с. 430]. Ибн ал-Асир называет его «султаном Самарканда и Бухары» [МИКК, с. 73–74], но от 'Усмана дошли только самаркандские монеты, на которых он, подобно отцу, именуется «султаном султанов». 'Усман был последним караханидским владетелем Самарканда и, тем самым, последним главой Западного каганата.

Караханиды и Гуриды

Смуты, охватившие центральный Мавара'аннахр в ходе борьбы 'Абд ал-Халика б. Хусайна и его брата Ибрахима за самаркандский престол, привели к потере приамударьинских областей. В результате в Тохаристане образовался политический вакуум, отражением чего явился выпуск анонимных дирхамов без даты и с именем халифа ал-Мустансира (566–575/1170–80). Уже в 574 г.х. в Тирмизе были выбиты дирхамы с упоминанием Малика Йаган-хана, в Балхе — правителя, названного *санджар ал-а'зам Наср б. ал-Хусайн*. Раньше, до выявления этих монет, казалось, будто *Санджар* — личное имя, но это, конечно, титул (ср. *маликшах ал-а'зам* на динарах Вахша). Уже балхские дирхамы 578 и 583 г.х. именуют его султаном, а значит, он принял султанский титул на несколько лет раньше, чем Ибрахим б. Хусайн самаркандский (584 г.х.), и тем самым достиг самого высокого статуса из всех Караханидов. В 584 г.х. в Тирмизе и в 575, 583, 585 г.х. в Балхе чеканил дирхамы Ибрахим б. Хусайн; в 585 г.х. он назван султаном. Очевидно, Ибрахим смог подчинить Тохаристан, но одни монеты биты от имени сюзерена (Ибрахима), другие — вассала (Насра). Казалось бы, Хусайн б. Хасан не мог иметь одноименных сыновей — Насра б. Хусайна Касанского и Насра б. Хусайна Балхского, однако подобный случай зафиксирован среди их гуридских современников, где были два брата по имени Мухаммад б. Сам.

По сообщениям рукописных источников, в 594/1198 г. на дирхамах Тирмиза без даты вассалом Ибрахима выступает Тогрыл-хан. Гурид Сам б. Мухаммад занял Балх, воспользовавшись смертью тамошнего тюркского владетеля, вассала карахытаев [Бартольд, 1963а, с. 408]. Монетный чекан и здесь вносит радикальные коррективы. Уже в 587/1191–92 г. в Балхе бил динары отец Сама, Мухаммад б. Мас'уд. Именно он занял Балх после кончины «тюркского владетеля», т.е. Караханида Насра б. Хусайна. Монеты 592/1196–96 и 602/1205–06 гг. несут упоминание следующего Гурида — Сама б. Мухаммада (588–602/1192–1206). На монетах с несохранившейся датой, кроме Сама, назван *Улуг Арслан-хакан 'Али б. Джа'фар*.

Согласно Джузджани, в 1178 г. Саганийан и Вахш были заняты Гуридом Шамс ад-дином Мухаммадом б. Самом, — по мне-

нию Э.В. Ртвеладзе [1989, с. 111], ненадолго. Более чем вероятно, что завоевателем Вахша и Саганийана, как и Балха, был на самом деле Мухаммад б. Мас'уд, который захватил северно-тохаристанские области не позже 587/1191–92 г.

На вахшских динарах 597/1200–01 г., кроме его сына Сама, фигурирует Караханид Абу Бакр Каратуз. На динарах с неясной датой назван только последний — в форме *Абу Бакр б. Йугруш(?)*.

Джузджани [с. 426, 436], перечисляя маликов Мухаммада б. Сама, называет Малик-шаха Вахши, дочь которого сперва была женой Сама б. Мухаммада, а после его смерти стала супругой его сына Мухаммада. *Малик-шах* — это, конечно не имя ('*алам*), а титул, в чем убеждает не сохранившийся даты динар Вахша с упоминанием Гурида Сама б. Мухаммада и его караханидского вассала Абу Бакра, названного в монетных надписях *маликшах ал-а'зам*.

От позднекараханидской монетной продукции Чаганийана дошел единственный дирхам с утраченной датой и титулом *Арслан-хан*.

Караханиды и Ануштегиниды

Эпонимом так называемой четвертой династии хорезмшахов был тюркский раб Ануш-тегин Гарча, но подлинным создателем могущества Ануштегинидов стал его внук Атсыз. В течение нескольких лет он был верным вассалом Сельджукида Санджара, затем отложился и после поражения под Хазараспом в ноябре 1139 г. бежал из страны. Санджар назначил правителем своего племянника Сулаймана б. Мухаммада и вернулся в Марв. Вскоре Атсыз возвратился в Хорезм, а Сулайман бежал к своему дяде [Бартольд, 1963а, с. 386–389].

Следующее вторжение произвел сын Атсыза Ил-Арслан. В 1158 г., двигаясь на Самарканд, он разрушил Рабинджан, но затем вернулся в Хорезм. Текиш б. Ил-Арслан в 1182 г. опять вторгся в Мавара'аннахр и после осады взял Бухару, где будто бы стал выпускать монеты [Буниятов, 1986, с. 37, 46–47]. Достоверные бухарские монеты Текиша не известны, в 582/1186–87 г. в Бухаре вновь чеканились динары Ибрахима б. Хусайна.

Наибольшего могущества государство Ануштегинидов достигло при Мухаммаде б. Текише, который подчинил себе всю восточную часть мусульманского мира. В 604/1207 г. он совершил поход на Бухару, где власть незадолго до того захватил малик Санджар, взял город и окончательно присоединил его к ануштегинидским владениям. Караханидский владетель Самарканда 'Усман б. Ибрахим, будучи вассалом гурхана и соседом хорезмшаха, вынужден был лавировать между ними и никак не отреагировал на занятие Бухары. Последовавшие затем события и участие в них 'Усмана освещены у Ибн ал-Асира и особенно у Джувайни весьма противоречиво. Наиболее серьезные противоречия устранены В.В.Бартольдом, существенные коррективы внесла на основании нумизматических материалов Е.А.Давидович. Она, в частности, показала, что первое сближение 'Усмана и Мухаммада б. Текиша после захвата последним Бухары не привело к подчинению 'Усмана б. Ибрахима, отношения между ханом и хорезмшахом носили характер равноправного союза: в 605 г.х. в Самарканде чеканились дирхамы только от имени 'Усмана. В дальнейшем он признал себя вассалом хорезмшаха, что отразилось в надписях самаркандских дирхамов 606/1209–10 г. с упоминанием Мухаммада б. Текиша и 'Усмана. Этот открытый переход 'Усмана на сторону Ануштегинида вызвал поход киданьского войска и взятие Самарканда. Однако успехи мятежного найманского царевича Кучлука в борьбе с гурханом вынудили киданей очистить Самарканд, куда теперь явился хорезмшах. Новое сближение и вызвало, по мнению Е.А. Давидович, выпуск в Самарканде в 607 г.х. таких же двуименных дирхамов, как в 606 г.х. Союзники выступили против хытаев и в раби' I 607 / августе-сентябре 1210 г. в степи Иламиш в Фергане встретились с ними в битве, в общем, успешной для мусульман. Во всяком случае, власть карахытаев в Мавара'аннахре была фактически уничтожена. Тем не менее, поведение хорезмийского гарнизона в Самарканде и отношение самого хорезмшаха вызвали такое возмущение 'Усмана, что он вновь стал искать союза с киданями, а в 609/1212 г. поднял восстание. Мухаммад б. Текиш взял Самарканд и казнил последнего кагана Западного каганата [Бартольд, 1963а, с. 420–430; Давидович, 1957б, с. 113–114; Буниятов, 1986, с. 75–78].

К сказанному можно добавить, что в 607 г.х. в Самарканде «двуименными» были не только дирхамы, но и фалсы. Следовательно, вассальная зависимость, подчиненное положение 'Усмана проявлялись даже на «медном», «низовом» уровне. Кроме того, на монетах 606 г.х. Мухаммад назван *ас-султан ал-му'аззам*, 'Усман — *ас-султан ал-а'зам*, на монетах 607 г.х. — наоборот: Мухаммад — *ал-а'зам*; 'Усман — *ал-му'аззам*. В первом случае у 'Усмана более почетный эпитет, чем у Мухаммада, во втором — наоборот, т.е. чекан 607 г.х. всё поставил на свои места.

Брат 'Усмана Кадыр-хан Ахмад начал выпускать монеты в Узджанде в 576/1180–81 или даже в 574/1178–79 г., а значит, между Ибрахимом и Кадыр-ханом других владетелей в Узджанде не было.

Итак, монетные данные убеждают в том, что, перебравшись в 574 г.х. в Самарканд, Арслан-хан Ибрахим оставил Узджанд своему старшему сыну Кадыр-хану Ахмаду. Узджандский чекан Кадыр-хана доходит до 607/1210–11 г. и представлен преимущественно дирхамами. Известен лишь один его динар 602 г.х. Как установила по монетам Е.А. Давидович [1957б, с. 98–99], долгое время он титуловался только ханом, а потом, не позже 601 г.х., принял более высокий титул *улул султан*, т.к. со смертью его отца Ибрахима и воцарением в Самарканде его младшего брата 'Усмана его династическое положение изменилось. Теперь ясно, что изменение титулатуры должно было произойти в 599 г.х. Очевидно, повышение статуса Ахмада, до того выпускавшего только дирхамы, вызвало к жизни появление его золотого чекана, который много лет был прерогативой самаркандских владетелей. В последний год царствования, судя по монетам 607/1210–11 г., он стал вассалом Мухаммада б. Текиша.

Вопрос о времени и обстоятельствах царствования его сына и преемника Махмуда, последнего караханидского правителя Узджанды дискутируется давно. Не повторяя всего, что опубликовано предшественниками и автором этих строк по этому поводу¹⁰, отметим только основные моменты. Несомненной представляется принадлежность Махмуду дирхамов 608 г.х. Что же касается даты других его узджандских монет, то это либо 607, либо 609 г.х.; первая версия кажется нам более предпочтительной. Итак, наиболее веро-

¹⁰ Подробности см. в работе [Кочнев, 1990а, с. 210–213].

ятное время правления Махмуда б. Ахмада — 607–608/1210–12 гг. На монетах Махмуд назван не султаном, как в позднем чекане его отец, а Күч Арслан-ханом, т.е. получив престол отца, он не унаследовал султанский титул. Вероятно, здесь имело место проявление «субординации», подмеченной Е.А.Давидович [1957б, с. 100]: подобно тому, как Кадыр-хан не мог стать султаном, пока был жив его отец, султан Ибрахим, Махмуд не имел права на султанский титул при жизни своего дяди (т.е. представителя старшего поколения) — султана ‘Усмана. На дирхамах 607/1210–11 г. Махмуд выступает вассалом Мухаммада б. Текиша, на дирхамах 608/1211–12 г. хорезмшах не упомянут. Налицо открытый акт мятежа, зафиксированный на официальном, монетном уровне и, разумеется, не оставшийся без последствий для мятежника.

Итак, с того времени, как при Хусайне б. Хасане в Фергане оформился особый удел с самостоятельным монетным чеканом, узджандский престол переходил от отца к сыну: от Хусайна — к Ибрахиму б. Хусайну, затем к Ахмаду б. Ибрахиму, наконец, к Махмуду б. Ахмаду. Иными словами, принцип передачи власти здесь был строго наследственным. В этом отношении Узджанд несколько отличался от Самарканда, где этот принцип изредка нарушался.

Уже во 2-й половине XII в. ханство с центром в Узджанде не было единственным в Фергане. Как удалось установить по монетам автору этих строк, в северной части долины обособилось ханство с центром в Касане. Определенно касанское происхождение имеют дирхамы Джалал ад-дунья ва-д-дина Тогрыл-хана Мухаммада б. Насра 587, 591, 594 гг. На прочих дирхамах Мухаммада наименование монетного двора не сохранилось или не проставлено, но и они, очевидно, биты в Касане. Касанские дирхамы 605 г. чеканены Му’изз ад-дунья ва-д-дином Улуг Тогрыл-ханом, вероятно, не идентичным Мухаммаду: к этому склоняет различие монетной титулатуры. Отец Мухаммада б. Насра фигурирует как *Тогрыл-хан Наср б. Хусайн* на дирхамах, чеканенных в 564 г. без обозначения денежного двора. Но поскольку в Узджанде тогда определенно сидел его брат Ибрахим б. Хусайн, у Насра должно было быть другое владение, скорее всего, то же, что и у его сына. Вполне возможно, что после смерти владетеля Ферганы Хусайна б. Хасана (551/1156 г.) область была поделе-

на между его сыновьями: Ибрахиму достался Узджанд, Насру — Касан, а значит, Касанское ханство обособилось около этой даты. Вероятно, оно прекратило существование одновременно с Узджандским: дирхам Касана 610 г. бит Мухаммадом б. Текишем.

В Маргинане в 602/1205–06 г. чеканил дирхамы Хусам ад-дунья ва-д-дин Кутлуг Тоган-хакан, в неизвестном году — Савинч Кутлуг Арслан-хакан Мухаммад б. Мухаммад. Судя по титулатуре, это разные правители, царствовавшие один за другим.

Не позднее 573/1177–78 г. образовалось отдельное ханство в Ташкентском оазисе. Его центром стал Банакат, где в 573, 574, 578 гг. чеканил дирхамы Му’изз ад-дунья ва-д-дин Кылыч-хан, в 592–93/1195–97 гг. — Джалал ад-дунья ва-д-дин Тафгач-хакан, в 594–602/1197–1206 гг. — ‘Имад ад-дунья ва-д-дин Улуг Эгдиш Чагры-хан. Родственные отношения трех этих династов не ясны, лишь лакаб второго из них, очень популярный среди потомков ‘Абд ал-Му’мина, указывает на принадлежность к их числу по крайней мере Тафгач-хакана, если не всех троих.

Ниже по течению Сырдарьи располагался еще один удел — Парабский, столица которого, Отрар, стала к началу XIII в. одним из крупнейших торгово-экономических центров Средней Азии. Первым известным по монетам владельцем Параба был безымянный Кутлуг Билгä-хакан. Его дирхамы не имеют дат, но поскольку они обнаружены в Кермининском кладе, состоящем почти исключительно из монет 560-х гг. (поздняя дата — 569 г.), определенно относятся к тому же времени. Хотя точно не известно, распространялась ли власть Тафгач-хана Мас’уда б. Хасана к северу от Шаша, но это более чем вероятно, а Параб, подобно Ташкентскому оазису, обособился лишь после смерти Мас’уда, и первым парабским ханом был ‘Абд ал-Халик б. Хусайн. В 590–600-х гг. в Парабе правил, судя по монетам, Кутлуг Билгä-хакан Хасан б. ‘Абд ал-Халик. Согласно Насави, тогдашний отрарский малик приходился двоюродным братом по отцу самаркандскому султану ‘Усману [б. Ибрахиму б. Хусайну], а стало быть, ‘Абд ал-Халик был сыном Хусайна. Нами уже было высказано предположение, что анонимный *Кутлуг Билгä-хакан* парабских монет 560-х гг. и есть ‘Абд ал-Халик б. Хусайн [Кочнев, 1983в, с. 119]. В правильности такого отождествления убеждает приписка на документе 1-й половины XIX в.

из г. Туркестана, сведениями о которой мы обязаны любезности В.Н.Настича. В приписке идет речь о вакфе, учрежденном для лиц, живущих при мазаре Ахмада Йасави, Хасан-ханом сыном Абд ал-Халик-хана после того, как он «сел на место отца». Время учреждения вакфа не указано, но из числа правителей, которые могли распространять свою власть на Йаси (Ясы, совр. г. Туркестан) после смерти Ахмада Йасави (562 г.х.), ханы с такими именами известны только среди поздних Караханидов. Таким образом, первым известным самостоятельным владельцем Параб был Абд ал-Халик б. Хусайн. Сначала он правил в Параве, а затем, в 574/1178–79 г. на короткое время овладел Самаркандом, где, очевидно, и погиб. Таким образом, наиболее вероятное время его царствования приходится на 566–574/1170–79 гг.

На дирхамах его сына Шамс ад-дунья ва-д-дина Кутлуг Билгä-хана Хасана зафиксированы даты 596 или 597 и, кажется, 603 г.х. Как показывают даты, Хасан определенно идентичен упомянутому у Насави и Джувайни оттарскому малику начала VII в.х., которого Насави называет Тадж ад-дином Билгä-ханом. По Джувайни, после Иламишской битвы 607/1210 г. хорезмшах Мухаммад взял Отрар (Параб), но сохранил Билгä-хану жизнь и отправил его в ссылку в Нису, где тот вскоре и скончался. В том же году Мухаммад б. Текиш выпустил в Параве монеты только от своего имени [Давидович, 1994, с. 192–196]. Стало быть, временем правления Билгä-хана Абд ал-Халика следует считать 574–607/1178–1210 гг.

Как ясно из того же текста в состав Парабского ханства входил Йаси (Ясы), а также, возможно, местности, расположенные много севернее (в качестве обращенных в вакф Хасаном упоминаются воды и земли Сузак-канди). Судя по монетным находкам, власть парабских владельцев распространялась на Тараз. А поскольку Отрар расположен в низовьях Арыси, то, скорее всего, и весь бассейн этой реки, включая Испиджаб, лежавший на пути из Тараза в Параб, принадлежал правителям последнего. Таким образом, Парабское ханство было, очевидно, одним из крупнейших позднекараханидских владений [Кочнев, 1983в, с. 109–120].

В 601/1205 г. Гуриды захватили Тирмиз, оставив там наместником Бахрам-шаха. В 602/1206 г. карахытаи совместно с хорезмша-

хом Мухаммадом, Усманом самаркандским и Билгä-ханом (Хасаном) парабским подступили к Тирмизу. Бахрам-шах сдал город Усмону, но хозяевами его стали, конечно, карахытаи. Тирмизские динары 604/1207–08 г. чеканены Караханидом Махмудом [б. Ибрахимом б. Хусайном], который был посажен на тирмизский престол, вне всякого сомнения, всё теми же карахытаями.

Среди многочисленных правителей из разных областей, томившихся в заточении при дворе Мухаммада б. Текиша, Насави [1996, с. 78–79] называет вахшского владельца Джамал ад-дина Умара. Это, очевидно, преемник Абу Бакра, взятый в плен после завоевания хорезмшахом Вахша. Дата этого события неизвестна.

Караханиды и бухарские садры

Могущественное духовенство Мавара'аннахра не раз давало Караханидам почувствовать свою силу. Подчас дело доходило до очень серьезных конфликтов, один из которых даже завершился гибелью хана Ахмада б. Хызра. Одну из важнейших страниц в истории взаимоотношений Караханидов и духовенства составляют их отношения с садрами Бухары.

Первым исследователем истории бухарских садров из рода Бурханидов (Ал-и Бурхан) был В.В. Бартольд. Он установил, что это было семейство наследственных хатибов и ра'исов ханифитской общины в Бухаре. Представители этого рода носили титул *садр-и джахан* «столп мира», название же династии происходит от распространенного в их среде лакаба *Бурхан ад-дин*, который носил и основатель династии Абд ал-'Азиз, назначенный садром до 536/1141 г. Дом Бурханидов пережил не только Караханидов, но и монгольское завоевание. По мнению В.В. Бартольда, садры в своем лице соединяли духовную и светскую власть, были фактическими владельцами Бухары и ее области, где создали своего рода теократическое государство. Временами они признавали верховную власть Караханидов Самарканда, в другие же периоды были политически полностью независимы. И хотя Бурханиды принадлежали к духовенству, некоторые поэты ставили этих «носителей чалмы» выше, чем «носителей венца» [Бартольд, 1963а, с. 389–390, 417–420; 1964в, с. 515–518; 1965б, с. 387].

Впоследствии О.Прицак существенно дополнил исследование В.В. Бартольда, в основном по части хронологии и генеалогии Бурханидов. Он, в частности, установил, что 'Абд ал-'Азиз I получил от Санджара сан садра вскоре после 495/1102 г. По его мнению, и 'Абд ал-'Азиз, и его преемники были совершенно независимы от Караханидов, которые являлись такими же вассалами Сельджукидов, а затем карахытаев, как и сами бухарские садры, почему О. Прицак [1952, с. 81–96; 1953, с. 50] счел возможным назвать владения Бурханидов «государством в государстве». О.Д. Чехович [1979, с. 230, 232], изучая организацию и статус городов Средней Азии феодального периода, выявила немногочисленные примеры, когда города достигали независимости и самоуправления. К числу именно таких городов она отнесла и Бухару при садрах в XII в.

Других специальных исследований о Бурханидах, насколько известно, не было. Писавшие о них авторы в основном следовали В.В. Бартольду, отчасти О. Прицаку, в частности, в оценке самостоятельности бухарских садров. Дальше всех в этом отношении пошли авторы коллективной монографии «История Бухары», где утверждается, будто династия садров зародилась в Бухаре «после падения Караханидов» [История Бухары, 1976, с. 94]; это следует понимать в том смысле, что с момента зарождения династии власть Караханидов на Бухару уже вовсе не распространялась.

При изучении истории Бурханидов и их взаимоотношений с Караханидами нумизматические материалы фактически не привлекались. Отчасти это и понятно: до недавнего времени бухарский чекан XII — начала XIII в. почти не был известен. Теперь положение изменилось к лучшему. Это и позволило нам по-новому рассмотреть взаимоотношения Караханидов и бухарских садров в специальной статье [Кочнев, 1985б, с. 104–112], основные положения которой излагаются ниже.

От Мухаммада б. Сулаймана, при котором возникла династия Бурханидов, дошли бухарские дирхамы 513/1119–20 г. Кроме того, в 515/1121 г. Мухаммад завершил возведение бухарской соборной мечети, минарет для которой был воздвигнут в 521/1127 г. [Бартольд, 1963а, с. 161]. Бухарский чекан следующих западных каганов, Хасана б. 'Али и Махмуда б. Мухаммада, неизвестен, но те монеты Хасана, что до нас дошли, имеют ферганское происхождение.

Ибрахим б. Мухаммад оставил бухарские дирхамы 541, 543, 545 г.х. и без даты, а также фалсы 54х г.х. Монеты 'Али б. Хасана вовсе неизвестны, по данным же рукописных источников он был владельцем Самарканда и Бухары [Бартольд, 1963а, с. 397; Давидович, 1977б, с. 181]. Среди немногочисленных монет Махмуда б. Хусайна есть бухарский динар без даты. Чекан Мас'уда б. Хасана представлен только самаркандской продукцией, тем не менее, власть его распространялась и на Бухару: по данным продолжателя Наршахи, в 560/1165 г. Мас'уд восстановил там городские стены. Его сын и преемник Мухаммад в 574 г.х. выпускал в Бухаре динары. 'Абд ал-Халик б. Хусайн правил всего несколько месяцев. От его брата Ибрахима дошли бухарские динары 574, 582, 590, 597 и 589 или 599 г.х., дирхамы 587 или 589 г.х., фалсы 590 г.х., а также ряд динаров и дирхамов с утраченными датами. Ибрахиму и его сыну 'Усмону посвятил свои стихи садр 'Умар б. Мас'уд [Прицак, 1952, с. 90]. Бухарские монеты 'Усмана не известны, но Ибн ал-Асир под 604/1207–08 г. упоминает тогдашнего владельца Мавара'аннахра (т.е. 'Усмана) как «султана Самарканда и Бухары» и «господина» «жителей Бухары и Самарканда» [МИКК, с. 73–74].

Из приведенных данных следует, что в XII — начале XIII в. владельцами центрального Мавара'аннахра были, по крайней мере, 11 ханов. Быть может, со временем, благодаря новым монетным находкам, список этих владельцев будет подправлен и дополнен, хотя едва ли такое дополнение будет существенным; скорее всего, это будут одно или несколько имен, чьи носители могли занимать самаркандский престол самое короткое время. Итак, из одиннадцати известных владельцев Самарканда пятеро чеканили монету в Бухаре. Из остальных шести четверо правили очень недолго, чем, видимо, объясняется отсутствие (по крайней мере, ныне) их бухарских монет. Кроме того, надо учитывать и тот факт, что производство монет в Западном каганате в XII — начале XIII в. было централизовано и сосредоточено главным образом в столичном Самарканде, тогда как чекан в Бухаре не мог быть столь же регулярным.

Чисто теоретически можно было бы допустить, что в Бухаре чеканка монет с упоминанием Караханидов являлась простой формальностью, отнюдь не отражавшей действительного положения вещей, и вовсе не свидетельствует о реальном подчинении

Бухары Караханидам. Однако в 3 случаях из 5 показания монет и рукописных источников совпадают, что побуждает признать достоверными и нарративные данные. А это значит, что власть по крайней мере 7 из 11 самаркандских Караханидов признавалась в Бухаре. Остальные же, за исключением Махмуда б. Мухаммада, царствовали недолго, и даже их самаркандские монеты составляют исключительную редкость. Всё это дает право заключить: почти все (а скорее всего, просто все) Караханиды Самарканда XII — начала XIII в. распространяли свою власть и на Бухару.

Чрезвычайно показательно, что не известно ни одной монеты Бурханидов, тогда как караханидские монеты Бухары представлены многими именами, типами и датами во всех традиционных номиналах (динары, дирхамы, фалсы). Коль скоро бухарские садры ни разу не реализовали неотъемлемое право всякого суверенного мусульманского государя на собственную монетную чеканку (*сикка*), то, по крайней мере, с формальной точки зрения, они и не могли считаться суверенными правителями. Суверенами Бухары выступали в этом плане Караханиды.

Таким образом, верховная власть большинства (а вполне возможно, и всех) караханидских владетелей Мавара'аннахра XII — начала XIII в. признавалась в Бухаре, бухарские же садры, начиная с момента возникновения династии Бурханидов и вплоть до захвата Бухары Мухаммадом б. Текишем (604/1207 г.), подчинялись Караханидам. Надо полагать, реальная власть в Бухаре в течение всего этого периода была сосредоточена в руках садров, и всё же они находились в зависимости от владетелей Самарканда. На разных этапах степень этой зависимости была различной: временами (как явствует из рукописных источников) почти неощутимой, иногда же довольно значительной.

О последнем свидетельствуют фалсы Бухары и Самарканда 590/1193–94 г., которые являют один и тот же тип: они не различаются ни содержанием и размещением легенд, ни оформлением, даже украшение в поле л.ст. у них совершенно одинаковое; единственная разница — в наименовании монетного двора. Примеры предшествующего периода показывают, что единый тип медной разменной монеты в Западном каганате в конце XI — начале XII в. устанавливался централизованно.

Однотипность фалсов Бухары и Самарканда 590 г.х. тоже следует считать результатом единой монетной политики и фактического, а не номинального подчинения Бухары Ибрахиму б. Хусайну. Чрезвычайно показательно, что в период его правления даже тип медной разменной монеты для Бухары утверждался центральной властью, т.е. даже на этом, в общем, невысоком уровне Бухара не могла проявить свою самостоятельность.

В.В. Бартольд полагал, что временами караханидские государи распространяли власть на Бухару, временами же садры были совершенно независимы. Так, по его мнению, в 560/1165 г. власть в Бухаре принадлежала Тафгач-хану Мас'уду, затем садрам, но потом Ибрахим б. Хусайн «восстановил» здесь власть самаркандских ханов [Бартольд, 1963а, с. 418–419]. Вывод о переходе Бухары к садрам покоится на том, что автор сокращенной редакции истории Наршахи Мухаммад б. Зуфар в 574 г.х. посвятил свой труд садру Бурхан ад-дину 'Абд ал-'Азизу. Сам по себе этот факт отнюдь не говорит об утрате Караханидами власти над Бухарой: Вабкентский минарет был выстроен в 593–595/1196–99 гг. от имени того же садра [Нильсен, 1956, с. 94–95], хотя, как показывают бухарские монеты 590 и 597 г.х., в Бухаре в это время признавали власть Ибрахима б. Хусайна. Против выводов В.В. Бартольда свидетельствует и караханидский динар, битый в Бухаре в 574 г.х. преемником Мас'уда и предшественником Ибрахима Мухаммадом.

Приведенные данные отнюдь не опровергают главного тезиса В.В. Бартольда и О. Прицака о самостоятельности бухарских садров. Но о полной их независимости, пусть даже на отдельных этапах, теперь, по нашему мнению, говорить не приходится. В свете новых материалов едва ли приемлемо и данное В.В. Бартольдом определение Бухары при Бурханидах как «теократического государства», во всяком случае, во второй его части; правильнее будет считать ее «владением» в системе Западного каганата.

Как показано выше, на протяжении XII — начала XIII в. шло постепенное дробление каганата с отпочкованием всё новых ханств, в том числе сравнительно небольших. Правители всех этих ханств чеканили собственную монету и были независимы от главы Западного каганата, сидевшего в Самарканде. Иное дело — садры. Конечно, зависимость садров Бухары от правите-

лей Самарканда на каких-то этапах могла быть достаточно формальной, и всё же это была зависимость, выражавшаяся, в частности, в отсутствии собственного монетного чекана Бурханидов. И хотя садров можно было сравнить «только с самыми великими господами и высочайшими владетелями» [Насави, 1996, с. 63], их официальный политический статус был ниже статуса любого мелкого хана, осуществлявшего самостоятельный чекан. Каждый из этих ханов стоял во главе самостоятельного государственного образования, обладавшего определенным суверенитетом, тогда как Бухара до начала XIII вв. оставалась владением в составе одного из таких государств, хотя и важнейшего из них.

Итак, политическая зависимость Бурханидов от Караханидов Самарканда несомненна. Сопровождалась ли она также экономической зависимостью? Стремясь доказать полную независимость садров, обычно ссылаются на Ибн ал-Асира, который сообщает, что они сами собирали для карахытаев дань с Бухары [Прицак, 1952, с. 88]. Однако, во-первых, это сообщение относится к последним годам существования каганата, когда в Самарканде сидел еще совсем юный хан 'Усман, почему связи Бухары со столицей могли ослабеть; не известно, была ли подобная практика обычной и для XII в. Во-вторых, из сообщения Ибн ал-Асира вовсе не следует, будто из собранных с Бухары налогов в Самарканд не поступало ничего. Прямых свидетельств по этому вопросу в рукописных источниках нет, однако можно высказать некоторые косвенные соображения. Известно, что садр Мухаммад б. 'Умар обратился за помощью против карлуков к владетелю Самарканда Чагры-хану 'Али, который сумел их разгромить. Позднее, в 560/1164–65 г., Кылыч Тафгач-хан Мас'уд восстановил стены Бухары. Как можно заключить из этих примеров, Караханиды Самарканда защищали Бухару, тратили средства на ее оборону, т.е., защищая бухарцев, выполняли одну из обязанностей государя по отношению к своим подданным, которые, в свою очередь, были обязаны выплачивать ему подати. Наконец, сама монетная регалия предполагает определенные права, привилегии и, как правило, доходы, причем не только от денежной чеканки. Объем этих прав и привилегий монетные надписи, разумеется, не раскрывают, но самый факт выпуска Караханидами монет в Бухаре позво-

ляет предполагать, что какая-то часть бухарской подати поступала в самаркандскую казну.

Таким образом, садры Бухары из рода Бурханидов были зависимы от Караханидов Самарканда не только в политическом, но, вероятно, и в экономическом отношении.

Восточный каганат в XII – начале XIII в.

О Восточном каганате того времени не известно почти ничего, т.к. почти нет монет. Дошли дирхамы без выпускных сведений с упоминанием халифа ал-Мустазхира (487–512/1094–1118) и Табгач-хана Ибрахима, Арслан-хана Мухаммада б. Ибрахима и халифов ал-Мустанджида (555–566/1160–1170) и ал-Мустади (566–575/1170–1180). Все они явно кашгарского происхождения. Определенно биты в Кашгаре дирхамы без даты и с именами халифа ан-Насира (575–622/1180–1225) и Арслан-хана Йусуфа.

В Восточном Туркестане с его почти изолированными оазисами просто не могли не обособиться ханства, отдельные от того, что имело столицей Кашгар. Но такие «малые» ханства, оформленные монетным чеканом, неизвестны, хотя наверняка были. Достаточно вспомнить раннее средневековье, когда в Восточном Туркестане существовало множество мелких государств.

У 'Ауфи сохранился рассказ о Хидр (Хызр)-беге, который вел борьбу с неверными на восточных границах каганата, восточнее Кучи, за что получил от кашгарского хана ханский титул [Бартольд, 1968б, с. 111]. Мусульманское движение при последнем гурхане началось восстанием хотанского владетеля [Бартольд, 1963в, с. 53]. Итак, Куча и Хотан — это всё, что мне известно.

Едва ли отсутствие других позднекараханидских монет, помимо кашгарских, объясняется меньшими правами и менее высоким статусом «малых» ханов по сравнению с западными. Скорее, это связано с разным уровнем товарно-денежных отношений. Ведь даже в 1-й половине XI в., когда монетное производство здесь было наиболее развито, регулярным был только чекан Кашгара.

ГЛАВА 5

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Политический строй. Структура власти

Анализ рукописных источников привел В.В.Бартольда к выводу, что в отличие от Саманидской державы, во главе которой стоял «самодержавный правитель», у Караханидов «государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами» [Бартольд, 1963а, с. 285, 330]. Более развернутую характеристику политической структуры Караханидского каганата предложил О.Прицак, опиравшийся преимущественно на рукописные, отчасти нумизматические источники. Основные его выводы сводятся к следующему.

Если основатель каганата, Билгä Күл Кадыр-хан, был единственным его главою, то уже при его сыновьях была введена дуальная система власти с разделением государства на две части. Восточная, со столицей в Баласагуне, управлялась великим (старшим) каганом, считавшимся главою династии и всей держа-

вы. Западную ее часть возглавлял «со-каган», каган-соправитель, младший каган, имевший ставку в Кашгаре или Таразе. Великий каган титуловался Арслан-ханом, младший — Бугра-ханом, со смертью первого его пост и титул переходили ко второму. Около 433/1041–42 г. государство, до того единое, разделилось на два совершенно самостоятельных каганата — Западный (со столицей в Узгенде, затем в Самарканде) и Восточный (с центром в Баласагуне, затем в Кашгаре). Теперь в каждом из них было по два кагана — старший (Арслан-хан) и младший (Бугра-хан). Имелись еще «низшие» каганы — Арслан-илиг, Бугра-илиг (Йинал-тегин), Арслан-тегин, Бугра-тегин (Йанга-тегин). В наследовании у Караханидов господствовал принцип сеньората, т.е. власть и титул переходили не от отца к сыну, а к следующему по старшинству члену династии. Так, Йанга-тегин, поднимаясь по иерархической лестнице, мог стать Арслан-тегином, затем Йинал-тегином, далее Арслан-илигом и, наконец, ханом [Прицак, 1950, с. 210–219; 1953, с. 23–24].

Помимо перечисленных, у Караханидов было много других княжеских титулов: Алп-тегин, Атим-тегин, Тоган-тегин, Тогрыл-тегин, Улуг-тегин, Хумар-тегин, Чагры-тегин, Ака-ögä, Субаши-ögä, Тонга-ögä, Эл-ögä, Тархан/таркан, бег и др. Ни один из таких титулов не ранжируется.

При реконструкции структуры власти в каганате О.Прицак постоянно обращался к древнетюркским материалам, тем более что в караханидских политических институтах обнаруживаются сильные традиции древнетюркского государства. Изучив систему власти у тюрок VI–VIII вв., Л.Н. Гумилев заключил, что у них уже в VI веке сложилась своеобразная система престолонаследия, в соответствии с которой хану наследовал не сын, а младший брат, а младшему дяде — старший племянник. В ожидании престола члены династии получали в управление уделы. Такой порядок преемственности власти через посредство печенегов был усвоен на Руси, где проявился «в наиболее чистом виде» и именовался лестницей. Отсюда термин, предложенный Л.Н. Гумилевым: удельно-лестничная система. Следы ее, по его мнению, обнаруживаются и у Караханидов, но в «выродившихся» под влиянием культуры Мавара'аннахра формах [Гумилев, 1959, с. 11–25]. По-

следний вывод отнюдь не базируется на материалах О. Прицака, на чьи работы в статье Л.Н. Гумилева нет ссылок.

Концепцию О. Прицака разделяют многие исследователи, но прежде всего те, кто историей Караханидов специально не занимается; у тех же, кто ее изучает, сомнения возникают. Так, Е.А. Давидович [1968б, с. 69 сл.] подробно рассмотрела вопрос о создании двух Караханидских каганатов, Западного и Восточного, и на основании большого нумизматического материала убедительно показала, что Узгенд не был одной из двух столиц Западного каганата, создателем же последнего были не два кагана — старший и младший, а один государь. Некоторые стороны концепции О. Прицака подверг критике О. Караев [1983, с. 20, 92–93, 170–171], который, в частности, не признает обязательность «ступенчатой системы санов», наличие в Караханидском государстве «поста старшего кагана» и т.д. Автор этих строк [Кочнев, 1984д, с. 368] сомневался в самом существовании «единого» каганата до 433 г.х. М.Н. Федоров [1980, с. 44, 46], не обнаружив у главы Западного каганата титула *Арслан-хан*, вообще заключил, что «караханидская «табель о рангах», которую разработал О. Прицак, исторической действительности не соответствует». По его мнению, к 460/1072 г. Ибрахим б. Наср восстановил Западный каганат в границах 415/1024 г.

О. Прицак сформулировал некие общие принципы организации власти в каганате, очевидно, отдавая себе отчет в том, что в реальной жизни они могли нарушаться. И выявление таких отклонений, само по себе бесполезное и даже необходимое, разумеется, отнюдь не зачеркивает, вопреки убеждению М.Н. Федорова, концепцию в целом. Правильнее проверить ее всей суммой имеющихся на сегодня фактов, прежде всего нумизматических, из коих очень многие О. Прицаку не были известны.

Проверим основные положения концепции О. Прицака по пунктам.

1. Единый каганат. Дуальная система

Долгое время автор этих строк считал, что никакой дуальной системы не было. И имеются факты, казавшиеся серьезными аргументами в пользу такой позиции.

На дирхамах Куз Орду 454/1062 г. названы два лица: в поле л.ст. — *Арслан кара-хакан Абд ал-Халик*, в поле об.ст. — *Табгач-хан Ибрахим*, более полный титул которого — *Табгач Бугра кара-хакан*. И взаиморасположение упоминаний ('Абд ал-Халик фигурирует в позиции менее почетной, чем Ибрахим), и политическая ситуация (Ибрахим, завоевав Чуйскую долину, посадил на баласагунский престол 'Абд ал-Халика) не оставляют сомнений в том, что Ибрахим занимал более высокое положение, нежели 'Абд ал-Халик. Значит, титул *Арслан-хан* не был ни выше, ни ниже титула *Бугра-хан*.

Мухаммад б. Сулайман (1102–1130), который вошел в историю как Арслан-хан, одновременно носил титул *Табгач-хан* [Бартольд, 1963а, с. 381, прим. 7].

В 405–408/1014–18 гг. ханский титул носили Кадыр-хан Йусуф, Тоган-хан Ахмад, Арслан-хан Мансур, в 408–415/1017–25 гг. — Йусуф и Мансур, в 415–418/1025–28 гг. — Йусуф и Тоган-хан Мухаммад, в 418–423/1028–31 гг. — Йусуф, в 423–426/1031–34 гг. — Арслан-хан Сулайман б. Йусуф, Бугра-хан Мухаммад, Кадыр-хан Сулайман, Табгач Бугра кара-хакан 'Али, в 426–429/1034–37 гг. — все те же, но без 'Али. Как ясно из этого перечня, по титулу невозможно установить, какое место в «царской» иерархии занимал носитель любого ханского титула.

При таком «обилии» ханов, казалось бы, трудно считать каганат единым. Тем не менее, в этом вопросе О. Прицак был прав, ибо владения любого хана не были стабильными территориальными и политическими образованиями. Итак, единый каганат существовал, сколь бы формальным ни было его единство.

В повествовании о событиях начала XI в. Гардизи упоминает «великого хана», хотя знает и другого кагана, Кадыр-хана, явно не тождественного «великому», Тоган-хану Ахмаду [Бартольд, 1963а, с. 332, 335]. Таким образом, когда в каганате было более одного хана, какой-то из них считался главным, «великим». Но как узнать, какой именно?

В этом плане ничего не дает ни известная титулатура, ни наличие монетного чекана: каждый хан выпускал монеты от своего имени, не упоминая других каганов, т.е. был полным монетным сеньором, и все они обладали равным суверенитетом.

Владения, на территории которых выпускались монеты с упоминанием Тоган-хана Ахмада, были намного обширнее, чем те, где признавалась власть Кадыр-хана Йусуфа. Но этого недостаточно, чтобы считать его великим ханом. Более важным фактором могло быть либо физическое старшинство (по возрасту), либо принадлежность к старшей ветви династии. Относительно первого из-за скудости рукописных источников не известно почти ничего. Вероятнее второе: в кочевых обществах обычно важнее было «генеалогическое» старшинство.

Складывается впечатление, что из двух ветвей Караханидов, «Алидов» (потомков 'Али б. Мусы) и «Хасанидов» (потомков Хасана/Харуна б. Сулаймана), «старшей» считалась первая. Действительно, в среднеазиатской части каганата в 1-й четверти XI в. ханами являлись «Алиды» (сначала Тоган-хан Ахмад, затем Арслан-хан Мансур), да и все высшие княжеские титулы были у представителей той же ветви. При Ахмаде б. 'Али Наср б. 'Али был Арслан-илигом, Мансур б. 'Али — Йинал-тегином, Ба Салих — Арслан-тегином (?), Мухаммад б. 'Али — Йаган-тегином. По смерти Насра Арслан-илигом стал Мансур, Йинал-тегином — Мухаммад. Как только Мансур стал ханом, среднеазиатские «Хасаниды» сразу же поднялись по иерархической лестнице: Мухаммад б. Хасан — Йинал-тегин, Ахмад б. Хасан — Арслан-тегин (?), 'Али б. Хасан — Йаган-тегин. Когда же из четырех сыновей 'Али не осталось в живых никого, главные титулы оказались у сыновей Хасана: Мухаммад — Тоган-хан, 'Али — Арслан-илиг, Хусайн — Йинал-тегин, Сулайман — Арслан-тегин.

Итак, Ахмад б. 'Али был старшим в «старшей» ветви династии. Но и такое старшинство удастся определить далеко не всегда. Весьма существенно, что стольным городом Ахмада был Баласагун / Куз Орду: на его монетах Куз Орду никогда не упоминаются вассалы, тогда как на монетах других денежных дворов таких упоминаний сколько угодно. Как доказал О.Прицак, именно Баласагун являлся столицей единого каганата.

Что же касается Кадыр-хана Йусуфа, то Байхаки [1969, с. 158] сохранил рассказ о том, как Кадыр-хан «стал ханом» после того, как в 416/1026 г. он овладел Баласагуном, вытеснив оттуда Тоган-хана. К тому времени он уже более 20 лет носил ханский титул.

Стало быть, слова «стал ханом» надо понимать как «стал великим ханом».

Совершенно очевидно, что в едином каганате владеть Баласагуном означало быть великим ханом. Этот вывод дает возможность составить максимально полный и абсолютно достоверный список великих каганов единого каганата:

1. Тоган-хан Ахмад б. 'Али (388–406/998–1016);
2. Арслан-хан Мансур б. 'Али (406–415/1016–25);
3. Тоган-хан Мухаммад б. Хасан/Харун (415–416/1025–26);
4. Кадыр-хан Йусуф б. Харун/Хасан (416–423/1026–31);
5. Арслан-хан Сулайман б. Йусуф (423–431/1031–40).

При этом важно учесть, что годы «великого ханствования» не всегда совпадали со временем правления, т.к. тот или иной правитель мог стать ханом до овладения Баласагуном или потерять его, оставаясь ханом. Так, годы царствования Ахмада б. 'Али — 388–408 гг.х., Мансура б. 'Али — 405–415 гг.х., Мухаммада б. Хасана — 415–418 гг.х., Йусуфа б. Харуна — 388–423 гг.х., Сулаймана б. Йусуфа — 423–447 гг.х. (он оставался владельцем Баласагуна и после 431 г.х., но уже в рамках Восточного каганата).

2. Наследование по принципу майората

Наиболее выразительную картину подъема по официальной иерархической лестнице с одновременным увеличением «веса» тюркской титулатуры демонстрирует чекан Мухаммада б. 'Али. До 388 г.х. он Йаган-тегин, в 388–403 гг.х. — Арслан-тегин, в 403 г.х. — Йинал-тегин, с 403 по 415 гг.х. — Арслан-илиг. Всякий раз он принимал новый, более высокий титул не в качестве государева пожалования, не из-за увеличения удела (по М.Н. Федорову, Наср б. 'Али принял титул Арслан-илиг в связи с завоеванием Мавара'аннахра), не по собственному произволу, но в соответствии с нормами государственного права. Получить очередной титул князь мог только тогда, когда из иерархической цепи выпадало очередное звено и начинались династийно-титулатурные передвижки. В 388 г.х. умер Арслан-хан 'Али, и его старший сын Ахмад стал ханом, Наср — Арслан-илигом, Мансур — Йинал-тегином, Мухаммад — Арслан-тегином. В 403 г.х. скончался Наср, в результате чего Мансур принял ти-

тул Арслан-илиг, Мухаммад — Йинал-тегин. В том же году Мансур попал в плен, т.е. выпал из иерархической цепи, и Мухаммад тут же стал Арслан-илигом, оставаясь им до самой смерти (415 г.).

Итак, до определенного времени все высшие титулы в среднеазиатской части каганата были у «Алидов», но постепенно подошла очередь «Хасанидов». В 403 г. Али б. Хасан стал Йаган-тегином, Мухаммад б. Хасан — Йинал-тегином; прибегнув к методу вычисления, можно заключить, что Арслан-тегином был Ахмад б. Хасан. Когда же в 415 г. из сыновей Али б. Мусы не осталось живых никого, главные титулы оказались у «Хасанидов»: Сулайман б. Харун — Арслан-тегин, Хусайн б. Хасан — Йинал-тегин, Али б. Хасан — Арслан-илиг, Мухаммад б. Хасан — Тоган-хан.

Из всего сказанного очевидно, что в едином каганате наследование происходило не по прямой от отца к сыну, а от старшего брата к следующему по возрасту. Когда же старшая линия старшей ветви династии («Алидов») пресеклась, им наследовала младшая («Хасаниды»).

3. Западный каганат

Как доказала Е.А. Давидович, в Западном каганате с момента его возникновения не было никакой дуальной системы. Создателем его был Табгач-хан Ибрахим, а не его брат Мухаммад б. Наср, который до конца своих дней оставался лишь одним из князей на территории Восточного каганата. Е.А. Давидович [19686] доказала также, что единственной столицей Западного каганата был не Узгенд, а Самарканд. Автору этих строк удалось выяснить по монетам точную дату создания Западного каганата — 431/1040 г.

До поры до времени власть в Западном каганате переходила по прямой, от отца к сыну. Порядок иногда нарушался в результате вмешательства сперва сельджукидских султанов, затем карахытайских гурханов. Но и тогда, как установил по монетам пишущий эти строки, с 431/1040 г. и до падения династии (609/1212 г.) самаркандские ханы происходили из потомства Табгач-хана Ибрахима.

Титул *илиг* исчез из монетного репертуара с момента создания Западного каганата. Термин *тегин* на монетах Ибрахима б. Насра еще встречается, преимущественно в неранговых титулах типа

Күч-тегин, *Тоган-тегин*, *Тогрыл-тегин*, потом навсегда исчезает. В рукописных же источниках он упоминается до падения Караханидов (в частности, известно сообщение о том, что в начале XIII в. у последнего самаркандского хана Усмана был брат От-тегин).

Все сказанное подводит к трем важным выводам. Во-первых, Табгач-хан Ибрахим навсегда покончил с множественностью ханов, став единственным каганом. Во-вторых, он уничтожил многоступенчатую феодальную иерархию с многочисленными князьями. В-третьих, изменил порядок престолонаследия, сделав его прямым, от отца к сыну, т.е. заменил кочевнический порядок оседлым. В-четвертых, навсегда установил столицу государства в Самарканде.

4. Восточный каганат

В Восточном каганате до 447 г. было два кагана — великий (Арслан-хан Сулайман б. Йусуф) и младший (Бугра-хан Мухаммад б. Йусуф). Потом Мухаммад взял брата в плен, захватил его владения, но тем не менее оставил себе и прежнюю столицу — Тараз, и прежний титул — *Бугра-хан*; так опровергается тезис О. Прицака, будто, заняв территорию носителя титула *Арслан-хан*, завоеватель автоматически должен был сам стать Арслан-ханом. Когда братья погибли, таразский престол перешел к сыну Бугра-хана, Арслан-хану Ибрахиму (449–454). Затем территория Семиречья была присоединена к Западному каганату (454–460), после чего вновь вернулась в состав Восточного. Всё это время и до конца XI в. в Восточном Туркестане были то один, то два хана. В XII — начале XIII в. верховная власть и в Восточном каганате сосредоточилась в руках единственного хана, резиденцией которого был Кашгар.

Иными словами, в Восточном каганате множественность ханов продержалась примерно на полвека дольше, чем в Западном. Это и понятно: в Мавара'аннахре с его древней оседлой культурой разрушение типично кочевнических принципов организации власти началось существенно раньше, чем на востоке, где еще долго сохранялись кочевые традиции.

Что же касается представителей менее высоких уровней иерархии, то их титулы *илиг* и *тегин* еще очень редко встречаются на монетах второй половины XI в., а потом исчезают навсегда.

5. Западный каганат во 2-й половине XII – начале XIII в.

В это время начался всё ускоряющийся процесс разделения каганата на отдельные ханства, число которых к началу XIII в. достигло 11. В отличие от предшествующего периода, это были государственные образования со стабильной территорией и постоянной столицей [Кочнев, 1993, с. 21]. Как доказала Е.А. Давидович [1957, с. 91 сл.], самым крупным из них было ханство со столицей в Самарканде, оно до самого падения династии считалось главным среди всех ханств, а значит, Самарканд оставался центром Западного каганата.

В отличие от раннекараханидского времени, власть во всех этих ханствах передавалась по прямой: в Самарканде — Ибрахим б. Хусайн, ‘Усман б. Ибрахим; в Узджанде — Хусайн б. Хасан, Ибрахим б. Хусайн, Ахмад б. Ибрахим, Махмуд б. Ахмад; в Касане — Наср б. Хусайн, Мухаммад б. Наср; в Параве — ‘Абд ал-Халик б. Хусайн, Хасан б. ‘Абд ал-Халик. Правители всех позднекараханидских ханств были прямыми потомками Табгач-хана Ибрахима, основателя Западного каганата.

6. Восточный каганат в XII – начале XIII в.

До рубежа XI – XII вв. здесь обычно было одновременно два хана, в виде исключения — три. В XII — начале XIII в. власть сосредоточилась в руках кашгарского хана, а «малых» ханств на территории Восточного каганата не известно. Верховная власть теперь и здесь, как в Западном каганате, переходила от отца к сыну.

Правители некараханидского происхождения в составе каганата

Как показывают монеты, члены династии Караханидов, несмотря на их многочисленность, не были единственными носителями власти в каганате — среди правителей городов и областей было немало лиц, не принадлежавших к царствующему роду. К их числу относятся, в частности, владельцы небольшой, но богатой полезными ископаемыми и весьма урбанизированной области Илак, занимавшей бассейн Ахангарана.

В.В. Бартольд [1971, с. 465] был первым, кто обратил должное внимание на сам факт наличия чекана илакских дихканов при Караханидах. Он подчеркнул, что дихканы Илака, являвшиеся некогда князьями, при Саманидах утратили политическое значение, хотя продолжали пользоваться большим влиянием. При Караханидах они стали чеканить монету, т.е. возвратили себе политическое значение. М.Е. Массон использовал данные тех же рукописных источников, что и В.В. Бартольд (ал-Мукаддаси, «Худуд ал-‘алам»), и привлек караханидские монеты, частично известные В.В. Бартольду, частично выявленные им самим. Статус дихканов Илака при Саманидах он оценил несколько иначе, полагая, что и тогда они являлись правителями области. На протяжении нескольких веков они оставались определенной политической силой, с которой, судя по монетам, приходилось считаться вплоть до начала XI в. Упомянутых на илакских фалсах 387–399/997–1009 г. Мухаммада б. Мансура и Салара б. Мухаммада М.Е. Массон [1953, с. 81–82] счел отцом и сыном, причислил их к династии илакских дихканов (на их монетах помещен этот титул) и заключил, что право монетного чекана в Илаке было в течение некоторого времени наследственной привилегией членов этой династии. М.Н. Федоров неоднократно [1955а, с. 51–52; 1971б, с. 85–89; 1975а, с. 109–116] обращался к чекану дихканов Илака, то опираясь на опубликованные монеты, то привлекая также немногие новые фалсы. Мансура б. Ахмада, фигурирующего на илакских фалсах 382 г.х., он справедливо причислил к той же династии, считая его отцом Мухаммада б. Мансура. Обнаружив на илакских фалсах 391 г.х. сочетание «Мухаммад б. Мансур Ба Салих», М.Н. Федоров целиком приписал его дихкану Мухаммаду. А поскольку Ба Салих упомянут, по М.Н. Федорову, также на монетах Орду 398 г.х., Испиджаба 399 г.х. и Согда 404 г.х., это, по его мнению, свидетельствует о том, что дихкан Мухаммад оставил Илак и перешел на службу к Ахмаду б. ‘Али, который в разное время предоставлял ему различные уделы. Карьера Мухаммада — сначала правителя из полунезависимой местной династии, потом представителя крупной землевладельческой знати на службе у караханидского государя — была, как считает М.Н. Федоров [1975а, с. 115], не единственной в своем

роде. Это надо понимать, очевидно, в том смысле, что дихканы из разряда землевладельческой знати активно переходили в категорию служилой знати.

Столь ответственные выводы базируются на произвольном заключении о тождестве Мухаммада б. Мансура и Ба Салиха. И как только Е.А. Давидович [1978, с. 91] и автор этих строк [Кочнев, 19796, с. 119] независимо друг от друга доказали, что это разные лица, все построения М.Н. Федорова рухнули.

В настоящее время мы располагаем следующими достоверными фактами. Со времени первого караханидского завоевания Мавара'аннахра в Илаке правили один за другим Мансур б. Ахмад (фалсы 382, 386, 389 гг.х.), Мухаммад б. Мансур (илакские фалсы 391, 392, 393, 395 гг.х., дирхамы Навката 395 г.х.), Абу Шуджа' Салар б. Мухаммад (фалсы Илака 399 г.х.). Поскольку на дирхаме Илака 414 г.х. помещена кунья Абу Шуджа', можно заключить, что Салар б. Мухаммад сохранил власть в Илаке и после 410 г.х. Перед нами представители трех поколений династии, власть в которой переходила от отца к сыну, т.е. в соответствии с древними среднеазиатскими традициями, а не караханидской удельно-лестничной системой. Очень показательны, что Мансур б. Ахмад, получивший илакский престол в результате завоевания Мавара'аннахра Бугра-ханом Харуном в 382 г.х., пережил и возвращение Саманидов, и второе караханидское завоевание, и удержался на престоле в 385–389 гг.х., когда на Илак распространялась власть Насра б. 'Али, Мухаммада б. 'Али, Ахмада б. 'Али, Ба Салиха и <...>(?) Са'ида (он же — Ба Салих?), т.е. сохранил свои позиции в Илаке, несмотря на многочисленные и весьма серьезные перемены в высших и средних эшелонах власти. Всё это позволяет думать, что в своих внутренних делах дихканы Илака были при Караханидах достаточно самостоятельны, а может быть, даже предоставлены самим себе.

При всем том, нет никаких оснований преувеличивать степень самостоятельности илакских дихканов. Как показывают наблюдения над раннекараханидскими монетами, самостоятельность удельных правителей была тем большей, чем чаще они чеканили фалсы только от своего имени, чего не могли себе позволить илакские дихканы, в отличие, например, даже от такого мелкого вла-

детеля, как Караханид Хусайн б. Хасан, которому принадлежала только часть Илака с городом Тункатом. Тот же Хусайн на фалсах обозначен как владелец монетной регалии, илакским же дихканам Караханиды никогда не передавали это важное право, всегда сохраняя его за собой. На иерархической лестнице, отраженной надписями монет, дихканам отведена нижняя ступень — вторая, третья или даже четвертая. Значит, делить права, привилегии и, соответственно, доходы приходилось с Караханидами, иногда одновременно с несколькими, почему на долю дихканов, находившихся в самом низу иерархической пирамиды, должна была оставаться не очень значительная их часть. В ряде случаев упоминания дихканов исключены из надписей монет тех лет, когда они определенно владели Илаком. Это, конечно, не означает временного лишения их всех прав на область, но лишним раз подчеркивает их не слишком высокий статус. О прогрессирующем наступлении на их права и привилегии свидетельствует отсутствие на илакских монетах, битых между 400 и 414 гг.х., каких-либо упоминаний дихканов и тот факт, что Тункат, один из двух крупнейших илакских городов, по крайней мере, с 404 г.х. стал на многие годы уделом Караханида Хусайна б. Хасана, т.е. был выведен из состава владений дихканов.

Конечно, если сравнивать с саманидским временем, когда дихканы Илака не имели политической власти и, соответственно, права выпускать монеты со своими именами или титулатурой, при Караханидах их статус явно возрос, что выразилось, в частности, в появлении соответствующего чекана, но он был неизмеримо ниже статуса любого мелкого удельного князя из числа Караханидов.

Имя одного из владетелей Илака — *Салар б. Мухаммад*, как и сам титул *дихкан*, явно указывает на иранские корни этого рода. Иное (тюркское) происхождение имела другая местная династия — правителей Испиджаба. При Саманидах Испиджаб пользовался значительной автономией и обладал важными привилегиями, отправляя в казну не подати, а подарки. Впрочем, свобода от податей связана не с особой самостоятельностью Испиджаба, а с тем, что он находился на границе мусульманского мира и должен был тратить большие средства на защиту рубежей от неверных [Бартольд, 1963а, с. 232–234, 269–270, 292–293; Мец, с. 99,

прим. 11]. Среди представителей династии испиджабских владельцев IX–X вв. было не менее трех носителей весьма редкого имени *Мут*, почему мы предложили именовать этот род Мутидами [Кочнев, 1986, с. 48]. Как указал В.Н.Настич, читать это имя предпочтительнее не *Мут*, а *Матт*; соответственно родовое наименование — не *Мутиды*, а *Маттиды*.

Изредка они получали при Саманидах важную привилегию — право монетной чеканки. Древнейшая испиджабская мусульманская монета — фалс 307/919–20 г. с именем Ахмада б. Матта, опубликованный и детальнейшим образом объясненный Е.А. Давидович [1954, с. 94–98]. Нами выявлены фалсы Испиджаба 385–386/995–96 гг. с упоминанием Саманида Нуха б. Мансура, Абу-л-Фатха Матта и его родича Абу Мансура Мухаммада б. Хусайна (б. Матта) [Кочнев, 1987в, с. 57], а также дирхам Испиджаба 389/999 г. с именами ‘Абд ал-Малика б. Нуха, Матта (?) и Ахмада б. Насра (не издан). Как установлено нами, Матт фигурирует также на испиджабских дирхамах 389 и 392 гг. неясной династийной принадлежности и на караханидских дирхамах Испиджаба 396–402 и 404 гг. [Кочнев, 1987а, с. 159–160]. На монетах 396–401 гг. сюзереном Матта выступает Ахмад б. ‘Али, на монетах 401–402 гг. — Наср б. ‘Али, на монетах 402 и 404 гг. — опять Ахмад. Число лиц, упомянутых на этих дирхамах, доходит до четырех, и каждому из них отведено определенное место в иерархии, но самая нижняя ступень иерархической лестницы обычно занята Маттом.

Несмотря на многочисленные перемены на более высоких уровнях иерархии, Матт оставался непосредственным владельцем области на протяжении 385–404/995–1014 гг. За это время он пережил и саманидскую «реставрацию», и период самостоятельности Испиджаба, и захват области Ахмадом б. ‘Али, и завоевание ее Насром б. ‘Али, и возвращение «под руку» Ахмада. Насколько позволяют судить монеты, в 404 г. Матт либо умер, либо утратил власть. Последнее представляется более вероятным: одновременно был лишен прав на Испиджаб ‘Али Сарраф. Если же верно первое, то и в этом случае на 404 г. приходится лишение Маттидов власти, ибо последующие упомянутые на монетах непосредственные владельцы Испиджаба явно не принадлежали к этой династии.

Регулярный и обильный раннекараханидский серебряный чекан с упоминанием Матта на фоне эпизодического медного чекана с именами Маттидов в саманидское время свидетельствует о повышении официального статуса испиджабского владельца при Караханидах. Но оно было, во-первых, весьма относительным и, во-вторых, временным. Если при Саманидах подати оставались в Испиджабе, то теперь доходы приходилось делить, нередко сразу с несколькими правителями, а коль скоро Матт находился обычно в самом низу иерархической пирамиды, то на его долю оставалась, вероятно, не очень значительная часть прав, привилегий и доходов. Иными словами, с приходом Караханидов владелец Испиджаба лишился налогового иммунитета.

В Саганийане при Саманидах правила местная династия Мухтаджидов, чьи немногочисленные фалсы опубликованы и изучены Э.В. Ртвеладзе [1985, с. 40–42]. Последний владелец Саганийана при Саманидах Фахр ад-давла Ахмад б. Мухаммад, двоюродный брат и преемник Тахира б. Фадла (убит в 380 г.), приходившийся двоюродным братом Мухтаджику Насру б. Ахмаду, вероятно, происходил из той же династии. Как предположили независимо друг от друга Э.В. Ртвеладзе [1988, с. 53] и автор этих строк [Кочнев, 1999б, с. 49], этот Ахмад б. Мухаммад тождествен Фахр ад-давла Ахмаду б. Мухаммаду, фигурирующему на раннекараханидских фалсах Саганийана. Он упомянут на фалсах 398, 401–403, 405 и 406 гг. в круговой легенде, т.е. выступает владельцем монетной регалии. Он идентичен [ал-]Музаффару, или Музаффару Кийа, названному на саганийанских монетах 395–398, 400–403, 405 и 406 гг. Весьма показательным, что на фалсах 405 г. Караханиды вообще никак не обозначены, а местный владелец Ахмад демонстрирует весьма значительную самостоятельность.

Насколько позволяют судить монеты, статус владельцев всех трех областей при Караханидах повысился, но не был одинаковым. Наиболее высоким он был, надо полагать, у правителя Саганийана, который являлся владельцем монетной регалии, одного из важнейших прав, и регулярно помещал на монетах свой лакаб. Очень часто проставлял на монетах свое почетное прозвание Му‘изз ад-давла Матт, чей статус был, вероятно, несколько ниже: ему не принадлежала монетная регалия. Наименьшими правами и наимень-

шей самостоятельностью обладали, очевидно, дихканы Илака, которые никогда не получали монетную регалию и не помещали лакабы, а иногда и вовсе не упоминались на илакских монетах.

Как видно из приведенных материалов, после завоевания Мавара'аннахра по крайней мере в трех областях Караханиды сохранили местных владетелей, которые в течение многих лет удерживали достаточно прочные позиции в своих областях, несмотря на неоднократные перемены на более высоких уровнях иерархии. Очевидно, Караханиды, заинтересованные в том, чтобы эффективно управлять завоеванной страной, очень нуждались в сотрудничестве с местными династиями, имевшими давние корни в своих родовых владениях. Караханиды привлекали их предоставлением некоторых новых прав и привилегий, но и сами местные владетели, очевидно, охотно шли на сотрудничество: не случайно многие дихканы — подданные Саманидов, по словам 'Утби, приглашали в страну Бугра-хана Харуна [Бартольд, 1963а, с 318].

Довольно скоро местным правителям пришлось разочароваться в новых сюзеренах. Мало того, что они не располагали полнотой власти в своих родных землях, на их долю приходилось, очевидно, и не очень значительный объем прав, привилегий и, соответственно, доходов, тогда как при Саманидах владетели Испиджаба не вносили в государственную казну податей, ограничиваясь подарками. Караханиды опирались на местных владетелей лишь на первых порах, пока государство переживало период становления; когда же нужда в их помощи миновала, то лишили их власти или, во всяком случае, многих важных прав. Говорить о единой политической линии по отношению к местным владетелям позволяет близость дат последних известных монет с их упоминанием: в Испиджабе — 404/1013–14 г., в Саганийане — 406/1015–16 г., в Илаке — 414/1023–24 г. Таким образом, не подтверждается точка зрения К.Э. Босворта [1981, с. 30], будто с приходом Караханидов «Мавераннахр вернулся к системе, напоминавшей доарабскую сеть феодальных княжеств и городов-государств под номинальной властью караханидских ханов». Вывод этот, сделанный на основании только илакских фалсов 382 г.х., опровергается известным теперь намного более обширным материалом, который показывает, что нет никаких оснований считать зависимость

местных владетелей от Караханидов номинальной, а в самом раннекараханидском государстве видеть конгломерат слабо связанных друг с другом княжеств и владений.

Исключительно по монетам автору этих строк удалось установить еще один очень важный факт. Выяснилось, что бывший саманидский вельможа — хаджиб Бегтузун, один из вершителей судьбы государства Саманидов накануне его падения, не только пережил караханидское завоевание, но и пошел на службу к Караханидам. В разное время он был пожалован за службу такими владениями, как Киш (399–402/1008–12 гг.), Самарканд (407–408/1016–18 гг.) и Худжанд (414–415/1023–24 г.). Караханидам, еще не имевшим опыта управления недавно завоеванной страной, этот крупный сановник, известный при Саманидах военачальник, надо полагать, мог оказать услуги прежде всего на военно-административном поприще.

Бегтузун не был единственным представителем саманидской служилой знати, пошедшим на службу к Караханидам. На монетах Шаша 392–393/1001–03 гг. фигурирует Абу-л-Фаварис Алп. В отличие от Бегтузуна, он не упомянут в рукописных источниках, но, как и Бегтузун, являлся носителем типично «саманидской» куны Абу-л-Фаварис (ее носили два амира из числа Саманидов).

По раннекараханидским монетам известно несколько имен, которые не сопровождаются тюркской титулатурой и, возможно, принадлежат лицам некараханидского происхождения: Наср б. ал-Касим, Йусуф б. 'Абдаллах, Йа'ла, Нуш, 'Али б. Нуш и др. Наверняка не был Караханидом 'Али Сарраф; если его прозвание (букв. «меняла, ростовщик») не родовое, то он мог быть привлечен к управлению Испиджабом как представитель крупного капитала.

Насколько значительными могли быть права и привилегии правителей этой категории, видно прежде всего на примере Бегтузуна, которому в Кише и Худжанде было предоставлено одно из важнейших прав — монетная регалия; свое имя и пространную титулатуру он мог проставлять даже на серебряных монетах (дирхамы Киша). То же самое — Абу-л-Фаварис Алп, который чеканил и дирхамы, и фалсы, причем на фалсах выступал владельцем монетной регалии (упомянут в круговой легенде). Можно заключить из этого, что статус Бегтузуна и Алпа приближался к статусу удельных правителей из числа младших членов правящей дина-

стии. Значит, Караханиды очень нуждались в сотрудничестве с саманидской служилой знатью. Но нужда эта была, конечно, временной. В 415/1024 г. были выпущены последние известные монеты с упоминанием Бегтузуна, который, будучи престарелым вельможей, мог просто скончаться своей смертью, но около этой даты из монетных надписей исчезают имена и других правителей, которых можно «заподозрить» в некараханидском происхождении. Правда, несколько позднее, на монетах Кармины 415–419/1024–28 гг. и Дабусийи 424/1033–34 г. появляются упоминания правителей из числа Сельджукидов и Исма‘ила б. Махмуда (хорезмшаха Исма‘ила Хандана?), но это объясняется особыми обстоятельствами трудного положения ‘Али-тегина.

Как показывают монеты, Караханиды, явившись в Среднюю Азию, готовы были привлечь к управлению (и действительно привлекали) кого угодно — местных владетелей, саманидскую служилую знать, даже банкира-менялу или выходца из семьи, где это занятие было традиционным. Однако со временем, наладив управление завоеванной страной, они лишили власти старинных местных династов (чего не решались сделать даже Саманиды) и отказались от слуг прочих лиц некараханидского происхождения. Конечно, и впоследствии наместниками бывали не Караханиды (так, Сузани в качестве наместника Насафа упоминает дихкана ‘Али б. Фахр ад-дина [Бертельс, 1960, с. 470–471]), но прежней властью и прежними правами они уже не обладали. Со 2-й четверти XI в. власть целиком сосредоточилась в руках самих Караханидов, и монетную регалию они уже никому не предоставляли.

Институт феодальных пожалований

Как справедливо подчеркнула Е.А. Давидович [1983б, с. 4], в рукописных источниках нет достаточных данных для убедительного суждения об уровне развития в Караханидском каганате института феодальных пожалований, зато вопрос этот может быть аттестован с помощью караханидских монет. Сколь богатые возможности открывает привлечение нумизматических материалов для изучения института феодальных пожалований, блестяще показала та же исследовательница на примере саманидского удельного че-

кана [Давидович, 1954, с. 69–117; 1972б, с. 110–141]. Для характеристики удельной системы в государстве Караханидов монетные данные привлекались неоднократно, в том числе самой Е.А. Давидович, но далеко не в полном объеме, а главное — история развития института феодальных пожалований в каганате за весь период конца X — начала XIII в. не прослежена.

Тщательно и всесторонне изученные Е.А. Давидович [1972б, с. 141] саманидские фалсы X в., битые в Фергане и некоторых ферганских городах, фиксируют многоступенчатую иерархию в две, три и даже четыре ступени и совместное владение объектом пожалования в соответствии с местом на иерархической лестнице. Такую же многоступенчатую иерархию отражают и надписи раннекараханидских монет, начиная с самых первых, причем не только фалсов, но и дирхамов. Уже одно это последнее обстоятельство свидетельствует о возросшем статусе удельных правителей. В ряде случаев монеты фиксируют совместное владение областью или городом (с округой). Таковы фалсы Илака 387/997 г. с упоминанием Ахмада б. ‘Али (великий каган и верховный сюзерен), его брата Мухаммада б. ‘Али (владелец монетной регалии), еще одного члена династии, Аба Салиха, и непосредственного владетеля области, дихкана Ахмада б. Мансура, происходившего из старинной местной династии. Таковы дирхамы Испиджаба 400 г.х. с именами и или титулатурой Ахмада б. ‘Али (владелец монетной регалии), Мухаммада б. ‘Али (вассал) и местного владетеля Матта (арьер-вассал). Есть примеры иного рода, когда на одной монете упомянуты держатель относительно небольшого владения, его непосредственный сюзерен, правивший более обширной территорией, частью которой является это владение, и, наконец, верховный сюзерен их обоих. В надписях монет Ахсиката и Узгенда 409–410/1018–20 гг. владельцем этих крупных городов Ферганы выступает Ахмад б. Мансур, его непосредственным сюзереном — его дядя Мухаммад б. ‘Али, которому принадлежала значительная часть Мавара’аннахра, верховным сюзереном — его отец Арслан-хан Мансур б. ‘Али, распространявший верховную власть на все среднеазиатские владения Караханидов. Более сложная картина наблюдается в легендах дирхамов испиджабского города Будухката 410 г.х. с упоминанием того же Арслан-хана, его племянника Ахмада б. Мухаммада, вла-

девшего, наряду с некоторыми другими землями, Испиджабом, и некоего 'Али, непосредственного владельца Будухката; на будухкатских дирхамах 411 г.х. вместо 'Али назван 'Абд ал-Малик. Судя по монетам Испиджаба 410 и 411 г.х., эта область принадлежала Насру (б. ал-Касиму?), на будухкатских дирхамах, тем не менее, не упомянутому. Очевидно, 'Али и 'Абд ал-Малик подчинялись не Насру, а непосредственно Ахмаду б. Мухаммаду, т.е. в плане удельной иерархии вышли на уровень Насра, несмотря на крошечные размеры своего удела. Что Будухкат не был исключением, показывает пример илакского города Тунката, владелец которого, Караханид Чагры-тегин Хусайн б. Хасан, на монетах 408-411 г.х. называет сюзереном только Арслан-хана, хотя Илаком, судя по монетам, управлял в те же годы Бөри-тегин — другой вассал Арслан-хана.

Как явствует из этих и многих других примеров, раннекараханидские уделы могли быть любыми по размерам — от небольшого города и даже городка с округой (Будухкат, Хумрак и др.) до крупных областей (Испиджаб, Фергана) и огромных территорий, включающих по несколько областей. Не приходится сомневаться, что правители мелких и даже средних уделов были именно жалованными владельцами, временными держателями. Встает, однако, вопрос: можно ли считать жалованным владельцем Насра б. 'Али, который сам создал себе удел, отвоевав Мавара'аннахр у Саманидов, проводил совершенно самостоятельную внешнюю политику, совершая походы на владения Махмуда Газнави или вступая с ним в дипломатические отношения, вел одно время борьбу с верховным каганом Ахмадом б. 'Али и разрывал с ним вассальные отношения? При всем том, в надписях подавляющего большинства серебряных и многих медных монет с упоминанием Насра Ахмад выступает сюзереном последнего. Иными словами, огромный и добытый собственными усилиями удел Насра б. 'Али в легендах монет — единственных уцелевших официальных документов той поры — предстает в виде условного феодального владения, оформленного как пожалование, обусловленное службой в качестве правителя этого удела. Короче говоря, по крайней мере формально это было пожалованием за службу. В то же время, быть может, не следует преувеличивать степень «формальности» этого акта. Во-первых, на ряде фалсов, в том числе битых в Фергане, коренном владении Насра,

Ахмад выступает «совладельцем» монетной регалии — одного из важнейших и, очевидно, вполне реальных прав. Во-вторых, захватив не позже 385/995 г. Илак, экономически очень важную область, Наср вскоре утратил власть над ней, чего не могло быть, если бы он распоряжался на завоеванных территориях как полный хозяин. В-третьих, он не мог ни передать свой удел кому-либо из своих сыновей (из коих по монетам известны 'Али, Ибрахим и Мухаммад), ни разделить его между ними; только Мухаммад позднее получил часть коренных владений своего отца. Приходится констатировать, что Мавара'аннахр предстает здесь действительно жалованным владением, предоставленным пожизненно, но без права наследования. Можно предположить, что Насру были пожалованы все те земли, которые он сможет захватить у Саманидов — подобно тому, как в XIII в. Джучи и его потомкам заранее предназначалось всё, что они завоюют к западу от Иртыша [Петрушевский, 1970, с. 110].

Наср не являлся исключением. Его брат Мухаммад б. 'Али, который, как и Наср при Ахмаде, был при Мансуре илигом и владельцем крупнейшего удела, всё же не передал этот удел своему сыну Ахмаду, оставшемуся лишь правителем Тараза и Испиджаба. Очень показательным, что даже при Арслан-хане Мансуре, когда положение Мухаммада в официальной иерархии оставалось неизменным, размеры и состав его владений существенно менялись: такие важные области, как Илак и Испиджаб, принадлежавшие ему в начале правления Арслан-хана, затем были пожалованы другим членам династии. Значит, около 410/1019–20 г. удел Мухаммада б. 'Али, включавший Тараз, Фергану и центральный Мавара'аннахр, не был и компактным, коль скоро в него не входили Илак и Испиджаб. Насколько разбросанными могли быть владения удельного князя, особенно наглядно видно на примере Ахмада, сына Мухаммада б. 'Али. В 411–412/1020–22 гг. Ахмад владел Бухарой и Таразом (на правах вассала Мухаммада б. 'Али и Арслан-хана), Испиджабом (как вассал Арслан-хана) и Учем (в качестве вассала Кадыр-хана Йусуфа). Тем самым Ахмад б. Мухаммад выступает вассалом двух суверенных государей. Подобная двойная вассальная зависимость и разбросанность владений по территориям разных княжеств и даже государств — вполне обычное явление для средневековой феодальной Европы.

Не всегда можно понять, от чего зависела стабильность удела. Она понятна, когда речь идет, допустим, о таком могущественном вассале, как Наср б. 'Али. Другое дело — мелкий князь Чагры-тегин Хусайн б. Хасан, который сидел в Тункате в правление и Тоган-хана Ахмада, и Арслан-хана Мансура, и Кадыр-хана Йусуфа. Насколько позволяют судить монеты, подобная прочность положения удельного владельца была для раннекараханидского времени скорее исключением, чем правилом. Очень стабильным было, естественно, положение местных владельцев в Испиджабе, Илаке и Саганийане, которые до известного времени сохраняли власть, несмотря на все перемены на более высоких уровнях иерархии. Но их, конечно, нельзя считать обычными удельными правителями, хотя и их владения были оформлены как пожалования за службу. Среди жалованных владельцев имелись и другие лица некараханидского происхождения, вроде знаменитого Бегтузуна, но его неоднократные перемещения с места на место как раз очень характерны для раннекараханидского периода.

В отношении Бегтузуна, бывшего саманидского сановника, не может быть никаких сомнений, что он был не просто владельцем, а именно владельцем на основе пожалования. Возникает, однако, вопрос, правомерно ли причислять к категории жалованных владельцев местных династов или самовластных князей, создавших свои уделы силой — типа 'Али-тегина. 'Али б. Хасан, конечно, самовольно захватил Бухару, причем в борьбе не с инодинастийными врагами, а со своими троюродными братьями, Мухаммадом и Мансуром, но, в конечном счете, достиг с последним некоего компромисса, после чего был пожалован правом владеть Бухарой на законных основаниях, а сам факт этого пожалования, вероятно, закрепленный и специальным документом, был отражен в монетных надписях. Что же касается местных владельцев, то, каковы бы ни были их наследственные права, они, очевидно, тоже подтверждались специальными грамотами — такова была обычная тогдашняя практика, в частности у соседей — Газнавидов [Байхаки, 1969, с. 86, 428, 445].

Все сказанное о раннекараханидской удельной системе касается периода до распада в 431/1040 г. прежде формально единого государства на две части. Судьба уделов после этой даты была различной в Западном и Восточном каганатах. При Табгач-хане

Ибрахиме уделы были, но число их заметно сократилось. Еще более существенно, что в его владениях мы не видим многоступенчатой иерархии, деления крупных уделов на мелкие, да и вообще таких огромных уделов, как в предшествующее время. Почти совсем исчезает самостоятельная (без упоминания сюзерена) удельная чеканка; единственное известное исключение — Шу'айс б. Ибрахим. Итак, при Ибрахиме б. Насре в Западном каганате наблюдается сокращение не только числа уделов, но и объема прав их владельцев. Централизаторская политика Ибрахима была продолжена и даже углублена его ближайшими преемниками, при которых удельная чеканка вообще прекращается. Это, конечно, не обязательно свидетельствует о полном уничтожении удельной системы, но если удельные правители и были, то объем их прав и степень самостоятельности уже несопоставимы с тем, что мы видели в раннекараханидское время.

Важно было бы попытаться прояснить еще один важный вопрос — об экономических правах упомянутых на караханидских монетах лиц (разумеется, за исключением тех, кто не входил в число владельцев, т.е. был как-то связан с организацией монетного дела). Когда дело касается раннекараханидских монет, ясно лишь, что на долю каждого, кто занимал ступени иерархической лестницы ниже верхней, приходилась определенная часть прав, привилегий и, соответственно, доходов. Намного сложнее вопрос о верховном сюзерене. Для раннекараханидского чекана характерно упоминание его на подавляющем большинстве дирхамов и на многих фалсах. Означает ли это лишь формальное признание сюзеренных прав государя, или нечто большее — например, право получать часть доходов? В поисках ответа на этот вопрос мало чем может помочь обращение к предшествующему чекану — саманидскому. Известно, например, что в X в. испиджабские владельцы все налоги оставляли себе, на фалсах же Испиджаба 307 г.х., помимо местного правителя Ахмада б. Магта, упомянут саманидский амир Наср б. Ахмад, причем назван он дважды, в том числе в круговой легенде об.ст., т.е. в качестве владельца монетной регалии. Но из этого отнюдь не следует, что аналогичные или иные способы упоминания на фалсах саманидского государя и его вассалов во всех случаях означают отказ от всех доходов в пользу последних;

как считает изучавшая этот вопрос Е.А. Давидович [1954, с. 94–98, 109–110], даже самостоятельный (без упоминания сюзерена) медный удельный чекан саманидского времени связан с правом на получение всех или части доходов. Тем менее вероятно, чтобы все удельные правители раннекараханидского времени имели право целиком оставлять себе налоги с подвластных им областей; тогда оказалось бы, что верховные государи (до 405 г.х. Ахмад б. ‘Али, позднее — Арслан-хан Мансур) могли регулярно получать подати только со столичной области, т.е. с собственного домена.

Очень важный момент — упоминание в круговой легенде после формулы «Из того, что приказал...». Эта формула связана с вполне реальными правами — как представляется, не только с монетной регалией, но и с правом на часть доходов. Так, Ахмад б. ‘Али упомянут в круговой легенде преимущественно тех монет, что биты за пределами владений Насра б. ‘Али — в Илаке, Шаше, Испиджабе и Таразе. В надписях некоторых монет Илака и Испиджаба, кроме Ахмада, фигурируют только местные владельцы, которым подати с этих важных областей принадлежать в полном объеме не могли. Очень показательна, что упоминание Ахмада б. ‘Али изредка вводится формулой «Из того, что приказал...» даже на тех фалсах, которые выпускались во владениях Насра после того, как он стал илигом и завоевал Мавара’аннахр; это мы видим, в частности, на чеканенных в 399 г.х. фалсах Ферганы, коренного владения Насра б. ‘Али. Данное обстоятельство особенно важно, т.к. в надписях фалсов самостоятельность удельного правителя проявлялась в наибольшей степени. Можно поэтому предположить, что на владения Насра распространялись не только сюзеренные права Ахмада, но и право получения части доходов. В этой связи стоит напомнить, что до 401 г.х. на всех дирхамах, выпускавшихся во владениях Насра б. ‘Али, Ахмад обязательно упоминался, в надписях же большинства битых в 401–403/1010–12 гг. дирхамов Илака, Шаша и Испиджаба, областей, захваченных Насром в ходе войны с Ахмадом б. ‘Али, последний никак не фигурирует, хотя упомянут на прочих дирхамах Насра. Быть может, в таком случае упоминание верховного государя на дирхамах означало признание не только его сюзеренных, но и некоторых экономических прав, исключение же его имени (титулатуры) из надписей дирхамов — лишение

этих прав, в первую очередь экономических? Ведь вассалом Ахмада Наср оставался и после войны с ним, правда, признавая это в легендах монет только старых своих владений. Мысль о том, что упоминание на дирхамах верховного сюзерена означало для удельных правителей не только вассальную, но и экономическую зависимость, как будто подкрепляется несколько более поздним примером, когда Арслан-хан Сулайман б. Йусуф разделил Восточный каганат между ближайшими родственниками, оставив себе Кашгар и Баласагун и удовлетворившись «повиновением» родичей, которые после 425/1033–34 г. вообще не упоминали его на монетах.

Все сказанное не следует понимать слишком буквально и прямолинейно и в каждом случае, когда вассал опускает имя (титулатуру) сюзерена в надписях дирхамов, видеть несомненный показатель присвоения им всех экономических прав, всех без изъятия податей. Равным образом, не стоит всякое упоминание верховного сюзерена на дирхамах непременно объяснять экономической зависимостью вассала, иначе придется признать, что ‘Али-тегин, едва овладев в 411/1020–21 г. Бухарой, тут же стал отправлять подати в далекий Кашгар Кадыр-хану Йусуфу, от которого тогда едва ли мог ожидать сколько-нибудь реальной помощи. При отсутствии прямых свидетельств, располагая только косвенными данными, допускающими неоднозначное истолкование, трудно настаивать на справедливости приведенных соображений. Но если я прав, то, значит, налоговым иммунитетом не пользовались не только мелкие и средние, но даже такие крупные и могущественные удельные правители раннекараханидского времени, как Наср б. ‘Али или Мухаммад б. ‘Али.

Во 2-й половине XII — начале XIII в. Западный каганат разделился на целый ряд самостоятельных ханств. Отношения между ними и самаркандскими ханами не были отношениями вассалитета — сюзеренитета. Е.А. Давидович [1957, с. 98] нашла более удачное выражение, назвав эти отношения «субординацией»: всё же и тогда сохранялся авторитет и приоритет самаркандского хана как главы Западного каганата.

Стоит подчеркнуть, что ни одно из одиннадцати позднекараханидских ханств не обладало налоговым иммунитетом: все они выплачивали подати карахытайским гурханам, сидевшим в Баласагуне.

Завершая рассмотрение удельной системы, напомним, что ее наличие было для В.В.Бартольда важнейшим основанием, чтобы противопоставлять Караханидский каганат государству Саманидов, которое он считал достаточно централизованным [Бартольд, 1963а, с. 280, 284, 330]. Изучив большой нумизматический материал, Е.А.Давидович [1954, с. 111] пришла к заключению, что Саманидскому государству «не были чужды элементы и черты того подлинно удельного устройства феодального государства, которые в следующие столетия станут типичными и господствующими». Еще дальше в пересмотре позиции В.В.Бартольда пошел О.Г.Большаков. Он принял выводы Е.А.Давидович и в полученных ею материалах увидел картину, «лишь незначительно отличающуюся от того, что мы знаем о Караханидском государстве». Если брать каганат в целом, то он действительно являлся конгломератом множества уделов, в Мавара'аннахре же, со времени создания здесь отдельного государства, уделы были только в окраинных областях: «... это верно почти для всего двухвекового владычества Караханидов». Проявляя разумную осторожность, О.Г.Большаков заключает: «Сказанное выше не отрицает категорически общепринятое мнение, но необходимо указать, что данная проблема требует специального исследования и что возможно иное решение ее» [ИТН, с. 249].

Чтобы разобраться в проблеме, следует рассмотреть ее в более широкой исторической ретроспективе, начиная со времени Халифата и Тахиридов.

На монетах 2-й половины VIII — 1-й половины IX в. фигурируют, в частности, наместники больших провинций, губернаторы менее крупных областей, правители значительных городов (с округой). Все они назначены халифом. Продолжительность их правления зависит от многих факторов. Одних лишают поста, а то и головы за безудержное лихоимство (яркий пример — 'Али б. 'Иса) — по проискам ли завистливых друзей, или по тайному доносу начальника местной почты, иных — за деловую бездарность, третьих — по капризу государя. Упоминания старинных местных династий (а они определенно были и в Халифате, и при Тахиридах) в монетном чекане мне не известны. Не в силах припомнить и имена каких-либо назначенных «амиром верующих» наместников столичного Багдада (на монетах — *Мадинат ас-Салам*).

В сущности, ту же самую картину демонстрирует Саманидское государство X в. Особенно важен в интересующем нас плане медный чекан Ферганы, наиболее полно изученный Е.А.Давидович [1972б, с. 128 сл.], с некоторыми дополнениями пишущего эти строки. Это фалсы Насрабада, Ахсиката, Кубы, Узгенда и монетного двора Фергана. На насрабадских монетах фигурирует Бакр б. Малик, который позднее был назначен сипахсаларом Хорасана, а управлять Насрабадом остался его отец. В надписях фалсов Ахсиката и Кубы фигурирует хаджиб Байкара, известный военачальник и хаджиб Кылыч, а также Ахмад б. 'Али. Вскоре имя последнего появилось на фалсах Ферганы, где он выступает наместником (*ал-халифа*) хаджиба Таша, известного сановника и полководца. В Узгенде Ахмад б. 'Али замещал хаджиба Аяча, разгромленного вскоре Караханидами. Когда последние завоевали Фергану, Ахмад б. 'Али оказался в Бухаре.

Налицо многочисленные пожалования за службу, исходящие от центральной власти. В качестве жалованных владетелей чаще всего выступают крупные сановники, военачальники, выполнявшие свою службу сколь угодно далеко от объекта пожалования. Непосредственное управление объектом пожалования осуществлял наместник (*ал-халифа*). Любой из них — назначенный центральной властью правитель, но никак не феодальный сеньор.

Итак, в державе Саманидов в монетных текстах документально засвидетельствована «халифатская» и «тахиридская» система власти и управления. Все назначения губернаторов, наместников и правителей городов исходят исключительно от государства в лице халифа, тахиридского государя, саманидского амира. И это главные, определяющие признаки, отражающие принципы и суть центральной власти. Всё это — признаки государства централизованного!

С железной непреложностью следует вывод: Саманидская держава, подобно Халифату и государству Тахиридов, была централизованной. Другое дело, что в реальности централизация не была и не могла быть абсолютной, а к моменту падения власти Саманидов в действительности почти сошла на нет; но и тогда она сохранялась хотя бы как идеал, как принцип.

В раннекараханидское время всё радикально изменилось. Центральной власти просто не существовало, а каганов было то

два, то один. Удельных князей было великое множество, уделы свои они получали обычно не за службу сеньору, не от государя, а в силу принадлежности к царствующему роду. Будучи Караханидом, каждый князь имел право на какую-то долю общеродового достояния. Наиболее могущественные каганы и даже самые сильные князья могли распределять и перераспределять владения, кому-то добавляя, у кого-то отнимая. Все князья, буквально сверху донизу — это не чиновники на жалованьи, не назначенные центральной властью наместники, а владельцы феодальных уделов, часто весьма самостоятельные.

В централизованном Западном каганате, созданном в Мава-ра'аннахе в 431/1040 г., уделы сохранялись примерно до 460/1072 г., а потом исчезли.

Около середины XII в. появились отдельные ханства, а в начале XIII в. Западный каганат распался на 11 ханств. Но это были не уделы, а совершенно независимые друг от друга государственные образования.

Итак, на протяжении всего своего существования государство Караханидов никогда не было единым, и в нем происходила борьба центробежных и центростремительных сил. На первом этапе (840–1072 гг.) явно преобладали первые, на втором (1071 — ок. 1150 гг.) победили вторые, но только в Западном каганате, на третьем же этапе (ок. 1150–1209 гг.) окончательно взяли верх дезинтеграционные процессы. Нетрудно подсчитать, что центробежные силы в историческом разрезе действовали втрое дольше, чем центростремительные.

Вывод однозначен: держава Саманидов — государство централизованное, Караханидский каганат — нецентрализованное, причем феодальное.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ

Генеалогические таблицы династии Караханидов¹⁰

Условные обозначения к таблицам

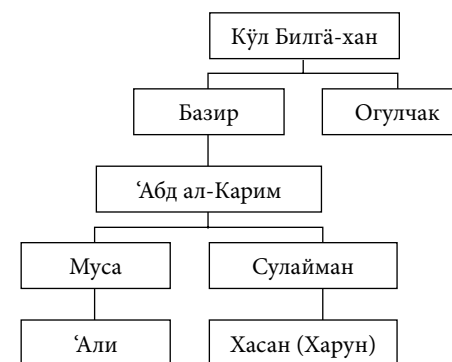
к.	— каган	Б	— ханы Балха
в/к.	— великий каган	К	— ханы Касана
м/к.	— младший каган	М	— ханы Маргинана
узрп.	— узурпатор	П	— ханы Параба
ВК	— ханы Восточного каганата	Т	— ханы Тирмиза
С	— ханы Западного каганата (Самарканд)	У	— ханы Узджанда
		1.–19.	— очередность правления

Полужирным шрифтом выделены имена лиц, достигших ханского звания.

Значком ⊕ отмечено наличие монетного чекана.

Предположительная филиация показана пунктиром.

Таблица 1. Генеалогия первых Караханидов

¹⁰ Таблицы построены В.Н.Настичем по черновым наброскам Б.Д.Кочнева. Судя по многочисленным исправлениям и добавлениям, Борис Дмитриевич не считал эти наброски окончательными и явно намеревался проработать их более тщательно. При форматировании отдельных ячеек и связей в табл. 2 нами были обнаружены некоторые расхождения с текстом монографии, однако мы не сочли себя вправе вносить в таблицу какие-либо изменения. — Прим. ред.

Таблица 2. Генеалогия «Алидов»

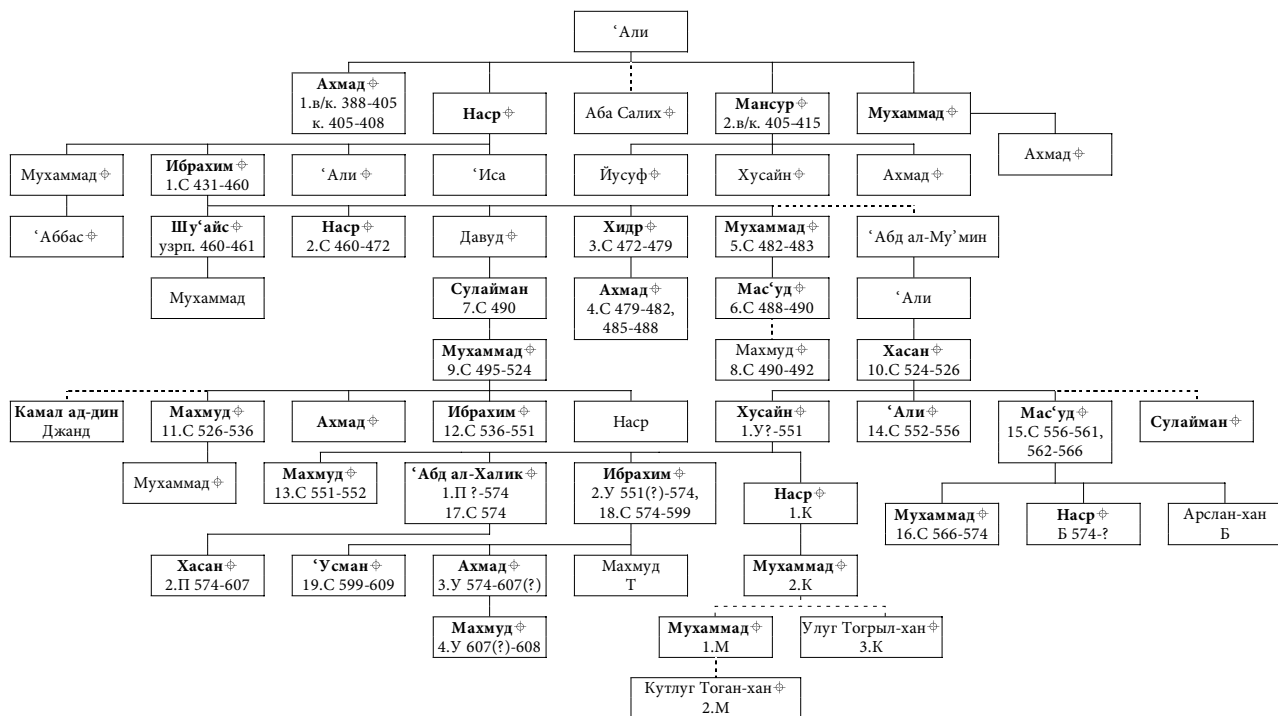
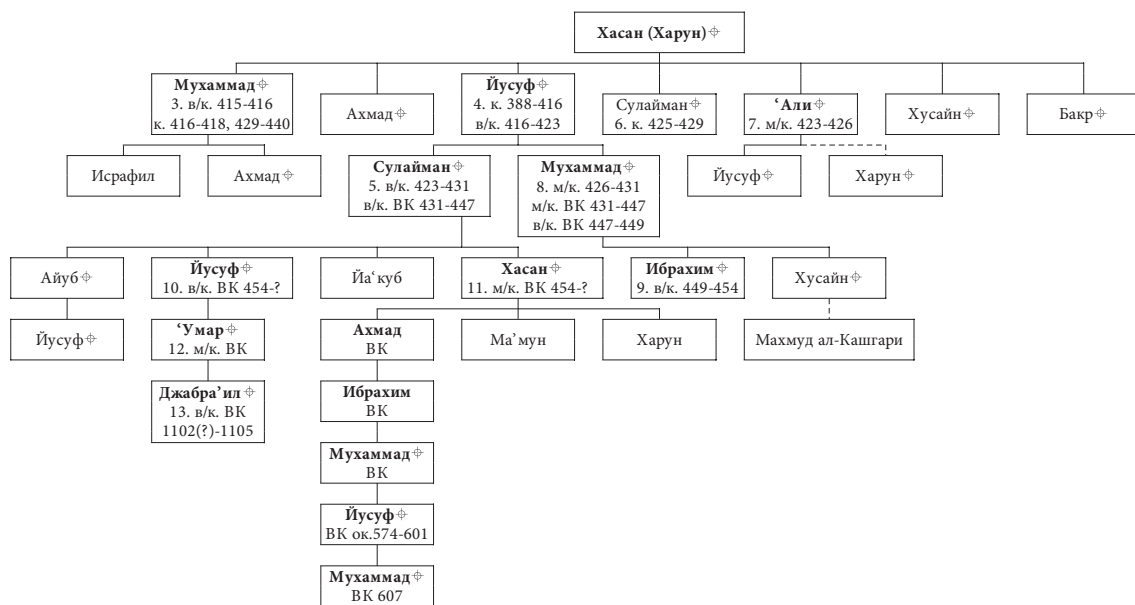

Таблица 3. Генеалогия «Хасанидов»

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Агаджанов, 1969 — *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв. Ашхабад. 1969.

Агаджанов, 1982 — *Агаджанов С.Г.* Сведения о Киргизии в сочинении Наджиба Хамадани // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе. 1982.

Бадер, 1989 — *Бадер А.Н.* Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии // ВДИ. 1989. № 1.

Байхаки, 1969 — *Абу-л-Фазл Байхаки.* История Мас'уда (1030-1041). Пер. с перс., введ., комм. и прим. А. К. Арендса. Изд. 2, доп. М. 1969.

Бартольд, 1963а — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М. 1963.

Бартольд, 1963б — *Бартольд В.В.* История Туркестана // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М. 1963.

Бартольд, 1963в — *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Там же.

Бартольд, 1963г — *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Там же.

Бартольд, 1964а — *Бартольд В.В.* 'Али-тегин // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М. 1964.

Бартольд, 1964б — *Бартольд В.В.* Богра-хан // Там же.

Бартольд, 1964в — *Бартольд В.В.* Бурхан // Там же.

Бартольд, 1964г — *Бартольд В.В.* Илек-ханы // Там же.

Бартольд, 1964д — *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Там же.

Бартольд, 1965а — *Бартольд В.В.* Аму-Дарья // Сочинения. Т. III. М. 1965.

Бартольд, 1965б — *Бартольд В.В.* Бухара // Там же.

Бартольд, 1965в — *Бартольд В.В.* Фергана // Там же.

Бартольд, 1968а — *Бартольд В.В.* Богра-хан, упомянутый в *Кутадгу билик* // Сочинения. Т. V. М. 1968.

Бартольд, 1968б — *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории туецких народов Средней Азии // Там же.

Бартольд, 1968в — *Бартольд В.В.* К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Там же.

Бартольд, 1971 — *Бартольд В.В.* К вопросу о феодализме в Иране // Сочинения. Т. VII. М. 1971.

Беленицкий и др., 1973 — *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л. 1973.

Бертельс, 1960 — *Бертельс Е.Э.* История персидско-таджикской литературы. М. 1960.

Бертельс, 1965 — *Бертельс Е.Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке // Избранные труды. [Т. 4]. М. 1965.

Бируни, 1957 — *Абурейхан Бируни.* Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. I. Ташкент. 1957.

Босворт, 1971 — *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Пер. с англ. П. А. Грязневича. М. 1971.

Босворт, 1981 — *Босворт К.Э.* Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950-1150. М. 1981.

Буниятов, 1981 — *Буниятов З.М.* Гарс ан-Ни'ма ас-Саби и Камал ад-дин ибн Фувати об истории Караханидов // ППВ-1974. М. 1981.

Буниятов, 1986 — *Буниятов З.М.* Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097-1231. М. 1986.

Буссе, 1981 — *Буссе Г.* Возрождение персидской монархии при Буидах // Мусульманский мир. 950-1150. М. 1981.

Викторова, 1980 — *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М. 1980.

Гафуров, 1987 — *Гафуров А.Г.* Имя и история. М. 1987.

Горячева, 1983 — *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узгенд, Сафид-Булан). Фрунзе. 1983.

Григорьев, 1865 — *Григорьев В.В.* Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннагра // Ученые записки Казанского университета по отделению историко-филологических и юридических наук. Вып. 1. Казань. 1865.

Григорьев, 1874 — *Григорьев В.В.* Караханиды в Мавераннагре по Тарихи Мунедджим Баши. СПб. 1874.

Гумилев, 1959 — *Гумилев Л.Н.* Удельно-лествичная система у тюрок в VI–VIII веках // СЭ. 1959. № 3.

Давидович, 1954 — *Давидович Е.А.* Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах // Труды АН ТаджССР. Т. 27. Сталинабад. 1954.

Давидович, 1957 — *Давидович Е.А.* Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов // Труды ГИМ. Вып. XXVI. М. 1957.

Давидович, 1961 — *Давидович Е.А.* Канибадамский клад караханидских монет // СА. 1961. № 1.

Давидович, 1968а — *Давидович Е.А.* Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды) // Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР. 1968. № 3 (53).

Давидович, 1968б — *Давидович Е.А.* О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки. 1968. № 1.

Давидович, 1970 — *Давидович Е.А.* Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник // ППВ-1968. М. 1970.

Давидович, 1971 — *Давидович Е.А.* Заметки по нумизматике Средней Азии. Ч. 1 // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе. 1971.

Давидович, 1972а — *Давидович Е.А.* Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М. 1972.

Давидович, 1972б — *Давидович Е.А.* Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. // ППВ-1969. М. 1972.

Давидович, 1977а — *Давидович Е.А.* Бараб — новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегинидов // ППВ-1972. М. 1977.

Давидович, 1977б — *Давидович Е.А.* Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М. 1977.

Давидович, 1977в — *Давидович Е.А.* Новые данные по истории Саманидов // Там же.

Давидович, 1978 — *Давидович Е.А.* О монетах дихканов Илака конца X — начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н.Федоровым) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М. 1978.

Давидович, 1979 — *Давидович Е.А.* Серебряные монеты удельных владетелей как источник по истории Средней Азии XVI в. // ППВ-1973. М. 1979.

Давидович, 1985 — *Давидович Е.А.* О методе интерпретации М.Н.Федоровым рукописных и нумизматических источников // ЭВ. XX-III. Л. 1985.

Давидович, 1989 — *Давидович Е.А.* О достоверности дат на монетах с арабографическими надписями (трудности и методы оценки) // ВИИСИД. Вып. 1. М. 1989.

Давидович, 1994 — *Давидович Е.А.* Мухаммад б.Текиш и последние Караханиды (нумизматические коррективы) // ВИИСИД. Вып. 2. М. 1994.

Джувайни, 1985 — *Мунтаджаб ад-дин Бади' Атабек ал-Джувайни.* Ступени совершенствования катибов. ('Атабат ал-катаба). М. 1985.

Добровольский, Кочнев, 1982 — *Добровольский И.Г., Кочнев Б.Д.* Монеты с именем Саманида Йахьи б.Асада // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент. 1982.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л. 1969.

Ерназарова, Кочнев, 1976 — *Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д.* Монетные находки с Кендыктепе // Древности Туябугуза. Ташкент. 1976.

Занд, 1954 — *Занд М.И.* Антихалифатские и социально-обличительные мотивы в таджикской поэзии X в. // Труды АН ТаджССР. Ч. XXVII. Сталинабад. 1954.

Зеймаль, 1983 — *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983.

Ибн Хордадбех, 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Пер. с араб., комм., иссл., указ. и карты Н. Велихановой. Баку. 1986.

История Бухары — История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент. 1976.

История Казахской ССР, 1979 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. Алма-Ата. 1979.

ИТН — История таджикского народа. [Т. II. Кн. I]. М. 1964.

Ишанханов, Кочнев, 1979 — *Ишанханов С., Кочнев Б.* Древнейшие караханидские монеты // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент. 1979.

Кадырбаев, 1986 — *Кадырбаев А.Ш.* Карлуки в эпоху монгольских завоеваний XIII-XIV вв. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент. 1986.

Камалиддинов, 1988 — *Камалиддинов Ш.* «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да 'Абдалкарима б.Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. АҚД. Ташкент. 1988.

Караев, 1983 — *Караев О.* История караханидского каганата. Фрунзе. 1983.

Кляшторный, 1970 — *Кляшторный С.Г.* Эпоха «Кутадгу билиг» // СТ. 1970. № 4.

Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С.Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. М. 1986.

Кочнев, 1978а — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 1 // ИМКУ. Вып. 14. Ташкент. 1978.

Кочнев, 1978б — *Кочнев Б.Д.* К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов // История и археология Средней Азии. Ашхабад. 1978.

Кочнев, 1979а — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 2 // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент. 1979.

Кочнев, 1979б — *Кочнев Б.Д.* Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным) // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент. 1979.

Кочнев, 1981 — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 3 // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент. 1981.

Кочнев, 1982 — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 4 // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент. 1982.

Кочнев, 1983а — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 5 // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент. 1983.

Кочнев, 1983б — *Кочнев Б.Д.* Караханидский чекан Параба (Отрара) / Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983.

Кочнев, 1983в — *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. // Киргизия при Караханидах, Фрунзе. 1983.

Кочнев, 1984а — *Кочнев Б.Д.* Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // БЧ–1984. ТД. М. 1984.

Кочнев, 1984б — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 6 // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент. 1984.

Кочнев, 1984в — *Кочнев Б.Д.* К методике исследования раннекараханидских монет как исторического источника // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М. 1984.

Кочнев, 1984г — *Кочнев Б.Д.* Новые данные о караханидском монетном дворе Ферганы // Сообщения ГЭ. Вып. 49. Л. 1984.

Кочнев, 1984д — *Кочнев Б.Д.* Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент. 1984.

Кочнев, 1985а — *Кочнев Б.Д.* Караханидский чекан Науката // ОНУ. 1985. № 2.

Кочнев, 1985б — *Кочнев Б.Д.* Нумизматические материалы для характеристики взаимоотношения Караханидов и бухарских садров // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М. 1985.

Кочнев, 1985в — *Кочнев Б.Д.* Беггузун — караханидский наместник Ходженда // Изв. АН ТаджССР, отд. обществ. наук. 1985.

Кочнев, 1986а — *Кочнев Б.Д.* Будухкет — новый казахстанский монетный двор (XI в.) // Изв. АН КазССР, сер. обществ. наук. 1986. № 1.

Кочнев, 1986б — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 7 // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент. 1986.

Кочнев, 1987а — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 8 // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент. 1987.

Кочнев, 1987б — *Кочнев Б.Д.* К истории Ташкентского оазиса конца X в. // ОНУ. 1987. № 6.

Кочнев, 1987в — *Кочнев Б.Д.* Клад медных монет X — начала XI вв. из Ташкентского оазиса // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. ТД. Л. 1987.

Кочнев, 1988а — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 9 // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент. 1988.

Кочнев, 1988б — *Кочнев Б.Д.* Монеты Испиджаба, Илака и Саганиана конца X — начала XI в. как источник для характеристики взаимоотношений Караханидов и местных владетелей // Я. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. ТД. Ташкент. 1988.

Кочнев, 1988в — *Кочнев Б.Д.* Монеты Харашкета (Харачкета) // ОНУ. 1988. № 6.

Кочнев, 1988г — *Кочнев Б.Д.* Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин. (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в. // ЭВ. XXIV. Л. 1988.

Кочнев, 1989а — *Кочнев Б.Д.* Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // ВИИСИД. Вып. 1. М. 1989.

Кочнев, 1989б — *Кочнев Б.Д.* Клад позднекараханидских дирхамов из Термеза // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент. 1989.

Кочнев, 1990 — *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 10 // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент. 1990.

Кочнев, 1993 — *Кочнев Б.Д.* Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. АДД. М. 1993.

Литвинский, 1956 — *Литвинский Б.А.* Северная надпись в Варухском ущелье // КСИИМК. Вып. 61. М. 1956.

Марков, 1896 — *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. 1896.

Массон, 1958 — *Массон М.Е.* Самаркандский мавзолей, известный под именем Ишратхана // Мавзолей Ишратхана. Ташкент. 1958.

Массон, 1960 — *Массон М.Е.* Кладик караханидских медных дирхамов первой половины XII в. из Термеза // КСИИМК. Вып. LXXX. М. 1960.

Массон, 1968 — *Массон М.Е.* Кладик дирхамов конца X в. — начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области // История, археология и этнография Средней Азии. М. 1968.

Мец, 1966 — *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М. 1966.

МИКК — Материалы по истории киргизов и Киргизии. [Вып. 1]. М. 1974.

МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.–Л. 1939.

Насави, 1996 — *Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкбурны). Изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., комм., прим. и указ. З. М. Буниятова. М. 1996.

Настич, 1987 — *Настич В.Н.* Монетные находки из Казахстана и Киргизии // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. ТД. М. 1987.

Настич, 1989 — *Настич В.Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978-1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Фрунзе. 1989.

Настич, Кочнев, 1988 — *Настич В.Н., Кочнев Б.Д.* К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (эпиграфические и нумизматические данные) // ЭВ. XXIV. Л. 1988.

Низами Арузи, 1963 — *Низами Арузи Самарканди.* Собрание редкостей, или Четыре беседы. Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М. 1963.

Петров, 1985 — *Петров П.Н.* Клад серебряных позолоченных динаров Великих Сельджуков // ЭВ. XXIII. Л. 1985.

Петрушевский, 1970 — *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. 1970.

Поноженко, 1987 — *Поноженко Е.А.* Политический строй ногайцев в XV — середине XVII в. // Изв. АН ТуркмССР. 1987. № 6.

Ртвеладзе, 1980 — *Ртвеладзе Э.В.* Саганианские медные монеты Мухтаджидов X в. // Средневековый Восток: История. Культура. Источниковедение. М. 1980.

Ртвеладзе, 1983 — *Ртвеладзе Э.В.* К биографии Фаррухи. Из истории Чаганиана в X–XI вв. // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. Ташкент. 1983.

Ртвеладзе, 1985 — *Ртвеладзе Э.В.* К истории денежного обращения в Саганиане VIII — начала XIII в. // ЭВ. XXIII. Л. 1985.

Ртвеладзе, 1988 — *Ртвеладзе Э.В.* К истории Саганиана первой четверти XI в. по нумизматическим данным // ЭВ. XXIV. Л. 1988.

ас-Саби, 1983 — *Хилал ас-Саби.* Установления и обычаи двора халифов. Пер. с араб., предисл. и прим. И. Б. Михайловой. М. 1983.

Султанов, 1981 — *Султанов Т.И.* Сословие султанов в Казахском ханстве XVI–XVII веков // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата. 1981.

Тизенгаузен, 1873 — *Тизенгаузен В.* Монеты Восточного халифата. СПб. 1873.

Фасмер, 1914 — *Фасмер Р.* Куфические монеты Переяславского клада // Известия ИАК. Вып. 51. Пг. 1914.

Фасмер, 1930а — *Фасмер Р.* К нумизматике халифов // Записки Коллегии востоковедов. Т. V. Л. 1930.

Федоров, 1966 — *Федоров М.Н.* Из истории взаимоотношений караханидов и сельджукидов до образования сельджукидского государства // ОНУ. 1966. № 8.

Федоров, 1972а — *Федоров М.Н.* Редкий караханидский дирхам из Афрасиаба // СА. 1972. № 3.

Федоров, 1972б — *Федоров М.Н.* Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. // НЭ. Т. X. М. 1972.

Федоров, 1974 — *Федоров М.Н.* Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. // НЭ. Т. XI. М. 1974.

Федоров, 1975а — *Федоров М.Н.* К вопросу об исторических судьбах дихканов при Караханидах // СА. 1975. № 1.

Федоров, 1975б — *Федоров М.Н.* Междоусобная война 1012-1016 гг. в государстве Караханидов // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе. 1975.

Федоров, 1978 — Федоров М.Н. Новые данные к истории Караханидского государства последней четверти XI в. // История и археология Средней Азии. Ашхабад. 1978.

Федоров, 1980 — Федоров М.Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // НЭ. Т. XIII. М. 1980.

Федоров, 1982 — Федоров М.Н. Монеты, идущие по следам завоевателей // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе. 1982.

Федоров, 1983 — Федоров М.Н. Очерк истории Восточных Караханидов конца X — начала XIII в. по нумизматическим данным // Киргизия при Караханидах. Фрунзе. 1983.

Федоров, 1984 — Федоров М.Н. Политическая история Караханидов в XII — начале XIII в. // НЭ. Т. XIV. М. 1984

Федоров, 1985 — Федоров М.Н. Второй дирхам Хызр-хана // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе. 1985.

Федоров, 1990 — Федоров М.Н. Караханидская нумизматика как источник по истории Средней Азии конца X — начала XIII вв. АДД. Новосибирск. 1990.

Ходжаниязов, 1977 — Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков. Ашхабад. 1977.

ал-Хусайни, 1980 — Садр ад-дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-давлат ас-селджукийа. Изд. текста, пер., введ., прим. и прилож. З.М. Буниятова. М. 1980.

Цукерман, 1969 — Цукерман И.И. Вариантность как диахронический лимит языковой системы // Палестинский сборник. Вып. 19 (82). Л. 1969.

Чехович, 1979 — Чехович О.Д. Городское самоуправление в Средней Азии феодального периода // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М. 1979.

Юсуф Баласагунский, 1983 — Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. Издание подготовил С. Н. Иванов. М. 1983.

На европейских языках

Албум, 1998 — *Album Stephen*. A Checklist of Islamic Coins. 2nd ed. Santa Rosa. 1998.

Буссе, 1969 — *Busse H*. Chalif und Grosskönig. Die Buyiden in Iraq (945-1055). Beirut. 1969.

Дёрфер, 1965 — *Dörfer G*. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 11. Wiesbaden. 1965.

Джувайни, 1958 — The History of the World-Conqueror by *Alâ-ad-Dîn 'Atâ-Malik Juvainî*. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A.Boyle. Vol. I. Manchester. 1958.

Майлс, 1975 — *Miles G*. Numismatics // The Cambridge History of Iran. Vol. IV. Cambridge. 1975.

Назим, 1971 — *Nazim M*. The Life and Times of Sultan Mahmud of Ghazna. 2nd ed. New Delhi. 1971.

Прицак, 1950 — *Pritsak O*. Karachanidische Streitfrage // Oriens. Vol. 3. N. 2. Leiden. 1950.

Прицак, 1952 — *Pritsak O*. Āl-i Burhān // Der Islam. Bd. 30. B. 1952.

Прицак, 1953 — *Pritsak O*. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31/1. B. 1953.

Прицак, 1955 — *Pritsak O*. Qara. Studie zur Türkische Rechtssymbolik // Symbolae in honorem Z. V. Togan. İstanbul. 1955.

Самарканди, 1963 — Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. Пер. с перс. С. И.Баевского и З. Н.Ворожейкиной. М. 1963.

Хорст, 1964 — *Horst H*. Die Staatsverwaltung der Grosselguquen und Ĥorazmšāhe (1038-1231). Wiesbaden. 1964.

Шульман, 1907 — Catalogue illustré de collection remarquable. Vente à Amsterdam, le 18 Novembre 1907. *J. Schulman*. Amsterdam. 1907.

Фасмер, 1930 — *Vasmer R*. Zur Münzkunde der Qarachaniden // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. Bd. XXXIII. B. 1930.

Цамбаур, 1968 — *Zambaur E*. Die Münzprägungen des Islams. Bd. I. Wiesbaden. 1968.

На восточных языках

Байхаки, 1954 — Тарих-и Мас'уди ма'руф ба Тарих-и Байхаки-йи Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Хусайн катиб Байхаки, ба мукабала-у таских-у хаваши-у та'ликат-и Са'ид Нафиси. Дж. 3. Тихран. 1332 (1954).

Барэбрей, 1945 — *Gregory Abu-l'Farac* (Bar Hebraeus). Abu-l'Farac tarihi. Türkçeye çeviren O. R. Doğrul. Cilt I. Ankara. 1945.

Сабити, 1967 — *'Али Му'аййад Сабити*. Аснад ва-намеха-йи тарихи. Тихран. 1346 (1967).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук
АКД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
АН КазССР	— Академия наук Казахской ССР
АН ТаджССР	— Академия наук Таджикской ССР
АН ТуркмССР	— Академия наук Туркменской ССР
АО	— Археологические открытия. М.
БЧ	— Бартольдские чтения. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИИСИД	— Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М.
ВНК	— Всероссийская нумизматическая конференция
ГИМ	— Государственный Исторический музей. М.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств. М.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. СПб.
ДТС	— Древнетюркский словарь. Л.
ЗВОРАО, НС	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Новая серия. СПб.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия. СПб.
ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИТН	— История таджикского народа. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.
ЛК	— «Литературный Киргизстан». Фрунзе
МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.
МИНУз	— Музей истории народов Узбекистана. Ташкент.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.–Л.

НАН	— Национальная Академия наук
НЦА	— Нумизматика Центральной Азии. Ташкент
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.
ОНУ	— «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент
ППВ	— Письменные памятники Востока. М.
РА	— «Российская археология». М.
СА	— «Советская археология». М.
СТ	— «Советская тюркология». М.
ТашГУ	— Ташкентский Государственный университет
ТД	— Тезисы докладов [и сообщений]
ФТ	— «Фан ва турмуш». Ташкент
ЭВ	— Эпиграфика Востока. Л.–М.
ONS	— Oriental Numismatic Society

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(личНЫЕ имена, лакабы, сословные титулы, названия династий)

- Аба 'Али — см. Абу 'Али
Аба Исхак (Ибрахим б. Наср) 136, 137
Аба Салих, Ба Салих (ал-Му'аййид ал-'адл, тегин) 21, 69, 82, 86, 112, 122, 133, 248, 253, 254, 261, 272
'Аббас 20, 34
'Аббас б. Мухаммад б. Наср (Малик б. Маликан, Абу-л-Музаффар, Абу-л-Фадл, Малик б. Сайф ад-давла, Му'изз ад-давла) 36, 134, 178, 180, 182, 183, 186, 190, 196, 199, 200, 272
'Аббасиды 34, 97
'Абд ал-'Азиз I, бухарский садр 237, 238, 241
'Абдаллах 20, 41
'Абд ал-Карим 271
'Абд ал-Малик 20
'Абд ал-Малик, владетель Будухката 262
'Абд ал-Малик б. Нух, Саманид 125, 154, 155, 256
'Абд ал-Му'мин б. Ибрахим 219, 272
'Абд ар-Рахман(?) 20
'Абд ал-Халик 20, 69
'Абд ал-Халик (Арслан кара-хакан, в Баласагуне) 206, 247
'Абд ал-Халик б. Хусайн (Абу-л-Музаффар, Гийас ад-дунья ва-д-дин, Кутлуг Билгä-хан/хакан) 113, 139, 141, 228–230, 235, 236, 239, 252, 272
Абдрашитов Ш. 11
Аби 'Али — см. Абу 'Али
Аби Мансур — см. Абу Мансур
Аби-л-Музаффар — см. Абу-л-Музаффар
Аби Наср — см. Абу Наср
Аби Са'ид 21; (Бакр б. Хасан) 136
Аби-л-Хасан — см. Абу-л-Хасан
Абу 'Аббад 21
Абу-л-'Аббас 21; (Ахмад б. Мухаммад б. 'Али) 133, 134
Абу 'Абдаллах Мухаммад ал-Хорезми 28
Абу (Аба, Аби, Бу) 'Али 21

Указатели составлены В.Н. Настичем.

Арабский артикль *ал-* и его фонематические варианты, транскрипционные знаки для фонем ['] *хамза* и ['] *'айн*, а также персидский изафет *-и* в алфавитном порядке не учитываются. Так, имена [ал-]'Аббас, [ал-]Хасан и [ал-]Хусайн, независимо от формы их употребления в тексте, приведены к виду *'Аббас*, *Хасан*, *Хусайн* и размещены в указателе на буквы А и Х. Сочетание *Ал-и Бурхан* помещено перед *'Али' ад-давла*. Титулы типа *ал-малик*, *ас-султан* или топонимы *ал-Маргинан*, *ас-Саганиян*, *ас-Сугд*, *аш-Шаш* следует искать соответственно на буквы М, С, Ш; и т.п. Не учитывается также формант б. (сокращенное *ибн* «сын») между личными именами и «отчествами». Изолированные обезличенные титулы *хан*, *султан*, *амир*, *шах* и т.п., у которых отсутствует контекстуальная привязка к конкретным историческим лицам, как правило, опущены. Не включены имена Аллаха и пророка Мухаммада, имеющие отношение лишь к стандартным формулярам монетных надписей, а также фамилии авторов цитируемых работ, приведенные в кодированных ссылках. Курсивом выделены имена и топонимы, встречающиеся в «деперсонифицированных» общих списках или относящиеся к монетным легендам.

- Абу 'Али Мухаммад Симджури 151
Абу Бакр 21
Абу Бакр, гуридский вассал 231
Абу Бакр б. Йугруш(?), Абу Бакр *Каратуз* (Абу-л-Му'аййад, Абу-л-Музаффар, 'Имад ад-дунья ва-д-дин, Каратуз, Табгач-хан), владетель Вахша 143, 231, 237
Абу Бакр ас-Сиддик, халиф 19
Абу Бакр Хорезми 34
Абу-л-Касим (*Ба-л-Касим*) 21, 81, 83
Абу Мансур 21, 69; (Мухаммад б. 'Али) 133; (Мухаммад б. Хусайн) 256
Абу-л-Му'аййад (Абу Бакр б. Йугруш) 143
Абу-л-Музаффар 69, 84; ('Аббас б. Мухаммад б. Наср) 134; ('Абд ал-Халик б. Хусайн) 139; (Абу Бакр б. Йугруш) 143; ('Али б. Хасан) 135; (Ахмад б. 'Али б. Муса) 75, 132, 169; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 146; (Ибрахим б. Мухаммад б. Сулайман) 138; (Ибрахим б. Мухаммад б. Йусуф) 146; (Мансур б. 'Али) 75, 76, 106, 132; (Мас'уд б. Хасан) 139; (Махмуд б. Хусайн) 138; (Мухаммад б. Мас'уд) 139; (Мухаммад б. Хасан) 75, 76, 135; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145; (Шу'айс б. Ибрахим б. Наср) 137
Абу Муса 21, 69, 86; (Харун/Хасан б. Сулайман) 134, 135
Абу Наср 21, 69, 129; (Ахмад б. 'Али б. Муса) 75, 131, 132, 169
Абу Тахир 'Абд ар-Рахман б. Ахмад б. 'Аллак 213
Абу-л-Фаварис 22; (Алп) 259; (Бегтузун) 259
Абу-л-Фадл ('Аббас б. Мухаммад б. Наср) 134
Абу-л-Фазл Байхаки 2, 35, 167, 178–181, 185, 187–189, 191, 200, 201, 203, 204, 248
Абу-л-Фатх (Матт) 256; (Тогрыл-хакан, владетель Тирмиза) 142
Абу-л-Хасан (*Аби-л-Хасан*, *Бу-л-Хасан*) 21, 69; ('Али б. Хасан) 135, 189; (Ахмад б. Мухаммад б. 'Али) 72, 133, 134; (Наср б. 'Али) 69, 128, 132; (Наср б. Ибрахим б. Наср) 137
Абу Шуджа' 22; (Салар б. Мухаммад) 254; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 72, 106, 145
Агаджанов С.Г. 2
'Адуд ад-давла 23; (Бахрам) 199; (Мухаммад б. Наср б. 'Али) 85, 134; (Фана-Хусрау) 37; (Хусайн б. Хасан) 69, 74
'Адуд(?) ад-дин 26
Айар-бег — см. Хусайн б. 'Абд ар-Рахман; Шамс ал-мулк
'Аййар 22
айлук — см. илиг
'Айн ад-давла 23; (Мухаммад б. Наср б. 'Али) 35, 36, 72, 82, 83, 87, 134, 186
'Айн ад-давла, военачальник 214, 215
Айуб 20
Айуб б. Сулайман б. Йусуф (Арслантегин, Бурхан ад-давла) 146, 198, 205, 206, 273
Ака-өгä 31, 245
Акдаш(?) 29*, 113, 114; см. также Эгдиш
Акимушкин О.Ф. 11, 54
Ал-и Бурхан — см. Бурханиды
'Ала' ад-давла 23; (Махмуд б. Мухаммад) 138
'Ала' ад-дунья ва-д-дин 26; (Арсланхан б. Мас'уд б. Хасан, владетель Балха) 142

Албум Ст. 4*
 ‘Али 20, 87
 ‘Али (в Ахсикате) 85
 ‘Али, владетель Будухката 72, 262
 ‘Али (в Саганийане и Бинкате) 191, 209
 ‘Али (Тоган-хан, в Баласагуне) 184, 200
 ‘Али (Наср ал-милла, Тоган-хан, Фахр(?) ад-давла, в Бухаре) 137
 ‘Али (Тоган-хан, в Самарканде) 211
 ‘Али б. ‘Абд ал-Му’мин 35, 272
 ‘Али б. Джа’фар (‘Уддат ад-дунья ва-д-дин, Улуг Арслан), владетель Тирмиза 142, 230
 ‘Али б. ‘Иса, наместник Хорасана 97, 268
 ‘Али б. Ма’мун, Ма’мунид 157
 ‘Али ал-Мургада, халиф 19
 ‘Али б. Муса 27, 35, 76, 77, 131, 133, 161, 165, 171, 172, 240, 248, 250, 271, 272
 ‘Али б. Мухаммад ал-Мутавалли 82
 ‘Али б. Наср 272
 ‘Али б. Нуш 259
 ‘Али Сарраф 91, 92, 98, 99, 256, 259
 ‘Али-тегин — см. ‘Али б. Хасан
 ‘Али б. Фахр ад-дин, дихкан 260
 ‘Али б. Хасан/Харун (‘Али-тегин, Абу-л-Музаффар, Абу-л-Хасан, Арслан-илиг, Баха’ ад-давла, Йаган-тегин, Кутб ад-давла, Кылыч-өгә, Наср ал-милла, Табгач Бугра кара-хакан, таркан, Тонга-өгә, ‘Уддат ад-дин) 18, 46, 55, 75, 77, 82, 99, 108, 109, 111, 126, 129, 135, 136, 166, 167, 172–183, 185–191, 193–195, 200, 208, 213, 226, 239, 240, 247, 248, 250, 260, 264, 267, 273
 ‘Али б. Хасан [б. ‘Али] (Чагры-хан) 226, 239, 242, 272
 «‘Алиды» 77, 131, 133, 172, 174, 178, 180, 182–184, 190, 194, 248, 250
 Али 20, 30, 58; (Абу-л-Фаварис) 259
 Алп-Арслан 213
 Алп-Билгә-[тегин] 31
 Алп Кутлуг Тонга Билгә Арслан-хакан (Ибрахим б. Хусайн) 33
 Алп Кутлуг Тонга Билгә Тюрк (Турк) Тогрыл Кара-хакан (Хусайн б. Хасан) 33
 Али-тегин 30, 245
 Алтунташ, хорезмшах 179, 187, 188
 Амин, халиф 97
 ал-амир ал-аджалл 71
 ал-амир ал-‘адил 37
 ал-амир ал-джалил 71
 ал-амир ал-мумаккин (Мухаммад б. ‘Али) 71
 амир ал-му’минин 18, 128; см. также мавла амир ал-му’минин; Насир амир ал-му’минин; Сафи амир ал-му’минин
 амир ал-умара’ (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
 Ануш-тегин Гарча 231
 Ануштегиниды 37, 58, 152, 225, 231, 232
 ‘Арабшах б. Аби Бакр (Джалал ад-дунья ва-д-дин), владетель Вахша 143
 Арслан 129
 Арслан б. Сельджук — см. Исра’ил б. Сельджук
 Арслан-илиг 73, 76–79, 103, 110, 129, 176, 245; (‘Али б. Хасан) 77, 126, 135, 178, 182, 248, 250; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 77, 78, 146, 197, 202, 203; (Йусуф б. ‘Али б. Хасан) 126, 136, 189, 190; (Мансур б. ‘Али) 165–167, 248, 250; (Мухаммад б. ‘Али) 78, 167, 249, 250; (Наср б. ‘Али) 132, 156, 159, 248, 249
 Арслан кара-хакан, Арслан-хакан — см. Арслан-хан

Арслан-тегин 30, 65, 70, 76–78, 85, 177, 196, 197, 245; (‘Аббас б. Мухаммад) 196; (Айуб б. Сулайман) 146, 205; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 146, 193, 194, 196–198, 200, 202, 204; (Ахмад б. Хасан) 178, 248, 250; (Ба Салих) 248; (Йусуф б. ‘Али б. Хасан) 136, 189; (Мухаммад б. ‘Али) 73, 74, 77, 78, 96, 119, 133, 167, 197, 249; (Сулайман б. Харун/Хасан) 77, 136, 182, 248, 250
 Арслан-тегин б. Улуг-тегин 21, 149, 197
 Арслан-хан (Арслан-хакан, Арслан кара-хакан) 28, 56, 57, 70, 72, 112, 120, 192, 193, 245–247, 251; (‘Абд ал-Халик) 206, 247; (‘Али б. Муса) 161, 171, 249; (Ибрахим б. Мухаммад б. Йусуф) 146, 203, 205, 251; (Ибрахим б. Хусайн, владетель Узджанда) 33, 139, 140, 233; (Йусуф б. Мухаммад) 116, 147, 243; (Мансур б. ‘Али) 49, 53, 72, 73, 75, 86, 90, 94, 95, 99, 106, 107, 132, 168, 170–172, 174–177, 216, 247–249, 261–264, 266; (Мухаммад б. Ибрахим б. Ахмад) 102, 116, 214, 243; (Мухаммад б. Ибрахим б. Наср) 138, 147; (Мухаммад б. Сулайман) 216–221, 226, 247; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 97, 106, 145, 180, 182, 184, 185, 189, 190, 193–196, 199–202, 204, 247, 249, 251, 267
 Арслан-хан (‘Имад ад-дунья ва-д-дин, Кылыч Арслан-хан), владетель неустановленного ханства 144; см. также Кылыч Арслан
 Арслан-хан, владетель Чаганиана 143, 231
 Арслан-хан б. Мас’уд б. Хасан (‘Ала’ ад-дунья ва-д-дин), владетель Балха 142, 272
 Артамонов Д. 11
 Атаходжаев А.Х. xix*
 Атим 58
 Атим-тегин 245; (Ахмад б. Мухаммад б. ‘Али) 30, 72, 133, 134, 170, 173, 183
 Атсыз, Ануштегинид 225, 231
 Ахмад 20, 21
 Ахмад б. Абу Бакр 228
 Ахмад б. ‘Али б. Муса (Аби-л-Музаффар, Абу/Аби Наср, кара-хакан, Кутб ад-давла, мавла амир ал-му’минин, ал-Му’аййид ал-‘адл, Насир ал-хакк, Наср ал-милла, Сайф ад-давла, Тонга-хан/кара-хакан) 35, 71–73, 75, 76, 79, 81, 85, 86, 90–96, 98, 99, 102–104, 111, 118–120, 122, 125, 127, 131–133, 153–156, 158–165, 167–173, 247–249, 253, 254, 256, 261–264, 266, 267, 269, 272
 Ахмад б. Ибрахим (Джалал ад-дунья ва-д-дин, Кадыр-хан/хакан, улуг султан), владетель Узджанда хви, 140, 233, 234, 252, 272
 Ахмад Йасави 236
 Ахмад б. Малик-шах, Сельджукид 213
 Ахмад б. Мансур, владетель Ахсиката и Узгенда 171, 173, 272
 Ахмад б. Мансур, дихкан 261
 Ахмад б. Матт 256, 265
 Ахмад б. Мухаммад, в Узгенде 81
 Ахмад б. Мухаммад, владетель Саганийана 87, 257; см. также Музаффар Кийа
 Ахмад б. Мухаммад б. ‘Али (Абу-л-‘Аббас, Абу-л-Хасан, Атим-тегин, Насир ад-давла, ал-Хасса, Эл-өгә) 30, 72, 75, 105, 133, 134, 170, 171,

- 173, 174, 178, 180, 183, 245, 261–263, 272
- Ахмад б. Мухаммад ал-Му'аззин 81, 82
- Ахмад б. Мухаммад б. Сулайман 21, 218–221, 272
- Ахмад б. Мухаммад б. Хасан (Абу-л-Музаффар, Арслан-илиг, Арслан-тегин, мавла амир ал-му'минин, малик ал-Машрик, Сана' ад-давла, Шамс ад-давла, Шамс ад-дин) 77, 78, 102, 146, 193, 194, 196–198, 200, 202–204, 273
- Ахмад б. Наср 256
- Ахмад-хан (Ахмад б. Мухаммад б. Сулайман) 220
- Ахмад б. Харун (Хасан) 34, 77, 172, 176–178, 217, 248, 250, 273
- Ахмад б. Хасан [б. Сулайман б. Йусуф] 273
- Ахмад ал-Хасса — см. Ахмад б. Мухаммад б. 'Али
- Ахмад б. Хидр (Хызр) б. Ибрахим ('Имад ад-давла, ал-Му'аййид ал-'адл, Сайф халифат Аллах) 35, 138, 211, 212, 214, 215, 237, 272
- Аяч, хаджиб 269
- Ба-л-Касим — см. Абу-л-Касим
- Ба Салих 21, 69, 82, 86, 133, 248, 253, 254; см. также Аба Салих
- Бадр ад-давла 23
- [ал-]Баззас или [ал-]Баззар 22, 89
- Базир 271
- Байкара, хаджиб 269
- Байхаки — см. Абу-л-Фазл Байхаки
- Бакр 20
- Бакр б. Малик (в Насрабаде) 269
- Бакр б. Харун, Бакр б. Хасан (Аби Са'ид) 77, 95, 136, 273
- ал-Балади — см. Мухаммад б. Ахмад ал-Балади ан-Насафи
- Баратова Л.С. хіх*
- Баркийарук, Сельджукид 215, 216
- Барс-өгә 31
- Бартольд В.В. 4–6, 11, 67, 121, 153, 154, 157, 161, 174, 181, 185, 187, 189, 192, 193, 197, 200, 203, 204, 208, 217, 219, 229, 232, 237, 238, 241, 244, 253, 268
- Барэбрей — см. Ибн ал-'Ибри
- Батыров А. 59
- Баха' ад-давла 23; ('Али б. Хасан) 75, 135, 136, 175, 176
- Баха' ад-дунья ва-д-дин (Хасан(?) б. Хидр) 143
- Бахрам 20
- Бахрам ('Адуд ад-давла, Фахр ад-давла) 199
- Бахрам-шах, Гурид 236, 237
- Баязитов А. 11
- бег 245
- Бег — см. Бегтузун
- Бегтузун 20; (Синан ад-давла, хаджиб) 53, 80, 155, 172, 259, 260, 264
- Беляков А.С. 11
- Билгә Күл Кадыр-хан 244
- Билгә-тегин, газнавидский полководец 177
- Билгә-хан — см. 'Абд ал-Халик б. Хусайн
- Бируни 35, 134, 150, 151, 167
- Бирюков Д. 11
- Большаков О.Г. 11, 162, 268
- Бөри-тегин 30, 56; (Ибрахим б. Наср б. 'Али) 86, 90, 136, 171, 262; (Фахр ад-давла Бахрам?) 199
- Бу 'Али — см. Абу 'Али
- Бу Наср (Санджар б. Хасан) 142
- Бу Шуджа' (Салар б. Мухаммад) 172
- Бувайхиды 34, 36, 37, 52, 69, 152
- Буга-тегин Йа'куб — см. Йа'куб-тегин
- Бугра 129
- Бугра-илиг 78, 79, 207, 245
- Бугра кара-хакан — см. Бугра-хан
- Бугра-тегин 30, 78, 198, 207, 245
- Бугра-хан (Бугра-хакан, Бугра кара-хакан) 28, 56, 85, 103, 130, 245, 247; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 77, 78, 115, 118, 120, 121, 123, 145, 185, 189, 190, 193–196, 198, 199, 200–204, 247, 251; (Мухаммад, владелец неуставленного ханства) 144; (Хасан б. 'Али б. Йусуф) 203, 204, 207, 216; (Харун б. Сулайман) 27, 35, 52, 77, 95, 99, 134, 149–153, 159, 161, 184, 203, 254, 258
- Бука-Будрач 197, 198
- Бурхан ад-давла 23; (Айуб б. Сулайман б. Йусуф) 146; (Хидр б. Ибрахим б. Наср) 137
- Бурхан ад-дин 237, 241
- Бурханиды (Ал-и Бурхан) 237, 238, 240–243
- Буссе Г. 37
- Бу-л-Хасан — см. Абу-л-Хасан
- Вали ад-давла(?) 25; (Наср б. 'Али) 132
- Вали халифат Аллах 27, 35; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 121, 123, 145
- Великие Сельджуки 23, 37, 44, 101; см. также Сельджукиды
- Гаев А. 11, 107
- Гази 27; (Йаган-тегин Наср) 202
- Газнавиды 2, 37, 58, 154, 157, 159, 160, 174, 176, 179, 181, 187–191, 201, 205, 208, 213, 264
- Гардизи 174, 191, 247
- Гарс ан-Ни'ма 203, 211
- Гафуров А. 11
- Гийас ад-дунья ва-д-дин 26, 69; ('Абд ал-Халик б. Хусайн) 139, 228; (Кутлуг или Кылыч Билгә-хан, владелец неуставленного ханства) 144; (Мухаммад б. Мас'уд) 139; (Махмуд б. Ибрахим б. Хусайн) 142
- Граченко В. 11
- Григорьев В.В. 3
- Гумилев Л.Н. 245, 246
- Гуриды 2, 230, 231, 236
- гурхан, гур-хан 29, 121, 122, 129, 223–226, 232, 243, 250, 267
- Давидович Е.А. ix, x, хіх*, 6, 7, 10, 62–64, 68, 71, 72, 75, 79, 82–84, 93, 102–104, 108, 114, 115, 117, 124, 130, 131, 162, 191–193, 215, 220, 226–228, 232–234, 246, 250, 252, 254, 256, 260, 261, 266–269
- Давуд 20
- Давуд б. Ибрахим б. Наср (Күч-тегин) 137, 209, 219, 272
- Джабра'ил 20
- Джабра'ил б. Йусуф, Джабра'ил б. Кадыр-хакан — см. Мухаммад (Джабра'ил) б. Йусуф
- Джабра'ил б. Мухаммад 183
- Джабра'ил б. 'Умар б. Йусуф (Табгач-хан) 147, 216, 217, 221, 222, 273
- Джавхар 42
- Джагры (Чагры) 129; см. также Чагры, Чагры-тегин
- Джалал ад-давла 24; (Тонга-тегин, в Ахсикате) 199
- Джалал ад-дунья ва-д-дин 26, 35; ('Арабшах б. Аби Бакр) 143; (Ахмад б. Ибрахим, владелец Узджанда) 140; (Махмуд б. Ахмад, владелец Узджанда) 140; (Махмуд б. Хусайн) 138; (Мухаммад б. Наср, владелец Касана) 140, 234; (Тафгач-хакан, владелец Банаката) 141, 235; (Хусайн б. Хасан, владелец Узджанда) 140

- Джамал ад-дин ‘Умар, владетель Вахша 237
- Джамал ал-Карши 116, 119, 134, 165, 184, 228
- Джувайни 116, 232, 236
- Джузджани 230, 231
- Динари* 22, 89
- дихкан 6, 23, 31, 82, 87, 99, 125, 253–255, 258; (‘Али б. Фахр ад-дин) 260; (Ахмад б. Мансур) 261; (Мансур б. Ахмад) 95, 99, 149, 154; (Мухаммад б. Мансур) 253; (Салар б. Мухаммад) 172
- Добровольский И.Г. 11
- Дорн Б. 3, 5, 120
- елик* — см. илиг
- Елюй Даши 223, 225
- Елюй Иле 225
- Жребец В. 11
- Зайн ад-давла* 24; (Йанган-тегин, Тоган (?)-тегин, Тонга-хан) 199, 201, 205
- Зайн ад-дин* 26; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 145; (‘Умар б. Йусуф б. Сулайман) 147
- Зайнаб, дочь Махмуда Газнави 201
- аз-Захаби 3, 212
- Захир ад-да‘ва* (Харун/Хасан б. Сулайман) 27, 86, 134, 135, 151
- Зеймаль Е.В. 11, 63
- Зийариды 69, 152
- Ибн ‘Али-тегин 193
- Ибн ал-Асир 3, 77, 97, 118, 130, 134, 137, 151, 153, 162, 163, 165, 168, 169, 174–176, 184, 193, 194, 196, 203–205, 207, 208, 215–217, 220, 229, 232, 239, 242
- Ибн ал-‘Ибри (Барэбрей) 168, 169
- Ибн ал-Фувати 195, 196
- Ибрахим* 20, 122
- Ибрахим б. Ахмад б. Хасан б. Сулайман (Табгач-хан) 95, 147, 216, 217, 222, 243, 273
- Ибрахим Йинал, Сельджукид 183
- Ибрахим б. Мухаммад б. Йусуф (Абу-л-Музаффар, Арслан-хан/хакан, малик ал-ислам) 146, 201, 203, 205, 208, 251, 273%
- Ибрахим б. Мухаммад [б. Сулайман] (Абу-л-Музаффар, Рукн ад-дунйа ва-д-дин, Тафгач-хакан) 138, 223–227, 239, 272%
- Ибрахим б. Наср б. ‘Али (Аба Исхак, Бөри-тегин, ‘Изз ал-умма, ‘Имад ад-давла, Кахф ал-муслимин, малик ал-Машрик ва-с-Син, ал-Му‘аййид ал-‘адл, Насир ад-давла, Сайф халифат Аллах, Табгач/Тафгач Бугра кара-хакан, Тадж ал-милла, Фахр ад-давла) 5, 7, 21, 34, 35, 52, 75, 86, 87, 90, 109, 121, 123, 136, 137, 166, 171, 190–195, 200, 204, 206–211, 213, 214, 216, 217, 219, 220, 246, 247, 250, 251, 262, 263, 265, 272
- Ибрахим б. Сулайман 219, 221
- Ибрахим б. Хусайн (Арслан-хан/хакан, Күч Арслан-хан, Нусрат ад-дунйа ва-д-дин, улуг султан ас-салатин) 19, 33, 103, 139, 140, 228–231, 233–235, 239, 241, 252, 272
- Иванов Н. 11
- ‘Изз ад-давла* (Хидр б. Ибрахим б. Наср) 137
- ‘Изз ад-дин* 26, 70; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
- ‘Изз ал-умма* 27; (Ибрахим б. Наср б. ‘Али) 136, 137
- ‘Иззат ад-давла* 25
- Ил-Арслан, Ануштегинид 231
- илак, илек, илик* — см. илиг
- илиг хі*, 21, 23, 30, 70, 72, 73, 78, 79, 87, 90, 101, 153, 250, 251; (‘Али б. Хасан) 126, 135, 177, 178, 181, 183; (Йусуф б. ‘Али) 126, 189; (Мансур б. ‘Али) 77, 95, 119, 132, 165, 216; (Мухаммад б. ‘Али) 70, 72, 78, 94, 112, 127, 133, 167–171, 174–177, 263; (Мухаммад б. Наср) 72, 196; (Наср б. ‘Али) 70, 71, 85, 96, 112, 119, 125, 126, 132, 155–157, 159, 160, 165, 171, 173, 263, 266; см. также *Арслан-илиг*, *Бугра-илиг*
- илиг ал-джалил* (Наср б. ‘Али) 112, 118
- илиг ал-мансур* 112
- илиг-хан* 79
- Илиш Л. 11
- Илйас* 20
- Илйас ал-Хадждадж 172
- ‘Имад ад-давла* 24; (Ахмад б. Хидр б. Ибрахим) 138; (Ибрахим б. Наср б. ‘Али) 136; (Йусуф б. Сулайман б. Йусуф) 146, 199; (Мухаммад б. Ибрахим б. Наср) 138; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 74, 98, 145
- ‘Имад ад-дунйа ва-д-дин* 26; (Абу Бакр б. Йугруш) 143; (Арслан-хан, владетель неустановленного ханства) 144; (Улуг Чагры-хакан) 141, 235
- Инал-тегин* 30, 209; см. также *Йинал-тегин*
- Инанч Көкүз(?)* 20, 183
- Иневаткина О.Н. 11
- ал-‘Ираки* 22, 89
- Ирташ* — см. Эрташ
- ‘Иса* [б. Наср] 272
- Исма‘ил* 20
- Исма‘ил б. Ахмад, Саманид 149
- Исма‘ил б. Махмуд 188, 260
- Исма‘ил б. Нух (ал-Мунтасир), Саманид 125, 156–159
- Исма‘ил Хандан, сын Алтунташа 188, 260
- Исра‘ил (Арслан) б. Сельджук 153, 174, 175, 179
- Исрафил б. Мухаммад 198, 273
- Ишанханов С. 11
- Йабгу* 20; (Муса б. Сельджук) 183, 213
- Йаган-тегин*, *Йанга-тегин* 30, 78, 154, 245; (‘Али б. Хасан) 135, 175, 177, 178, 248, 250; (Йусуф б. Мансур) 173, 181; (Мухаммад б. ‘Али) 133, 154, 249; (Мухаммад б. Йусуф) 179; (Наср, в Уче) 202; (Шу‘айс б. Ибрахим б. Наср) 137, 209
- Йаган Турк-тегин* 30, 199
- Йаган-хан* 28; (Малик, владетель Тирмиза) 142, 230
- Йаздади 89
- Йа‘куб [б. Сулайман] 273
- Йа‘куб-тегин (Буга-тегин Йа‘куб) 215
- Йа‘ла* 20, 259
- Йамин ад-давла* 24; (Шу‘айс б. Ибрахим б. Наср) 137
- Йанга-тегин* — см. Йаган-тегин
- Йанган-тегин* 30; (Зайн ад-давла) 205
- йинал* 30, 148
- Йинал-тегин* 30, 70, 76–78, 245; (владетель Барсхана) 203; (Мансур б. ‘Али) 74, 77, 132, 248, 249; (Мухаммад б. ‘Али) 70, 74, 78, 112, 119, 133, 167, 248–250; (Мухаммад б. Хасан) 135, 177, 178, 248, 250; (Хусайн б. Харун) 77, 178, 182, 248, 250; см. также *Инал-тегин*
- Йинал б. Тиган-тегин* 130

- Йинал-хан* (Сулайман б. Хасан) 144
Йусуф 20, 56, 88
 Йусуф, мутавалли 88
 Йусуф б. Абдаллах 81, 94, 98, 99, 127, 128, 259
 Йусуф б. Айуб (*Йусуф б. Бурхан ад-давла*) 21, 206, 273
 Йусуф б. Али б. Хасан (Арслан-илиг, Арслан-тегин, ал-Му'айид ал-'адл, Шамс ад-давла) 52, 82, 126, 129, 136, 182, 187–190, 192, 194, 196, 273
 Йусуф Баласагунский 37
Йусуф б. Бурхан ад-давла — см. Йусуф б. Айуб
 Йусуф б. Мансур 73, 173, 181, 183, 272
 Йусуф б. Мухаммад (Арслан-хан) 116, 147, 243, 273
 Йусуф б. Сулайман б. Йусуф ('Имад ад-давла, Сафи амир ал-му'минин, Тогрыл кара-хакан) 56, 146, 197, 199, 203, 204, 206, 207, 273
Йусуф б. Тафгач/Табгач — см. Йусуф б. Али
 Йусуф б. Харун/Хасан (Кадыр-хан, малик ал-Машрик, малик ал-Машрик ва-с-Син, Насир ад-давла, Насир ад-дин, Насир ал-хакк ва-д-дин) 55, 73, 75, 77, 85, 98, 111, 134, 135, 156, 159, 161, 162, 169–171, 173–175, 178–187, 194, 200, 203, 204, 247–249, 263, 264, 267, 273
Кавам ад-давла 24; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 145
 ал-Кадир [би-ллах], халиф 106, 107
Кадыр ал-Машрик 129
Кадыр Тафгач-хан/хакан 29; (Санджар б. Хасан) 142; (Сулайман, XII в.) 47, 108, 215
Кадыр Тоган-хан 29; (Махмуд б. Хусайн) 138, 226
Кадыр-хан/хакан 21, 28, 77, 84, 110, 129, 247; (Ахмад б. Ибрахим, владетель Узджанда) 104, 140, 233; (Ахмад б. Мухаммад) 102, 218; (Джабра'ил б. Умар) 216; (Йусуф б. Харун) 55, 73, 75, 98, 111, 134, 135, 156, 159, 161, 162, 169–171, 173–175, 179–185, 187, 194, 200, 203, 204, 247–249, 263, 264, 267; (Сулайман б. Харун/Хасан) 136, 185, 186, 189, 247
 Кадыр-хан I — см. Йусуф б. Харун
 Кадыр-хан II — см. Сулайман б. Харун
 ал-Ка'им [би-амр Аллах], халиф 19, 35, 126
 Калинин В. 11
 Камал ад-дин, в Джанде 272
 Камышев А. 11
кара-хакан, кара-хан 28; (Ахмад б. Али б. Муса) 131, 132; (Наср б. Али) 128, 156; (Хасан б. Али) 138, 218, 220
 Кара-хан — см. Хасан (Харун) б. Али
 Караев О. 156, 197, 219, 246
Каратуз (Абу Бакр б. Йугруш) 143, 231
 Караханиды *passim*
 — Восточные 7, 124, 206, 208, 222
Касим 20
Кахф ал-муслимин 27; (Ибрахим б. Наср б. Али) 136, 137
 ал-Кашгари — см. Махмуд ал-Кашгари
 Кийа 20; (Музаффар) 257
 Кляшторный С.Г. 11, 33, 148
 Койфман А. 11
 Кондрикова Р. 11
Копчур(?)-бег 20, 112
 Кочнев Б.Д. *passim*
 Кошевар В. 11
 Крибб Дж. 3, 11
 Крикис Я.К. 11
 Кузнецов А. 11
 Күл Билгä-хан 148, 271
 Күнтогды 38
Кутб ад-давла 24, 70, 75, 126, 128; ('Али б. Хасан) 18, 46, 75, 111, 126, 135, 136; (Ахмад б. Али б. Муса); (Бугра-тегин?) 207
Кутлуг Билгä-хан/хакан 29, 113; ('Абд ал-Халик б. Хусайн) 139, 141, 142, 228, 229, 235; (Гийас ад-дунья ва-д-дин, владетель неустановленного ханства) 144; (Мухаммад, владетель неустановленного ханства) 144; (Хасан б. Абд ал-Халик) 141, 235, 236
Кутлуг Тафгач-хан 143
Кутлуг Тоган-хан/хакан 29; (Хусам ад-дунья ва-д-дин, владетель Маргинана) 141, 235, 272
Күч Арслан-хан/хакан 29; (Ибрахим б. Хусайн) 139; (Махмуд б. Ахмад, владетель Узджанда) 140, 234
Күч-тегин 30, 110, 251; (Давуд б. Ибрахим б. Наср) 137, 209; (Мухаммад б. Наср б. Али) 134, 195
 Кучеров В. 11
 Кучлук 232
 Кылыч 58
 Кылыч, хаджиб 269
Кылыч Арслан-хан 29, 129; (Мухаммад б. Ибрахим б. Наср) 138; (владетель Балха) 144; (Арслан-хан, владетель неустановленного ханства) 129, 144
Кылыч Билгä-хан 29; (Гийас ад-дунья ва-д-дин, Кутлуг Билгä-хан? — владетель неустановленного ханства) 144
Кылыч-өгäi 31; ('Али б. Хасан) 135
Кылыч Табгач/Тафгач-хан 29; (Мас'уд б. Хасан) 110, 113, 139, 242; (Мухаммад б. Мас'уд) 102, 139, 228
Кылыч Тогрыл-хан 29; (владетель неустановленного ханства) 144
Кылыч-хан/хакан 28; (Му'изз ад-дунья ва-д-дин, шах Кылыч-хан), владетель Банаката 109, 141, 228, 235
 Лимбада М. 11
 Литвинский Б.А. 68
 Лэн-Пуль Ст. 3
мавла амир ал-му'минин 22; (Ахмад б. Али б. Муса) 132; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 146; (Мансур б. Али) 132; (Наср б. Али) 109, 128, 132
 Майлс Дж. 44
малик 22, 23, 70, 106, 148, 231, 235, 236; (Санджар б. Малик-шах) 218, 232
Малик 20
ал-малик ал-'адил 106
 малик ал-а'зам, маликшах ал-а'зам 23; (Абу Бакр б. Йугруш) 143, 230, 231
 [ал-]малик ал-ислам 22; (Ибрахим б. Мухаммад б. Йусуф) 146; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 145, 146
 Малик (Йаган-хан, Насир ад-дунья ва-д-дин), владетель Тирмиза 142, 230
 Малик б. Маликан, Малик б. Сайф ад-давла — см. Аббас б. Мухаммад б. Наср
ал-малик ал-мансур (Мухаммад б. Али) 112
малик ал-Машрик 22, 110, 129; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 146; (Йусуф б. Харун) 85, 135; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 111, 146;

- (Мухаммад б. Хасан) 135; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145; (Харун/Хасан б. Сулайман) 134, 135, 151
- малик ал-Маширик ва-с-Син* 22; (Ибрахим б. Наср б. 'Али) 87, 136, 137; (Йусуф б. Харун) 135; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
- ал-малик ал-музаффар* 71, 115; ('Али б. Хасан) 111, 135; (Ахмад б. 'Али) 71, 111, 131
- Маликан* 20, 134; см. также Мухаммад б. Наср б. 'Али
- маликшах, маликшах ал-а'зам* — см. *малик ал-а'зам*
- Малик-шах Вахши 231
- Малик-шах, Сельджукид 213–216, 222
- Ма'мун, халиф 97
- Ма'мун, хорезмшах 168
- Ма'мун [б. Хасан] 273
- Ма'муниды 157
- Мансур* 20
- Мансур б. 'Али (Абу-л-Музаффар, Арслан-хан/кара-хакан, илиг, Йинал-тегин, мавла амир ал-му'минин, Нур ад-давла, Сирадж ад-давла, 'Умдат ад-дин, Шамс ад-давла, Шамс ал-милла) 49, 53, 70, 72–77, 86, 90, 94, 95, 98, 99, 106, 107, 119, 120, 132, 133, 165–177, 179, 216, 247–250, 261–264, 266, 272
- Мансур б. Ахмад, дихкан 95, 99, 149, 154, 253, 254
- Мансур (II) б. Нух, Саманид 155, 157
- ал-Марзубан б. Адуд ад-давла* 21
- Марков А.К. 3, 5, 59, 104, 105, 109, 112, 121, 218
- Маснад ад-давла* — см. *Мушайид ад-давла*
- Массон М.Е. vii, x, 8, 10, 13, 14, 155, 220, 253
- Мас'уд* 20
- Мас'уд, Газнавид 187, 191, 201, 208, 213
- Мас'уд, сын Мухаммада б. Ибрахи-ма 215, 272
- Мас'уд б. Хасан (Абу-л-Музаффар, Кылыч Тафгач-хан, Рукн ад-дунья ва-д-дин) 46, 110, 113, 114, 139, 226–228, 235, 241, 242, 272
- Матт* 20; (Абу-л-Фатх) 256; (Му'изз ад-давла) 47, 72, 85, 87, 91, 92, 98, 102, 111, 164, 256, 257, 261
- Маттиды 158, 256, 257
- Махмуд* 20, 21, 188, 204
- Махмуд (Низам ад-давла, в Банакате, Ганнадже и Чинанчикате) 206, 207
- Махмуд, внук Мансура б. 'Али 215, 216
- Махмуд б. Ахмад (Джалал ад-дунья ва-д-дин, К'уч Арслан-хакан, Му'изз ад-дунья ва-д-дин), владетель Узджанда 140, 233, 234, 252, 272
- Махмуд Газнави 155, 159, 162, 174, 177–180, 187, 188, 201, 262
- Махмуд б. Ибрахим б. Хусайн (Гийас ад-дунья ва-д-дин, *Махмуд б. султан ас-салатин*), владетель Тирмиза 142, 237, 272
- Махмуд б. Йусуф 204
- Махмуд ал-Кашгари 28, 197, 198, 273
- Махмуд [б. Мас'уд?] 272
- Махмуд б. Мухаммад ('Ала' ад-давла, Насир ад-дин, Нусрат ал-хакк ва-д-дин, Пахлаван аш-Шарк) 31, 122, 138, 221–224, 226, 238, 240, 272
- Махмуд б. султан ас-салатин* — см. Махмуд б. Ибрахим б. Хусайн
- Махмуд б. Хусайн (Абу-л-Музаффар, Джалал ад-дунья ва-д-дин, Кадыр Тоған-хан) 138, 226, 239, 272
- Мей Р. 11
- Мирак* 20, 85, 88, 92
- Мирхонд 79
- Митчинер М. 42
- ал-Му'аззин* 22; см. также Ахмад б. Мухаммад ал-Му'аззин
- [*ал-*] *Му'айид ал-'адл* 27, 37, 69, 70; (Ахмад б. 'Али б. Муса) 35, 131, 132; (Ахмад б. Хидр б. Ибрахим) 35, 138; (Аба Салих) 133; (Ибрахим б. Наср б. 'Али) 35, 75, 121, 123, 136, 137; (Йусуф б. 'Али б. Хасан) 136; (Мухаммад б. Ибрахим б. Наср) 35, 138; (Мухаммад б. Наср б. 'Али) 35, 75, 134; (Наср б. 'Али) 35, 71, 110, 132, 154
- Му'айид ал-милла* 24, 25; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 145
- [*ал-*] *Муваффик ал-'адл* 27
- Музаффар* 27, 34
- Музаффар (Кийа, Рукн ад-давла) 90, 92, 93, 257
- ал-Музаффар Мухаммад* — см. Мухаммад б. Йусуф
- Му'изз* 20
- Му'изз ад-давла* 7, 24, 82, 69; ('Аббас б. Мухаммад б. Наср) 134; (Кылыч-хан) 109, 141; (Матт) 85, 91, 92, 111, 257; (Муса б. Сельджук) 183
- Му'изз ад-дунья ва-д-дин* (Кылыч-хан, владетель Банаката) 228, 235; (Махмуд б. Ахмад, владетель Узджанда) 140; (Санджар б. Хасан) 142; (Улуг Тогрыл-хан, владетель Касана) 141, 234
- Му'изз ал-милла* 25; (Йаган-тегин Наср, в Уче) 202
- Му'иззи 217
- Му'ин* 20
- Му'ин ад-давла* 24, 181
- ал-Мукаддаси 253
- ал-Муктади [би-амр Аллах], халиф 222
- ал-Муктафи [ли-амр Аллах], халиф 226
- Му'мини 89
- Мунаджжим-баши 177
- ал-Мунтасир — см. Исма'ил б. Нух
- Муса [б. 'Абд ал-Карим] 271
- Муса б. Сельджук 183, 213
- ал-Мустади 19, 229, 230, 243
- ал-Мустахир [би-ллах], халиф 222, 243
- ал-Мустанджид [би-ллах], халиф 227, 243
- ал-Мустаршид [би-ллах], халиф 218
- Мут* — см. Матт
- [*ал-*] *мутавалли* — см. 'Али б. Мухаммад; Йусуф
- Мутиды* — см. Маттиды
- Мухаммад* 20, 60, 77, 183
- Мухаммад (*Бугра-хан*, Тадж ад-дунья ва-д-дин), владетель неустановленного ханства 144
- Мухаммад (Шамс ад-дунья ва-д-дин, Кутлуг *Билг'ай-хакан* или *Кылыч Билг'ай-хакан?*), владетель неустановленного ханства 144
- Мухаммад, наместник Хорасана — см. Абу 'Али Мухаммад Симджури
- Мухаммад (*Насир ад-дунья ва-д-дин*), владетель неустановленного ханства — см. Мухаммад б. Кутлуг Тафгач-хан 143
- Мухаммад б. 'Али (Аби Мансур, Арслан-тегин, илиг, Йаган-тегин, Йинал-тегин, Сана' ад-давла, Саха' ад-давла) 7, 69–74, 77, 78, 85, 86, 93, 94, 96, 99, 112, 119, 127, 133, 134, 154, 163, 165–177, 195, 197, 248–250, 254, 261, 263, 264, 267, 272

- Мухаммад б. Ахмад ал-Балади ан-Насафи 42, 43
- Мухаммад б. Давлатшах (... *ал-хакк ва-д-дин*), владетель Вахша 143
- Мухаммад (Джабра'ил) б. Йусуф б. Харун (Бутра кара-хакан, Вали халифат Аллах, Зайн ад-дин, Кавам ад-давла, ал-малик ал-ислам, малик ал-Машрик, Му'аййид ал-милла, ал-Музаффар, Мушаййид ад-давла, Сафи амир ал-му'минин, султан ад-давла) 21, 77, 78, 85, 107, 111, 115, 118, 120, 121, 123, 145, 146, 179, 182, 185, 189, 190, 193–196, 198–204, 247, 250, 251, 273
- Мухаммад б. Зуфар 241
- Мухаммад б. Ибрахим [б. Ахмад] (Арслан-хан Мухаммад) 102, 116, 147, 243, 273
- Мухаммад б. Ибрахим б. Наср (Арслан-хан, 'Имад ад-давла, Кылыч Арслан-хан, ал-Му'аййид ал-'адл, Таж ал-милла) 35, 138, 147, 209, 214, 215, 272
- Мухаммад б. Йусуф, *Мухаммад б. Кадыр-хакан* — см. Мухаммад (Джабра'ил) б. Йусуф б. Харун
- Мухаммад б. Йусуф [б. Мухаммад] 273
- Мухаммад б. Кутлуг Тафгач-хан (*Насир ад-дунья ва-д-дин*), владетель неустановленного ханства 143
- Мухаммад б. Кылыч Тафгач-хан* — см. Мухаммад б. Мас'уд
- Мухаммад б. Мансур, дихкан 69, 95, 253, 254
- Мухаммад б. Мас'уд (Абу-л-Музаффар, Гийас ад-дунья ва-д-дин, Кылыч Тафгач-хан, Рукн ад-дунья ва-д-дин, Эгдиш Тафгач-хан/хакан) 69, 102, 113, 139, 228–231, 239, 241, 272
- Мухаммад б. Махмуд 272
- Мухаммад б. Мухаммад (Савинч Кутлуг Арслан-хакан), владетель Маргинана 141, 235, 272
- Мухаммад ан-Наср* (Мухаммад б. Наср) 195
- Мухаммад б. Наср б. 'Али (Маликан, 'Адуд ад-давла, 'Айн ад-давла, К'учтегин, ал-Му'ай-йид ал-'адл, Сайф ад-давла) 34–36, 72, 74, 75, 82, 83, 85, 87, 90, 103, 113, 120, 134, 171, 178, 180, 182, 186, 190, 192–196, 199, 200, 202, 205, 206, 250, 263, 272
- Мухаммад б. Наср [б. Хусайн] (Джалал ад-дунья ва-д-дин, Тогрылхан), владетель Касана 140, 234, 252, 272
- Мухаммад б. Сам, Гурид 230, 231
- Мухаммад Симджури — см. Абу 'Али Мухаммад Симджури
- Мухаммад б. Сулайман 21, 59, 216–222, 226, 238, 247, 272
- Мухаммад б. Текиш (Текеш), Ануштегинид хв, 58, 152, 232–237, 240
- Мухаммад Тузун-тегин 206, 207
- Мухаммад б. 'Умар, бухарский садр 242
- Мухаммад б. Хасан (Абу-л-Музаффар, Йинал-тегин, малик ал-Машрик, Насир ал-хакк, Низам ад-давла, Тоган/Тонга-хан, Тонга-тегин) 28, 75–78, 81, 84, 127, 134, 135, 166, 171, 176–181, 184–186, 189, 190, 193, 194, 196, 198, 199, 205, 247–250, 273
- Мухаммад б. Хусайн 256
- Мухаммад б. Шу'айс 272
- Мухтаджиды 257
- Мушаййид ад-давла* 24; (Мухаммад б. Йусуф б. Харун) 120, 145
- Мушаййид ад-дин* 24
- Наймарк А.И. хix*, 11
- Наршахи 239, 241
- Насафи?* — см. *Сайфи*
- ан-Насафи — см. Мухаммад б. Ахмад ал-Балади ан-Насафи
- Насир амир ал-му'минин* 27; (Айуб б. Сулайман) 146; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
- Насир ад-давла* 14, 24, 75; (Ахмад б. Мухаммад б. 'Али) 72, 75, 133, 134; (Ибрахим б. Наср б. 'Али) 136, 137; (Йусуф б. Харун) 75, 135; (Йагантегин Наср) 202; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
- Насир ад-дин* 26; (Йусуф б. Харун) 135; (Махмуд б. Мухаммад) 138; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
- ан-Насир [ли-дин Аллах], халиф 103, 104, 243
- Насир ад-дунья ва-д-дин* 26; (Малик, владетель Тирмиза) 142; (Мухаммад б. Кутлуг Тафгач-хан, владетель неустановленного ханства) 143; (Санджар б. Хасан) 142
- Насир ал-хакк* 26, 69–71, 84, 91, 128; (Ахмад б. 'Али б. Муса) 73, 131, 132; (Йусуф б. Харун) 75; (Мухаммад б. Хасан) 135, 178; (Сулайман б. Харун/Хасан) 136
- Насир ал-хакк ва-д-дин* 26; (Йусуф б. Харун) 135; (Наср б. Ибрахим б. Наср) 137
- Наср* 20, 56, 84, 88, 109, 129
- Наср, в Саганиане 191
- Наср (Йаган-тегин, вассал Арслантегина Ахмада) 198, 201, 202
- Наср б. 'Али (Абу-л-Хасан, Вали ад-давла(?), Арслан-илиг, мавла амир ал-му'минин, [ал]-Му'аййид ал-'адл, Тонга-тегин) 35, 36, 47, 69, 70–72, 74, 77, 79, 85, 90–96, 98–100, 109, 110, 112, 118–120, 122, 125, 126, 128, 132–134, 150, 153–167, 171–173, 182, 216, 248, 249, 254, 256, 262–264, 266, 267, 272
- Наср б. Ахмад, Мухтаджид 89, 257
- Наср б. Ахмад, Саманид 265
- Наср б. Ибрахим б. Наср (Абу/Аби-л-Хасан, Насир ал-хакк ва-д-дин, султан Ард аш-Шарк, султан аш-Шарк ва-с-Син, Шамс ал-мулк) 27, 123, 124, 137, 206, 207, 209–211, 213, 272
- Наср б. ал-Касим 259, 262
- Наср ал-милла* 25, 111, 126, 129; ('Али б. Хасан) 18, 46, 111, 135, 136; (Ахмад б. 'Али б. Муса) 131, 132; (Тоган-хан 'Али) 137; (Хидр б. Ибрахим б. Наср) 137
- Наср б. Мас'уд, владетель Балха 272; см. также Арслан-хан б. Мас'уд б. Хасан
- Наср б. Мухаммад 219, 272
- Наср б. Хусайн, в Балхе 230; см. также Санджар б. Хасан
- Наср б. Хусайн (Тогрыл-хакан), владетель Касана 113, 115, 116, 140, 230, 234, 235, 252, 272
- Настич В.Н. хix*, 10, 53, 58, 148, 236, 256
- Нафиси С. 2
- Низам ад-давла* 7, 24; (Махмуд, в Ганнадже и Чинанчикате) 206, 207; (Мухаммад б. Хасан) 76, 84, 135
- Низами 'Арузи Самарканди 211, 212
- Никитин А.Б. 11
- Нишапури — см. Рази ад-дин Нишапури
- Нур ад-давла* 7, 24, 198; (Мансур б. 'Али) 132
- Нур ад-дин ва-д-давла* 26, 209

- Нусрат ад-дунья ва-д-дин 26; (Ибра-
хим б. Хусайн, владетель Узджанда)
139, 140; ('Усман б. Ибрахим) 139
- Нусрат ал-хакк ва-д-дин 26; (Махмуд
б. Мухаммад) 138, 221, 224
- Нух 20
- Нух II б. Мансур (Саманид) 119, 120,
153, 154, 256
- Нуш 20, 259
- өгәй 31
- Огулчак 271
- Омейяды 117
- От-тегин 251
- падиша, падишах 23, 31, 92, 112
- пахлаван 23, 31
- Пахлаван аш-Шарк 23; (Махмуд б. Му-
хаммад) 31, 122, 138, 221, 224
- Певзнер С.Б. 11
- Пельо П. 30
- Погорелова О. 11
- Портер В. 3, 11
- Потин В.М. 11
- Прицак О. 4, 6, 44, 68, 74–76, 78, 79,
108, 132, 133, 148, 150, 162, 165, 168,
175, 177, 192, 194, 197, 199, 204, 211,
212, 215, 216, 219–221, 226, 238,
241, 244–248, 251
- Раванди 217
- Равич И.Г. 40
- Рази 22
- Рази ад-дин Нишапури 228
- Рахимбабаева Н. 203
- Ртвеладзе Э.В. 11, 42, 87, 89, 92, 93,
231, 257
- Рукн ад-давла 21, 24, 92; (Музаффар,
в Саганийане) 93; (Сулайман б.
Харун/Хасан) 136
- Рукн ад-дунья ва-д-дин 26, 69; (Ибра-
хим б. Мухаммад) 138; (Мас'уд
б. Хасан) 139; (Мухаммад б. Мас-
'уд) 102, 139; (Санджар б. Хасан)
142; (Хусрав-шах) 144
- Савинч Кутлуг Арслан-хакан 29;
(Мухаммад б. Мухаммад, владе-
тель Маргинана) 141, 235
- Саджи 22
- садр-и джахан — см. Бурханиды
- Садр ад-дин ал-Хусайни 213, 217, 227
- Са'из 22
- Са'ид 20
- (?) Са'ид (Ба Салих?) 254
- Сайф ад-давла 24, 58; (Ахмад б. 'Али б.
Муса) 131, 132; (Ибрахим Йинал)
183; (Исрафил б. Мухаммад) 198;
(Мухаммад б. Наср б. 'Али) 36,
134; (Хусайн б. Мансур) 74
- Сайф халифат Аллах 27; (Ахмад б.
Хидр б. Ибрахим) 138; (Ибрахим
б. Наср б. 'Али) 121, 136, 137
- Сайфи (? – Насафи?) 22, 89
- Салар 20
- Салар б. Мухаммад, дихкан 172, 253–
255
- Салих 20
- Сам'ани 42
- Саманиды 34, 36, 46, 49, 52, 54, 61, 80,
91, 95, 119, 125, 126, 149–159, 197,
253–260, 262, 263, 268–270
- Самарканди — см. Низами 'Арузи
- Самарканди
- Самсам ад-давла 24, 58; (Йусуф б.
Мансур) 181
- Сана' ад-давла 7, 25, 70; (Ахмад б. Му-
хаммад б. Хасан) 146; (Мухаммад
б. 'Али) 69, 70, 112, 133
- санджар, санджар ал-а'зам 23; (Наср
б. Хусайн) 230
- Санджар 20, 23, 230
- Санджар, Сельджукид 121, 122, 216,
218–225, 228, 231, 232, 238
- Санджар б. Хасан (Бу Наср, Кадыр
Тафгач-хан, Му'изз ад-дунья ва-
д-дин, Насир ад-дунья ва-д-дин,
Рукн ад-дунья ва-д-дин, Тафгач-
хан), владетель Балха 142
- Сарвар-хан 224; см. также гурхан
- Сарраф 22; см. также 'Али Сарраф
- Сафи амир ал-му'минин 27; (Йу-
суф б. Сулайман б. Йусуф) 146;
(Мухаммад б. Йусуф б. Харун)
145, 146
- Сафи вали халифат Аллах 27, 35
- Сафи ад-давла 25, 206, 207
- Саха' ад-давла 25; (Мухаммад б. 'Али)
133
- Сахиб ал-джайш 27
- Сахл 20, 89
- Себук(?)–тегин 30
- Себук-тегин, Газнавид 154, 155
- Северова М.Б. 11
- Сельджук 153, 183
- Сельджуки Рума 129
- Сельджукиды, Великие Сельджуки 2,
32, 33, 35, 37, 121, 125, 158, 175, 183,
187–189, 191, 201, 205, 208, 213–
216, 218, 222, 231, 238, 260
- Симджури — см. Абу 'Али Мухаммад
- Симджури
- Симнани 22, 89
- Синан ад-давла 25, 172; см. также Бег-
тузун
- Сирадж ад-давла 7, 25, 77; (Мансур
б. 'Али) 74, 132
- Смирнова (Асавина) Н.М. 11
- Субаши-өгәй 20, 31, 245
- Сузани 217, 260
- Сулайман хі*, 20
- Сулайман [б. 'Абд ал-Карим] 134, 271
- Сулайман б. Давуд б. Ибрахим 215,
216, 272
- Сулайман б. Йусуф б. Харун (Абу-л-
Музаффар, Абу Шуджа', амир ал-
умара', Арслан-хан/кара-хакан,
'Изз ад-дин, 'Имад ад-давла, малик
ал-Машрик, малик ал-Машрик ва-
с-Син, Насир амир ал-му'минин-
н, Насир ад-давла, Насир ад-дин,
Фахр ал-милла, Хутлуг-өгәй, Ча-
гры-тегин, Шараф ад-давла) 72,
74, 97, 98, 106, 145, 173, 174, 180, 182,
184, 185, 189, 190, 193–196, 199–202,
204, 247, 249, 251, 267, 273
- Сулайман Кадыр Тафгач-хан/хакан
47, 108, 215
- Сулайман б. Мухаммад, Сельджу-
кид 231
- Сулайман б. Харун/Хасан (Арслан-
тегин, Кадыр-хан/хакан, Насир
ал-хакк, Рукн ад-давла) 21, 77,
136, 180, 182, 183, 185, 186, 189, 247,
248, 250, 273
- Сулайман б. Хасан (Йинал-хан), вла-
детель неустановленного ханства
144, 272
- Сулайман б. Шихаб ад-давла 14, 21,
136; см. также Сулайман б. Харун
- Сулейман хі*
- ас-султан ал-а'зам (Абу Бакр б. Йу-
груш) 143; (Мухаммад б. Текиш)
233; (Санджар б. Хасан) 218;
(Усман б. Ибрахим) 233
- султан Ард аш-Шарк (Наср б. Ибра-
хим б. Наср) 137
- султан ад-давла 25; (Мухаммад
б. Йусуф б. Харун) 85, 145
- «султан Востока и Сина» см. султан
аш-Шарк ва-с-Син
- ас-султан ал-му'аззам 218; (Му-
хаммад б. Текиш) 233; ('Усман
б. Ибрахим) 233

- султан аш-Шарк ва-с-Син 22; (Наср б. Ибрахим б. Наср) 137
- Сухраб, владетель Тараза 213
- Табари 89
- Табгач, Табгаш, карлукский царь 149
- Табгач (Табгач) Бугра кара-хакан, Табгач (Табгач) Бугра-хан 29, 204; (‘Али б. Хасан) 18, 135, 185, 247; (Ибрахим б. Наср б. ‘Али) 136, 137, 192, 195, 204, 247
- Табгач (Тамгач, Табгач)-хакан 28; (Хасан б. Сулайман б. Йусуф) 147, 204, 207
- Табгач (Тамгач, Табгач)-хан 28, 109, 126; (Абу Бакр б. Йугруш) 143; (‘Али б. Хасан) 109, 126, 129; (Джабра‘ил б. ‘Умар б. Йусуф) 147, 216; (Ибрахим б. Ахмад б. Хасан б. Сулайман) 147, 216, 243; (Ибрахим б. Наср) 87, 109, 121, 136, 211, 216, 247, 250–252, 264
- «Тавгач-хан» 28
- Тадж ад-дин(?) 26; (Билгä-хан) — см. ‘Абд ал-Халик б. Хусайн)
- Тадж ад-дунйа ва-д-дин 26; (Мухаммад Бугра-хан) 144
- Тадж ал-милла 25; (Ибрахим б. Наср б. ‘Али) 121, 136, 137; (Мухаммад б. Ибрахим б. Наср) 138
- ат-Та‘и‘ [ли-ллах], халиф 106
- Тамгач, хорезмийский амир 129
- Тамгач-хан 28, 129, 220; (Ибрахим б. Наср) 5, 195, 207–210, 214; (Мухаммад б. Сулайман) 219, 247; (Хидр б. Ибрахим б. Наср) 137; см. также Табгач-хан
- Тамгач-хатун 129
- Тарантога 12
- таркан, тархан 31, 245; (‘Али б. Хасан) 135
- Табгач 129
- Табгач Бугра кара-хакан, Табгач Бугра-хан — см. Табгач Бугра кара-хакан
- Табгач б. Бугра-хан — см. Ибрахим б. Наср
- Табгач-хакан (Джалал ад-дунйа ва-д-дин, владетель Банаката) 141, 235; (Ибрахим б. Мухаммад) 138; см. также Табгач-хакан
- Табгач-хан (Мас‘уд б. Хасан) 235, 241; (Санджар б. Хасан) 142; (Хидр б. Ибрахим б. Наср) 137; см. также Табгач-хан, Тамгач-хан
- Тахир Рази 89
- Тахир б. Фадл, владетель Саганийана при Саманидах 257
- Тахириды 268, 269
- Таш, хаджиб 269
- тегин 23, 29, 30, 56, 65, 70, 72, 73, 129, 130, 250, 251; (Аба Салих) 122, 133; (Мухаммад б. ‘Али) 73; (Мухаммад б. Наср) 87; (Наср б. ‘Али) 74, 153, (Хусайн б. Мухаммад) 77
- тегин [ал]-адил 30
- тегин ал-джалил 30
- Текиш б. Ил-Арслан, Ануштегинид 231
- Тизенгаузен В.Г. 41, 82, 103
- Тоган-тегин 30, 85, 209, 245, 251; (Ахмад б. Абу Бакр) 30, 228; (Исрафил б. Мухаммад) 198
- Тоган-хан 29, 77, 108; (‘Али) 137, 184, 200, 211; (Ахмад б. ‘Али) 153, 159, 161, 162, 165, 167, 168, 170, 174, 247–249, 264; (Мухаммад б. Хасан) 78, 134, 135, 177, 178, 180, 181, 184, 186, 190, 193, 194, 196, 247–250; (Шу‘айс б. Ибрахим б. Наср) 137, 211; см. также Тонга-хан
- Тогрул 129
- Тогрыл б. Йинал 130
- Тогрыл кара-хакан — см. Тогрыл-хан
- Тогрыл-тегин 30, 129, 209, 245, 251; (‘Умар б. Йусуф б. Сулайман) 147, 203, 206, 207, 216
- Тогрыл-хан (Тогрыл-хакан, Тогрыл кара-хакан) 28, 29; (Абу-л-Фатх, владетель Тирмиза) 113, 142; (Йусуф б. Сулайман б. Йусуф) 56, 146, 197, 203, 204, 206, 207; (Мухаммад б. Наср, владетель Касана) 103, 104, 113, 140, 230, 234; (Наср б. Хусайн, владетель Касана) 113, 140, 234; (Хусайн б. Хасан, владетель Узджанда) 33, 54, 55, 113, 140, 220, 226
- «Токэлуэр» (Тогрыл-хан) 203
- Тонга 29, 33, 58, 129; см. также Тонга-тегин
- Тонга кара-хакан — см. Тонга-хан
- Тонга-өгä 31, 245; (‘Али б. Хасан) 135, 175
- Тонга-тегин 7, 30, 56, 65, 84, 129; (Джалал ад-давла) 199; (Мухаммад б. Хасан) 76, 127, 135; (Наср б. ‘Али) 70, 74, 118, 132, 153
- Тонга-хан (Тонга-хакан, Тонга кара-хакан) 7, 28, 90; (Ахмад б. ‘Али б. Муса) 131, 132; (Зайн ад-давла) 205; (Мухаммад б. Хасан) 135, 178, 180, 185, 186, 189, 199, 205; см. также Тоган-хан
- Тредвелл Л. 3, 11
- Тузун-тегин 30; (Мухаммад, в Тунка-те) 206, 207
- Туран, Осман 30
- Турк-хакан 29; (Харун/Хасан б. Сулайман) 134, 135, 149
- Тухтиев И. 11
- ‘Убайдаллах (брат Харуна ар-Рашида) 97
- ‘Уддат ад-дин (‘Али б. Хасан) 46, 135, 136
- ‘Уддат ад-дунйа ва-д-дин (‘Али б. Джа‘фар) 142
- ‘Укайлиды 69
- Улуг Акдаш (=Эгдиш) Чагры-хан — см. Улуг Чагры-хан
- Улуг Арслан-хакан (‘Али б. Джа‘фар) 142, 230
- улуг султан (Ахмад б. Ибрахим, владетель Узджанда) 140, 233
- улуг султан ас-саладин 22; (Ибрахим б. Хусайн) 139; (‘Усман б. Ибрахим) 139
- Улуг Табгач-хан (Хасан(?) б. Хидр) 143
- Улуг-тегин 30, 245
- Улуг Тогрыл-хан 29; (Му‘изз ад-дунйа ва-д-дин, владетель Касана) 113, 141, 234, 272
- Улуг Чагры-хан 29, 30; (‘Имад ад-дунйа ва-д-дин, Улуг Чагры-хакан, Улуг Эгдиш Чагры-хан, владетель Банаката) 141, 235
- ‘Умар 20
- ‘Умар, владетель Вахша — см. Джамал ад-дин ‘Умар
- ‘Умар б. Йусуф б. Сулайман (Зайн ад-дин, Тогрыл-тегин, Шараф ад-давла) 147, 203, 206, 207, 216, 273
- ‘Умар б. Мас‘уд, бухарский садр 239
- ‘Умар Макки 22, 89
- ‘Умар ал-Фарук, халиф 19
- ‘Умдат ад-дин (Мансур б. ‘Али) 132
- Урманова М.Х. 11
- ‘Усман 20
- ‘Усман Абу Нурайн, халиф 19
- ‘Усман б. Ибрахим (Нусрат ад-дунйа ва-д-дин, улуг султан ас-саладин) 103, 139, 229, 232–235, 237, 239, 242, 251, 252, 272

- ‘Утби 79, 118, 119, 162, 163, 165, 167, 168, 174, 177, 216, 258
 Фана-Хусрау, Бувайхид 37
 Фариси 22, 89
 Фасмер Р. 4, 24, 68, 129, 165, 184
 Фахр ад-давла 21, 25; (Ахмад б. Мухаммад, владетель Саганийна) 257; (Бахрам) 199; (Ибрахим б. Наср б. ‘Али) 136, 137
 Фахр(?) ад-давла (‘Али) 137
 Фахр ал-милла 26; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145
 Федоров М.Н. х, 6–9, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 78, 82, 84, 91, 93, 96, 99, 102–104, 106, 108, 112, 113, 115, 118–120, 127, 129, 130, 160, 161, 165, 168, 170, 176, 180, 183, 186, 189, 191, 199, 204, 208, 211, 212, 218–221, 223, 227, 246, 249, 253, 254
 Фомин А.В. 11
 Френ Х.М. 3, 41, 126
 [ал-]Хадждадж 22; (Илийас) 172
 ал-хакан ал-а‘зам (Хусрав-шах) 144
 ал-хакан ал-музаффар (Ахмад б. ‘Али) 131
 ... ал-хакк ва-д-дин (Мухаммад б. Давлатшах) 143
 Халили 89
 ал-халифат Аллах 18
 Хамданиды 69, 152
 ал-хан ал-аджалл (‘Али б. Хасан) 18; (Ахмад б. ‘Али) 154; (Ибрахим б. Наср) 136
 Харави 22, 89
 Харун 20
 Харун б. ‘Али 21, 189, 200, 273; см. также Хасан (Харун) б. ‘Али
 Харун б. Хасан 273
 Харун ар-Рашид, халиф 97
 Харун, сын Алтунташа 188
- Харун/Хасан б. Сулайман (Абу Муса, Захир ад-да‘ва, малик ал-Машрик, Турк-хакан, Шихаб ад-давла) 27, 35, 52, 69, 77, 86, 95, 99, 134–136, 149–154, 161, 172, 184, 203, 204, 207, 216, 248, 254, 258, 271, 273
 Хасан 20
 Хасан, в Ахсикате 89
 Хасан, в Испиджабе 85
 Хасан б. ‘Абд ал-Халик (Кутлуг Билгә-хакан, Шамс ад-дунйа ва-д-дин) 141, 235, 236, 237, 252, 272
 Хасан б. ‘Али (Кара-хан) — см. Хасан (Харун) б. ‘Али
 Хасан б. Ибрахим — см. Хидр (Хызр) б. Ибрахим
 Хасан б. Сулайман б. Йусуф (Табгач/Тафгач-хакан) 147, 204, 207, 222, 273
 Хасан-хан — см. Хасан б. ‘Абд ал-Халик
 Хасан (Харун) б. ‘Али (Кара-хан) 138, 189, 218–222, 226, 238, 272
 Хасан (Харун) б. Сулайман — см. Харун б. Сулайман
 Хасан(?) б. Хидр (Баха’ ад-дунйа ва-д-дин, Улуг Тафгач-хан), владетель Хутталана 143
 Хасани 22
 «Хасаниды» 77, 78, 133, 134, 171–174, 176–180, 182, 184, 185, 190, 194, 196, 199, 206, 207, 248, 250
 ал-Хасса 27; (Ахмад б. Мухаммад б. ‘Али) 134
 Хашим 20
 Хидр (Хызр) 20
 Хидр (Хызр)-бег 243
 Хидр (Хызр, Хасан) б. Ибрахим б. Наср (Бурхан ад-давла, ‘Изз ад-давла, Наср ал-милла, Тафгач/Тамгач-хан) 137, 209, 211–213, 272
- Хилал 20
 Хилал ас-Саби 34
 Ходжаниязов Т. 224
 ал-Хорезми — см. Абу ‘Абдаллах Мухаммад ал-Хорезми
 Хорезми — см. Абу Бакр Хорезми 34
 Хумар-тегин 31, 245
 Хусайн хі*, 20, 56, 69
 Хусайн б. ‘Абд ар-Рахман, Хусайн Айар-бег 227, 228
 Хусайн б. Мансур 74, 170, 171, 272
 Хусайн б. Мухаммад б. Йусуф (Чагры-тегин) 77, 146, 198, 201, 273
 Хусайн, мутавалли 82
 Хусайн б. Харун (Хасан), Хусайн б. Шихаб ад-давла 74, 77, 86, 94, 172, 178, 180, 182, 248, 250, 255, 262, 264, 273
 Хусайн б. Хасан (Джалал ад-дунйа ва-д-дин, Тогрыл-хан), владетель Узджанда 33, 55, 140, 220, 221, 226, 230, 234, 235, 252, 272
 ал-Хусайни — см. Садр ад-дин ал-Хусайни
 Хусам ад-дунйа ва-д-дин 26, 58; (Кутлуг Тоган-хакан, владетель Маргинана) 141, 235
 Хусейн хі*
 Хусрав-шах 20
 Хусрав-шах (Рукн ад-дунйа ва-д-дин, ал-хакан ал-а‘зам, владетель неустановленного приамударьинского ханства) 144
 Хутлуг-огй 31; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145, 173
 Хызр — см. Хидр
 Цамбаур Э. фон 45
 Цапин В. 11
 «царь Востока и Китая» (Тамгач-хан Ибрахим) 5
- Цукерман И.И. 130
 Чагры 20, 129
 Чагры-тегин 31, 56, 209, 245; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 74, 98, 145, 173, 174; (Хусайн б. Мансур) 74; (Хусайн б. Мухаммад б. Йусуф) 77, 146, 198; (Хусайн б. Хасан) 74, 94, 262, 264
 Чагры-хан (‘Али б. Хасан) 226, 242
 Чингиз-хан 224
 Чингизиды 158
 Шагурина Г.Б. 11
 Шамс ад-давла 7, 14, 25, 70; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 146; (Йусуф б. ‘Али б. Хасан) 136; (Мансур б. ‘Али) 70, 132
 Шамс ад-дин 26; (Ахмад б. Мухаммад б. Хасан) 146; (Мухаммад б. Сам) 230
 Шамс ад-дунйа ва-д-дин 27; (Мухаммад Кутлуг Билгә-хакан) 144, 236; (Хасан б. ‘Абд ал-Халик) 141, 142
 Шамс ал-ма‘али 27
 Шамс ал-милла 7, 26; (Мансур б. ‘Али) 132
 Шамс ал-мулк 27; (Айар-бег) 227; (Наср б. Ибрахим б. Наср) 27, 123, 124, 137, 206, 207, 210, 211, 213
 Шараф ад-давла 25, 70; (Сулайман б. Йусуф б. Харун) 145; (‘Умар б. Йусуф б. Сулайман) 147
 Шараф ал-ислам 25
 шах Кылыч-хан — см. Кылыч-хан, владетель Банаката
 Шах-Малик 20
 шаханшах 23, 31, 37
 Шихаб ад-давла 14, 21, 25, 199; (‘Аббас б. Мухаммад) 199; (Харун/Хасан б. Сулайман) 35, 69, 86, 134–136, 150, 151

Шу'айс 20

Шу'айс б. Ибрахим б. Наср (Абу-л-Музаффар, Йаган-тегин, Йамин ад-давла, Тоган-хан, Шу'айс[-и] Ибрахим) 21, 137, 208–211, 265, 272

Эгдиш 20

Эгдиш Тафгач-хан/хакан 29; (Мухаммад б. Мас'уд) 113, 139

Эл-өгä 31, 105, 245; (Ахмад б. Мухаммад б. 'Али) 134

элик — см. илиг

Эрташ 20, 127

اتم تکين, اتمتکين — см. Атим-тегин

اکدش — см. Эгдиш

الپ — см. Али

اوگا — см. Ögä

ایلیک, ایلک — см. илиг

اینال تکين — см. Инал-тегин

بادشا, بادشاه — см. падиша, падишах

بهلوان — см. пахлаван

ترخان, ترکان — см. таркан, тархан

ترک خاقان — см. Турк-хакан

تغرل تکين — см. Тогрыл-тегин

تکين — см. тегин

توزن تکين — см. Тузун-тегин

جغرى تکين, جغرتکين, جغراتکين

جغريتکين — см. Чагры-тегин

جوهر — см. Джавхар

ح س ن — см. Хасан

خمار تکين — см. Хумар-тегин

دهقان — см. дихкан

سبق تکين — см. Себук(?)-тегин

سنا الدولة, السننا الدولة — см. Сана' ад-давла

سهل, س هل — см. Сахл

شمس دولة, شمس الدولة — см. Шамс ад-давла

شمس الملك — см. Шамс ал-мулк

شاهنشاه — см. шаханшах

طغرل تکين, طغرلتکين — см. Тогрыл-тегин

طعا / طقا / طکا تکين — см. Тоган-тегин, Тонга-тегин

ظهير الدعوة — см. Захир ад-да'ва

كج تکين, كجتکين — см. Күч-тегин

كهف المسلمين — см. Кахф ал-муслимин

کورخان — см. гурхан

الموفق العدل — см. [ал-]Муваффик ал-'адл

المؤيد العدل — см. [ал-]Му'аййид ал-'адл

وگا — см. ögä

ولى الدولة — см. Вали ад-давла(?)

ينال تکين, ينالتکين — см. Йинал-тегин

سكان تکين — см. Тоган-тегин, Тонга-тегин

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абивард 156

Адахкат 44, 45

Амуль 156

Амударья 45, 149, 151, 159, 174, 175, 179, 216, 223; см. также Джайхун

Андхуд 227

Арысь 236

Атбаш 214

Афарун viii

Ахангаран 252

Ахси 43, 44

Ахсикат 7, 14, 18, 38, 43, 44, 48, 82, 83, 85, 89, 90, 100, 106, 114, 115, 120, 124, 129, 134, 155, 168, 170, 171, 173, 178, 180, 182, 185, 186, 196, 199, 208, 221, 261, 269

Багдад (на монетах *Мадинат ас-Салам*) 34, 35, 150, 268

Бадахшан 42

Баласагун 7, 43, 44, 53, 98, 149, 154, 159, 161, 163, 165, 168, 171, 177, 178, 180, 184, 192, 193, 198, 200, 203, 205, 208, 216, 217, 223, 244, 245, 248, 249, 267; см. также Куз Орду

Балх 39, 44, 49, 60, 142, 151, 159, 162, 174, 177, 179, 208, 213, 216, 219, 227, 230, 231, 271

Балхская область 227

Банакат 31, 43, 44, 112, 114, 123, 141, 206, 228, 235

Банакатское ханство 228, 229

Барсхан (ал-Барсхан) 43, 44, 49, 103, 114, 145, 146, 182, 184, 196, 198, 202, 203, 205

Баштан viii

«Белый город» — см. *Мадинат ал-Байда* (Испиджаб)

Бинкат 7, 44, 87, 112, 123, 124, 209

Бишкек viii

Боролдайтау 163

Будухкат 44, 45, 133, 261, 262

Бурана 223; см. также Баласагун

Бурное 163

Бухара 14, 15, 18, 19, 27, 31, 39, 40, 43, 44, 46–49, 51, 52, 56, 59, 60, 74, 108, 112, 125, 126, 129, 132, 135–137, 147, 149–153, 155–157, 159, 160, 166, 167, 169–172, 174–176, 178, 179, 181, 182, 187, 189, 192, 193, 209, 211, 213, 222, 226, 229, 231, 232, 237–243, 263, 264, 267, 269

Бухарская обл. viii

Бухарский оазис 175

Вабкентский минарет 241

Ванкат 44, 45, 115

Вахш 18, 44, 45, 143, 230, 231, 237

Восток 5, 22, 151; см. также Машрик

Восток, Восточный каганат — см. Караханидский каганат, Восточный Восточный Туркестан — см. Туркестан

Ганнадж 44, 45, 206, 207

Герат xi*, 44, 201

Голодная степь 227

Дабусийа (*ад-Дабусийа*) 7, 18, 43, 44, 49, 126, 187, 188, 260; см. также Кутлуг Орду

Данданакан 205, 213

Дахкат 44, 45, 81, 180

Джайхун 175; см. также Амударья

Джамбул 163

Джанд 189, 213, 272

Джибал 52

...дих 44

Замин 44, 45

Запад 212; см. Караханидский каганат

Западное Ляо — см. Ляо

- Западнокараханидский каганат, Западный каганат — см. Караханидский каганат, Западный
- Зарафшан 153, 155, 156, 181, 188, 189
- Зарафшанская долина 49
- Зеравшан — см. Зарафшан
- Израиль vii
- Илак 6, 7, 18, 31, 43–45, 48, 49, 56, 60, 69, 81, 82, 86, 87, 90, 95, 96, 99, 106, 107, 112, 113, 115, 118, 119, 122–125, 127, 128, 131, 133, 136, 149, 153, 154, 156, 158, 162–164, 169, 171, 172, 178, 190, 195, 206, 252–255, 258, 261–264, 266
- Иламиш 232
- Или 197
- Ирак 227
- Иран 56
- Иргыш 263
- Испиджаб 14, 39, 43–45, 47, 48, 53, 75, 81, 85, 87, 91, 92, 96, 98, 102, 105, 111, 112, 118, 133, 146, 149, 151, 153, 154, 158, 162–165, 170, 171, 178, 180, 190, 193, 198, 207, 236, 253, 255–259, 261–266; см. также *Мадинат ал-Байда*
- Исфара 186
- Исфахан 213
- Иштихан 31, 44, 49, 99, 113, 135, 181
- Йарканд 31, 41, 44, 98, 145, 173, 182
- Йаси (Ясы, совр. г. Туркестан) 236
- Казвин 52
- ...канд 44
- Каратау 163
- Караханидов гос-во *passim*
- Караханидский каганат *passim*
- Восточный 145, 191–193, 195–197, 200, 201, 203, 207, 208, 210, 212, 216, 222, 223, 243–246, 249–252, 264, 267, 271
- Западный 75, 113, 123, 136, 191–193, 195, 200, 207, 208, 211, 212, 214–218, 223, 227, 229, 232, 239–241, 245, 246, 250–252, 264, 265, 267, 270, 271
- Кармина xi*, 44, 49, 52, 57, 183, 184, 213, 260
- Каршинский оазис viii
- Касан (*ал-Касан*) 7, 43, 44, 113, 116, 134, 140, 141, 182, 186, 196, 216, 234, 235, 252, 271
- Касанское ханство 113, 235
- ...кат 44
- Катванская степь 154
- Кашгар 19, 33, 41, 44, 47, 56, 98, 105, 116, 135, 145, 147, 149, 159, 161–163, 165, 173, 174, 179, 182, 184, 192, 193, 197, 198, 203, 213, 217, 222, 223, 243, 245, 251, 267
- Кашкадарьинская обл. viii
- Кашкадарья 176, 179, 181
- Кермине xi*; см. также Кармина
- Кеш xi*; см. также Киш
- Киргизия, Киргизская ССР vii, viii, xix*
- Китай 5
- Северный 223
- Киш (*Курат Киш, мадинат Киш*) xi*, 42–44, 52, 53, 56, 85, 136, 166, 171, 172, 181, 192, 193, 209, 227, 259
- Коканд 45; см. также Хуканд
- Костино vii
- Красная Речка 223
- Куба 43, 44, 47, 72, 109, 110, 114, 124, 146, 182, 195, 196, 198–200, 202, 269
- Кубадийан 159, 181
- Куз Орду 15, 42–44, 48–50, 53, 54, 56, 59, 98, 99, 106, 114, 131, 132, 145, 146, 159, 163, 171, 177–179, 184, 196, 200, 202, 205, 206, 208, 223, 247, 248; см. также Баласагун
- Курат Киш — см. Киш
- Кутлуг Орду (*Кутлуг Орду ад-Дабусийа, Хутлуг Орду, Хутлух Орду*) 18, 43, 44, 46, 82, 89, 115, 126, 129, 135, 187–189; см. также Дабусийа
- Куча 243
- Кушани (*ал-Кушани, Кушания*) 16, 43, 44, 49, 56, 57, 172, 176
- Ленинград xv
- Лондон 11
- Ляо 223
- Западное 223
- Мавара'аннахр 16, 19, 35, 43, 51, 55, 57, 59, 61, 75, 94, 99, 119, 122, 126, 150–153, 156–160, 162, 165–168, 172, 175–177, 179, 180, 187–190, 192–195, 197, 198, 208–210, 213–216, 218–225, 227, 228, 230–232, 237, 239, 240, 245, 249, 251, 254, 258, 261–263, 266, 268, 270
- Магриб 37
- Мадинат ал-Байда* («Белый город») 43, 44, 92; см. также Испиджаб
- мадинат Киш* — см. Киш
- Мадинат ал-Махфуза* 43, 44; см. также Самарканд
- мадинат Саганийан* — см. Саганийан
- Мадинат ас-Салам* — см. Багдад
- мадинат аш-Шаш* — см. Шаш
- Малая Азия 213
- Марв 231
- Маргинан (*ал-Маргинан*) 38, 39, 43, 44, 47, 108, 114, 120, 141, 146, 182, 195, 196, 198–200, 202, 206, 235, 271
- Мах ал-Басра (Нихаванд) 52
- Машрик 32, 34, 37, 58
- Мирки 149
- Москва xv, 40, 107
- Московская обл. vii
- Мухаммадийа 52
- Навкат 44, 254
- Насаф 43, 260
- Насрабад 82, 124, 128, 269
- Нахшаб 227
- Нихаванд — см. Мах ал-Басра
- Нишапур 15, 39, 44, 51, 150, 155, 156, 159, 188
- Нузкат 115
- Обь — см. Ямар
- Орду 44, 112, 131, 253
- Отрар 45, 235, 236; см. также Параб
- Ош 183; см. также Уш
- Параб 43–45, 54, 113, 141, 228, 229, 235, 236, 252, 271
- Парабский удел, Парабское ханство 113, 228, 229, 235, 236
- ...парак(?) 44
- Паранкат (*Фаранкат*) 115
- Петербург xv
- Прииссыкулье 39, 202
- Притяньшанье 149
- Рабат-и Малик 226
- Рабинджан 231
- Риштан 44, 182
- Савах (Саве) 52
- Саганийан (*ас-Саганийан, мадинат Саганийан, Чаганийан*) 42–44, 87, 89, 92, 117, 143, 159, 162, 169, 171, 178, 179, 181, 191, 208, 209, 227, 230, 231, 257, 258, 264
- Саманидов (Саманидская) держава, Саманидское гос-во 61, 149, 151, 158, 244, 259, 268–270
- Самарканд xv, xvii, 17–19, 21, 29, 31, 39, 40, 42–44, 47, 49–51, 54, 55, 59, 60, 69, 76, 81, 90, 93, 100, 108–111, 113–115, 121, 123, 126, 129, 135, 136, 138, 139, 154, 155, 165, 166, 169, 171, 172, 174, 176, 178–181, 187,

- 189, 192, 193, 208, 209, 211–215, 219, 221, 223, 224, 226–229, 231–234, 236, 237, 239–243, 245, 250–252, 259, 271; см. также *Мадина́т ал-Махфуза*
- Самаркандская обл. viii
- Самаркандский Согд — см. Согд
- Семиречье 114, 149, 190, 192, 202, 251
- Син (*ас-Син*) 5, 22, 168, 217
- Сирия 3, 213
- Согд (*ас-Согд*) 7, 19, 31, 39, 41, 43, 44, 47–49, 51, 56, 57, 59, 64, 83, 85, 99, 115, 128, 135, 136, 176, 253
- Самаркандский 176, 181
- Средняя Азия vii, ix, xiv, xv, 8, 13, 42, 46, 56–58, 61, 67, 161, 171, 226, 235, 238, 260
- «Страна тюрков» 193, 196, 198
- Сузак-канди 236
- Сурушана, Сутрушана* — см. Усрушана
- Сырдарья 45, 153, 154, 165, 235
- Тараз 31, 39, 44, 45, 48, 56, 65, 73, 86, 96, 99, 104, 105, 129, 133, 134, 146, 147, 149, 163, 168, 170, 171, 178, 180, 190, 193, 197, 198, 203, 205–207, 213, 216, 236, 245, 251, 263, 266
- Тахиридов гос-во 269
- Ташкент xv
- Ташкентский оазис 115, 123, 124, 154, 158, 180, 182, 207, 209, 227, 235
- Тирмиз 44, 45, 142, 151, 159, 181, 208, 213, 216, 227, 228, 230, 236, 237, 271
- Тохаристан 45, 152, 228, 230
- Тункат 21, 44, 50, 56, 59, 86, 94, 106, 107, 115, 135, 137, 146, 147, 162, 168, 172, 178, 182, 196, 198, 206, 209, 255, 262, 264
- Туркестан 185, 201
- Восточный 5, 39, 45, 74, 75, 114, 116, 149, 159, 161, 169, 170, 173, 174, 178, 182, 190, 192, 202, 222, 223, 243, 251
- Туркестан, г. 236; см. также Йаси
- Тюбинген 11
- Тянь-Шань 149, 202
- Узбекистан viii, xiv, xix*, 9
- Узгенд ([*ал-*]Узджанд, Уздженд, Узканд) xi*, xvi, 14, 18, 19, 38, 39, 42–44, 48, 49, 51, 54, 60, 71, 81, 84, 87, 104, 106, 108, 109, 113, 114, 117, 119, 134–137, 140, 145, 149, 155, 156, 159, 160, 165, 168–171, 173, 178, 180, 182, 185, 186, 191–193, 196, 199, 202, 213, 215, 226, 229, 233–235, 245, 246, 250, 252, 261, 269, 271
- Узджандское ханство 235
- Усрушана (*Сурушана, Сутрушана, Уструшана*) 7, 31, 43–45, 48, 53, 70, 75, 81, 112, 113, 133, 155, 156, 159, 162, 168, 171, 172, 181, 183, 186, 187, 194, 195
- Уч (совр. Уч-Турфан) 39, 44, 45, 103, 114, 146, 171–174, 183, 197, 202, 263
- Уч-Турфан 45; см. также Уч
- Уш (совр. Ош) 43–45, 81, 183
- Фаранкат — см. Паранкат
- Фергана (*Фаргана*) xi*, 18, 19, 29, 39, 43–45, 47–49, 54–56, 60, 65, 74, 77, 79, 81–83, 87, 88, 93, 104, 109, 110, 112, 114–116, 118, 120, 122, 124, 128, 131, 132, 134, 149, 151, 153, 155, 156, 159, 160, 162, 165, 166, 169, 171, 173, 180, 182, 183, 185–187, 190, 191, 193–197, 199, 200, 202, 203, 205–207, 209, 211, 216–218, 220–222, 226, 227, 229, 232, 234, 261–263, 266, 269
- Ферганская долина 43, 115, 149, 196, 200, 218
- Ферганский удел 226
- Фрунзе vii, viii, 8
- Хазарасп 231
- Хайфа vii
- Халифат 97, 268, 269
- Хамадан 52
- Хан-Уй 116
- Харат* — см. Герат
- Харачкат, Харашкат 17, 44, 45
- Хафтдих 44, 74, 77, 132, 165
- Хорасан 97, 151, 155–157, 159, 162, 174, 213, 216, 269
- Хорезм 157, 188, 189, 213, 231
- Хоган 174, 184, 217, 243
- Худжанд (на монетах обычно *Худжанда*) 39, 41, 44, 47, 70, 81, 119, 120, 131–133, 136, 145, 153, 156, 160, 162, 166, 168, 171, 172, 178, 182, 183, 186, 187, 191, 194–196, 206, 209, 223, 259
- Хуканд (совр. Коканд) 44, 45, 77, 136
- Хумрак 44, 45, 262
- Хутлуг Орду, Хутлух Орду* — см. Кутлуг Орду
- Хуттал 159, 181
- Хутгалан 44, 143, 191
- Х[у]шикат* — см. Ахсикат
- Центральная Азия 33
- Чаганийан* — см. Саганийан
- Чимкент 163
- Чинанчикат 44, 206, 207
- Чуйская долина 9, 39, 115, 205, 206, 247
- Чункат 44, 45
- Шайарканд(?) 44
- Шалджи 27, 43, 44, 72, 73, 171, 173
- Шах-Фазил 55, 200, 205
- Шаш (*аш-Шаш, мадинат аш-Шаши*) 21, 31, 38, 39, 41–45, 48, 50, 51, 58, 59, 76, 81, 88, 92, 94, 96, 98, 99, 106, 107, 111, 112, 115, 118, 124, 126–128, 132, 135, 145, 147, 153, 154, 156, 158, 162–164, 169, 171, 172, 175, 178, 182, 190, 195, 206, 207, 209, 235, 259, 266
- Эл Орду 44, 48
- Эмиль — см. Ямар
- Ямар (Эмиль? Обь?) 197
- Янги-Хисар 174
- اج — см. Уч
- اخصى — см. Ахси
- اخصيكت — см. Ахсикат
- ادخكت — см. Адахкат
- اردو — см. Орду
- اسبيجاب — см. Испиджаб
- استروشنه, استروشنه — см. Усрушана
- اشتخن — см. Иштихан
- اوج — см. Уч
- اوزكند, الاوزجند — см. Узджанд
- اوش — см. Уш
- ايل اردو — см. Эл Орду
- ايلاق — см. Илак
- باراب — см. Параб
- بخارا — см. Бухара
- بدخكت — см. Будухкат
- البرسخان — см. Барсхан
- بلاساغون — см. Баласагун
- بلخ — см. Балх
- بناكت — см. Банакат
- بنكت — см. Бинкат
- ترمذ — см. Тирмиз
- تونكت — см. Тункат
- جفانيان — см. Саганийан
- چنانچكت — см. Чинанчикат
- چنكت — см. Чункат
- ختلغ اردو, ختلغ اردو — см. Кутлуг Орду
- خجند[ة] — см. Худжанд[а]
- خرشكت, خرجكت — см. Харачкат

خشبكت — см. Ахсикат
 خطلان — см. Хутталан
 خقند — см. Хуканд
 خمرك — см. Хумрак
 دبوسية — см. Дабусийа
 دخكت — см. Дахкат
 رشتان — см. Риштан
 زامين — см. Замин
 سروشنة, ستروشنة — см. Усрушана
 [الاسغد] — см. Согд
 سمرقند — см. Самарканд
 الشاش — см. Шаш
 شلجي — см. Шалджи
 شياركند — см. Шайарканд(?)
 [الصغانيان] — см. Саганийан
 طراز — см. Тараз
 غناج — см. Ганнадж
 فرغانة — см. Фаргана
 قبا — см. Куба
 قتلغ اردو — см. Кутлуг Орду
 قز اردو — см. Куз Орду

[ال]كاسان — см. Касан
 كاشغر — см. Кашгар
 كرمينة — см. Кармина
 كش — см. Киш
 [ال]كشاني — см. Кушани
 مدينة البيضاء — см. Мадинат ал-Байда
 مدينة المحفوظة — см. Мадинат ал-
 Махфуза
 [ال]مرغينان — см. Маргинан
 نوكت — см. Навкат
 نيشابور — см. Нишапур
 هراة — см. Харат (Герат)
 هفتده — см. Хафтдих
 وخش — см. Вахш
 ونكت — см. Ванкат
 ياركند — см. Йарканд
 ...برك — см. ...парак(?)
 برىكت؟ 44, 115; см. также ...кат
 بكد — см. ...канд
 رىكت؟ 44, 115; см. также ...кат
 فاردہ — см. ...дих

МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В РАБОТЕ

Беловодские 130	Нарынский 103, 104
Гурмиронский 216, 217	Нижнечирчикский 7, 118, 121, 123, 209
Канибадамский 63	Ошский 217–221
Кермининский 235	Тахтабазарский 121, 224
Койчилитепинский 155	– Ферганского музея 104
– из района городищ Красная Речка и Бурана 223	– из Хан-Уя 116
Кувинский 226	Шахристанский 62
Мунчактепинский 179	Шахрухийский 124
	Ширабадский 6, 208